USSN 0135—1675

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 19

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
Институт археологии

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 19

Ташкент
Издательство „Фан" Узбекской ССР
1984

В выпуске содержатся данные археологических исследований на территории Узбекистана. В научный оборот вводятся новейшие материалы, результаты многолетних работ с теоретическими обобщениями. Рассматриваются вопросы первобытной, античной и средневековой археологии республики, а также смежных с ней наук.

Для археологов, историков, преподавателей, студентов гуманитарных вузов и читатетелей, интересующихся древним прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А.Р.Мухамеджанов

Рецензенты: доктор ист.наук А.А.Аскаров
кандидат ист.наук Л.И.Альбаум

И 0507000000-299I 21-84
М 355(04)-84

© Издательство "Фан"
Узбекской ССР, 1984 г.

М.Р.Касымов, М.Х.Годин

ВАЖНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК (по данным раскопок 1980–1982 гг.)[1]

Ахангаранский палеолитический отряд Института археологии АН УзССР в течение трех полевых сезонов 1980–1982 гг. продолжал комплексные стационарные полевые работы на многослойной палеолитической стоянке Кульбулак при участии, кроме археологов, специалистов четвертичной геологии, палеогеографии, литологии, палинологии, почвоведения. В 1981 г. при изучении плейстоценовых отложений Кульбулака был применен палеомагнитный метод.[2]

Работы велись с целью уточнения стратиграфии, характера залегания и выявления новых культурных слоев, выяснения западных и южных границ вышележащих мустьерских и позднепалеолитических культурных слоев, и, наконец, ритмостратиграфических, динамофациальных, фациально-петрографических, палеомагнитных исследований плейстоценовых отложений разрезов глубокого шурфа 3 и раскопов стоянки.

Прежде чем углубить шурф 3, необходимо было расширить и вскрыть вышележащие культурные слои на северной, восточной и южной его частях. В 1980 г. углубления в северной и восточной

---

[1] Археологическая часть написана М.Р.Касымовым, литологическая М.Х.Годиным.

[2] В полевых работах приняли участие: М.Р.Касымов (нач.отряда), докт.ист.н. П.И.Борисковский и докт.ист.н. З.А.Абрамова (ЛОИА АН СССР), канд.г.-м.н. Ин-та сейсмологии АН УзССР Х. Туйчиев, канд.ист.н. Н.Х.Ташкенбаев, мл.н.с. К.Алимов, стажеры-исследователи Б.Матбабаев, М.Ходжаназаров (Ин-т археологии АН УзССР), канд.г.-м.н. Д.И.Хусанбаев, ст.н.с. М.Х. Годин и канд.биол.н. У.Абдуназаров (ТашГУ им.В.И.Ленина), ст.н.с. Ангренского краеведческого музея Т.И.Гувели, К.А. Крахмаль и др.

частях шурфа были произведены на квадратах: $Ы_I$–45–48; $Э_I$–45–48; $Ю_I$–45–48; $Я_I$–45–48; $А_2$–45–48; $Б_2$–45–48; $В_2$–45–48; $Г_2$–45–48; $Д_2$–45–48 (общая площадь 30 м^2) до 4,30 м от дневной поверхности; в западной части это было сделано еще в I976 г. Вскрытые IX–XI ($УШ^а$–$УШ^в$) мустьерские культурные слои дали большое количество археологического материала.

В I98I г. северный и восточный края шурфа 3 были еще расширены и вскрыты кв. $Ш_I$–42–50 площадью 9 м^2, который углубили до 2 м; затем вскрыты квадраты $Щ_I$–42–50; $Ы_I$–42–50, северная половина кв. $Э_I$–42–50 на севере шурфа, западная половина кв. $Э_I$–49 и полностью кв. $Э_I$–50; $Ю_I$–49–50; $Я_I$–49–50; $А_2$–49–50; $Б_2$–49–50; $В_2$–49–50; $Г_2$–49–50 и $Д_2$–49–50 вскрыты на востоке шурфа общей площадью 33 м^2. Все эти квадраты углублены до 2,5 м. Затем раскоп был сужен и вскрыты южная половина кв. $Э_I$–42–49, полностью кв. $Ю_I$–42–49 и северная половина кв. $Я_I$–42–49 на севере площадью I7,5 м^2 и доведены до уровня раскопа 3 I976 г. На востоке шурфа вскрыты и углублены до 5,I0 м южная половина кв. $Я_I$–48–49; кв. $А_2$–48 и западная половина кв. $А_2$–49; $Б_2$–48–49; $В_2$–48–49; $Г_2$–48–49; $Д_2$–48–49 общей площадью 9 м^2; углублены до 6,40 м южная половина кв. $Я_I$–44–47 и полностью кв. $Я_I$–44–47; $А_2$–44–47 общей площадью I6 м^2. Все эти квадраты непосредственно примыкают к северной части шурфа 3. Таким образом, на различных уровнях, как уже отмечено, были вскрыты продолжения XII, $XII^а$, $XII^б$, $XII^в$ мустьерских слоев (рис.I).

В I980 г. шурф 3 был расширен на 9 м^2 и углублен до II,75 м. Если в I979 г. на разных уровнях были выявлены единичные находки каменных орудий, то при расширении и углублении шурфа в I980–I982 гг. выяснилось, что они представляют культурные слои, о чем свидетельствуют массовые находки каменных изделий в различных древнемустьерских слоях (XXIII–XII, $XII^в$–$XII^а$).

В I980–I98I гг. шурф углублен до I7,2 м, вскрыты кв. $В_2$–44–46; $Г_2$–44–46; $Д_2$–44–46 общей площадью 9 м^2; здесь впервые в Средней Азии выявлены хорошо стратифицированные восемь (XXXI–XXIУ) ашельских культурных слоев, которые находятся ниже XXIII мустьерского слоя на глубине I7,2–I2,9 м от дневной поверхности поселения (рис.I). Несмотря на незначительную часть площади вскрытия в раскопе из всех непотревоженных ашельских слоев получено огромное количество каменной индустрии, остатки костей ископаемых животных и мелких обломков древесного угля.

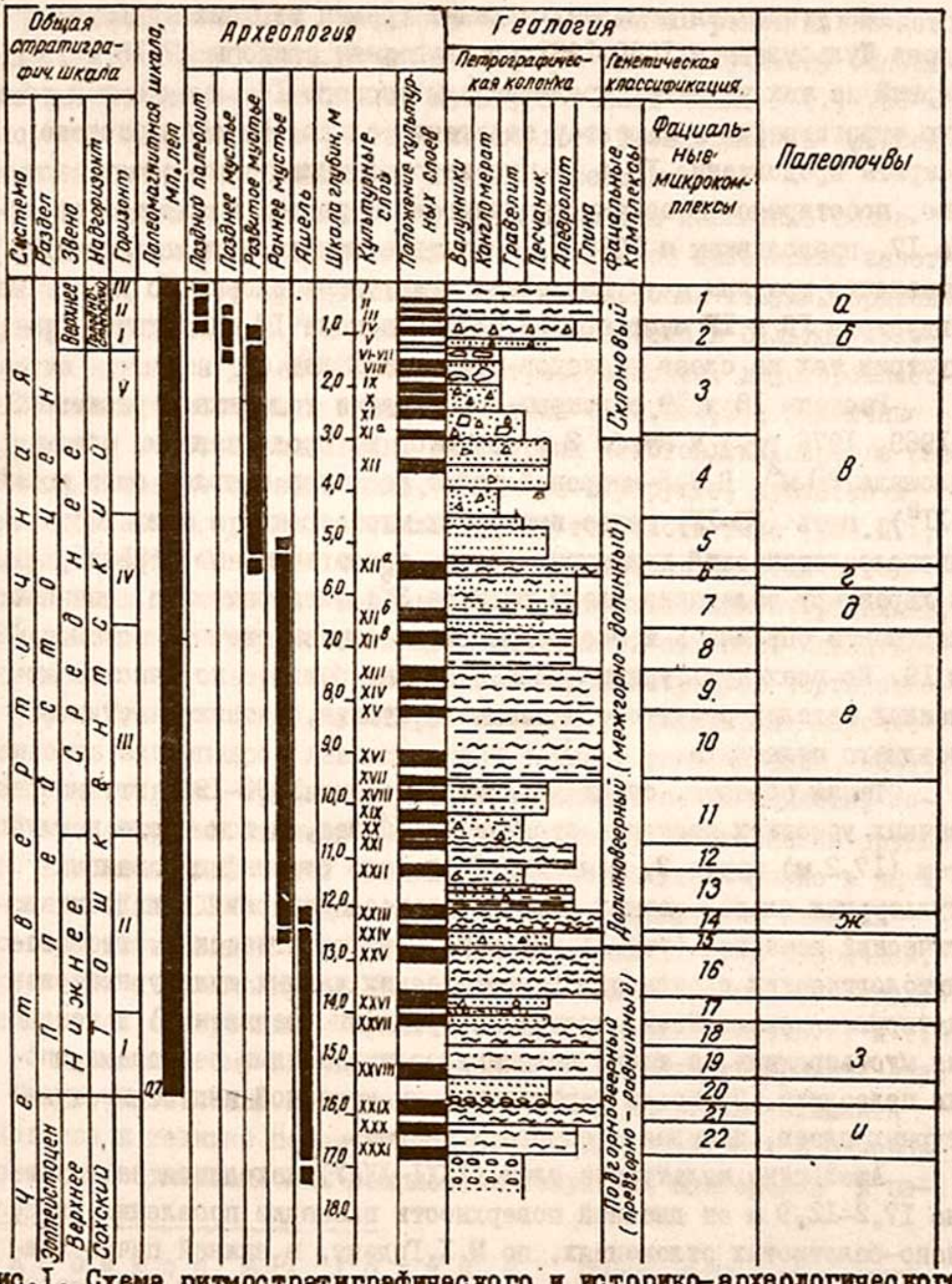


Рис.I. Схема ритмостратиграфического и историко-археологического расчленения плейстоценовых отложений Кульбулак. Фациальные микрокомплексы: I - делювий склонов, 2 - паводковые, 3,4 - крупно- и мелкообломочные временных потоков, 5,7,II,I5,I7,20 - аллювиальные, 6 - луговая, 8,I2,I4,I9 - пойменные, 9 - суходольно-пойменные, I0-озерно-проточные, I3 - аллювиально-пойменные, I6 - проточно-луговые, I8,2I - заболоченная пойма, 22 - озерно-болотные. Палеопочвы: а - светлобурые, б - сероземные, в, д, и - буроцветные, г, ж - сероцветные, е - каштановые, з - сероцветные до белесых.

Для уточнения западных и южных границ верхних культурных слоев Кульбулака в 1980–1982 гг. заложены раскопы I7,I8 и I9; первый из них является продолжением раскопа I6, имея с ним общую стратиграфию и характер залегания слоев. На этом раскопе вскрыты продолжение УП и IУ мустьерских культурных слоев, которые, простираясь к западу, кончаются на разных квадратах раскопа I7, позволившем в 1980 г. выявить в западной части площадки поселения границы двух последних культурных слоев. По типологии индустрия УП и IУ мустьерских слоев раскопа I7 аналогична индустрии тех же слоев раскопов предыдущих лет.

Раскопы I8 и I9 заложены в последние годы южнее раскопа 3 (1969, 1976 гг.) и шурфа 3 и являются их продолжением; общая площадь 80 $м^2$. В 2,5-метровой толще раскопов выявлен один новый (XI^a), пять (УШ–IУ) ранее известных мустьерских и один (Ш) позднепалеолитический культурные слои, аналогичные по стратиграфии и характеру залегания слоям раскопа 3[3]; следовательно, нет необходимости описывать и воспроизводить разрезы стенок раскопов I8 и I9. Из всех культурных слоев получено большое количество каменных изделий развитого и позднего мустье, а также частично позднего палеолита.

Таким образом, стационарными работами 1980–1982 гг. на различных участках раскопок стоянки Кульбулак, в том числе в глубоком (I7,2 м) шурфе 3, выявлены 35 хорошо стратифицированных культурных слоев, давших обильный археологический и палеонтологический материал (рис.I). На основе археологических, геолого-литологических и ритмостратиграфических данных культурные слои датируются ашельскими, древними, средними (развитыми) и поздними мустьерскими, а также позднепалеолитическими периодами эпохи палеолита. Приведем характеристику каменной индустрии культурных слоев, начиная с самого нижнего.

Ашельские культурные слои (XXXI–XXIУ) находятся на глубине I7,2–I2,9 м от дневной поверхности площадки поселения, в песчано-болотистых отложениях, по М.Х.Годину, в нижней пачке нижнего плейстоцена. Характерно, что в нижних разрезах, где распо-

---

[3] К а с ы м о в М.Р., Т е т ю х и н Г.Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак.–ИМКУ, вып.I6. Ташкент: Фан , рис.I.

ложены ашельские слои, зафиксирован переходный режим магнитного поля между эпохой Матуяма и Брунес, что дало Х.Туйчиеву основание датировать эти ашельские культурные слои (XXXI к.с.) 700 тыс.лет. Следовательно, открытие первого древнейшего в Средней Азии многослойного памятника трудно переоценить.

Из указанных ашельских культурных слоев извлечено более 2000 каменных изделий, а также остатки костей ископаемых животных (ХХУШ, ХХУI), принадлежащие, по определению Т.Худайбердиева, архару, лошади и др.[4] В комплексе представлены в большом количестве нуклеусы различной стадии отработанности, двустороннеобработанные наконечники копий и дротика (рис.П.4,9), единичные крупные и короткие пластины, из которых изготовлены скребла различных типов, остроконечники, выемчато-скребущие, зубчатые и многосоставные орудия, а также орудия теякского типа (рис.П.1, 2,5-8,I0-I2). Основная часть орудий из этих слоев отличается архаичными признаками: массивностью, неправильными очертаниями, примитивностью ударных площадок клектонских отщепов. Инвентарь ашельских и мустьерских слоев стоянки демонстрирует черты своеобразия Кульбулакской культуры бассейна р. Ахангаран: малочисленность экземпляров левалluазской техники раскалывания, сочетание массивных, грубых орудий из отщепов с очень мелкими, порой миниатюрными аналогичными в типологическом отношении орудиями, напоминающими более поздние эпохи палеолита. Однако в двух верхних (ХХУ-ХХIУ) позднеашельских слоях обнаружены изделия усовершенствованной обработки, как первичной, так и вторичной. Среди них и экземпляры с древнемустьерскими чертами, что свидетельствует о переходном этапе от ашеля к мустье (рис.П.3) и т.д.

Аналоги этому комплексу изделий на территории Средней Азии и Южного Казахстана не установлены, но на некоторые элементы сходства в технике первичной обработки можно указать в одновозрастных позднеашельских комплексах Учтутской мастерской[5] и па-

---

[4] К а с ы м о в М.Р., Г о д и н М.Х. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак к востоку от Ташкента. Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА, т.Ш. - М., I982, с.I60-I6I.

[5] К а с ы м о в М.Р. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области. В сб.: Научные работы и сообщения АН УзССР, отд.общ.наук, кн.УI. - Ташкент, I962; Он же. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. - Ташкент: Фан, I972.

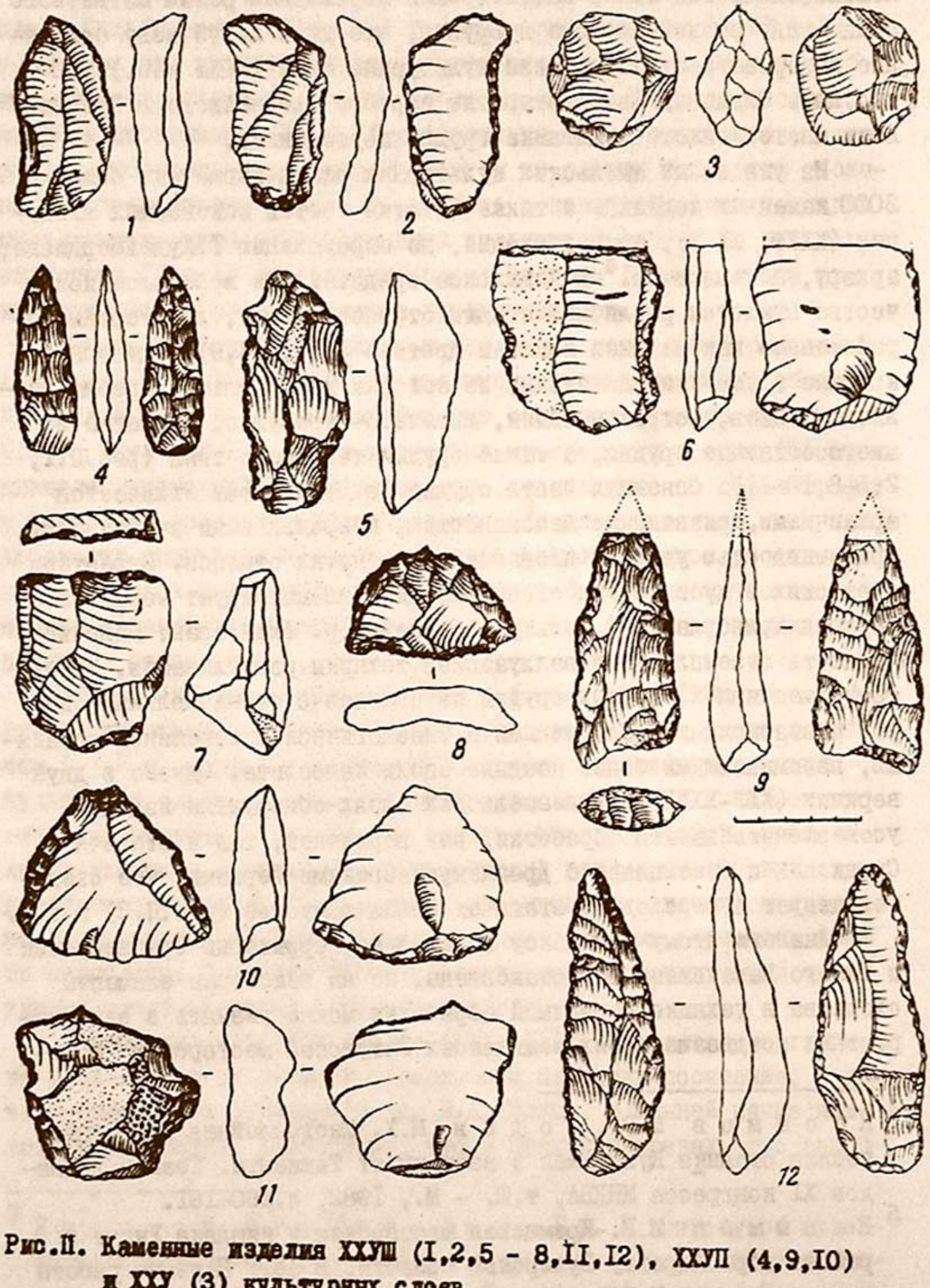


Рис.II. Каменные изделия XXУШ (I,2,5 - 8,II,I2), XXУП (4,9,IO) и XXУ (3) культурних слоев.

мятников этого времени Южного Казахстана, где встречаются массивные нуклеусы и отщепы с широкой и гладкой ударной площадкой, напоминающие кульбулакские[6]. В типологическом отношении индустрия ашельских слоев Кульбулака аналогична орудиям нижнепалеолитических комплексов Чакмаклы в Азербайджане[7], Латамна на Ближнем Востоке[8] и т.д.

Древнемустьерские культурные слои шурфа 3 расположены выше позднеашельских слоев в интервале от I2,2 до 5,5 м от дневной поверхности. Это культурные слои (ХХШ–ХШ и ХП$^{а-в}$), включая ранее известные ХIУ и ХШ, всего I4 древнемустьерских культурных слоев. Несмотря на то, что они вскрыты на площадке размером 9 м^2, а ХП$^{а-в}$ культурные слои I6 м^2, во всех обнаружены многочисленные каменные изделия, а в некоторых (ХХШ) остатки костей ископаемых животных.

Основным сырьем для изготовления каменных изделий служили кремень, кремнистый сланец различных оттенков, реже песчаник, кварц, кварцит, халцедон и другие породы. В комплексе каменных изделий древнемустьерских слоев 2000 экз., в их числе дисковидные нуклеусы, пластины и отщепы. Техника первичной обработки по сравнению с нижележащими ашельскими изделиями более совершенна, но характерна некоторая небрежность: несколько массивные сколы и укороченные отщепы, из которых изготовляли скребла, вымчатые и зубчатые орудия и орудия тейякского типа. Все это говорит о том, что индустрия всех древнемустьерских слоев Кульбулака входит в круг тейякско–вымчато–скребковых памятников эпохи палеолита (рис.Ш).

Культурные слои развитого мустье (УШ–УI) вскрыты в раскопах I8,I9, там же и нововыявленный XI^{а} культурный слой, а IX–XI и XII культурные слои – на севере шурфа 3. Культурные слои IX–XI, не доходя до раскопа I8, кончаются на разных квадратах раскопа 3[9]. Каменные изделия развитого мустье составляют самую боль-

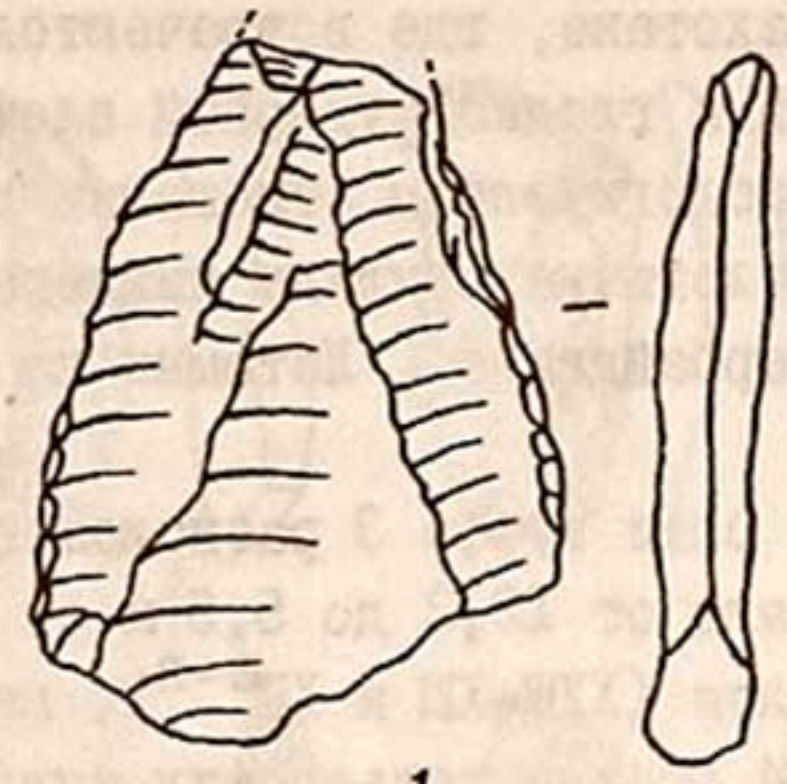
---

6 А л п ы с б а е в Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука, I979.

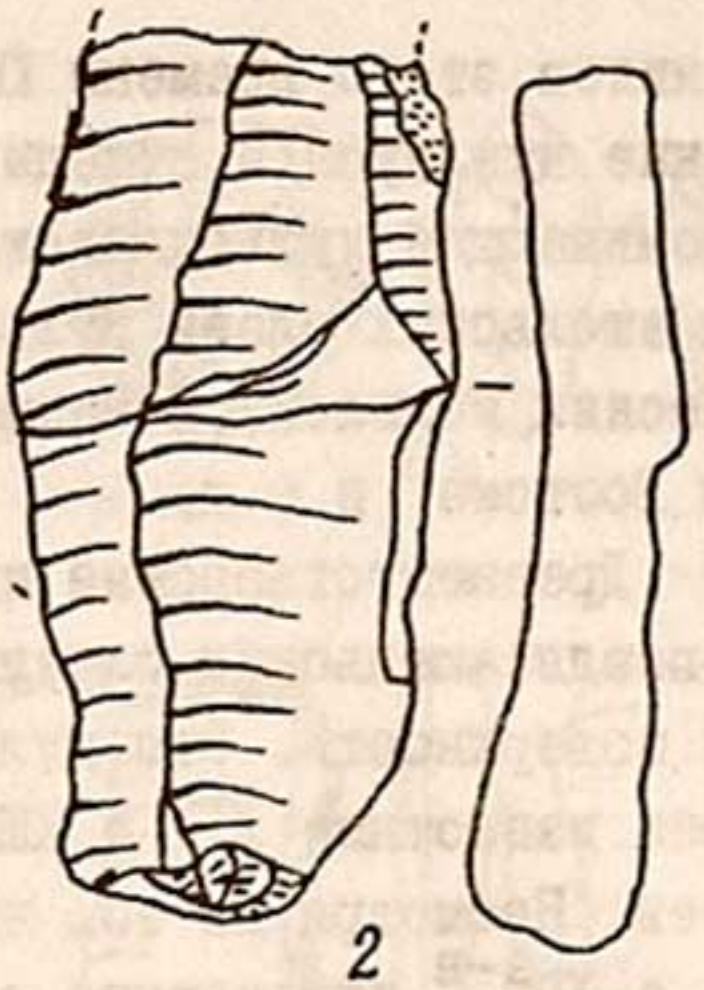
7 К о р о б к о в И.И., М а н с у р о в М.М. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий.–МИА, № I85: Наука, I972.

8 C l a r k J. The Middle Acheulen Occupation Situ at Latamne, Northern Syria.– Quaternaria, N 9, 1967; N 10, 1969.

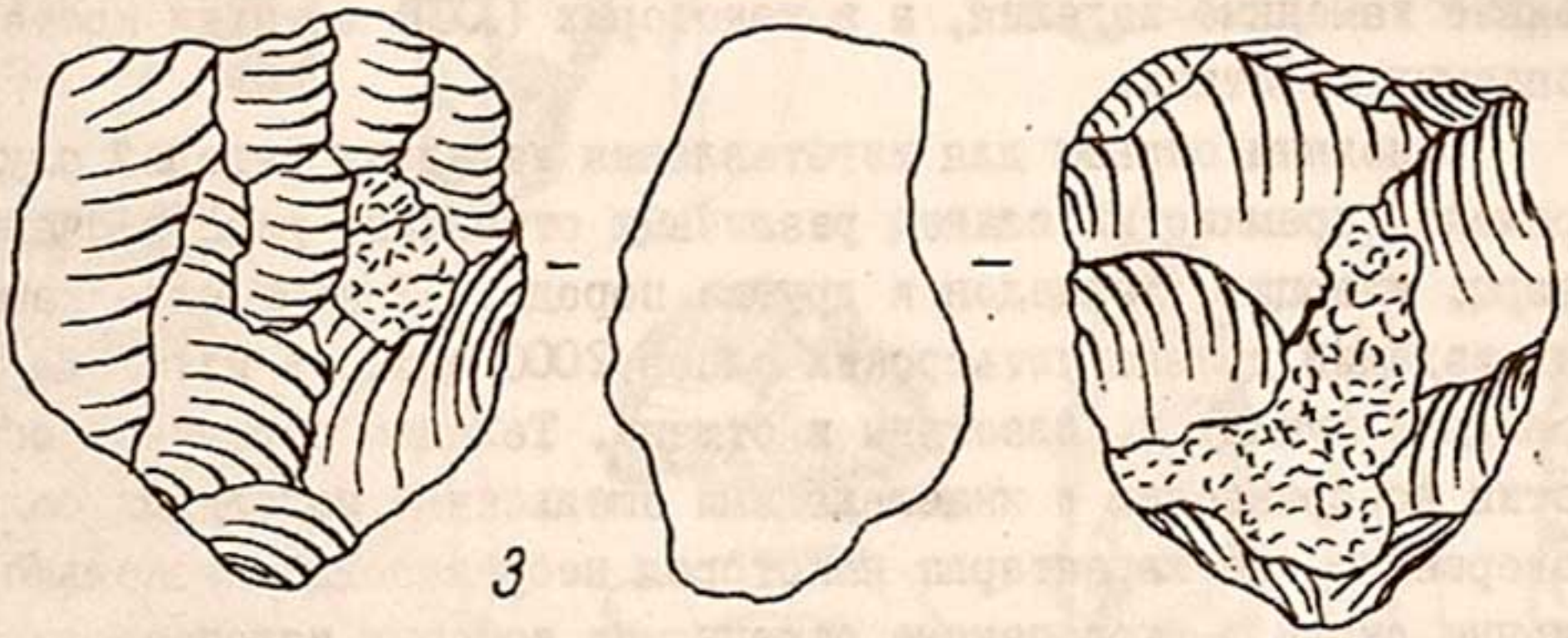
9 К а с ы м о в М.Р., Т е т ю х и н Г.Ф. Указ.статья, рис.I.



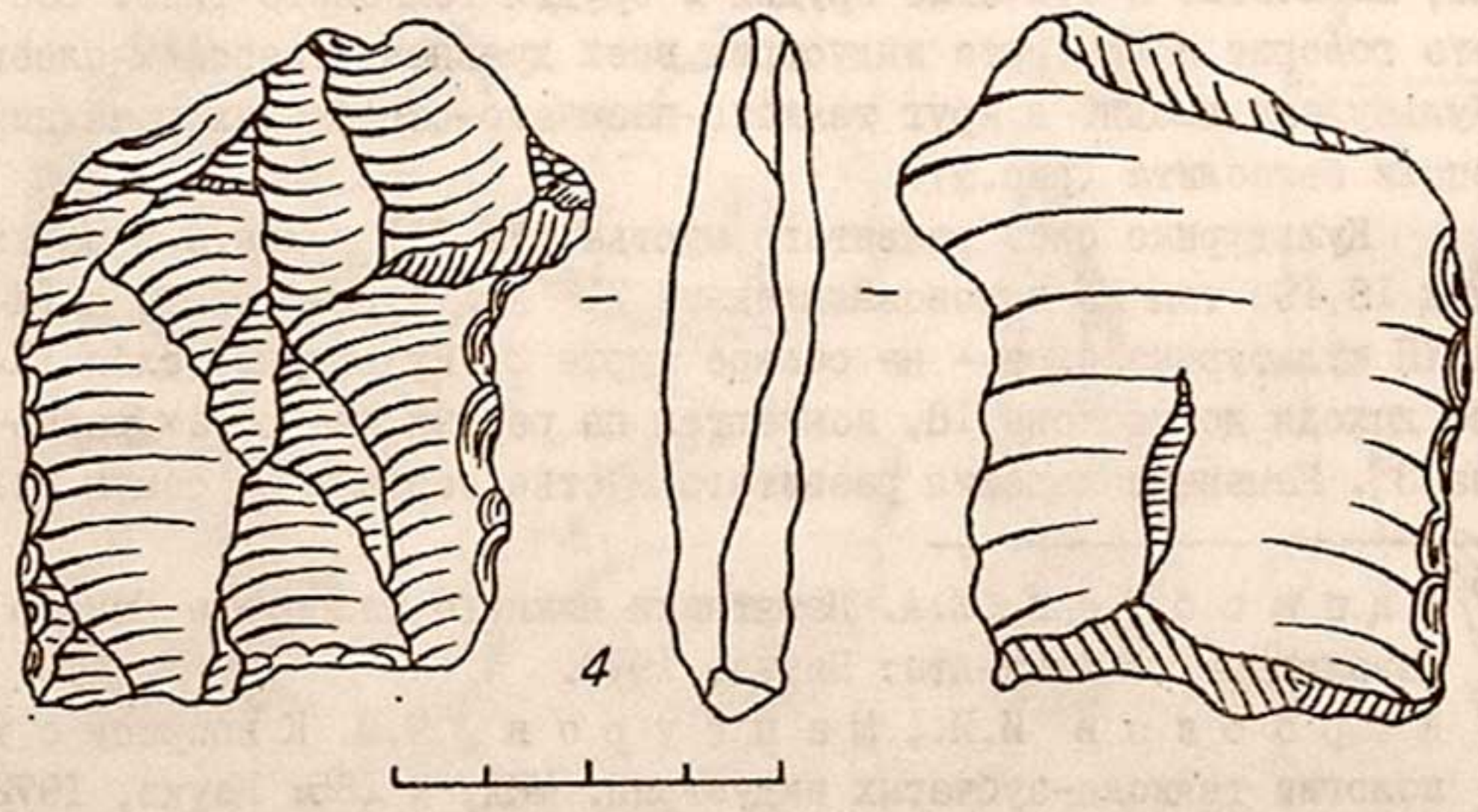
1



2



3



4

Рис.Ш. Каменные изделия XШ (I), XУI (2,3) и XX (4) культурных слоев.

щую группу в числе изделий других культурных слоев. Данный период, оссбенно во время проживания кульбулакцев на площадках УШ–УI культурнх слоев – самый развитый в истории существования этого памятника. Техника первичной и вторичной обработок орудий намного развита и усовершенствована. Серийность сколов отсутствует. Преобладает система радиального и конвергентного скалывания, леваллуазские сколы незначительны. Особое место занимают фасетированные ударные площадки. Среди изделий этих культурных слоев представлены около 30 типов орудий: остроконечники, скребла, боковые скребла, орудия режущие, вынемчато-скребковые, зубчатые, с черешком, а также орудия, оформленные края которых на площадке и, таких большинство, со вторичной обработкой в виде противолежащей или чередующейся ретуши. Подобные орудия свойственны всем теякско-зубчатым комплексам памятников эпохи палеолита (рис.IУ).

Позднемустьерские культурные слои (У–IУ) расположены выше описанных и вскрыты в I98I и I982 гг. только на раскопах I8 и I9. Ими завершается мустьерское время стоянки. Из всех культурных слоев каменные изделия сравнительно немногочисленны, в их числе дисковидные, одно- и двухплощадочные подпризматические нуклеусы, пластины, скребла, вынемчато-скребущие и режущие орудия, подпризматические пластины, концевые скребки, характерные для раннего этапа позднего палеолита.

И, наконец, в раскопах I8 и I9 вскрыт один позднепалеолитический культурный (Ш) слой, точнее его окраина, поэтому и археологических находок здесь сравнительно мало: призматические нуклеусы, скребки разных типов, отщепы вторичной обработки и др.

Таким образом, возвращаясь к общей характеристике инвентаря вскрытых в I980–I982 гг. на поселении Кульбулак культурных слоев, отметим своеобразие индустрии всех слоев начиная с самых нижних – ашельских, проявляющееся в единстве техники исполнения на протяжении длительного отрезка времени существования кульбулакцев. В позднем палеолите частично сохраняется специфика типологического облика, свойственная этому памятнику. Аналогичные памятники расположены недалеко от стоянки Кульбулак. Это кремнеобрабатывающие мастерские на юго-восточных склонах

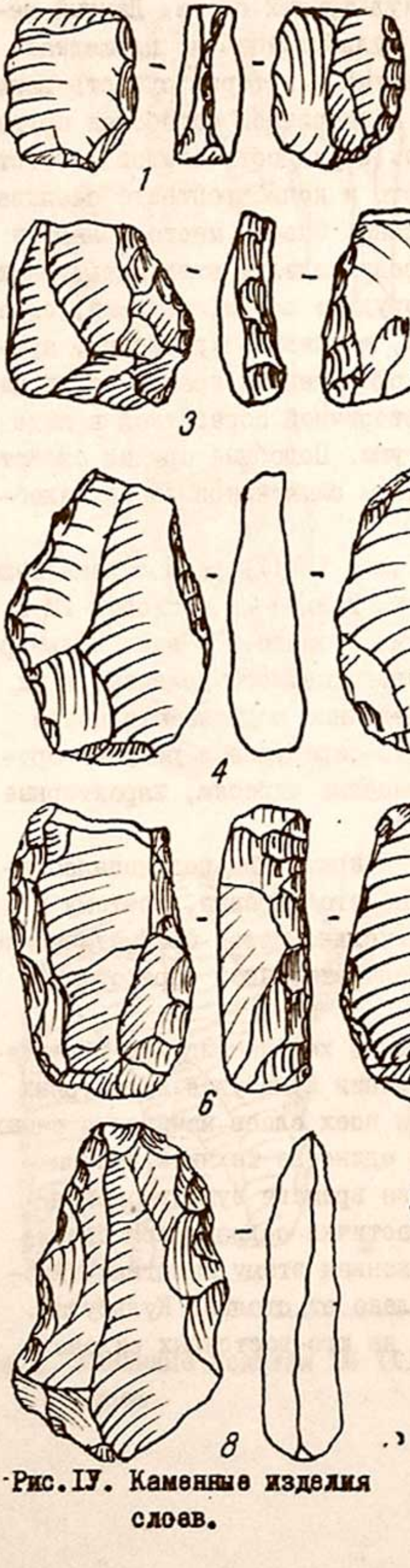


Рис. IУ. Каменные изделия УI (I-8) и УП (9) культурных слоев.

Чаткальского хребта[I0], местонахождения на берегу Ташкентского водохранилища, ниже по течению р.Ахангаран [II], а также группа бозсуйских палеолитических памятников в низовьях р.Чирчика[I2]. Последние памятники датируются более поздним периодом, чем нижние слои Кульбулака. Некоторые аналогии изделиям Кульбулака находим среди палеолитических памятников Кавказа[I3] и Крыма[I4]. Однако описанная индустрия во многих случаях имеет специфические, свойственные только для Кульбулака особенности, отличающие этот памятник от вышеупомянутых.

Для выяснения условий обитания древнейших людей в бассейне р.Ахангаран в I980–I982 гг. были продолжены исследования разрезов шурфа 3 и раскопов поселения Кульбулак[I5]. Цель их – изучение литологических особенностей разреза, петрографического состава пород, ритмостратиграфического расчленения континентальных формаций, тектонических особенностей данной площадки стоянки, а также геохимических, гидрохимических и климатических условий. Проводились палеографические реконструкции и палеомагнитный анализ изучаемых отложений.

I0 К а с ы м о в М.Р., Р о с т о в ц е в О.М. Мастерские каменного века в долине р.Ангрен.– ИМКУ, вып.8, Ташкент, I969.

II К а с ы м о в М.Р. Местонахождения каменного века. В кн.: Древности Туябугаза. – Ташкент: Фан, I978.

I2 К а с ы м о в М.Р. Памятники первобытной культуры Ташкента и его окрестностей. В кн.: У истоков древней культуры Ташкента. – Ташкент: Фан, I98I.

I3 З а м я т и н С.Н. Палеолит Абхазии. Труды Института Абхазской культуры, вып.I0.–Сухуми, I937; К о р о б к о в И.И. К вопросу и методике исследования нижнепалеолитических поселений открытого типа с нарушенным культурным слоем. – МИА, № I73, I97I; В е к и л о в а Е.А., Г р и ш е н к о М.Н. Результаты исследований Ахштырской пещеры в I96I–I965 гг. – – МИА, № I85, I972; К о р о б к о в И.И., М а н с у р о в М.М. К вопросу о типологии теякско-зубчатых индустрий. – МИА, № I85, I972.

I4 Б о н ч – О с м о л о в с к и й Г.А. Грот Кийк-кооба. – – М–Л., I940 /Палеолит Крыма, вып.I/.

I5 К а с ы м о в М.Р., Г о д и н М.Х. О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кульбулак.–ИМКУ, вып.I7. Ташкент, I982.

Ритмостратиграфическое расчленение производилось на основании комплексных устойчивых геологических и геофизических признаков с использованием споро-пыльцевых, палеонтологических и палеомагнитных данных. Полевые визуальные наблюдения дополнялись и подкреплялись лабораторными анализами.

К настоящему времени I7,2-метровым шурфом 3, раскопами I7, I8 и I9 вскрыты континентальные четвертичные формации, в которых выделена верхняя часть эоплейстоценовых отложений (сохский надгоризонт) и полностью плейстоценовые ташкентский и голодностепский надгоризонты. Раздел плейстоцена расчленен на нижнее, среднее и верхнее звенья, нижнее и среднее отнесены к ташкентскому надгоризонту, а верхнее к голодностепскому. Для более детального изучения взаимосвязи разрезов данной площадки стоянки надгоризонты расчленены на горизонты. Границы между разделами проводились по наличию угловых и литологических несогласий и смене физико-географических условий осадкообразований, между горизонтами, как наиболее мелкими стратиграфическими единицами, имеющими местное значение, - по наличию перерывов, размывов литологических и петрографических несогласий. Палеомагнитное исследование дало возможность провести границу между эоплейстоценовыми и плейстоценовыми отложениями разрезов шурфа 3. В комплексе полученные данные позволили построить схему ритмостратиграфического расчленения четвертичных отложений и историко-археологического датирования культурных слоев стоянки (рис.I).

В составе изучаемых осадков относительно небольшой набор типов пород, которые находятся в различных сочетаниях друг с другом: мелкоземистые осадки глины, алевролит и песчаник - около 64 % общего объема, из них глинистые породы 27, алевролит 23 и песчаники I4 %; средне-крупнообломочных пород 36 %, из них гравийной размерности - I6, конгломератовой - I3 и валунники - 7 %. Заполняющий, или промежуточный материал в крупнообломочных породах - алевролит, глина и песок. Цементация пород в нижней части разреза слабая, состав глинистый и глинисто-карбонатный; в средней и верхней частях разреза цементация очень высокая, состав карбонатный (кальцитовый) и карбонатно-железистый. Мощность слоев от I5-20 см до I-3 м (рис.I).

Осадконакопление в ашельскую и раннемустьерскую эпохи происходило в условиях подгорноравнинного фациального пояса - предгорной равнины с уклоном к западу - юго-западу. Здесь широкое развитие получили аллювиальные, пойменные и застойные отложе-

ния - более 60 % общего объема пород, вскрытых раскопом.

На рубеже раннего и развитого мустье в результате усиливающейся тектонической активности всего Тянь- Шаньского региона происходит интенсивная перестройка рельефа и всей гидросети. Предгорная равнина вовлекается в поднятия, сокращаются ее размеры, растут уклоны, образуются крутые склоны. Рельеф приобретает холмисто-увалистый облик. Меняется направление течения палеорек, многие прекращают существование. Тектоническая активность, перестройка гидросети, наличие восходящих подземных вод, периодически менявших солевой состав, определенным образом повлияли и на внешний облик пород, и на образование некоторых минералов. Так, благодаря термальным слабоминерализованным восходящим водам сформировался такой материал, как гематит оолитовой текстуры; этот процесс происходил в несколько стадий. Интенсивно шло образование окисного, закисного и сернокислого железа, марганца, натечных форм кальцита, а также глинистых минералов: каолина, монтмориллонита и палыгорскита.

О термальности восходящих минерализованных вод[I6] свидетельствует и химическое выветривание обломков пород, состоящих из туфопесчаников, туфобрекчий и основных пород андезитового состава, последние полностью или частично разрушены, образовав псевдоморфозы замещения глинистым материалом.

Плоскости каменных орудий из обломков пород (опал, халцедон, кварц, роговики) носят следы химического выветривания, они имеют блестящую глянцевую поверхность. Под микроскопом обнаружены пустотки и ячейки разъедания под воздействием, очевидно, сильных растворов. Наиболее хорошо отполированные каменные орудия приурочены к аллювиальным, пойменным и озерным отложениям.

Для установления палеоклимата Кульбулака использованы обычные литологические признаки, результаты споро-пыльцевых анализов[I7]. Однако споро-пыльцевые комплексы в пробах, взятых через каждые I0-20 см по всей мощности разреза (I7,2 м), не дали желаемых результатов. Большинство их (около 80 %) оказались пустыми

I6 К а о н м о в М.Р., Г о д и н М.Х. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак.

I7 Споро-пыльцевой анализ выполнен в лаборатории кафедры литологии геологического факультета ТашГУ им. В.И.Ленина.

или с единичными зернами. В остальных пробах присутствовало не более 20-30 зерен. В них преобладала пыльца трав и полукустарников - ксерофитов (до 80-90%),разнотравных (8-9%),водных и прибрежноводных (до I%), из древесных кустарников - хладо- и теплолюбивые (I-I,5 и 0,5-0,8%). В верхней части разреза в позднемустьерской эпохе уменьшилось до 50-60% ксерофитной растительности и увеличилось до I2-I3% мезофитной, до I2-I4% водных и прибрежноводных. Преобладала пыльца трав, полукустарников, в большей части ксерофитов; пыльца древесных пород представлена единичными зернами. Среди ксерофитов - гречишные,эфедра,злаковые,в разнотравье в основном бобовые и сложноцветные. В отдельных пробах высокое содержание пыльцы крапивных, зонтичных, мареновых. Водные растения представлены ежеголовником,частухой,рдестом,рогозом, кувшинкой; древесные чаще ивой, сумахом, арчой, грецким орехом.

Литологические признаки пород и результаты споро-пыльцевого анализа показывают,что климат был аридным и теплоумеренным с некоторыми колебаниями в сторону то похолодания, то потепления. Эти предположения увязываются с данными Е.М.Швецовой[I8] по Ферганской депрессии и Приташкентскому району, а также данными О.Я.Подчеваровой, М.Х.Година и Д.И.Хусанбаева по Южной Фергане и ее горному обрамлению.

Стратификация культурных горизонтов. Под культурными мы понимаем такие слои,которые содержат остатки каменных орудий первоначальных их захоронений,костей ископаемых животных,золы,древесины,углей; отпечатки стеблей. Последние могли быть иловые,эоловые, а чаще и те и другие в смеси. Часто отмечаются следы и углубления от капель дождя,не исключены и выбоины от града. Все эти текстурные и структурные признаки дают основание полагать,что мы действительно имеем культурные слои в их первоначальном залегании.

Каменные орудия залегают в *in situ* ; в редких случаях в некоторых мустьерских (УШ) слоях шло переотложение единичных изделий в пределах описываемой палеолитической стоянки.

I8 Швецова Е. М. Споро-пыльцевые спектры четвертичных отложений некоторых районов Узбекистана. Труды Ин-та гидрогеологии и инженерной геологии АН УзССР, вып.3. - Ташкент, I964.

I9 Подчеварова О. Я., Годин М. Х., Хусанбаев Д. И. К палеогеографической характеристике четвертичных отложений Южной Ферганы. Научные труды ТашГУ им.В.И. Ленина, вып.439. - Ташкент, I974.

Ашельские культурные слои (XXXI–XXIУ) приурочены к верхней части эоплейстоцена и нижней пачке первого горизонта нижнего плейстоцена.

Древнемустьерские культурные слои (XXIII–XII, XII$^{в-а}$) располагаются в осадках нижнего плейстоцена I–IУ горизонтов. Эти слои отличаются от нижних большей мощностью, выдержанностью в пределах раскопа и приурочены к верхним частям элементов ритмов, где наступал период относительного покоя в осадконакоплении.

Культурные слои развитого мустье (XII, XI, XI^{а}, X–УI) тяготеют к верхней части среднего плейстоцена – пятый горизонт крупнообломочных осадков паводковых, селевых, частично русловых фаций. Культурные слои маломощные (5–I0 см), представлены также пылеватым материалом (эоловая пыль и иловые наносы).

Позднемустьерские слои (У–IУ) тяготеют к переходной части разреза ташкентского и голодностепского надгоризонтов. В позднемустьерскую эпоху в результате усиливающейся тектонической активности региона подгорная равнина вовлекается в поднятие. Накапливаются мелкозернистые отложения склоновых фаций. Культурные слои маломощные, с плохо выраженной текстурой. Интенсивное развитие получили почвенно-диагенетические процессы.

Позднепалеолитические слои (Ш–I) также приурочены к верхней части верхнеплейстоценовой голодностепской ритмосвиты, связаны также с осадками склонового фациального пояса, здесь наиболее четко выражены почвенно-диагенетические процессы.

Комплексный подход к изучению археологических памятников Средней Азии специалистами различных направлений позволяет более уверенно стратифицировать как геологические объекты, так и археологические, выявлять особенности среды и характера (оседлость и пр.) обитания древнейших людей в различных геологических условиях и геоморфологических зонах.

Подводя итоги, отметим, что материалы, полученные за три года комплексного исследования стоянки Кульбулак, представляют научный интерес не только для специалистов палеолитоведения, но и четвертичной геологии. Многослойность и своеобразие индустрии Кульбулака, в частности предметы зубчато-выемчатых и теякских культур палеолита не только Ближнего и Среднего Востока, но и Центральной и Юго-Восточной Азии, дают эталонную стратиграфическую основу для корреляции синхронных палеолитических памятников, ранее датируемых только типологически и на

Q.C.P. N.Ver

основе геоморфологических исследований и т.д.

Стационарные работы на многослойной стоянке продолжаются, и в перспективе возможно обнаружение новых и более древних культурных слоев, проливающих свет на древнейшую историю Средней Азии.

У.И.Исламов, Т.Сманжулов

ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА СЕЛЬ-УНГУР
(древнепалеолитический памятник в Ферганской долине)

Южная Фергана - один из слабоизученных в геологическом и археологическом отношении районов Средней Азии. Территория, занимаемая этим районом, расположена в долине р.Сох, покрыта аллювиально-пролювиальными конгломератами, галечниками и лессовидными отложениями,[I] образовавшимися в плейстоцене. Мощные лессовидные толщи относятся к Ташкентскому циклу, простираемому к востоку от долины р.Сох.[2]

Археологические работы велись в долине близ кишлаков Чангара и Сарикурган,[3] где обнаружены мустьерские изделия. Более древние каменные изделия - орудия из гальки овальных форм, лезвия, оформленные грубооббитыми фасетками,- на территории Южной Ферганы были найдены ранее А.П.Окладниковым в лессе ущелья Ходжа-Бакирган-Сай.[4]

Кроме того, в галечной толще террасы обнаружено изделие архаичного облика, изготовленное из гальки, которое представляет собой массивный клиновидный чоппер с характерной пяткой и выпук-

---

I Мавлянов Г.А., Нурматов А.Н. Четвертичные отложения Центральной Ферганы. - Ташкент, 1972, с.100-101.

2 Несмянов С.А., Ранов В.А. К палеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии. В сб.: Страны и народы Востока. - М., вып.10, 1974, с.1-10.

3 Касымов М.Р. Новые исследования по Ферганской долине. 1964.-ИМКУ, вып.7, 1966.

4 Окладников А.П., Леонов Н.И. Первые находки каменного века в Фергане. КСИА АН СССР, вып.86. 1961.

лым поперечным лезвием[5]. Вскрыты также мустьерские мастерские-каменоломни в Капчигае[6].

Все упомянутые разрозненные находки не дают полного представления о заселении и хозяйстве первобытных людей Ферганской долины, в связи с чем продолжение раскопок в пещерной стоянке Сель-Унгур имеет важное значение. Пещера длиной 120 м образовалась в известковых отложениях; центральная часть ее размыта. По краям большого зала - более древние отложения, местами мощностью до 3 м сильно сцементированы, но в них сохранились древние типы каменных изделий и фаунистические остатки. Центральная часть большого зала после размыва водой местами заполнялась суглинками и частично супесью.

В 1981 г. были начаты раскопки в большом зале пещеры. В процессе работ снят 1 $м^2$ туфа. Собрано около десятков каменных изделий и немногочисленные обломки костей животных. В числе находок грубообббитые нуклевидные гальки размером 12х7х10 см, полуокруглой и треугольной форм. Лезвие оформлено несколькими крупными и мелкими ступенчатыми фасетками размером 11х5х9 см, ряд экземпляров со сколами неправильной формы. Можно предположить, что полученный материал по технике раскалывания и облику индустрии древнее мустьерского.

Для уточнения залегания культурных слоев в северо-восточном углу площадки был заложен раскоп I размером 4х4 м. Стратиграфически наиболее четко разрез прослеживается на северо-западной стене раскопа (рис.1). Колонки культурных напластований разделены на три горизонта, которые различаются по структуре прослоек и окраске.

Первый горизонт. Разделен на три литологические прослойки: 1) почва, местами небольшой мощности, в северной части сцементирована глиной. Находок нет; 2) подпочвенный слой темно-серого цвета, со смесью современной почвы, археологические материалы смещены; 3) нижний слой серого цвета, мягкий, каменные находки очень редки; обломки костей животных.

---

[5] Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии. В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М-Л., 1966, с.20.

[6] Васильев М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. - Ташкент, 1972.

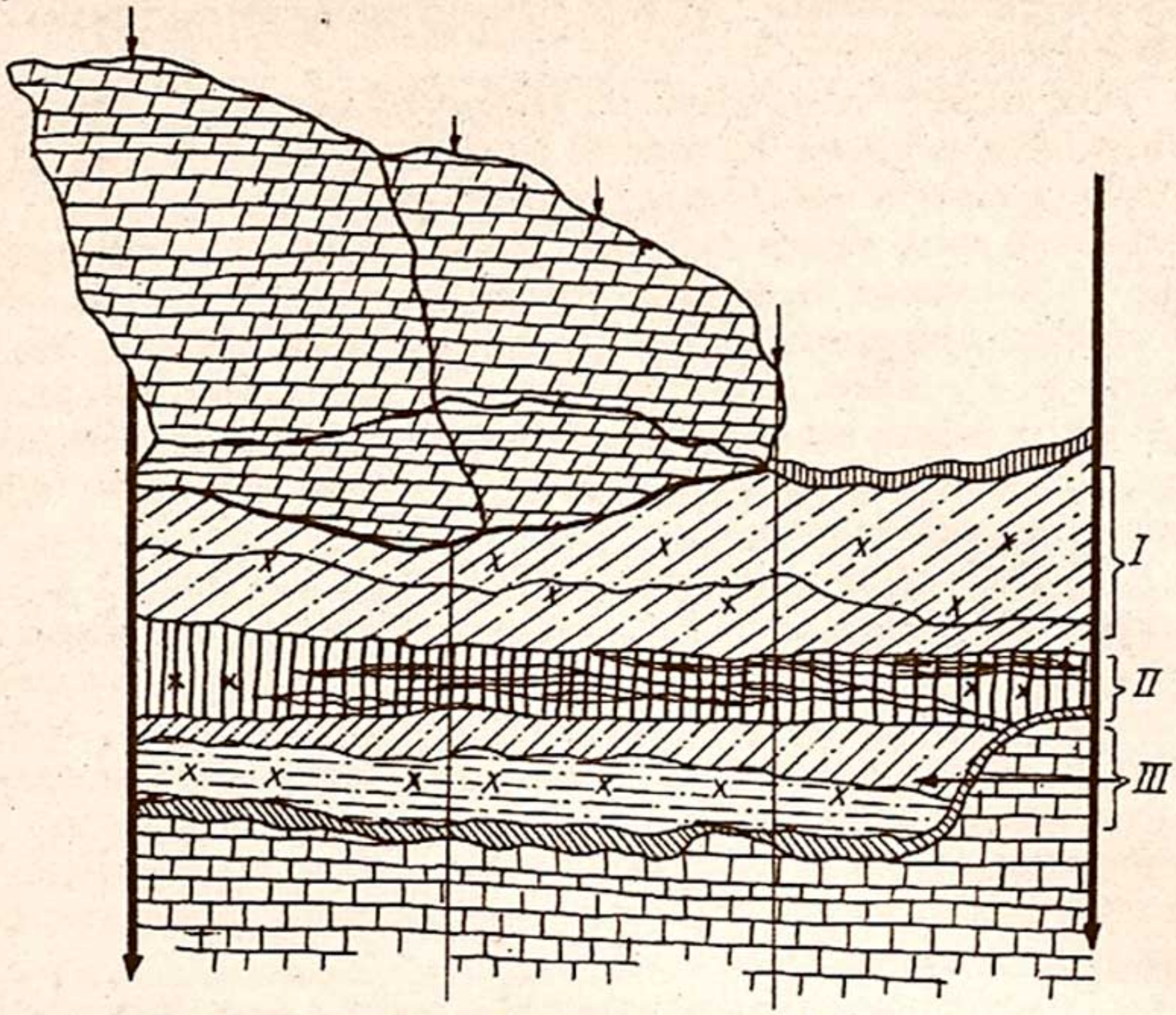


Рис.I. Разрез с - з стены раскопа № I.
I,II,III - культурные горизонты.

Второй горизонт. Серо-бурого цвета, местами мелкий щебень. В целом этот горизонт состоит из нескольких слоистых линз; получен богатый мустьерский материал, фаунистические остатки.

Третий горизонт. Основную толщу составляют мокрые суглинки, а также лесс с супесью серо-беловатого цвета. Археологический материал богат, но костей меньше, чем во втором горизонте.

Подобный описанному археологический материал дали и раскопы, заложенные в других участках пещер. Довольно многочисленные остатки фауны и каменные материалы обнаружены раскопом 5 на юго-западном участке площади. Во всех раскопах собрана большая коллекция палеонтологических остатков, принадлежащих преимущественно оленю, другим копытным и хищным.

Каменные находки из верхнего горизонта датируются от древ-

него ашеля до эпохи мезолита; в их числе 42 экз. ашельские, 59 экз. позднепалеолитические. В верхнем горизонте раскопа 4, заложенного у входа в пещеру, получено около десятка микролитических отщепов чешуек. Эти находки пока малочисленны, чтобы определить дату, но по облику их возможно отнести к позднему палеолиту или раннему мезолиту.

В группе ашельских кремневых орудий верхнего горизонта стоянки Сель-Унгур – нуклеусы дисковидных форм (3 экз.), одноплощадочные (2 экз.), неправильных форм сколи и отбросы производства; в верхнепалеолитических группах – нуклеусы призматические (2 экз.), мелкие высоких форм (I экз.), орудия ножевидные, отщепы тонкие с ретушью, резцы и другие виды. Пластин мало. Микролитические группы в отличие от предыдущих имеют очень тонкий облик. Характерны два фрагмента пластин, на одном боковом крае с мелкой ретушью.

Во втором горизонте всех раскопов вскрыт слой в непотревоженном состоянии. Материалы не смешаны; для кремневого инвентаря этого горизонта характерны заготовки (24 экз.) больших размеров и неправильных форм. В основном это отщепы разных пропорций; пластин, нуклеусов мало: дисковидные и близкие к шаровидным, есть одно-двухплощадочные. Более половины заготовок покрыто белой известковой коркой – чаще корка лишь на рабочем лезвии и краях поверхности.

Третий горизонт не очень богат каменными находками, больше фаунистических. Всего в коллекции 269 экз. Это грубые нуклеусы разных форм, но чаще бесформенные; пластины также отсутствуют, не считая нескольких грубых пластинчатых сколов.

В целом за сезон вскрыто 64 $м^2$ площади и четыре раскопа, получен 521 экз. каменных изделий. Для удобства анализа весь материал разделили на группы и подгруппы (табл.I).

Техническая оценка коллекции по методу Борда дана с использованием показателей: левалуа – I,I %, пластинчатости – I,9 %, общей подправки ударной площадки – I6 %, тонкой подправки ударной площадки – 0,8 %, фасетирования сколов – 0,9 %. Средняя величина угла скалывания заготовок – угол, образованный ударной площадкой и плоскостью скалывания, для изделий коллекции I20–I25°. Объединяющее их своеобразие – укороченность сколов, грубость, почти полное отсутствие техники пластинчатости, очень малый процент сколов левалуа. Бо́льшая часть материала – отщепы

Таблица I

Наименование	Размеры	Кремень	Сланец	Галечник	Ударная площадка нет	Фасетированные	Гладкие	Целые	Фрагмент	С коркой	Общее кол-во
Нуклеусы											
дисковидные	7x4x8	I	5	2	-	-	-	+	-	3	8
шаровидные	6x4x6	-	I	2	-	-	-	+	-	2	3
ортогональные	8x5x7	-	2	I	-	-	-	+	-	2	3
мелкие	5x3x4	-	I	I	-	-	-	+	-	-	2
одноплощадочные	9x4x9	I	3	-	-	-	-	+	-	2	4
двуплощадочные	6x4x4	-	2	-	-	-	-	+	-	I	2
леваллуазские типичные	8x4,5x7	-	-	I	-	-	-	+	-	-	I
Сколы											
отщепы массивные	I3x4x7	-	7	4	3	2	7	8	4	5	II
отщепы различной величины	9x5x7	I4	I48	2I	7I	6	I04	I2I	62	97	I83
леваллуазские	7x3x5	I	5	I	-	3	4	5	I	3	7
отщепы удлиненные	IIx3x6	-	9	3	2	-	5	II	I	8	I2
пластины	I0x4x6	2	6	I0	5	I	II	8	9	II	I8
сколы неправильные	IIx6x8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	I0I
сколы мелкие и отбросы	5x3x4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	I64
отбойники	I3x7x9	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2

разных величин, а также отбросы производства (табл.I). Из нуклеусов (23 экз., или 4 %) наиболее характерны и многочисленны двусторонние дисковидные (5 экз.) и односторонние (3 экз.), но все не типичные: широкие мелкие фасетки сколов тянутся в разном направлении от краев к центру. Некоторые из них со следами частичного использования по краям или слегка подтесаны мелкой подправкой; для остальных характерна небрежность сколов; негативы сколов у одно-двухплощадочных нуклеусов широкие и короткие. Два односторонних одноплощадочных нуклеуса по форме близки к леваллуазскому типу, у других более половины окружности со следами подправки. На одной рабочей спинке сохранены две фасетки, лежащие одна на другой.

Сколов 332 экз., более половины массивные, с широкой гладкой нефасетированной ударной площадкой под тупым углом к нижней поверхности скола. Ударный бугорок сравнительно плоский, в большинстве случаев не определим. Некоторые сколы со стороны спинки не оббиты, сохранена естественная поверхность гольша. У многих сколов вторичная ретушь по краям отсутствует и, наоборот, обработка заменяется грубой крутой оббивкой. В коллекции индустрии со вторичной обработкой немного – II % общего числа находок (табл.2).

Чопперы (2 экз.). Изготовлены из гальки небольших размеров или коричневого сланца. Один из них округлой формы, рабочий край неровный, извилистый, подправленный, с крутой ретушью (рис.3).

Чоппинг (I экз.). Изготовлен из речной гальки. Рабочий край слегка вогнутый, оформлен плоской оббивкой, ретушированный край заострен.

Топоровидные изделия (I экз.). Выработаны из речной гальки серого цвета с асимметричным краем на более широком рабочем конце; угол заострения 40–45° (рис.2,д).

Груборубящие изделия (3 экз.). Встречены среди коллекций Моргах и других памятников Юго-Восточной Азии.[7] Одно из этих орудий изготовлено из галечного отщепа неправильной формы; рабочее лезвие оформлено ступенчатой ретушью.

---

[7] Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии.–Л., 1971, с.42–47.

Таблица 2

Орудия	Размеры	Кремень	Галька	Сланец	Ретушь: круг.	Ретушь: студенчатая	Ретушь: клектон.	Ретушь: мелкая	С ударн. площад.	Фрагмент	Всего
Чопперы	10x4x9	-	I	I	I	-	I	-	-	-	2
Чоппинги	9x5x8	-	I	-	-	-	I	-	-	-	I
Топоровидные	9x5x9	-	I	-	I	-	-	-	-	-	I
Груборубящие формы	8x6x7	I	-	2	-	-	3	-	I	I	3
Скребла прямые	9x5x7	2	7	5	3	2	7	2	6	2	I4
Скребла выпуклые	7x4x5	2	3	5	2	I	5	-	4	I	8
Скребла с зубчатыми краями	6x4x6	-	-	6	3	3	-	-	3	I	6
Лимасы	6x2x3	-	-	2	I	I	-	-	-	-	2
Режущие инструменты	7xI,5x3	-	-	I	-	-	-	I	I	-	I
Резец	9x3x5	I	-	-	-	-	-	-	-	I	I
Орудия зубчатые	9x4x6	-	-	5	3	-	2	-	2	I	5
Орудия выемчатые	8x3x7	-	-	3	I	-	2	-	I	I	3
Комбинированные	I0x4x6	2	I	I2	5	7	I	2	3	2	I5
Остроконечники	8x3x6	-	-	I	-	I	-	-	I	-	I

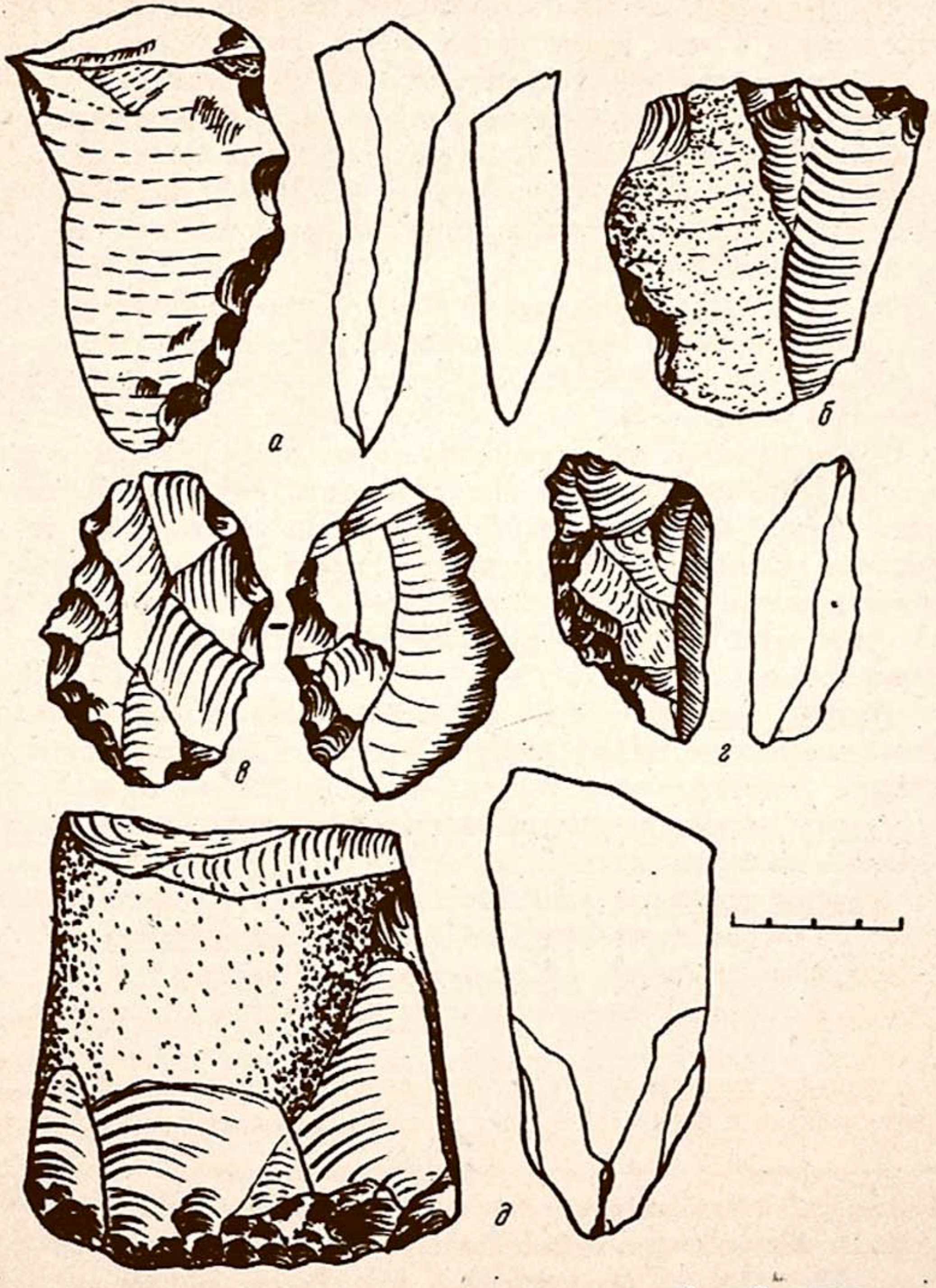


Рис.2. Материалы из раскопов: а - отщепы с зубчатой ретушью, б - левалуазский отщеп с выемкой, в - лимасы, г - скребло на сколах, д - топоровидные изделия.

Скребла прямые (I4 экз.). Изготовлены из камня, сланца и других пород – 5 экз., в виде грубых сколов (рис.2,г), остальные – неправильные отщепы. У одного из них натуральный реберчатый обушок. Многие лезвия оформлены ступенчатой тупой ретушью.

Скребла выпуклые (8 экз.). Из разных галечных пород. Многие представляют собой случайные сколы с неровным обушком, оформлены грубой клектонской ретушью. Вторичные обработки почти у всех изделий необычны.

Скребла с зубчатыми краями (6 экз.). Почти все имеют обушок; три из них – на сколах неправильной формы. Лезвия оформлены мелкой глубокой оббивкой (рис.2,а), у 3 экз. края имеют зубчики, ступенчатую ретушь.

Лимасы (2 экз.). Эти изделия пока очень редки среди среднеазиатских материалов, если не считать находок Тешик-Таша и Семиганча.[8] Средняя величина их 6x2x3; один из них имеет плоское обработанное полностью основание, другая сторона лишь подправлена крутыми фасетками. У второго изделия одна сторона лезвия оформлена ступенчатой мустьерской ретушью, противолежащая с раздробленными краями (рис.2,в).

Режущие элементы – нож (I экз.). Изготовлен на удлиненном неправильном отщепе, лезвие ровное с мелкой ретушью, реберчатым обушком.

Резец – боковой на дистальном конце удлиненного треугольного скола, малохарактерен.

Зубчатые изделия (5 экз.). Три экземпляра изготовлены из массивного отщепа с широкой грубой ударной площадкой; у других на одних краях по два-три неглубоких зубчатых лезвия. У 2 экз. зубчатые края маловыразительны и могли быть получены случайными ударами.

Орудия с выемкой (3 экз.). Одно изготовлено на массивном сколе удлиненной формы (рис.2,б); сохранилась скошенная широкая

---

8 Р а н о в В.А. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане. В сб.: Палеолит. Неолит СССР, вып.7. – М., I972, с.I08; M o v i u s H.L. The Mousterian Cave of Teshik-Tash Southeastern Uzbekistan Central Asia.BASP.R N 17 1953.

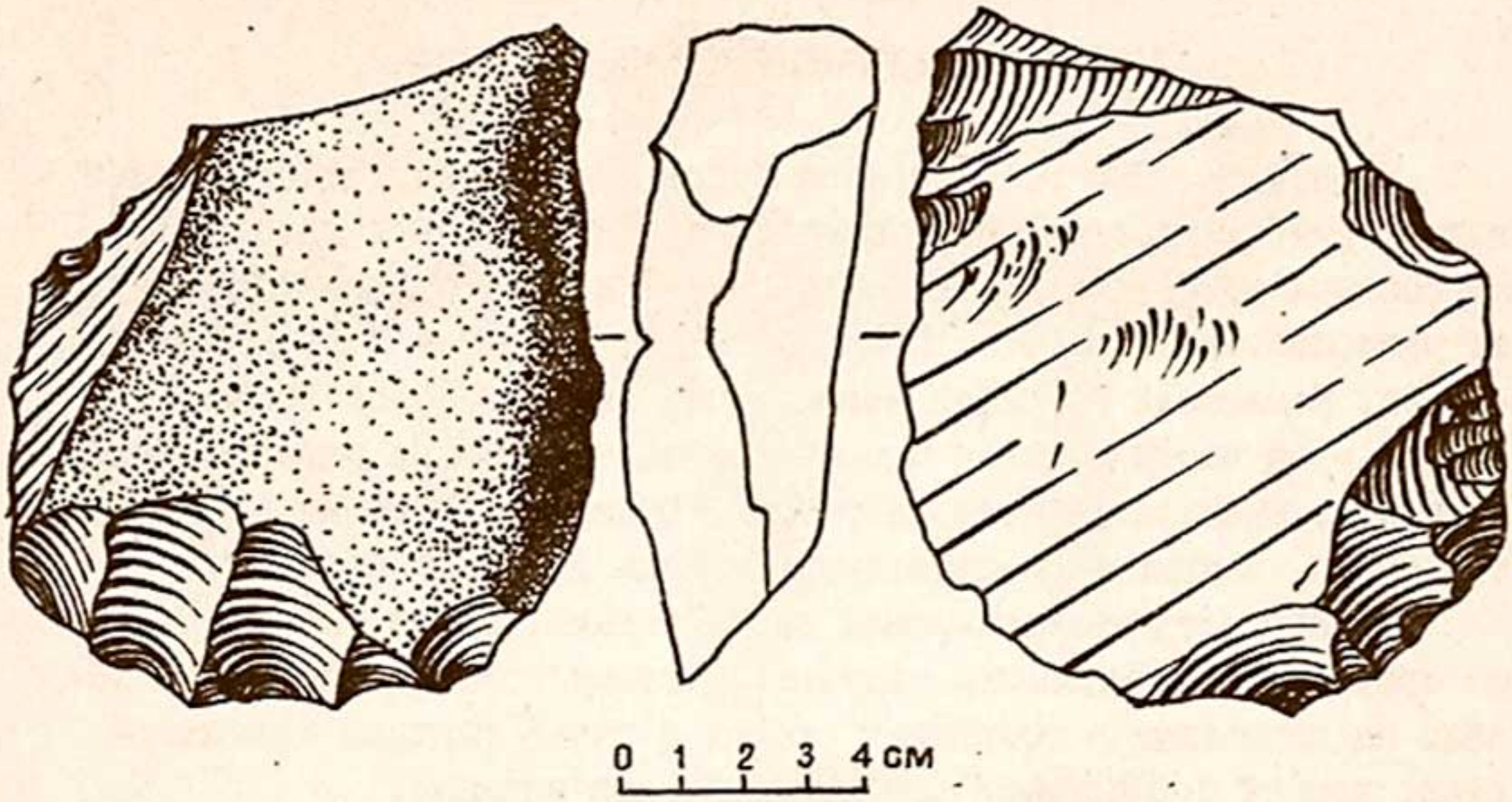


Рис.3. Чопперовидные изделия.

площадка; на одном остром крае три круглые выемки и одна на скошенной конечной части скола. Другое орудие округлой формы; по краям окружности несколько глубоких и мелких выемок, обработанных мелкой ступенчатой ретушью.

Комбинированные (I5 экз.). Представлены скреблами с выемчатыми краями; почти все изготовлены на сколах разных величин.

Остроконечники (I экз.). Не выразительный.

Таким образом, материал описанного многослойного памятника имеет архаичный и неустойчивый облик. Обнаруживается большое сходство его с находками древнейших памятников Южной и Юго-Восточной Азии, хотя следует указать и на специфические формы орудий, характерные для данного памятника: груборубящие формы, оформление лезвий ступенчатыми фасетками; лимасы на многих отщепах и неправильных сколах, скребла с грубооббитыми фасетками лезвия В целом изделия из отложений туфа более архаичного облика, чем материал из раскопов, заложенных за пределами пещер, характерный до мустье. Следовательно, по признакам архаичности и грубости обработки эти материалы можно отнести предварительно к более древним периодам эпохи палеолита зоны Ферганской долины.

М. Хужаназаров

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ БУРГАНСАЯ

В августе 1980 г. на правом берегу Бургунсая, одного из горных ручьев южного склона горы Актау (Нуратинский хребет) нами обнаружено большое количество наскальных изображений[1]. Рисунки расположены на высоте 1000–1200 м над ур.м., в 2 км к северу от сел. Мавлансай Кушрабадского района Самаркандской области. Горы в этой части сложены в основном палеозойскими известняками, сланцами, гранитами, гранодиоритами. Обнажения, лишенные растительности, занимают значительную площадь коренных пород[2].

Поверхность известняковой скалы мягкая, но не гладкая и мало пригодна для нанесения рисунков. Потому большинство их выполнено на сланцевых и гранитных скалах с очень гладкой поверхностью, черной и блестящей от "загара", как зеркало.

Нами обнаружено более 100 разновременных изображений как отдельных так и групповых фигур. Размеры фигур от 10 до 30 см. Ориентировка неодинаковая: одни повернуты вправо, другие влево, в отдельных случаях обращены лицом к лицу, как бы в борьбе.

Основная часть рисунков – изображения козлов с одним или двумя саблевидными рогами, двумя и часто четырьмя ногами и маленькими хвостами. На одной из больших скал изображены три козла, один над другим, над ними выбит фрагмент какой-то фигуры. У козла в центре три ноги, у остальных по четыре. Левее от них показаны еще 2 пары козлов: одна выше, другая ниже. Размеры животных в обеих парах разные; они сориентированы головами друг

---

[1] Хужаназаров М. Петроглифы Бургунсая. В сб.: АО – 1980. – М., 1981, с.463.

[2] Халимов М. Физико-географические процессы горного обрамления Самаркандской котловины. Автореф. ...дисс.канд. г-м.н. – М., 1963.

к другу. Вероятно, верхняя пара - коза с козленком. В нижней паре животные соприкасаются рогами. Рисунки нанесены контуром. Все они пострадали от скальных трещин /рис.1/.

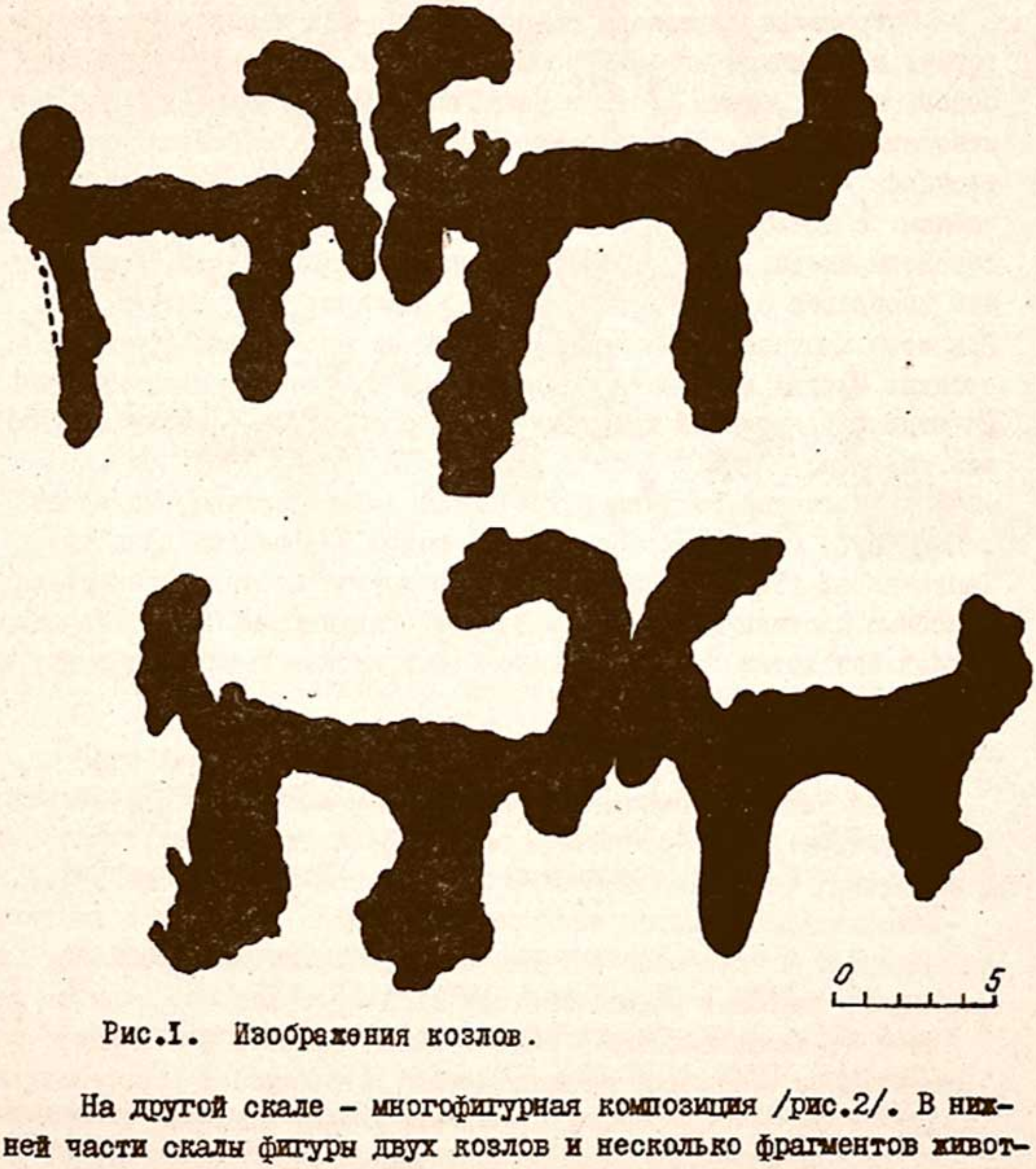


Рис.I. Изображения козлов.

На другой скале - многофигурная композиция /рис.2/. В нижней части скалы фигуры двух козлов и несколько фрагментов животных, в верхней - более позднее изображение человека, ведущего на поводу верблюда.

Степень сохранности наскальных изображений Бургансая разная. Наряду со свежими, хорошо видимыми рисунками встречаются также более древние, плохо сохранившиеся и выветрившиеся.

Техника выполнения рисунков "точечная"[3]. Все они нанесены многократным ударом каменных или железных орудий; большинство схематичны.

Петроглифы Бургансая разнообразны. Они изображают архаров, горных и домашних козлов, собак, лошадей, верблюдов, домашних быков, людей, сцены охоты и различные знаки. Встречаются ряд непонятных рисунков и арабские надписи. Однако большая часть рисунков - изображения козлов и архаров, что нельзя считать случайным: с древнейших времен и до наших дней эти животные служат объектом охоты. На петроглифах показаны сцены охоты, где охотник изображен с луком, стреляющим в архаров и горных козлов. При этом охотнику (или чабану) помогает его верный помощник - собака. Иногда собака на скалах показана одна, самостоятельно. По-видимому, древний художник хотел рассказать о жизни охотника или пастуха.

Аналогичные рисунки встречаются в Шахимардане, Чадаксае[4], и Каратау[5], Сармышсае (Навоийский район Навоийской области), Башкызылсае (Ташкентская область) и других местах Узбекистана[6]. Подобные рисунки известны на Памире (Таджикская ССР)[7], Каратау (Южный Казахстан)[8], Саймалыташе[9] (ферганская долина) и в других районах Средней Азии.

---

[3] Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалыташ. - СЭ, 1952, № 2, с.58-66.

[4] Шацкий Г.В. Рисунки на камне. - Ташкент: Укитувчи, 1973.

[5] Кабиров Ж. Древние наскальные изображения Каратау. В сб.: АО - 1970. - М.: Наука, 1971, с.410-411.

[6] Кабиров Ж. Сармишсойнинг коя тошларидагирасмлар. - Ташкент, 1978, с.67-68.

[7] Ранов В.А., Гурский А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. - СЭ, 1966, № 2, с.110-119.

[8] Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. - Алма-Ата, 1977, с.198-199.

[9] Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М., 1980, с.105-111.

Рис.2. Изображение человека, ведущего на поводу верблюда.

Изучение сюжетов, стиля, техники исполнения, степени сохранности, соотношение с наскальными рисунками других районов позволяют датировать изображения Бургансая первым тысячелетием н.э. Рядом с этими встречаются очень схематичные, гравированные рисунки и арабские надписи, вырезанные острым металлическим инструментом; по-видимому, эти рисунки относятся к средневековому периоду. От более древних они отличаются степенью сохранности, техникой и стилем. Таким образом, бургансайские рисунки двухслойные. К сожалению, здесь имеются различные современные надписи и рисунки. Как сообщалось в литературе[10], часто подобными "художествами" наносится большой вред петроглифам.

Рассмотренные наскальные рисунки свидетельствуют, что и в древнейшие времена в районе Бургансая была разнообразная и богатая фауна. Ее облик в целом сохранился до настоящего времени.

[10] Р а н о в В.А. К вопросу о возрасте и интерпретации петроглифов Средней Азии. В сб.: Памяти А.А.Семенова. - Душанбе, 1980, с.166.

М.Д.Джуракулов, Н.А.Аванесова

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО САЗАГАНСКОМУ ПОСЕЛЕНИЮ

В середине 60-х годов в долине Зарафшана археологическим отрядом Самаркандского госуниверситета им. Алишера Навои была открыта стоянка неолитической эпохи, представляющая определенный интерес в изучении истории племен новокаменного века Узбекистана.

Результатом археологических разведок СамГУ 1966-1970 гг. в районе селения Сазаган Пастдаргомского района (27 км к юго-западу от Самарканда) явилось нанесение на археологическую карту Самаркандской области четырех неолитических пунктов[1]. Все эти поселения расположены в Каратепинских отрогах Зарафшанского хребта, на надпойменных лессовидных террасах Сазагансая. Своеобразие неолитических сазаганских стоянок - их расположение на искусственных террасах (на высоте 300-900 м над ур.м.), образовавшихся в различные исторические эпохи. Это способствовало разрушению или уничтожению древних поселений.

Уже первые исследования неолитических стоянок Сазаган I и II дали возможность выявить особенности хронологического и локального порядка неолитических обитателей среднего течения Зарафшана, эволюцию и преемственность культур каменного века Самаркандской области[2]. Предварительное изучение находок свидетельс-

---

[1] Лев Д.Н. Из истории изучения первобытной археологии Самарканда. Труды СамГУ, новая серия, вып.182. - Самарканд, 1970, с. 29-30; Он же. Итоги работы археологического отряда Самаркандского госуниверситета им.А.Навои в 1966 г. Труды СамГУ, новая серия, вып.218. - Самарканд, 1972, с.11-17.

[2] Джуракулов М.Д. Стоянка эпохи неолита в Сазагане. - ОНУ, 1972, № 8, с.56-59; Джуракулов М.Д., Холюшкин Ю.П. Предварительные результаты статистического подсчета и характер развития неолитической индустрии Сазаган I. Труды СамГУ, новая серия, вып.307. - Самарканд, 1976, с.6-30. Джуракулов М.Д. Результаты исследований археологической экспедиции Самаркандского госуниверситета им.А.Навои 1979 г. В сб.: Вопросы археологии, древней истории и этнографии. - Самарканд, 1980, с.4-12.

твует, что материальная культура сазаганских стоянок - лишь частное проявление общих закономерностей развития общества неолитических племен Средней Азии. В ряде отношений материалы раскопок сазаганских поселений в определенной степени дополняют изучение этих общих закономерностей.

Среди указанных неолитических пунктов наше внимание привлекло поселение Сазаган II, на правом борту надпойменной террасы Сазагансая, где при сборе подъемного материала было найдено несколько фрагментов керамики эпохи бронзы.

В 1979-1980 гг. заложены шурфы, показавшие, что керамика эпохи бронзы составляет довольно значительную группу. Несмотря на разрушенность культурного слоя необходимость полного стационарного исследования верхних слоев Сазаган II не вызывала сомнений. В поисках культурного слоя археологическим отрядом СамГУ осенью 1980 г. и весной 1981 г. было вскрыто более 200 $м^2$ площади стоянки, однако четкого залегания культурного слоя эпохи бронзы на одном горизонте не наблюдалось, вследствие переработки террас для земледельческих целей в различное историческое время.

Весной 1981 г. на некоторых квадратах удалось зафиксировать остатки культурного слоя, залегавшего на глубине 40 см от дневной поверхности в суглинистом слое с примесью растительных остатков, мощностью 20-40 см. Наблюдались следы от очагов, скопления керамики, костей животных, каменные и бронзовые орудия и оружия. Все вместе взятые, они раскрывают картину быта земледельческо-скотоводческого населения эпохи поздней бронзы Среднего Зарафшана.

Большинство собранных предметов материальной культуры - керамические изделия. Керамика неоднородна, хотя и сделана от руки.

По составу глиняного теста, форме венчиков и характеру обработки поверхности ее можно подразделить на четыре типа.

Тесто сосудов, выделенных в I тип (22 обломка), содержит в большом количестве примесь крупной дресвы. Черепки плотные, тяжелые, равномерно обожженные; от светло-коричневого до краснова-того цвета. На внутренней поверхности - отчетливые отпечатки ткани; наружная поверхность большинства фрагментов несколько шероховата из-за выступавших зерен примеси, заглаживалась рукой, пучком травы.

II тип (97 обломков от II сосудов) - значительная серия толстостенных черепков без орнамента. Глина с примесью мелкотолче-

ной древесы (гранит) и песка. Обжиг неравномерный, в изломе светло-желтый. Поверхность со следами тщательного заглаживания. Сосуды довольно крупные (д-16-18; 24-30 см). По форме различаются котлы, яровни, корчаги, миски, иногда снабженные ручками, сливным носиком.

III тип (90 обломков) - сосуды, в тесте которых растительная примесь с толченой раковиной, иногда с включением кварца. Обжиг неравномерный, черепок в изломе серовато-черный или темно-коричневый. На внутренней поверхности часты следы штриховки; наружная у некоторых из них хорошо заглажена, иногда даже залощена. Судя по фрагментам стенок, днищ и венчиков, сосуды этого типа имели баночную и горшковидную форму с плоским дном. Керамика данного типа в основном не орнаментирована; есть только три фрагмента с "елочным" и "решетчатым" резным орнаментом, обнаруженные вне рассматриваемого культурного слоя, но на одном горизонте.

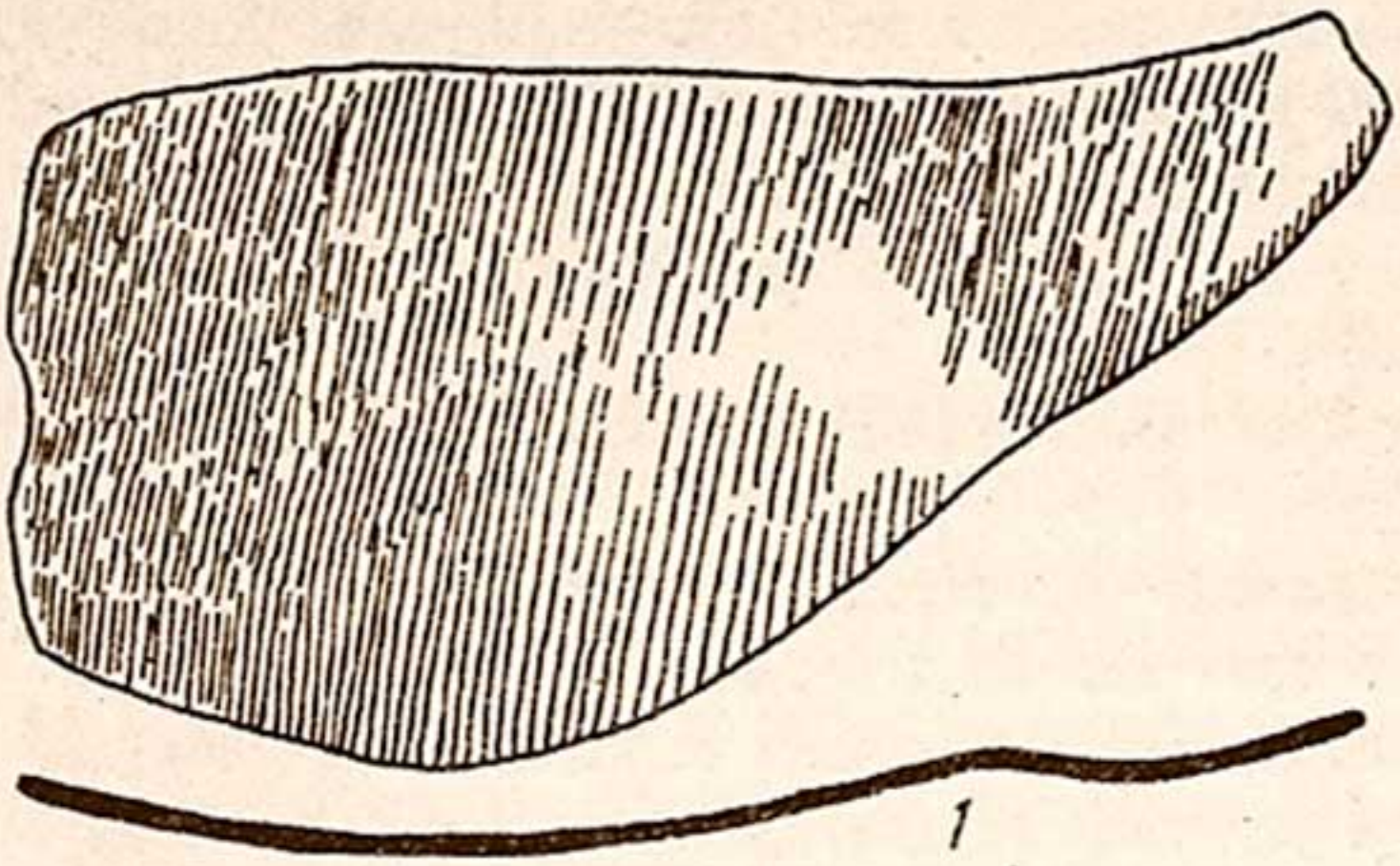
Поражают своим присутствием в этом горизонте три фрагмента керамики с оттиском мелкозубчатого гребенчатого штампа, выделенного нами в IУ тип. Глина с примесью шамота, очень тонкой отмучки. Обжиг равномерный, в изломе черный или коричневато-красный; поверхность серовато-черная; форма из-за фрагментарности (обломки тулова) не ясна. Орнамент в виде меандра (рис.,7-8).

Керамика хронологически и этнически неоднородна: I и II типы близки керамике бургулюкской и чустской культур[3]; III тип находит близкие аналогии в памятниках амирабадской культуры и эпохи поздней бронзы степной части Евразии[4]; IУ тип представляет керамику

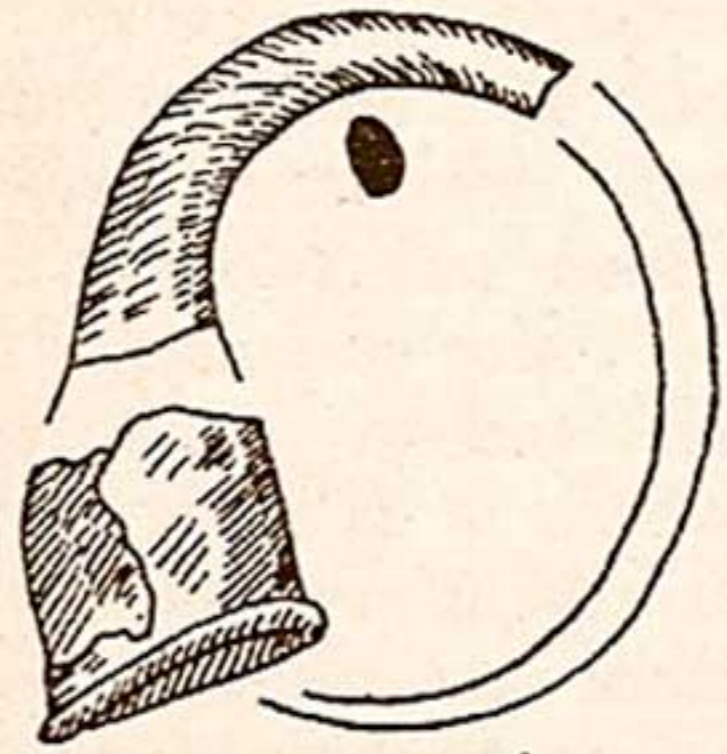
---

[3] Д у к е Х. К вопросу о бургулюкской культуре. ОНУ,1976, №8; Он же. Бургулюкская культура. В сб.: Древности Туябугуза. - Ташкент,1978, с.69-72; З а д н е п р о в с к и й Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА,188. - М.-Л.,1962,с.28; С п р и ш е в с к и й В. И. Чустское поселение бронзы. КСИИМК, вып.69. - М., 1957, с.46-49.

[4] И т и н а М. А. История степных племен Южного Приаралья. - М., 1977,с.155-157, рис.73-75; К о ж а м б е р д и е в И., Г а л о ч к и н а Н. Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. В сб.:Успехи среднеазиатской археологии,вып.1.-Л.,1972, рис.16,17; З д а н о в и ч Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.ВАУ,вып.12.-Свердловск,1973;З д а н о в и ч С.Я. Культура финальной бронзы.В сб.КарГУ.-Караганда,

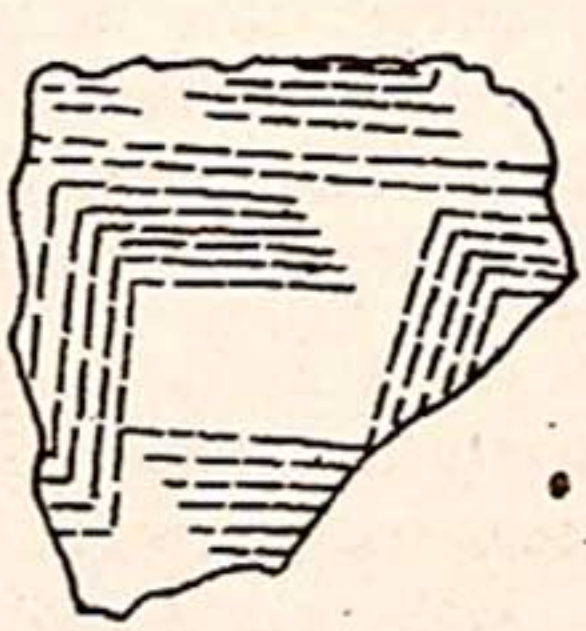

1

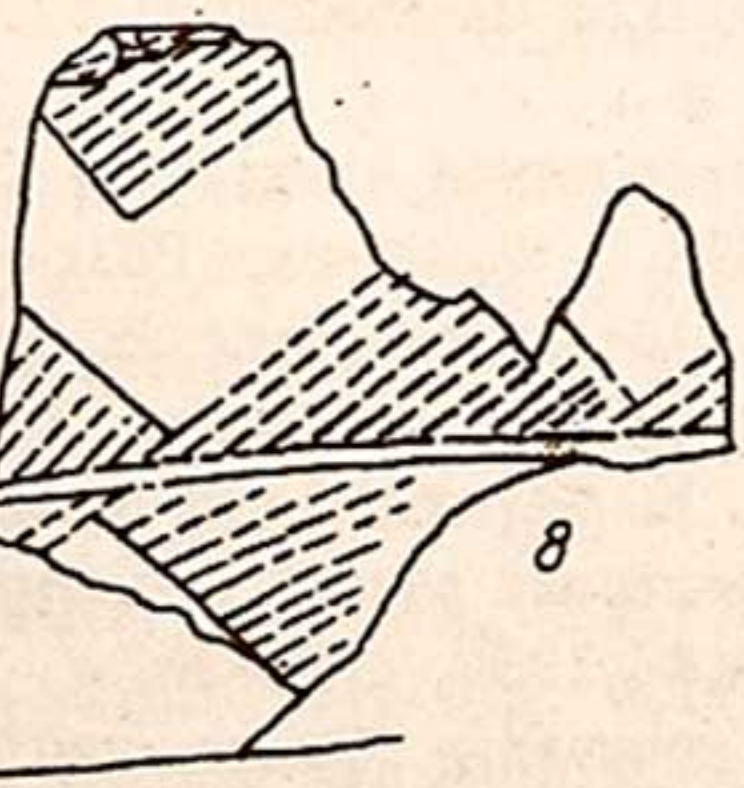
2 3

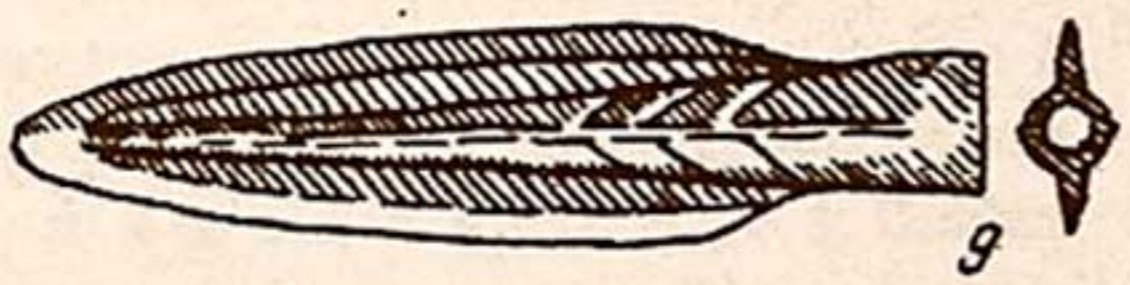

4

5

6


7


8


9

0 5

Изделия с поселения Сазагаи II: I–6 – бронзовые изделия, 7,8 – керамика, 9 – из разведок Д.Н.Лева.

федоровского варианта андроновской историко-культурной общности. К этому типу мы должны отнести еще один фрагмент венчика с косыми треугольниками, выполненного в той же технике нанесения орнамента, обнаруженного в 1960 г. разведочной экспедицией СамГУ под руководством Д.Н.Лева[5].

Значительный интерес представляют металлические изделия из поселения Сазаган II.

К предметам вооружения относятся втульчатые наконечники стрел, обнаруженные в слое вместе с керамикой I и II типов.

Продолговато-листовидный наконечник с ромбическим сечением (рис.,2). Выступающая округлая втулка плавно переходит в боевую головку с откованными латеральными частями без выраженного рельефного нервюра. Нам не известны прямые аналогии описанной стрелы ни в памятниках эпохи бронзы Евразии, ни в передневосточных комплексах[6]. В то же время по форме пера сазаганская стрела находит близкое сходство с среднеазиатскими наконечниками из Кайраккумов и Чустской стоянки[7], из Алексеевского поселения[8].

Нам представляется, что по технике изготовления сазаганскую стрелу можно считать производной от стрел типа IУ по нашей классификации или вариантом этого же типа[9]. Их объединяет характер выступающей втулки, оформление боевой головки (намечающая нервюра, откованные латеральные части с ромбическим сечением пера). Стрелы этого же типа только с равносторонне треугольным пером из-

---

1974; Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и самараевских комплексов в лесном Зауралье.-СА,№2,1979; Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979, с.204-205; и др.

5 Лев Д. Н. Из истории изучения первобытной археологии Самарканда. Труды СамГУ, нов.серия,вып.182. - Самарканд,1760,с.30.

6 Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. Труды СамГУ,вып.270. - Самарканд, 1975, табл.3 и 4; Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II - первой половины I тысячелетия до н.э. - СА,№4,1980, с.23-32.

7 Литвинский Б. А. Древние кочевники "Крыши мира". - М.,1972,табл.30,10; Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы. - СЭ,№ 3,1954,с.71-72,рис.5.

8 Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып.XУП, 1948, с.103.

9 Аванесова Н. А. Указ.соч.,с.32, 44; табл.2, IУ.

вестны из хорошо датированных комплексов - Садчиковского поселения (землянка 8) и Любойковского клада[10], дата которых XII-X вв. не вызывает сомнения у многих исследователей.

Второй втульчатый наконечник стрелы (рис.,3) по технико-морфологическому описанию аналогичен лавролистным наконечникам эпохи поздней бронзы Евразии. Идентичные наконечники обнаружены у южной границы Алексеевского жертвенного места, на Омской стоянке, в пещере Куртеке, на поселениях Северного, Центрального и Восточного Казахстана, в Якке-Парсан 2 (литейная форма)[11].

Анализируемые наконечники стрел мы склонны датировать концом XI-началом IX вв. до н.э. на основе встречаемости их с хорошо датированными комплексами Восточной Европы и Казахстана.

Описывая бронзовые наконечники стрел с территории Сазаганской стоянки, нельзя не сказать (в связи с упоминанием о находках федоровской керамики в 1960 г.) еще об одном наконечнике из Пастдаргомского района. Это ланцетовидный втульчатый наконечник. Втулка переходит в нервюру, на которой продольный "шов". По нервюре у основания боевой головки нанесен литой "елочный" орнамент (рис.,9). Типологически эта форма наконечника хорошо представлена в федоровских памятниках андроновской историко-культурной общности: погребение у с.Григорьева, могильник Еловка II, поселение Чернозерье I[12], которые датируются XIУ-XII вв. до н.э.

С федоровской металлургической традицией мы связываем и обнаруженную на поселении Сазаган II серьгу с раструбом (рис.,4).

Классификация и типологический анализ, а также картографирование серег с раструбом показали, что для каждой территории распространения андроновской культуры характерны определенные типы серег, которые отличаются техникой изготовления, формой и материалом.

---

[10] К р и в ц о в а - Г р а к о в а О.А. Степное Поволжье и Приче рноземье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, с.64, рис.14; Ч е р н ы х Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. - М., 1976, с.228, табл. XXУI, 2.

[11] А в а н е с о в а Н.А. Указ.соч., с.33-34; табл.2, УШ; И т и н а М.А. Указ.соч., с.160, рис.79.

[12] А в а н е с о в а Н.А. Указ.соч., с.34; табл. 2, XI.

Среднеазиатские серьги в отличие от казахстанских, приобских, прииртышских, новосибирских и др. имеют большой широкий конический раструб. Они (семиреченские и зарафшанские памятники) изготовлены из круглого или овального в сечении прута. Один конец в процессе ковки заостряли, второй расплющивали и сворачивали в конический раструб. Затем заготовку сгибали и придавали предмету округлую форму, которую употребляли в качестве ушных украшений, продевая в мочку уха[13].

До недавнего времени не было фактов о времени появления федоровских памятников в Средней Азии. Бытовало мнение, что здесь их нет и быть не может. Однако за последние годы в тазабагъябских памятниках установлена стратиграфия андроновской (федоровской) керамики, которая перекрывает тазабагъябское жилище (дом 7)[14]. Раскопки в Гиссарской долине дали важную дату для абсолютной хронологии памятников федоровского типа Средней Азии. Так, в могильнике Тандир-Йул вместе с керамикой времени конца Намазга УI найдена серьга с раструбом и лепной сосуд[15], а на поселении Кангурт-Тут, вместе с муллалинской (культура Сапалли) керамикой - федоровский сосуд[16]. Наличие предметов скотоводческого импорта в древнеземледельческих поселениях дает возможность привязать их к хронологической шкале периода конца Намазга УI. Последний в настоящее время при всей спорности даты (В.М.Массон, А.А.Аскаров, Л.И.Хлопина) определяется второй половиной II тыс. до н.э.

Следовательно, можно полагать, что федоровские памятники Средней Азии синхронны рубежу Намазга УI, а алакульские (тазабагъябские) - рубежу У и начало УI (поселение Кокча I5).

I3 А в а н е с о в а Н. А. Серьги и височные подвески андроновской культуры. В сб.: Первобытная археология Сибири. - Л., I975, с.67-69.

I4 И т и н а В. А. Указ.соч., с.52, 79-82, II9-I2I, рис.22-24, 39, 40, 57-6I.

I5 В и н о г р а д о в а Н. М., П ь я н к о в а Л. П. Работы в Гиссарской долине. АО, I977. - М., I978, с.554-555.

I6 В и н о г р а д о в а Н. М., П ь я н к о в а Л. П., С а м о й л и к П. Т., М е л ь н и к о в а Л. А. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана. АО, I978. - М., I979, с.576; В и н о г р а д о в а Н. М. Поселение эпохи бронзы на юге Таджикистана. АО, I980. - М., I98I, с.473-474.

Выражаем благодарность Н.М.Виноградовой за возможность ознакомиться с керамикой и бронзовым инвентарем стоянки Кангурт-Тут и могильника Тандир-Йул.

В слое вместе с керамикой бургулюкского типа обнаружены фрагменты двух кольцевидных серег (рис., 6), изготовленных простым сгибанием из круглой или овальной в сечении проволоки с заостренными концами. Эта одна из обычных форм украшения женщин со времени появления металла.

Ареал и время бытования кольцевых серег довольно значительны. В Средней Азии они известны в памятниках земледельческой культуры Сапалли, Алтын[17], в Чустских поселениях и комплексах эпохи бронзы Южного Приаралья[18].

В комплексах производственного инвентаря обитателей сазаганской стоянки значительный интерес представляет бронзовое однолезвийное орудие (рис.,I) - плоское, со слабо выраженной асимметричностью, односторонним расширением верхней половины, являющейся лезвийной частью. Лезвие заточено полого. Отточенность наблюдается по слегка выпуклой стороне лезвийной части, с едва заметным коленчатым сужением в месте перехода от лезвия к черенку ручки. Наличие плоского подтреугольного тупого конца с незначительной внемкой, видимо, исключает возможность считать ее ножом. Близких аналогий этому предмету мы не знаем. Небольшое соответствие он находит с "бритвами-резаками" типа "А" по классификации Ж.Дезайе[19] и в широко представленных в последнее время древнеземледельческих памятниках Узбекистана (Сапаллитепе), Северного Афганистана (Дашлы)[20].

Таким образом, сосредоточение разновременных памятников на столь небольшой территории (сел.Сазаган) дает возможность проследить последовательность исторического развития данного региона, смену различных культур и изменения в области социально-экономических отношений.

---

[17] А с к а р о в А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, табл.26; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана.-Ташкент, 1977, табл.XУП; М а с с о н В.М. Алтын-депе.-Л., 1981.

[18] З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Указ.соч, табл.X; И т и н а М.А. Указ.соч., рис.78.

[19] D e s h a y e s J. Les ontils de bronze de I'Indus au Danube, v.I-II-Paris, 1960, pl.XVII.

[20] А с к а р о в А.А. Указ.соч.; С а р и а н и д и В.И. Древние земледельцы Афганистана.-М., 1977, рис.39, с.80.

Возвращаясь к проблеме сложения культурных комплексов лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа, мы вслед за А.А.Аскаровым считаем, что этот процесс следует рассматривать как результат синтеза культур земледельцев и скотоводов[21].

Так, исследование стоянки Сазаган II позволяет генезис носителей бургулюкской культуры, по-видимому, связать с андроновским населением, на что указывает общность предметов материальной культуры.

---

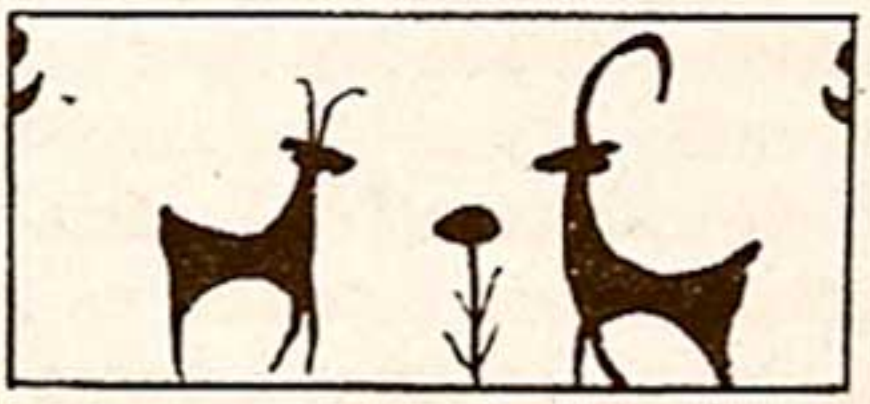
[21] А с к а р о в А.А., А л ь б а у м Л.И. Поселение Кучунтепа.–Ташкент, 1979, с.71–74.

М.Б.Мейтарчиян

АМУЛЕТ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ДЖАРКУТАН

Описываемый амулет обнаружен археологом Х.И.Дуке[I] осенью 1980 г. в период работ Шерабадского археологического отряда под руководством А.А.Аскарова на поселении Джаркутан, при вскрытии верхних культурных слоев помещения 30. Судя по археологическим материалам, верхние слои раскопа I поселения можно отнести к последним этапам культуры Сапалли - XI-X вв. до н.э.[2]

Амулет изготовлен из белого мелкозернистого известняка, имеет размеры: высоту 3 см, диаметр I см. Изображение на амулете выполнено в технике резьбы. На одном из его концов сквозное просверленное отверстие ладьевидной формы, свидетельствующее о возможности его подвешивания.



Прорисовка амулета.

Перед нами симметрично - геральдическая композиция сложного характера: в центре сцены дерево, с двух сторон которого фигуры горных козлов в профиль. Несмотря на определенное мастерство, на амулете представлена лишь схема, самые характерные признаки. Дерево воспроизведено в виде вертикальной линии с двумя парами веток и "солярного" круга над ними. Слева от дерева профильное изображение горного козла с вытянутой мордой, заметным ушком, торчащими вверх рогами, слегка изогнутым туловищем, показан небольшой хвост, видны две передние ноги и одна задняя.

I Автор выражает благодарность д.и.н. А.А.Аскарову и ст.н.с. к.и.н. Х.Дуке за любезное согласие передать амулет для опубликования.

2 А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент: Фан, 1979, с.62-63.

Козел справа от дерева несколько больше, причем показан один рог саблевидной формы. Фигуры обоих козлов статичны.

Сзади между козлами знаки, изображающие сверху - круг, снизу - полумесяц.

Амулеты цилиндрической формы с таким изображением пока неизвестны в среднеазиатском регионе, хотя отдельные элементы композиции (изображения козлов у дерева, астральных символов) достаточно широко распространены в древнейшем искусстве Бактрии и Маргианы. Сюжет указывает на символическое, культовое назначение джаркутанской находки.

Интерпретация древнего искусства затруднена отсутствием для эпохи бронзы в Древней Бактрии письменных источников, слабой изученностью идеологических представлений. Истоки подобных изображений, видимо, берут начало в Месопотамии, где появление цилиндрических печатей-амулетов относится к III тыс. до н.э. Данная композиция характерна для периода Джемдет-Наср. На Эламской глиптике сцена "козлы у дерева" встречается нередко[3]. Широко известна статуэтка из Ура[4], выполненная из драгоценных металлов, изображающая козла, стоящего на задних ногах у "древа жизни". Целый ряд вещей из Зивие содержит мотив "козлы - дерево"[5]. Особо следует отметить бронзовый вотивный штандарт из Луристана (ок. XIIв. до н.э.)[6].

Почитание козла восходит к первоначальному периоду культа Луны, когда обожествляли животных, напоминающих формой рогов лунный серп[7]. Горный козел был наиболее почитаемым животным на Древнем Востоке. По свидетельству шумерских мифов, шумерских правителей и богов часто отождествляли с "могучим козлом"[8]. Горный козел играл видную роль как жертвенное животное у носителей харапской культуры[9].

---

[3] Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. - М.-Л., 1964, с.394.

[4] Вули Л. Ур Халдеев. - М., 1961, с.78.

[5] Луконин Б.Я. Искусство древнего Ирана. - М., 1977, с.20.

[6] Там же, с.15.

[7] Церен Э. Лунный бог.-М., 1976, с.27.

[8] Массон В.М. Средняя Азия..., с.393; там же и литература.

[9] Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. - М.,1951, с.72.

Встречается изображение козла на печатях из Крита[10].

В Средней Азии культ козла отмечается с эпохи палеолита[11]. Очень часто воспроизводятся фигуры козлов на расписной керамике Средней Азии и Ирана. Именно козел в большинстве случаев изображался на печатях-амулетах[12]. Известны изображения козла на зооморфных печатях с Алтынтепе и Шортепе[13].

В Южном Туркменистане появляются рисунки козлов в период позднего Намазга I. Особый "наплыв" происходит в эпоху энеолита.[14] Для эпохи развитой и поздней бронзы Южной Туркмении характерны процарапанные изображения козлов.[15] Изображения козлов зафиксированы и на территории Бактрии. Так, на Сапаллитепа найдены бронзовые и каменные печати с изображением козлов.[16] Есть и амулеты-бусины прямоугольной и квадратной формы с изображениями змеи, птицы, козла.[17] Они выполнены в точечно-контурной технике.

Справедливо мнение большинства исследователей о наличии тотема козла у племен, населявших территорию Ближнего Востока, пережиточные представления о котором сохранились до настоящего времени.[18] В некоторых кенотафных могилах Сапаллитепа обнаруже-

---

I0 E v a n s A. The palace of Minos at Knossos. Vol.IV, part 2,- London, I935, p.500; П е н д л б е р и Дж. Археология Крита. - М., I950, с.I62.

II О к л а д н и к о в А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. В сб.: Тешик-Таш. - М., I949.

I2 С а р и а н и д и В.И. Древнейшие земледельцы Афганистана.- М., I977, с.92.

I3 М а с с о н В.М. Протогородская цивилизация Юга Средней Азии. - СА, № 3, I967, с.I72.

I4 Р а х м а н о в У. Зооморфные изображения на керамике поселения эпохи бронзы Бустан 4. ИМКУ, вып.I6. - Ташкент, I98I.

I5 Сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.-Л.,I966,с.I62.

I6 А с к а р о в А. Сапаллитепа. - Ташкент, I973.

I7 А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура..., с.209, табл.XУ.

I8 К и с л я к о в Н. Бурх - горный козел. - СЭ, № I-2, I934; Л и т в и н с к и й Б.Н. Семантика древних верований и обрядов памирцев. В сб.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. - М., I98I, с.II0.

ны захоронения козлов. Так, в погребении 90 найдено два полных костяка молодых козлят и значительное количество керамических сосудов.[19]

Тотемизм - одна из древнейших форм религий. По мнению Ю.П. Францева, в отношении к тотему лежит тип верований, "который не является еще анимистическим и который можно назвать фетишизацией явлений и предметов природы"[20]. Тотемизм - религия раннеродового общества. На протяжении развития общества тотемические представления эволюционируют. В эпоху бронзы они носят уже пережиточный характер. В этот период для тотемизма характерно представление об инкарнации. К позднейшей стадии тотемизма относятся представления о "дереве-предке". Ряд исследователей связывают дерево с идеей плодородия, а в искусстве древнего Двуречья оно выступает как символ плодородия.[21]

Авеста повествует о дереве, где собраны семена всех растений мира, которые падают на землю, смешиваясь с дождем, и дают жизнь новым растениям.[22] Согласно большинству тотемических мифов, предок превращается в дерево. Мифы повествуют и об оплодотворяющей силе деревьев.[23] В Шумере и Эламе широко распространен в различных сочетаниях мотив дерева. На амулетах Мохенджо-Даро встречаются изображения деревьев, в том числе таких, которые до настоящего времени считаются священными в Индии.[24] Ближайшей аналогией служат схематически процарапанные изображения деревьев на керамике эпохи развитой и поздней бронзы юга Узбекистана и Туркменистана.

---

19 А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура..., с.42, табл.6.

20 Ф р а н ц е в Ю.П. У истоков религии и свободомыслия. - М.-Л., 1959, с.209.

21 К о м о р о ц и Г. К символике дерева в искусстве Древнего Двуречья. В сб.: Древний Восток и мировая культура. - М., 1981, с.50-51.

22 С а р и а н и д и В.И. Указ.соч., с.97.

23 С о к о л о в а З.П. Культ животных в религиях.-М., 1972, с.21; Л и т в и н с к и й Б.Н. Указ.соч., с.106.

24 М а к к е й Э. Указ.соч., с.68.

Солярные знаки также популярный элемент древнего искусства. В Средней Азии они известны с энеолита, преимущественно на керамике, статуэтках,[25] что придает им сакральный смысл. Их наличие в эпоху бронзы указывает на усложнение религиозных представлений, существование космогонических мифов о происхождении человека, вселенной. Примечательно, что на сузианских печатях изображения козла у дерева сопровождались солярными знаками.[26] На наш взгляд, космогонические символы на амулете из Джаркутана - свидетельство скорее всего культового его назначения, нежели знака собственности. Подобные амулеты могли приноситься в храм как дар, как жертвоприношение.

По манере и технике исполнения джаркутанскую находку можно отнести ко второму периоду эволюции тотемических представлений у раннеземледельческих племен Ближнего Востока, который отличается расцветом "раннеземледельческих культур в рамках первобытнообщинного строя", "упадком тотемизма в связи с победой религиозных представлений, соответствующих новому экономическому базису общества (культ плодородия, космические божества и т.п.)"[27]

Распространение подобных изображений - свидетельство дальнейшего усложнения религиозного мышления, формы общественного сознания в эпоху бронзы. Амулет и его выполнение показывают высокий уровень технических навыков в искусстве древних мастеров и сходство духовной жизни земледельцев юга Узбекистана с древнеземледельческими культурами Востока.

---

25 Массон В.М., Сарианиди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. - М., 1973.

26 Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анаусской культуры /К проблеме значения/. В сб.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. - М.,1981, с.716; там же и литература.

27 Массон В.М. Средняя Азия..., с.388.

Ю.А.Заднепровский, Б.Х.Матбабаев

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ФЕРГАНЕ /1950-1982 гг./

Открытие Чустского поселения эпохи поздней бронзы на территории Ферганы положило начало изучению наиболее раннего этапа истории земледельческого населения этой долины. Оно было открыто М.Э.Воронцом и В.И.Спришевским в 2 км к северу от г. Чуста, на пологом холме, около родника, в долине р. Гава[1]. В 1951 г. М.Э.Воронец в двух шурфах-раскопах (по 20 м^2) впервые обнаружил культурный слой и собрал керамику, каменные поделки и зернотерки, а также обломки бронзовых предметов. Основываясь на общем сходстве с культурой Анау, М.Э.Воронец датировал Чустское поселение III-II тыс. до н.э.[2]

Раскопки были продолжены В.И.Спришевским, который с 1953 г. на протяжении 9 сезонов /1953-1961 гг./ вскрыл значительную площадь - около 7000 м^2, что составляет примерно 1/6 поселения.

Основные работы проводились в раскопе 1 /центральном/, который к 1957 г. прорезал весь холм с севера на юг на протяжении 116 м. При этом установлено, что оборонительных сооружений не было на северном и южных краях поселения, поселение было открытым.

В последующие годы сделаны большие прирезки с западной стороны центрального раскопа, что хорошо видно на плане[3]. Вся площадь раскопа изрыта многочисленными ямами. В материковом лессе расчищены 163 хозяйственные ямы, часть из них первоначально В.И.Спришевский принял за остатки жилищ - землянок. Поч-

---

1 Воронец М.Э. Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. - Известия АН УзССР, 1951, № 5.

2 Он же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950-1951 гг. - В кн.: Труды Музея истории УзССР. Вып.II, 1954.

3 Спришевский В.И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана. - СА, 1972, № 3, с.228, рис.1.

ти в середине центрального раскопа располагается овальное наземное сооружение /2,0 х 2,7 м/, стены которого сложены из чередующихся 20 слоев глины и ила. Стены сохранились на высоту 2 м и при толщине верхней части 30 см. Внутри обнаружен сводчатый очаг размером I,4 х 0,8 м с толстым слоем золы на дне. Эта постройка не могла служить жилищем, так как вход в нее был закрыт очагом. Исследователь предполагает, что она использовалась как обжигательная печь или в качестве культового сооружения[4].

В северной части поселения к востоку от центрального раскопа был заложен небольшой раскоп П на отдельном холмике.

В I956 г. начаты работы на северо-западном участке и здесь обнаружена часть оборонительной стены. Затем на этом участке был разбит большой раскоп 3, в котором исследованы остатки укреплений. Кроме этих раскопов, в разные годы работы осуществлены в 26 шурфах в разных частях поселения. Многие из шурфов открыты для определения сложного контура оборонительной стены в северо-западной части поселения. Укрепления были прослежены полностью, и эти работы важны для исследования Чустского поселения.

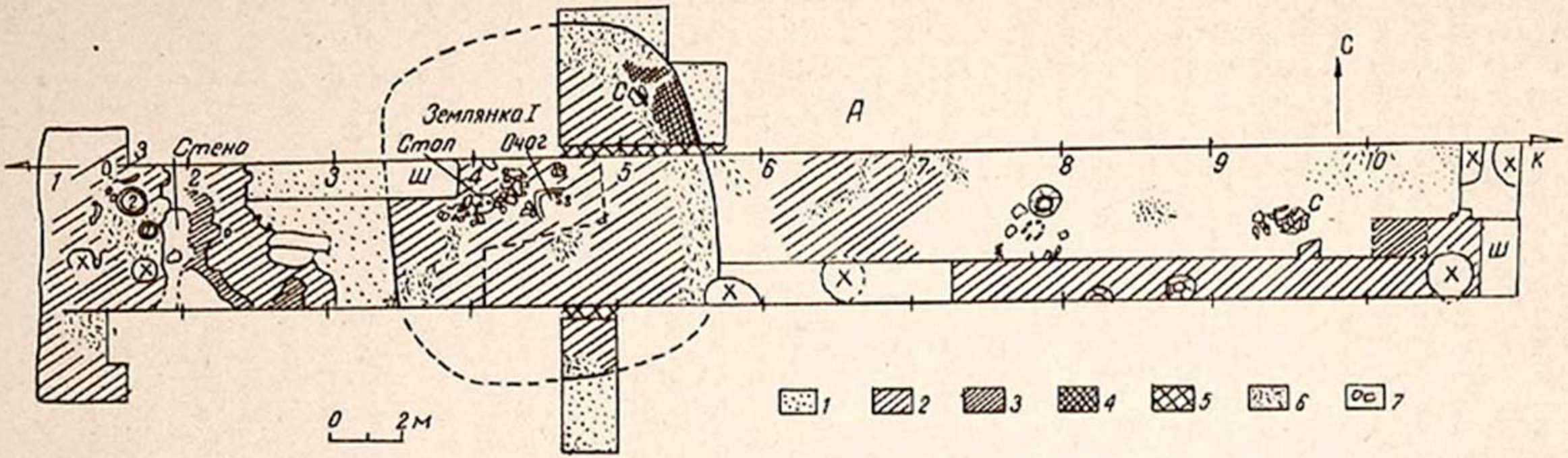
В результате многолетних работ удалось охарактеризовать само поселение, его укрепления и отчасти жилища, а также обнаруженные в культурном слое захоронения древних жителей. Здесь был получен богатый археологический материал, который позволил В.И.Сprишевскому достаточно полно изучить разные стороны хозяйства, культуры и быта древних земледельцев.

Раскопки Чустского поселения после I96I г. не продолжались. В ходе земляных работ и строительства дороги было сильно повреждено само поселение, до такой степени, что ныне невозможно определить, где находились укрепления на северо-западе и где были раскопки, которые частично засыпаны и частично естественно заплыли.

В начале 70-х годов Ю.А.Заднепровский приступил к обобщению накопленного материала по Чустской культуре Ферганы. Для сравнительного изучения здесь основных памятников потребовалось проведение повторных работ, что и удалось сделать в I974 г. Раскоп в виде траншеи длиной 40 м и шириной 4 м был заложен

---

[4] Он же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в I955 г. – Известия АН УзССР, I957, № I, с.65–72, рис.3.



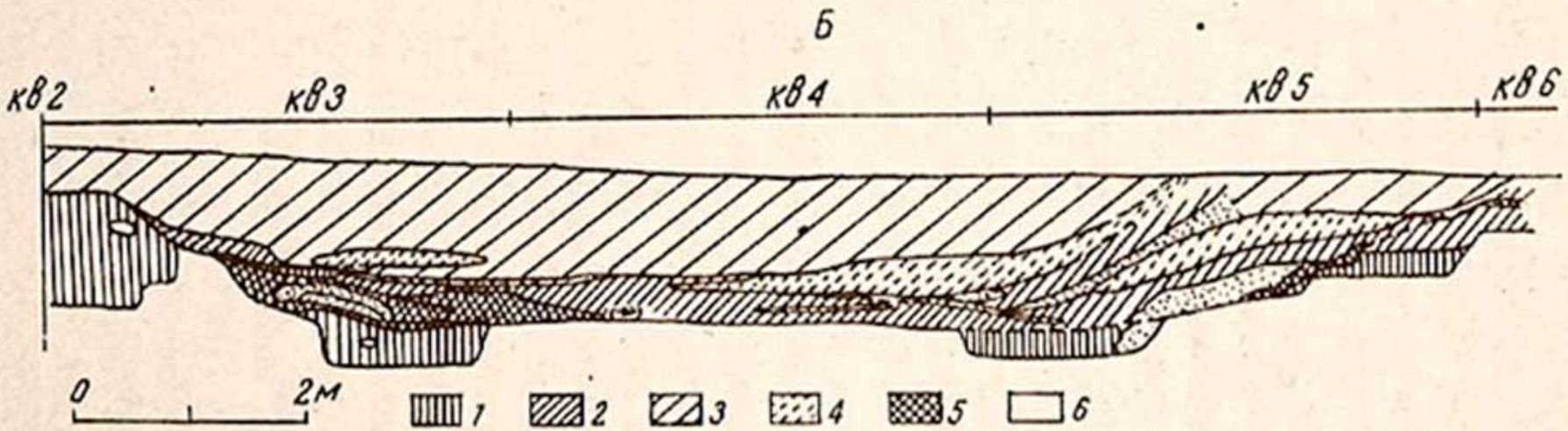


Рис.I. А - план раскопа: I - материковый лесс, 2 - пол среднего периода, 3 - плотно утрамбованная земля, 4 - зола черного цвета, 5 - бровка, 6 - красноватый грунт, 7 - обломки кирпича; х - ямы, ш - шурфы, с - сосуд, к - кочерга. Б - разрез землянки I (северн.бровка): I - материковый лесс, 2 - зола серого цвета, 3 - грунт с золой и керамикой, 4 - грунт кремоватого цвета, 5 - зола черного цвета, 6 - песок.

на восточной части поселения, начиная от предположительного (уже к тому времени сильно разрушенного) восточного края центрального раскопа. Северный край раскопа располагался на расстоянии 5I м от асфальтовой дороги, проведенной по северному краю поселения. Большие старые отвалы ограничивали возможность выбора места раскопа. Общая площадь его с прирезками около 200 м^2. Установлено, что значительная часть участка понижается с запада на восток почти на I,4 м (рис.I).

На западном участке отрыта часть пола на отметке 40 см от поверхности, на котором расчищено три цилиндрических сооружения из глины непонятного назначения. Такие же сооружения известны в Дальверзине. Диаметр их 70 м. Стены и дно, составляющие одно целое, выведены из обгорелой глины и снаружи закопчены. Ниже дна одного цилиндра найден массивный кусок рога оленя, опиленный с двух сторон.

Почти в середине траншеи на глубине I,2 м (I,7 от нулевой отметки на западе траншеи) обнаружены западный и восточный края чашевидной землянки, затем в прирезках - северный и южный ее края, и, таким образом, удалось почти полностью оконтурить землянку овальной в плане формы, размером по верху 9,5 х 8,5 м. Стратиграфически она залегает ниже верхнего пола (на отметке 40 см) и, следовательно, относится к нижележащему строительному горизонту. На полу почти в центре землянки - очаг прямоугольной формы со стенками в виде невысокого валика (размеры I00 х 80 см). Рядом развал раздавленных сосудов, среди которых целая дисковидная крышка без ручки.

Особый интерес представляют найденные здесь части массивного глиняного столика (60 х 54 см) овальной формы, имевшего четыре массивные конические ножки высотою до 20 см. Из них полностью сохранились две ножки и обломки третьей. Эта находка уникальна.

На небольшом участке прорезали промазки пола, которые залегали горизонтально ровно. Ниже пола землянки в лессовом грунте найдена керамика, которую, очевидно, следует относить к третьему, нижнему культурному слою. Обнаружение на Чустском поселении бесспорной землянки обычного для них вида и размера позволило окончательно решить дискуссионный вопрос об использовании ям, встречаемых на поселениях, в качестве жилищ-землянок.

В восточной части траншеи на уровне верхнего пола выявле-

но несколько раздавленных крупных корчаг. На самом восточном краю открыта зольная прослойка, которая залегает на глубине 2,5 м (от нулевой отметки) и, следовательно, относится к нижнему строительному горизонту, так как отделена от вышележащей зольной прослойки стерильным слоем песка в 50 см. На небольшом участке трудно получить полное представление о характере залегания слоев, тем более что верхние наслоения здесь смыты. Следует учитывать и значительное понижение поверхности холма. Несмотря на эти оговорки, сделанные в 1974 г. стратиграфические наблюдения позволяют говорить о существовании трех строительных периодов (горизонтов) в жизни поселения.

К востоку от первой землянки в обрезе южной стенки траншеи наметились контуры, по всей видимости, второй землянки.

Ознакомление с керамикой в ходе работ позволяет судить о близком сходстве ее с материалами Дальверзина. Получено более полное представление о керамическом комплексе Чуста. Все находки классифицированы и подсчитаны по методике, разработанной на материалах Дальверзина. Это дало более точное представление о керамике Чуста и возможность сравнения ее с материалами других исследованных памятников в одинаковых условиях. Отметим только худшее качество изделий Чуста по сравнению с дальверзинскими, большую грубость теста и обработки поверхности. Например, посуды с красной облицовкой такого качества, как в Дальверзине, в собранных материалах оказалось очень мало.

В целом проведенные в 1974 г. работы внесли существенные дополнения и позволили уточнить наши представления об особенностях домостроительства, количестве строительных горизонтов и керамическом комплексе Чустского поселения.

В 1982 г. чустский отряд ИА АН УзССР совместно с ЛОИА АН СССР[5] провел новые исследования на поселении с целью сбора материалов для изучения вопроса о локальных вариантах в развитии чустской культуры Ферганы. Работы проводились на двух основных объектах: на северном раскопе, расположенном с западной стороны центрального раскопа в его северном конце, и на южном раскопе,

---

5 Отряд работал в составе: А.А.Аскаров – начальник отряда, Ю.А. Заднепровский, Е.А.Волкова, М.Б.Мейтарчиян, Б.Х.Матбабаев, У.Рахманов и группа школьников из г.Чуста.

примыкающем с двух сторон к раскопу 1974 г. Вскрыто более 500 м^2. Площадь северного раскопа 200 м^2 (25х8 м - рис.2); толщина культурного слоя 1,5 м. Здесь на двух строительных горизонтах обнаружено 44 хозяйственные ямы, которые почти полностью занимают всю вскрытую поверхность участка, не оставляя места для какой-либо постройки. Строительные остатки в один ряд сырцового кирпича зафиксированы на полу - жилой поверхности верхнего горизонта. Сделаны тщательные стратиграфические разрезы, которые позволяют говорить о наличии здесь трех строительных горизонтов.

На южном раскопе площадью 300 м^2 завершено исследование обнаруженной в 1974 г. землянки. В северной части ее на полу находилось цилиндрическое сооружение такой же как на западном участке траншеи 1974 г. Она отличается большими размерами - диаметр 105 см. Рядом с ним расчищена нижняя часть большой корчаги. Землянка окружена жилой поверхностью (пол), на которой с северной стороны найдена большая раздавленная корчага. На этом же уровне обнаружен целый глиняный котел с носиком - сливом, покрытый белой облицовкой. На жилой поверхности выкопаны обычные хозяйственные ямы; на южном раскопе 37 таких ям. В нескольких ямах оказались обломки сырцового кирпича. В южной части открыты остатки круглого очага. К востоку от первой землянки в южном обрезе в конце работ повторно прослежен контур второй землянки. Поражает многочисленность хозяйственных ям, столь характерная для всех чустских поселений. В 1982 г. расчищено 80 ям, или почти половина всех ям, исследованных В.И.Спришевским в центральном раскопе.

На южном краю поселения заложен небольшой шурф (4х4 м). На всех трех объектах 1982 г. взяты образцы угля для радиоуглеродного определения возраста Чуста. Керамики было собрано значительно больше, чем в 1974 г., среди находок преобладали образцы толстостенной посуды (корчаги). Внимательное изучение позволило выделить особую разновидность толстостенной керамики с белой облицовкой, ее было также больше, чем в 1974 г.

Отметим интересные находки расписной керамики. Уникален миниатюрный горшок из трех соединенных вместе сосудов. Снаружи он украшен геометрическим узором. В рассматриваемом орнаменте имеются оригинальные мотивы, не находящие аналогий в других чустских памятниках.

Довольно много изделий из камня обычных для Чустского по-

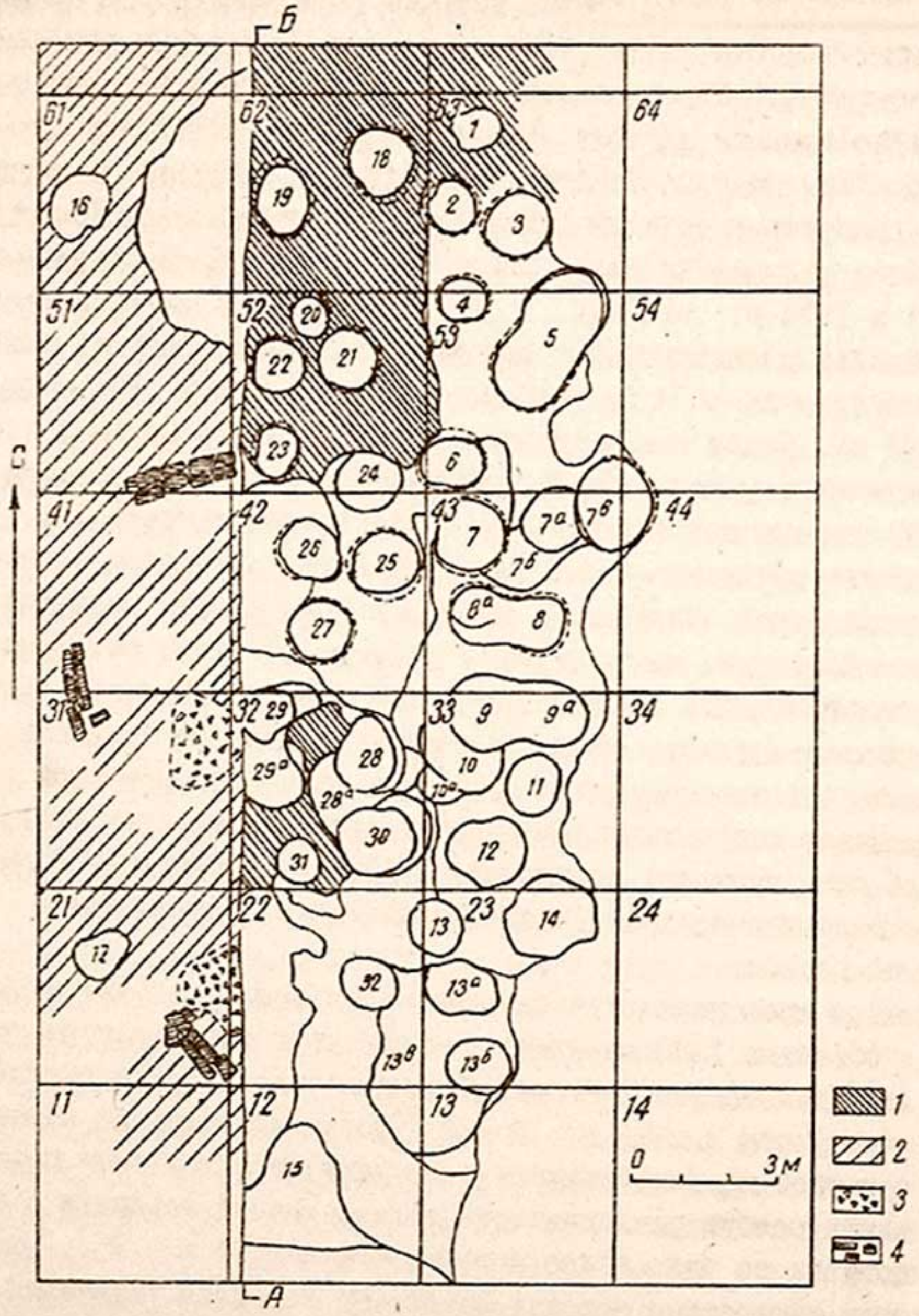


Рис.2. План северного раскопа 1982 г.: 1 - нижний пол, 2 - верхний пол, 3 - очажные пятна, 4 - сырцовые кирпичи.

селения форм. Среди них каменные серпы, точила, отбойники, зернотерки и др. Пополнилась коллекция изделий из кости, рога. Полученные в 1982 г. значительные материалы и прежде всего керамика обрабатываются, и они в совокупности с ранее добытыми послужат основанием для решения вопроса о локальном своеобразии материальной культуры Чустского поселения.

В ходе работ подтвердилось предположение о наличии в Чусте трех строительных горизонтов. В свое время В.И.Спришевский выделял семь жилых горизонтов, семь этапов в жизни Чустского поселения. Такая многочисленность их вызывала сомнения. Выделение во время работ 1974 и 1982 гг. трех строительных горизонтов, также как в Дальверзине, - определенное указание на сходство исторических процессов развития чустской культуры в разных районах Ферганской долины.

Вопросы хронологии. Исследователи Чуста в 1954 г. предложили датировать этот памятник III–II тыс. до н.э.[6] Только II тыс. до н.э. датируют в том же 1954 г. А.Н.Бернштам[7] и Ю.А.Заднепровский. Дальнейшее уточнение внес Я.Гулямов, отнеся это поселение уже к середине II тыс. до н.э.[8] В работе 1957 г. Ю.А.Заднепровский предложил датировку концом II – началом I тыс. до н.э.[9], которая была развита и подкреплена новыми данными, в том числе результатами радиоуглеродного определения возраста Дальверзина в работе 1962 г.[10]

---

[6] Воронец М.Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР..., с.57.

[7] Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. В сб.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954, с.261–304.

[8] История Узбекской ССР. Т.I., Ташкент, 1955.

[9] Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып.69. – М., 1957, с.56.

[10] Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, вып. 118. – М.–Л., 1962, с.64–70.

В эти годы В.И.Спришевский соглашается с датой II тыс. или вторая половина II тыс. до н.э.[II], а в диссертации вслед за Ю.А. Заднепровским он приходит к определению времени Чуста в пределах конца II - начала I тыс. до н.э. При этом Спришевский проявляет самостоятельность подхода, и в его работе имеется по сути дела три даты: I - середина II тыс. до н.э. - время возникновения Чуста, 2 - в пределах второй половины II тыс. до н.э. - начальный этап жизни и 3 - рубеж II - I тыс. до н.э. /XI-УШ вв. до н.э./ - время последнего этапа жизни поселения.

Ранюю датировку Чуста нельзя признать достаточно обоснованной: авторы опираются на находки каменных булав, которые, по заключению Спришевского, аналогичны находке на Кавказе середины II тыс. до н.э. Обычно принято определять время памятника не по единичным находкам, а по комплексу. Однако в Чусте отсутствуют другие какие-либо ранние находки, и поэтому невозможно согласиться со столь ранней датой.

Позднее А.И.Тереножкин предложил отнести памятники чустской культуры к УШ-УП в. до н.э.[I2], исходя из находок роговых псалий и литейной формы для отливки трехдырчатых псалий в Дальверзине, а также удил с однокольчатыми концами. Все эти изделия Тереножкин сопоставил со скифскими и на этом основании предложил передатировать Чуст. Однако с этим тоже нельзя согласиться, поскольку он не рассматривает совокупность всех данных и прежде всего потому, что отсутствуют предметы, типичные для скифской триады.

В работе Ю.А.Заднепровского 1978 г.[I3] пересмотрены все накопленные материалы по культурам поздней расписной керамики Средней Азии поры Яз I, а также данные по Сиалку и другим памятникам. Установлено, что Чуст находит наибольшее соответствие в комплексах юга Туркмении периода Анау IУа и Кучук и может быть датирован отрезком времени от рубежа II-I тыс. до н.э. до рубежа

II Спришевский В.И. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. - СА, 1958, № 3, с.185-189.

I2 Тереножкин А.И. Даты ментечаурских удил. - СА, 1971, № 4, с.79.

I3 Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф.докторской дисс., М., 1978.

УШ–УП вв. до н.э. Более короткое время существования основных памятников Дальверзина и Чуста определено в пределах X–УШ вв. до н.э. При этом автор опирался и на радиоуглеродные даты.

Мы располагаем уже шестью радиоуглеродными датами основных поселений: Дальверзина – 3050 ± I20 /II00 ± I20 до н.э./ и 2720± ± I20 /770 ± I20 до н.э./, Чуста – 2640 ± 50 /690 ± 50 до н.э./, которые охватывают период XI–УП вв. до н.э. К ним следует добавить три определения образцов из Ошского поселения: ^{14} 3470 ± 40 /I520 ± 40 до н.э./, 2940 ± 40 /990 ± 40 до н.э./ и 2570 ± 40 /620 ± 40 до н.э./, которые охватывают период ХУ – УП вв. до н.э. Заметим, что последняя дата Ошского поселения очень близка рассчитанной по ^{14}C для Чуста. В настоящее время в лаборатории ЛОИА АН СССР на определении находятся еще три образца из Чуста. Приведенные даты сходны с датой Кучуктепе периода Яз I – 2850 ± ± 60 /900 ± 60 до н.э./ и позволяют с большей уверенностью синхронизировать памятники чустской культуры с комплексами Кучука, Анау IУа и Яз I на юге Средней Азии.

Ко всему этому добавим, что во время работ I974 и I982 гг. никаких более ранних слоев на Чустском поселении не обнаружено. Не найдено также ранних находок. Выделенные на Чусте три строительных горизонта свидетельствуют о меньшей, чем предполагал В.И. Спришевский (семь этапов), продолжительности жизни поселения. Это наблюдение еще раз говорит в пользу сокращенной датировки существования Чуста – конец П – начало I тыс. (в X–УШ вв. до н.э.). Оговоримся, что у нас отсутствуют объективные данные для более точного определения начала возникновения Чуста и чустской культуры в целом, которое, возможно, уходит несколько вглубь, но в пределах конца П тыс. до н.э.

Поселения. Укрепления. Жилища. Погребения. Чустское поселение занимает холм длиной 4I0 и наибольшей шириной 2I0 м.[I5] В более поздней статье сказано, что площадь его 9000 м^2 (0,9 га)[I6].

I4 З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Ошское поселение бронзового века. В сб.: Памятники Киргизстана, вып.5,–Фрунзе, I982.

I5 С п р и ш е в с к и й В.И. Чустская стоянка эпохи бронзы. – Советская этнография, I954, № 3, с.69.

I6 Он же. Чустское поселение эпохи бронзы /из раскопок I954 г./ КСИИМК, вып.69,–М., I957, с.40.

Измерения по плану дали площадь равную примерно 4 га[17]. В диссертационной работе В.И.Спришевского указана площадь около 5 га[18]. Следовательно, Чустское поселение по площади /4–5 га/ относится к группе средних поселений, каких в Ферганской долине было немного, и они, по всей вероятности, служили центрами земледельческих оазисов.

Чустское поселение состояло из двух частей: укрепленной северо-западной и более обширного жилого участка на востоке. Именно на последнем находились все обнаруженные остатки жилищ.

Всего на поселении раскопано 5 жилищ двух типов и несколько помещений на башнеобразной пристройке к оборонительной стене. Описание их составлено по опубликованным данным и дополнено деталями из диссертации В.И.Спришевского.

Жилище 1 на южном крае холма, в плане овальной формы, размером 6x7 м, ориентировано по линии С – Ю. На полу расчищено более 30 круглых ямок от столбов диаметром 8–13 см, глубиной 25–30 см; в некоторых куски обгорелого дерева. В северной части ровик в форме угла. Внутри выявлены остатки двух очагов. В полу выкопаны четыре хозяйственные ямы[19].

Жилище 2 в центре поселения. Пол на глубине 65–95 см от поверхности холма. В плане оно овальной формы, размером 6,6x6,2 м и вытянуто по линии З–В. По краям жилища расчищено много ямок от столбов. Вся площадка покрыта остатками камыша.

В западной части центрального раскопа на глубине 55–60 см от поверхности открыто каркасное жилище 3, в плане овальной формы, размером 15x10 м, вытянутое по линии СВ–ЮЗ, на полу два очага. По краям жилища расчищены столбовые ямки.

Эти три постройки относятся к типу наземных жилищ столбовой конструкции, со стенками, выложенными камышом. Они, как полагает В.И.Спришевский, были похожи на жилища населения бронзового века Хорезма.

---

17 З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы, с.38.

18 С п р и ш е в с к и й В.И. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Авторев.канд.дисс. – Ташкент, 1963, с.6.

19 С п р и ш е в с к и й В.И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.)..., с.40–49, рис.10.

На поселении выявлены также остатки глинобитных построек. Выше каркасного жилища 3 залегают части прямоугольного глинобитного дома размером 9,4х8,2 м, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. В северо-западном углу дома очаг; в северо-восточной стене дверной проем шириной около 2 м. Кроме того, открыта стена второго глинобитного жилища, ориентированная также по линии СВ–ЮЗ, остальная часть дома осталась за пределами раскопа.

Пять небольших помещений раскопаны в пристройке к оборонительной стене. Одно из них размером 3,00хI,50 см, а другое неправильной трапециевидной формы.

В I974 и I982 гг. на поселении раскопана землянка чашевидной формы[20], овальная в плане, вытянутая по линии СЗ–ЮВ. Размеры ее по верху 9,5х8,5, по дну 7,2х7,2 м, площадь соответственно 50–80 м^2. Стены пологие, столбовые ямы не прослежены. По стратиграфии землянка относится к среднему горизонту. На полу очаг прямоугольной формы с невысоким бортиком, и вокруг него большое скопление разбитых сосудов. В разных местах пола расчищены зольные пятна и культурные отложения. В северной части находилось глиняное цилиндрическое сооружение непонятного назначения. Подобные ему ранее обнаружены в Дальверзине. На полу сооружения найден разбитый глиняный столик на массивных ножках. Судя по всем признакам, полуземлянка использовалась как жилище. Контуры второй землянки выявлены к востоку от первой.

Открытие землянок существенно дополняет сложившиеся представления о типах жилищ Чуста. На этом поселении, следовательно, обнаружены: I) глинобитные наземные дома, 2) каркасные постройки столбовой конструкции и 3) землянки.

В.И.Спришевский открыл и исследовал оборонительную стену. Она окружала северо-западную часть площадью около I,5 га, т.е. почти I/3 всей территории поселения. В плане стена имеет форму ломаной замкнутой кривой, северо-западная часть которой не сохранилась. В юго-восточной части обнаружен проход (калитка) шириной I,2–I,3 м. Периметр сохранившихся стен 286 м. Оборонительное сооружение Чуста оконтурено полностью. Основываясь на различном

---

[20] З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Землянки бронзового века Ферганы. Тезисы докладов конференции "Новейшие открытия советских археологов". – Киев, 1975.

устройстве отдельных участков стен, Б.И.Спришевский приходит к выводу, что укрепления возводились в три приема. Раньше всего был построен северный дуговидный участок толщиной 3 м и высотой до 4 м. Стена сложена из кирпича 55х32х8 см, а ее основание из пахсы и кирпича 55х33х10 см. С внешней стороны к ней пристроена глинобитная платформа с остатками круглой кладки башнеобразного сооружения диаметром 10–11 м. В центре этой кладки обнаружены остатки пяти узких комнат. На следующем этапе возведено южное крыло, высота которого достигает 5 м в середине, на месте промоины. Толщина стен уменьшается от 3 до 2 м. Основание также из пахсы и кирпича, но иного размера – 32–37х30х8 см. К последнему этапу относится строительство остальной части стен и каких-то плохо сохранившихся дополнительных укреплений перед южным крылом. Все стены возведены на нижнем культурном слое, толщина их достигает 70 см под платформой у северного крыла. Укрепление Чуста, как полагает исследователь, "служило загоном для домашнего скота в ночное время и как укрытие во время нападения врагов"[21].

Прежде всего отметим, что Чуст, так же как и Дальверзин, первоначально не имел укреплений. Не случайно, что они появляются на втором этапе существования поселка, и, следовательно, можно считать, что укрепления возникают примерно в одно и то же время в разных частях Ферганы. Своеобразие фортификации Чуста более всего сказывается в наличии дополнительных платформ с внешней стороны. Они отличаются и сравнительно сложной конфигурацией стен. Если сравнивать стены Чуста и Дальверзина, то наибольшее сходство можно заметить с внутренней кирпичной стеной цитадели Дальверзина. Совпадают при этом и размеры кирпича. В Чусте применяли кирпичи более 20 вариантов (по размеру). По аналогии с Дальверзином можно допустить, что указанная часть Чустского поселения выполняла функции цитадели и могла быть также использована как загон и укрытие в случае опасности, хотя у нас не имеется данных о ее внутренней планировке. Заметим, что еще в 1963 г. В.И.Спришевский высказал близкое мнение, рассматривая укрепления Чуста как прототип цитадели.

---

21 С п р и ш е в с к и й В.И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана, с.230.

Жители поселения не имели обособленных могильников и хоронили умерших на его территории.

Здесь обнаружены четыре погребения в пределах центрального раскопа. Погребение I залегает на отметке 60 см от поверхности. Костяк женщины возмужалого возраста в скорченной позе лежал на левом боку, головой на ЗЮЗ. Руки согнуты в локтях и кисти у лица. У костяка пятна обожженной земли, возможно, следы погребального костра. Расовый тип - европеоидный долихокранный.[22] Как показано на плане раскопа, ниже костяка хозяйственная яма 79; вырытая в материковом лессе, она, следовательно, относится к начальному этапу жизни поселения. Скелет был перекрыт культурным слоем толщиной 60 см. Поскольку он лежит выше ямы, на уровне дневной поверхности, и сверху перекрыт зольными прослойками, то захоронение здесь могли произвести лишь в промежуточный период между верхним и нижним горизонтами, когда яма была уже засыпана. Это наблюдение имеет важное значение для решения вопроса о стратиграфии Чуста.

Погребение 2 найдено ниже пола, в яме на глубине I,35 м. Перекрыто культурным слоем и относится к начальному этапу жизни на поселении. Костяк мужчины возмужалого возраста в скорченной позе, на левом боку, головой на ЮЗ. Череп лежал на подстилке - "подушке" из растительных остатков: здесь найдены зерна пшеницы и ячменя. Расовый тип - европеоидный долихокранный средиземноморский.

Погребение 3 обнаружено в яме на глубине I,9 м. Костяк мужчины зрелого возраста в скорченной позе, на левом боку, головой, вероятно, на ЮЗ. Кости сильно разрушены, сохранились только череп и кости правой ноги. Расовый тип - европеоидный средиземноморский.

Погребение 4 располагается в центре раскопа, юго-восточнее жилища 2, на глубине 65-75 см. Скелет мужчины юношеского возраста на спине, позвонками на большом камне, ногами к ЮЗ (следовательно, головой на СВ), левая рука отброшена. По заключению В.И. Спришевского, погребенный погиб насильственной смертью во время

---

22 С п р и ш е в с к и й В.И. Раскопки Чустского поселения ..., с.65-72, рис.5; Он же. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки I955 г.), КСИИМК, вып.7I. - М., I958, с.97-98.

нападения. Костяк сильно разрушен, череп несколько в стороне и выше, на отметке 25–35 см от поверхности. Расовый тип – европеоидный брахикранный (черепной указатель 82,32). Это единственный случай захоронения иного расового типа на чустских поселениях. В Фергане он широко представлен в могильниках Актамской группы, т.е. на последующем этапе исторического развития. Следовательно, возможно, что это захоронение относится к более позднему времени.

В Чусте исследованы также остатки коллективного захоронения в яме размером 2,4xI,5 м, на глубине I,55 м. В ней находились без определенного порядка как бы сваленные кости человека и животных. Здесь были четыре поврежденных черепа и шесть сломанных нижних челюстей, а также кости конечностей. Однако ни позвонков, ни ребер, ни костей таза и кистей рук не найдено. Вот почему В.И.Спришевский считает это захоронение расчлененных трупов.

Найдены также сосуды с останками человека. В раздавленном сосуде, стоявшем на глиняной подставке на развалинах оборонительной стены, оказался череп мужчины возмужалого возраста. Расовый тип – европеоидный средиземноморский. В нескольких метрах к северу находился еще один сосуд с челюстью и малой лучевой костью.

Ко всему этому следует добавить находки отдельных черепов. В I958 г. в траншее 4 на юго-западном участке оборонительной стены обнаружен череп без нижней челюсти, лежавший на развалинах этой стены, на глубине 30 см от поверхности. В хозяйственной яме в пределах каркасного жилища 2 оказался череп без нижней челюсти женщины (?) возмужалого возраста. В аналогичной яме ниже на 35–40 см от пола каркасного жилища 3 также найден череп женщины (?) возмужалого возраста. Он был специально обложен комками глины.

Всего на Чустском поселении выявлено два полных и два разрушенных погребения, семь отдельных черепов и около десяти нижних челюстей, т.е. останки 2I человека. Здесь представлены разные варианты погребального обряда: одиночные захоронения на левом боку и на спине, коллективные захоронения, расчленение трупов, а также захоронение в сосудах.

Комплекс керамики. Во время работ В.И.Спришевского было получено I36 археологически целых сосудов и около 200 000 фрагмен-

тов. Однако подсчеты керамики не опубликованы и неясно, насколько реальна приведенная цифра. По внешним признакам керамика подразделена на четыре основных типа: I - сосуды с залощенной, покрытой красным ангобом поверхностью; II - сосуды с залощенной поверхностью, покрытой ангобом и расписным орнаментом; III - сосуды без лощения, ангоба и росписи; IУ - сосуды "кухонные". Далее перечислены основные формы посуды каждого типа.[23]

Более точное представление о керамическом комплексе Чуста в целом, основных группах (типах) и количественном соотношении их дали материалы, собранные в 1974 и 1982 гг. В таблице показано распределение керамики поселения по группам. Для сравнения приведены средние данные по Дальверзину. В Чусте представлены те же группы керамики, что и в Дальверзине, за исключением черно-серолощеной. При этом I, II, и IУ типы, по классификации В.И. Спришевского, находят полное соответствие в группах Дальверзина. Третий тип, очевидно, нужно сопоставлять с керамикой, имеющей белую облицовку. В классификации В.И.Спришевского особо не выделена толстостенная посуда, которая, вероятно, отнесена к кухонной. Эта классификация, как видим, неполная.

По приведенным в таблице данным, в Чусте посуды с красной облицовкой было более чем в два раза меньше, чем в Дальверзине. Меньше было также расписной керамики. Толстостенная керамика представлена на обоих поселениях примерно в равном количестве. Необычно много в Чусте посуды с белой облицовкой - по данным 1974 г., примерно I/3 всего комплекса. В материалах 1982 г. среди толстостенной керамики выделены образцы с белой облицовкой, и поэтому доля этой керамики возросла почти до 40 %. Больше оказалось в Чусте и кухонной посуды. Сопоставление не оставляет сомнения в существовании локальных особенностей керамических комплексов двух основных памятников чустской культуры. Однако установление в полном объеме своеобразия керамики Чуста - тема специального исследования. Материалы раскопок 1982 г. еще обрабатываются и использованы только частично при типологии. Предварительная классификация керамики Чуста основана главным образом на материалах 1974 г. с включением некоторых ранее добытых данных. Весь комплекс подразделяется на пять групп, которые, в свою очередь, подразделены на классы и внутри них на типы.

---

[23] С п р и ш е в с к и й В.И. Чустское поселение. Автореф.канд. дисс., с.9.

Тип керамики	Чуст			Дальверзин, 1969–1974 гг., %
	1974 г.	1982 г.	в среднем за 2 года, %	
I. С красной облицовкой	1343(32,63)	3107(29,8)	30,6	72,0
в том числе фрагменты	903	2033		
венчики	282	753		
донца	86	132		
заготовки	60	79		
грузики	4	18		
фрагменты с отпечатками ткани	2	7		
крышки	6	85		
II. Расписная	26(0,63)	71(0,7)	0,7	1,7
III. С белой облицовкой тонкостенная	1181(28,69)	2596(24,9)	35,7	
в том числе венчики	100	435		
донца	20	139		
белая толстостенная		1411(13,5)		
IУ. Сероглиняная (кухонная)	1166(28,33)	2772(26,6)	27,1	16,6
в том числе венчики	191	452		
донца	20	47		
жаровни	9	27		
У. Толстостенная	399(9,69)	455(4,4)	5,8	8,5
в том числе венчики	118	86		
донца	7	6		
И т о г о	4115(99,97)	10412(99,9)	99,9	99,76

П р и м е ч а н и е. В скобках в %.

Первая группа - керамика с красной облицовкой, которая разбита на восемь классов: I - чаши нескольких типов: плоскодонные (рис.3; I-6), круглодонные с прямой закраиной (рис. 3; I-I,2), с отогнутой закраиной (рис.3; I-3-5); II - миски прямой закраинсй (рис.3; II-I), с отогнутой закраиной (рис.3; II-3,4); III - миски с перегибом бортика (рис.3; III-I-4); IУ - конические горшки нескольких типов: с прямыми стенками (рис.3; IУ--I,2), с изогнутыми стенками (рис.3; IУ-4-6), с налепными ручками (рис.3; IУ - 3); У - горшки и кувшины, различающиеся особенностями профилировки и размерами горловин (рис.3; У - I-5); УI - корчаги (рис.3; УI), в том числе с носиком (УI-5) и налепными шишковидными ручками (УI-6); УII - миниатюрные сосуды (рис. 4; 3-6,8); УIII - сосуды редких форм, в частности на высоких ножках-подставках (рис.4; 7). Ряд сосудов, опубликованных В.И.Спришевским, относится к этому классу. Сюда же следует включить и крышки разных форм (рис.4; I,2), а также трехчастный сосуд, найденный в I932 г.

Вторая группа - расписная керамика. Большинство сосудов украшено черной росписью; в материалах В.И.Спришевского и раскопок I982 г. также имеются образцы с узорами, нанесенными красной краской и коричневой по светлому фону, и образцы кухонной посуды с потеками буро-коричневой краски.

Третья группа - керамика с белой облицовкой. Многочисленные материалы, полученные в I982 г., позволяют выделить ряд форм, характерных для этой группы.

Четвертая группа - сероглиняная (кухонная) керамика, подразделяемая на классы: I - чаши плоскодонные и круглодонные; II - горшки и кувшины следующих типов: I) плоскодонные горшки, 2) узкогорлые кувшины, 3) широкогорлые кувшины, 4) кувшины-корчаги с носиком-сливом; III - жаровни.

Пятая группа - толстостенная керамика, которая может быть охарактеризована по материалам I982 г.

В материалах В.И.Спришевского имеется 24 целых сосуда и 3I5 фрагментов керамики с росписью.[24] В I974 и I982 гг. собрано

---

[24] Спришевский В.И. Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения (археологический фонд). В сб.: Слово памятникам истории и культуры.-Ташкент, I973, с.I04-I05.

около 100 расписных образцов; всего, следовательно, около 500 экз. Расписная керамика - наиболее примечательный признак Чустской культуры в целом. Среди новых находок отметим чаши и конические горшки, украшенные своеобразным узором (рис.5; 2,3,6). Украшение сосуда крупным треугольником из небрежно нанесенных мазков краски не имеет аналогий в обширной коллекции Дальверзина и других поселений (рис.5; 3). Прослеживается однородность основных элементов орнамента и художественных приемов композиции, применявшихся гончарами Чуста и Дальверзина. В материалах Чуста находим ряд оригинальных узоров, указывающих на самобытность узоротворчества и локальное своеобразие орнаментированной посуды. Обширная керамическая коллекция Чустского поселения, хранящаяся в Музее истории народов Узбекистана, дает большие возможности для разработки детализированной классификации керамики этого памятника.

В.И.Спришевский исследовал технику изготовления керамики и заложил основы исследования гончарного производства жителей Чуста. Собранный на поселении богатый материал позволяет поставить на солидную основу детальное изучение особенностей гончарного производства, которое в это время в Фергане достигло сравнительно высокого уровня.

Развитие металлургии и обработки камня и кости. Наряду со своеобразной керамикой наиболее яркую особенность чустской культуры составляет значительное совершенство бронзолитейного производства и большая роль каменных и костяных орудий в хозяйстве и быту населения.

На Чустском поселении найден 81 целый и частично поврежденный предмет[25]. В их числе: обломок кинжала - 1, наконечники стрел - 12, удила - 1, ножи - 11, серпы - 2, рыболовные крючки - 2, шилья - 18, иглы - 10, кольца - 2, бусы - 3, остроконечники (?) - 3. Всего 65 предметов. Эта цифра отличается от приведенной выше, и неизвестно, которая более соответствует действительности. Кроме того, обнаружено около 40 неопределенных обломков. Итого на поселении добыто около 105 металлических изде-

---

25 С п р и ш е в с к и й В.И. Чустское поселение. Автореф. канд.дисс., с.10; Он же. Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения, с.107.

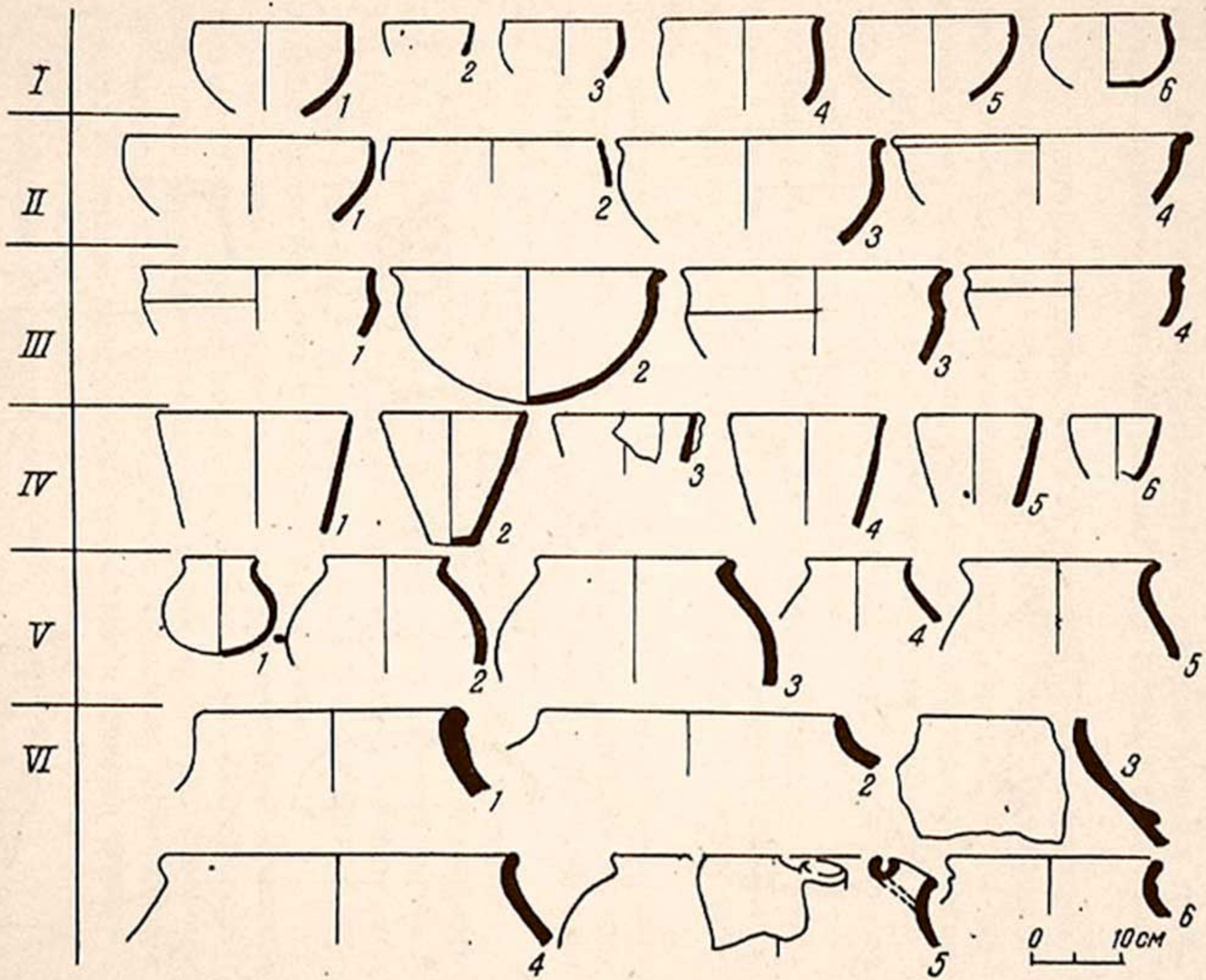


Рис.3. Классификация керамики по материалам 1974 г.

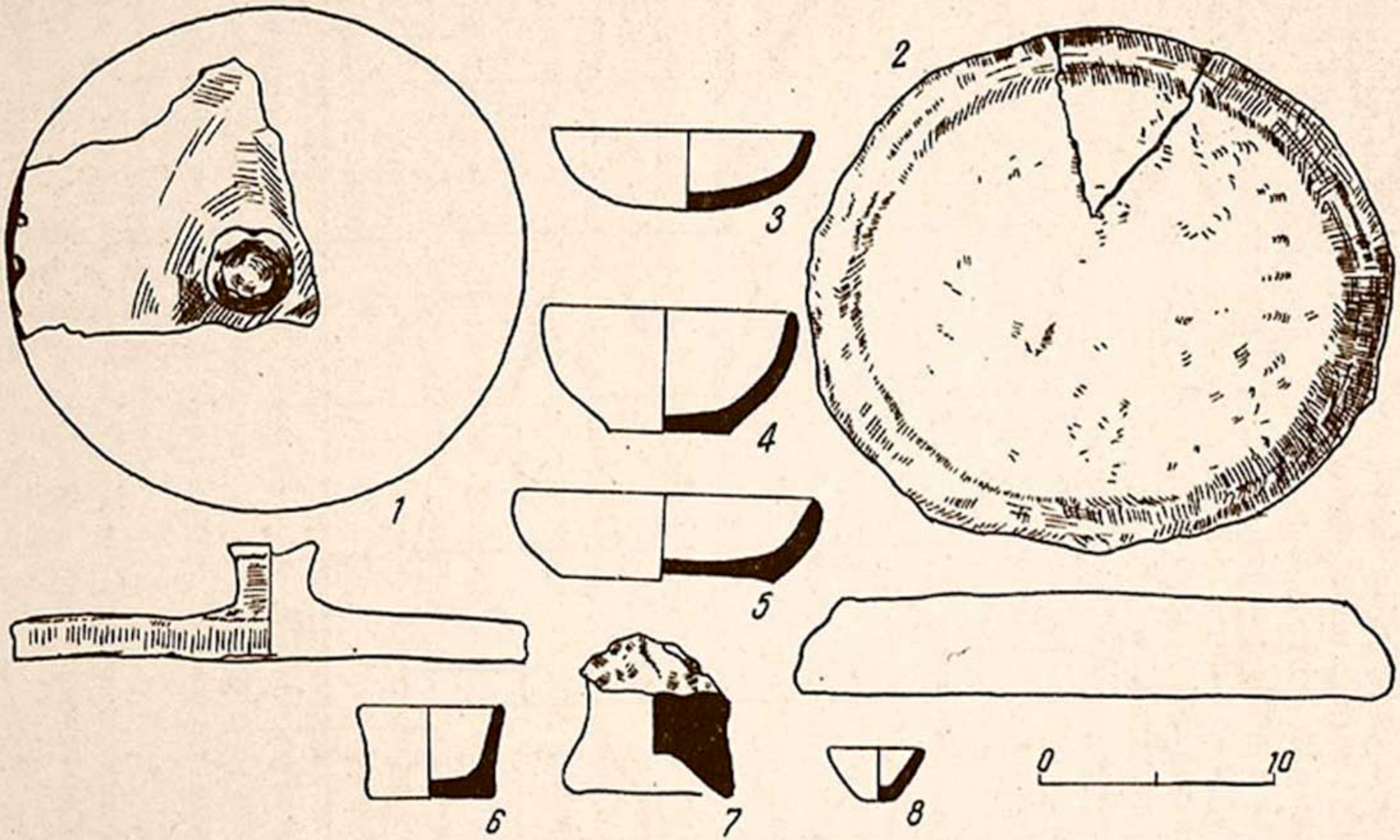


Рис.4. Чаши и крышки.

лий. К этому следует добавить находки 4 слитков бронзы и обломки пяти сосудов с остатками расплавленной бронзы и 9 литейных форм.

Литейные формы изготовлены из песчаника. Они предназначались для отливки одновременно двух серпов, а также наконечника копья листовидной формы с ребром посредине, круглых зеркал диаметром 8 см; печати, которая имела плоское круглой формы основание - подставку и ручку со сквозным отверстием в середине ее; шила и игли, ножа с дисковидным навершием на рукояти и неизвестного предмета в форме ласточкиного хвоста.

Само количество литейных матриц и разнообразие изготовлявшихся в них предметов указывает на широкое развитие обработки меди и бронзы, серийное изготовление, например, бронзовых серпов.

Наиболее характерная форма для чустских памятников - однолезвийные ножи с монетовидным или дисковидным навершием на конце рукояти. К числу типичных предметов относятся бронзовые серпы, которые повторяют форму каменных серпов.

На поселении найдено 12 наконечников стрел, но большая часть их плохой сохранности, и поэтому невозможно точно определить их первоначальную форму. Бесспорно можно выделить только два типа наконечников: 1) лавролистный с ребром в середине, переходящим в черешок (три образца длиною 3,9 и 4,3 см); 2) листовидной формы без ребра в середине и с черешком.

К предметам вооружения относится обломок кинжала и наконечники копья, которые отливались в литейной форме. Следует отметить общую малочисленность находок оружия на Чустском поселении. Металлические изделия употреблялись в земледелии, рыболовстве и в быту. Из металла изготовлялись украшения и предметы туалета (зеркала). Все это говорит о широком использовании меди и бронзы земледельцами эпохи поздней бронзы.

Для сравнения укажем, что на Дальверзине обнаружено металлических изделий почти в два раза больше, чем в Чусте. Здесь представлены все формы, известные на Чусте, и таким образом можно утверждать об однородности основного ассортимента металлических орудий и изделий на этих памятниках. На обоих поселениях найдены одинаковых типов ножи, серпы, шилья, наконечники стрел, удила, отлитые в литейных формах зеркала с выступающей ручкой. В Чусте обнаружена матрица для изготовления наконечников копий

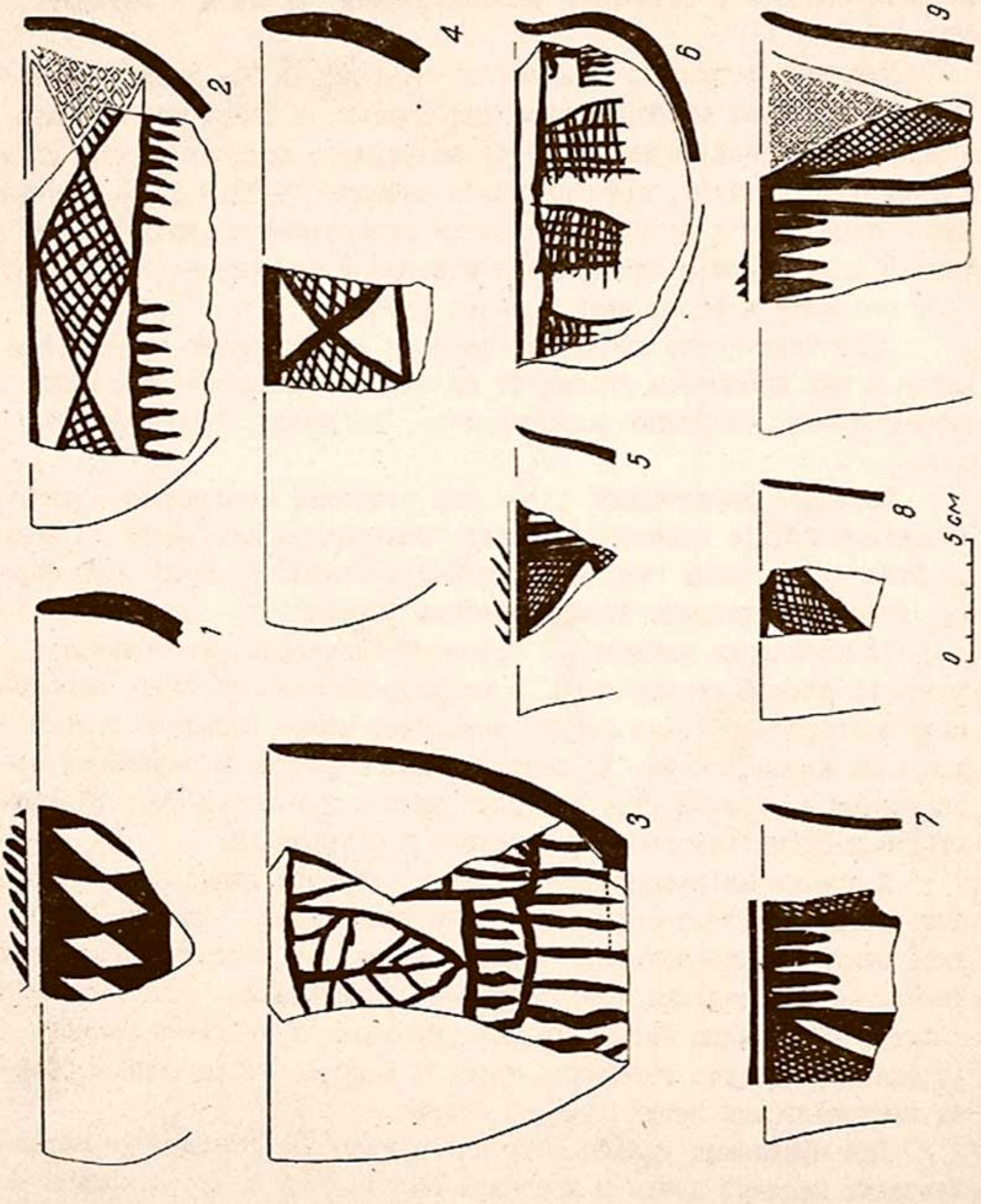


Рис.5. Расписная керамика (находки 1982 г.).

листовидной формы с ребром посредине, в Дальверзине же - обломки наконечника копья аналогичной формы. В Чусте найден обломок кинжала, по форме близкий предмету, который отливали в литейной форме в Дальверзине. Однако о полном сходстве говорить нельзя: достаточно определенно в металле выступает локальное своеобразие.

Одновременно на поселении широко использовались каменные орудия и изделия. По назначению и характеру применения их можно разделить на следующие группы: I) орудия и предметы труда, связанные с земледелием: каменные серпы, песты и терки разнообразных форм, зернотерки, ступки; 2) вспомогательные орудия: отбойники, лощила (свыше 200 экз.), точильные бруски (оселки); 3) орудия и предметы, используемые в металлообработке: колотушки и молоты, кайло, литейные формы, топоры; 4) навершия булавы (I0 целых и 4 заготовки) четырех разновидностей: эллипсоидной, грушевидной, шаровидной и крестовидной форм[26]; 5) игрушки - пулевидные конусы, использовавшиеся как волчки и аналогичные современным дандракам у узбеков; 6) предметы одежды и украшения: пуговицы, бусы, подвески.

Заметим, что назначение и способ употребления многих изделий все еще остается невыясненным.

Приведенные данные позволяют говорить об использовании каменных изделий в разных сферах хозяйства и быта, земледелии, металлическом и керамическом (лощила) производствах. Сравнивая материалы, приходим к заключению, что основной набор каменных изделий был одинаков в Дальверзине и Чусте; вместе с тем отмечается своеобразие. Только в Чусте представлены ступки, булава крестовидной формы и значительно больше найдено каменных бус из сердолика (I5 экз.) и лазурита (28 экз.), тогда как в Дальверзине - только единичные образцы.

Хотя из камня с древнейших эпох повсеместно изготавливали орудия, применение его не прекратилось и с наступлением века металлов и, судя по материалам чустской культуры Ферганы, интерес к нему как бы возрождается в эпоху поздней бронзы. Коллекции, собранные в Чусте, представляют большие возможности для изучения вопроса о причинах этого явления.

---

[26] С п р и ш е в с к и й В.И. Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения, с.III.

Т.Ширинов, изучив каменные изделия чустской культуры, также пришел к выводу, что в них имеются локальные различия.[27]

В Чусте найдено много изделий из кости и рога. Набор костяных изделий включает оружие и предметы конской упряжи: наконечник стрелы, роговые псалии; предметы для обработки кожи и меха: "коньки", проколки разной формы; орудия ткачества: гребни, челнок; амулеты и игрушки: клыки животных (3 экз.), альчики, раковины каури (II экз.); костяные рукоятки различной формы, а также некоторые предметы неизвестного назначения ("крышки").

Наибольший интерес представляют многочисленные костяные гребни (40 экз.) для прибивания утка на ткацком станке, разнообразные по форме и количеству зубьев - от 2 до 5, на одном или обоих концах. Обнаружены костяные пластинки аналогичной формы, но без зубьев, которые являются, очевидно, заготовками для гребенок, а также костяной челнок от ткацкого станка.[28]

В Чусте собрана небольшая серия поделок из эпифизов бедренных костей, которые принято считать пряслицами. Найдены рога оленей со следами распиливания и обрезанные их кусочки. Из рога изготовляли псалии (I3 экз.), которые находят многочисленные аналогии в памятниках степных племен.

Особый интерес вызывает орудие из метаподия, так называемые коньки, предназначенные для обработки кожи и меха. Аналогичные орудия имеются в материалах Садчиковского поселения андроновской культуры, а также на поселении эпохи бронзы в Северном Причерноморье и др.

Особо необходимо остановиться на роговом наконечнике стрелы миндалевидной формы с двумя шипами у основания круглого в середине черешка, имеющего упор. Общая длина его 7,5 см[29]. По форме чустский наконечник близок находкам на известном Алексеевском

---

27 Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья (по данным экспериментально - археологического изучения). Автореф.канд.дисс., - Л., I980, с.I7.

28 Спришевский В.И. Чустская стоянка эпохи бронзы, рис.8; Он же. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Музей истории народов Узбекистана им.М.Т.Айбека. - - Ташкент, I974, с.25.

29 Там же, с.58; рис.2I,7.

поселении андроновской культуры. Как видим, ряд специфических для чустской культуры костяных изделий имеет аналогии, а, возможно, они восходят к формам, распроотраненным у степных племен.

Сравнительное изучение позволяет заключить, что набор изделий из кости и рога в основном одинаков на Чустском и Дальверзинском поселениях. Кость - незаменимый материал при изготовлении ряда изделий. Можно заметить, что костяных изделий в Дальверзине было меньше, чем в Чусте, что можно как-то связать с развитием металлического производства на этом поселении. Несмотря на неравноценность коллекций заметим, что в Чусте найдено больше разновидностей роговых псалий, только здесь представлены так называемые крышки, наконечник стрелы и др. Все это явно отражает локальное своеобразие культуры данного поселения, в котором костяные изделия играли более заметную роль в домашних производствах и в быту.

Рассмотренные материалы показывают значительную однородность культуры двух основных памятников - Чуста и Дальверзина. Вместе с тем в типе поселения и характере укрепления, в устройстве землянки, а также в комплексе керамики и в ассортименте металлических, каменных и костяных изделий отмечаются локальные своеобразия. Чустская культура в развитии представляет образец диалектического единства общего и особенного. Яркая самобытность культуры населения Ферганы позднебронзового века резко выделяет ее среди одновременных памятников Средней Азии.

В последнее время радиоуглеродный метод позволил получить новые даты по Чустскому поселению: для образца из северного раскопа 3080±40-1130 до н.э., из южного раскопа 2720±40-770 до н.э., из шурфа 3140±40-1190 до н.э. Следовательно, четыре из пяти имеющихся радиоуглеродных дат по Чустскому поселению показывают время существования его в пределах XII-VIII-VII вв. до н.э. и хорошо согласуются с датами по Дальверзинскому и Ошскому поселениям.

С.К.Кабанов

ТЕРРАКОТЫ ИЗ РАСКОПА НА АФРАСИАБЕ

В Средней Азии нет городища, на котором было бы найдено такое количество терракотовых изображений, как на городище Афрасиаб; памятникам этого вида посвящена обширная литература. Однако подавляющая часть терракот найдена или случайно, или же обстоятельства их выявления точно не установлены. В этих условиях особое значение имеют терракоты, взятые в раскопках, в слоях, датировка которых устанавливается в более или менее четких хронологических пределах.

Цель данного сообщения – описание и интерпретация небольшой группы памятников этого вида, найденных в одном из раскопов на городище Афрасиаб – руинах древнего Самарканда.

В 1959–1962 гг. велись работы на раскопе 6 – в северной части городища; отчет о работах на этом раскопе опубликован[1], в нем приведены и краткие (предварительные) сведения о найденных в раскопе терракоторых изображениях. При дальнейшей обработке материалов потребовались дополнения и исправления, осуществленные при консультации искусствоведа В.А.Мешкерис, что и дало нам основание вернуться к рассмотрению этой небольшой группы памятников искусства[2].

В раскопе 6 были выявлены значительные конструктивные остатки двух сооружений: в северной части раскопа – руины крепостной стены III–I вв. до н.э., в южной – древнего здания I–III вв. н.э.; по соотношению мест находок терракот к руинам этих двух сооружений и будем в основном определять их датировку.

---

[1] Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. В сб.: Афрасиаб, вып.II.–Ташкент, 1973, с.16–84.

[2] Выражаем признательность В.А.Мешкерис за консультации и дополнения к описаниям терракот.

Глубоко под полом древнего здания, примерно на I,5 м ниже уровня пола, найден фрагмент сосуда с налепом в керамическом комплексе III–I вв. до н.э.[3] Сосуд миниатюрный (диаметр устья 7 см), со слабо изогнутыми в разрезе стенками, завершенными сверху прямым срезом, по которому как бы пройдено зубчатым вращающимся инструментом, оставившим след в виде полоски выпуклых треугольников; треугольники вырезаны лезвием, но такой прием украшения сосуда раньше не встречался. Под краем устья нанесена неровная ломаная линия, прерванная налепом, изображающим голову женщины или юноши (рис.I,1); лицо узкое, худощавое. Черты лица вырезаны схематично,но отчетливо: глаза в виде бугорков под спрямленными валиками бровей, крупный нос – в профиле в виде части окружности, узкий рот. Лицо обрамлено прямыми прядями волос. Высота изображения I,2 см.

Сосуд изготовлен из глины неравномерного обжига (в середине среза полоска серого цвета), с примесью слюды (?); ангоб очень тонкий, желтоватого цвета. Горельефная головка выполнена штампом (?).

Описанный фрагмент сосуда с налепом может быть датирован по месту находки III–I вв. до н.э., т.е. временем эллинистических влияний.

Вторая находка прямо указывает на эллинистические влияния – это барельефное изображение обнаженного гермафродита (рис. I,2), изваянное на плоской прямоугольной пластинке. Плечи и бедра узкие; обе руки в виде накладных полосок: правая согнута в локте и приложена к правой груди, левая опущена вниз – к паху; пальцы едва различимы. Женский бюст обозначен округлыми выступами на груди. Ноги изваяны до колен, голова не сохранилась.

Терракота из глины хорошего обжига, изготовлена штампом; лицевая сторона покрыта темно-красным ангобом, на оборотной – следы подрезки ножом. Высота сохранившейся части терракоты 6,2 см.

Найдена терракота в завале, перекрывавшем древнюю крепостную стену. Аналогичная терракота хранится в фондах Самаркандского музея[4].

---

[3] К а б а н о в С.К. Указ.статья, с.58–64.

[4] М е ш к е р и с В.А. Терракоты Самаркандского музея. – Л., I962. с.56. табл. I.5.

Выше описан антропоморфный налеп на сосуде, датировка которого определена самим местом находки - сверху он был закрыт полом датированного здания. Менее определена датировка другого налепа на сосуде, найденного в завале, не перекрытого конструктивными остатками. Изображена голова женщины (рис.I,3); лицо широкое, с полными щеками и массивным подбородком. Узкий рот обрамлен по сторонам ложбинкой, нос невысокий, расширен к низу. Глаза удлиненные, миндалевидные, очерченные веками, брови прямые; сохранился левый глаз, правый отбит. Лоб низкий, волосы переданы крупными буграми, в ушах можно различить замкообразные серьги.

Глина хорошего обжига, ангоб светло-серый. Высота обломка сосуда 8 см. Вид сосуда не определен, возможно, это был ритон.

В.А.Мешкерис описанное изображение считает аналогичным голове богини в складчатом хитоне[5] и датирует этот вид терракот в широких хронологических рамках - с I в. до н.э. по III в. н.э. Иконография богини связана с проблемой эллинистических и западно-парфянских влияний на коропластику Согда[6]. Уточнить приведенную датировку по месту находки, к сожалению, невозможно с уверенностью, но найдена терракота была довольно глубоко, примерно на уровне описанного первого налепа и, следовательно, предположительно ее можно датировать эллинистическим временем (III-I вв. до н.э.).

Можно считать уникальной терракоту, найденную на полу помещения с суфами[7] в древнем здании, которое, как указано выше, датировано I-III вв. н.э.; этим же временем можно датировать и терракоту (рис.2,I). Фрагменты таких же терракот встречались и раньше, по ним восстановлен общий облик богини[8]. В.А.Мешкерис связывает происхождение образа богини с древнейшими статуэтками переднеазиатского типа и датирует ее временем не позднее чем III в. до н.э.[9] Приняв это определение, устанавливается, что данный

---

5 М е ш к е р и с В.А. Коропластика Согда. - Душанбе, 1977, с.23, рис.2,2.
6 Там же, с.24-26.
7 К а б а н о в С.К. Указ.статья, с.40.
8 М е ш к е р и с В.А. Терракоты Самаркандского музея, с.16.
9 Там же, с.15-17.

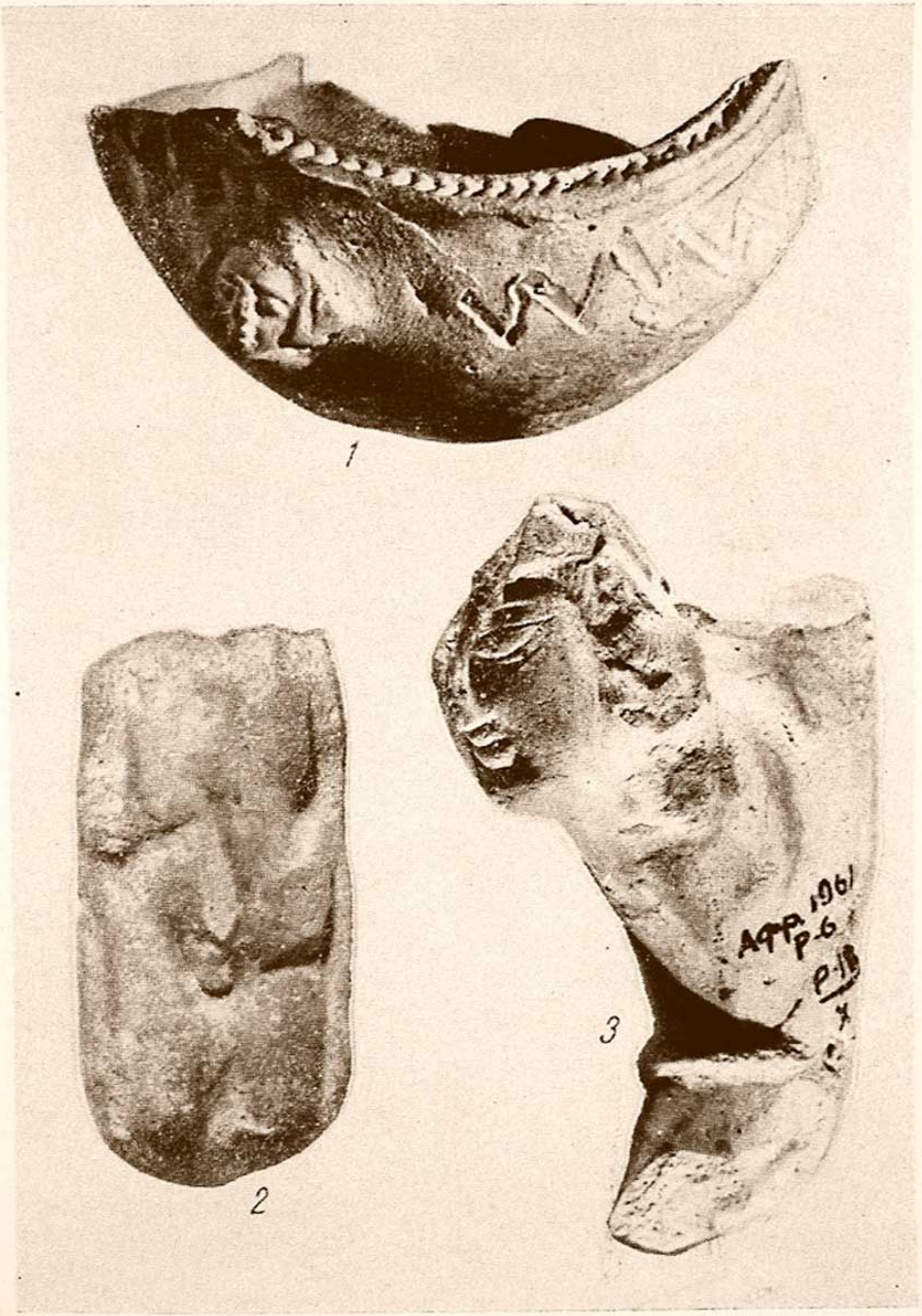


Рис. 1. (к ст. С. К. Кабанова рис. 1, 2, 3). Терракоты из древних наслоений:

1 — налеп на миниатюрный сосуд, *2* — плитка с изображением гермафродита, *3* — налеп на сосуд в виде головы женщины.

Рис. 2. Терракоты из древних наслоений:

1 — изображение богини переднеазиатского типа, *2* — голова мужчины (?), *3* — бюст мужчины.

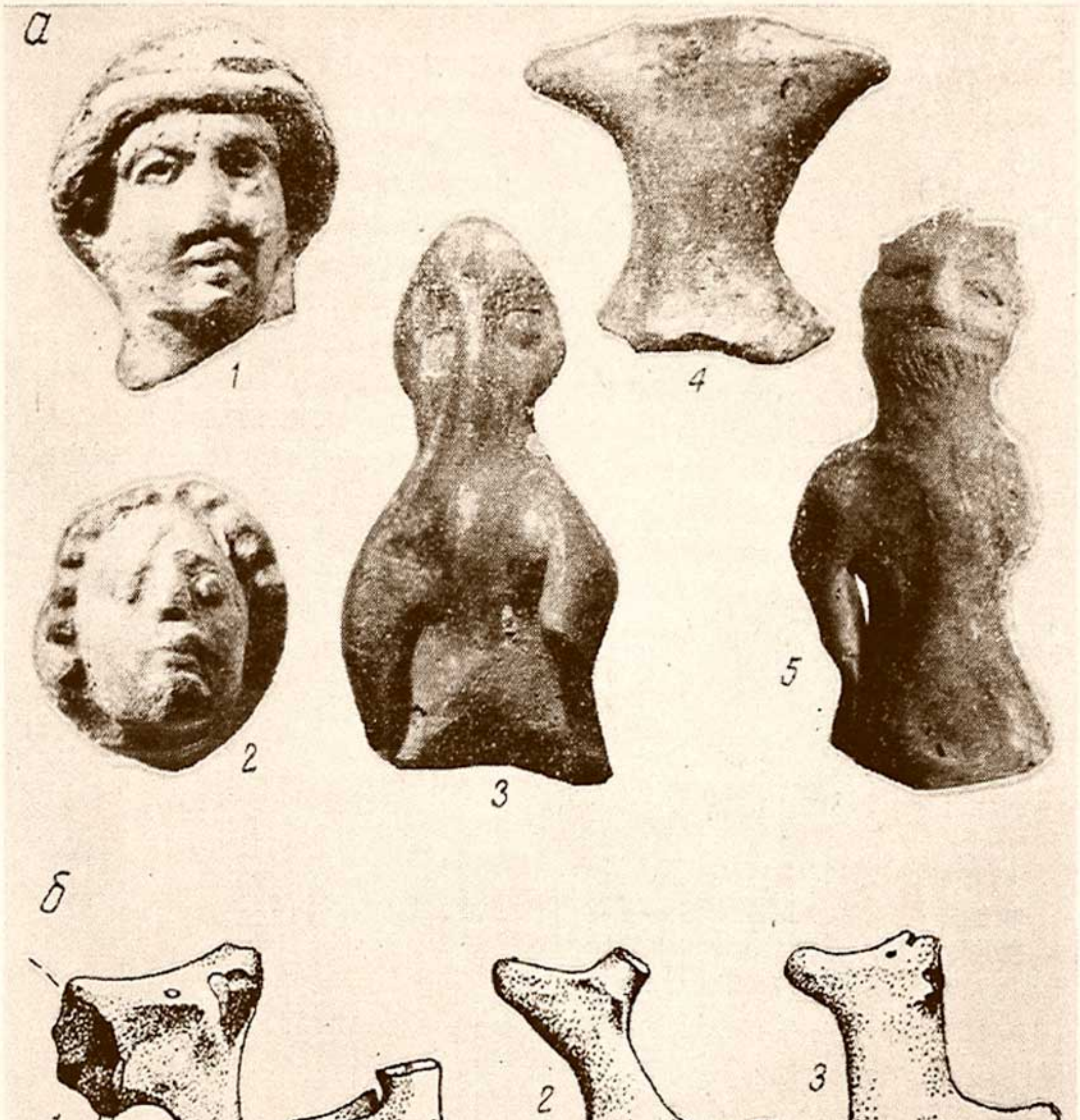


Рис 3.*а* — терракоты из раннесредневековых наслоений:

1 — голова юноши, *2* — голова мужчины, *3*, *4* — антропоморфные терракоты-примитивы, *5* — статуарное изображение мужчины;

б — зооморфные изображения.

Рис. 4. (к ст. З. И. Усмановой, с. 214—220). Расписной кувшин и фрагменты горшковидных сосудов.

образ был очень устойчив: как показывает место находки нашей терракоты, он дожил до первых веков н.э. Видимо, это канонический культовый образ, переживший века, что не является редкостью в культовых представлениях людей.

Приведем описание терракоты. Изображена богиня с руками, сложенными под грудью. Несоразмерно крупная голова (четвертая часть всей фигуры) и узкие плечи. Лицо уплощенное, его черты переданы схематично: глаза в виде округлых бугорков с бровями - скобами с выпуклым кружком между ними; нос - треугольный выступ, рот - овальный бугорок, заметно скошенный. Высокий лоб обрамлен арочкой головного убора, охватывающего голову в виде широкой повязки с вертикальными валиками; еле заметны вертикальные валики и на лбу. Шея короткая, очень полная, украшена низкой крупных бус. Богиня облачена в гладкое платье с узкими рукавами и двойным подолом. Предметы одежды сильно сглажены, еле различимы.

Изображение нанесено штампом на тонкую плитку; черты лица, видимо, подправлены рукой. Сужение на уровне шеи сделано путем врезов ножом. Глина красная, обжиг хороший; ангоб светло-желтый, почти весь стертый. Высота терракоты 10,4 см.

В соседнем с севера помещении того же здания, с нишами и очагом, найдено терракотовое изображение головы с резко выраженными чертами лица, слегка наклоненной в правую сторону. Громадный орлиный нос, сросшийся с переносьем, отчетливо моделированный рот в обрамлении асимметричных складок щек; развитой, заметно выступающий подбородок. Лоб почти весь закрыт нависающими волосами; над прической - невысокий венец. Шея относительно высокая, соразмерно массивная (рис.2,2).

Терракота из красной глины, без ангоба. Высота сохранившейся части 4 см.

В.А.Мешкерис считает, что эта головка может быть женской и что она близка к налепам - головкам раннесредневековых оссуариев[10]. Однако место находки позволяет датировать ее первыми веками н.э., а грубые, резко выраженные черты лица, как будто мужские.

Видимо, к первым векам н.э. можно отнести и фрагмент медальона, описанный и датированный нами ранее в другом месте У-УП

---

[10] М е ш к е р и с В.А. Коропластика Согда, с.74, табл.XX, 2.

вв. н.э.[11] На фрагменте полностью сохранилось лишь изображение одной из прислужниц, подносящей курильницу с благовониями владетельной женщине, восседающей на троне. Найден этот фрагмент над древней крепостной стеной, в верхних наслоениях (глубина I м), но перемещения фрагментов керамики в наслоениях многослойних городищ обычны. В пользу передатировки этого фрагмента медальона говорит сам вид изделия: подобные медальони, правда с другими сюжетами, в Тохаристане встречались в первые века н.э.[12]

Очень своеобразная терракота встретилась над развалинами древнего здания. Изображен мужчина с круглой головой и несоразмерно узким туловищем. Лицо европеоидного типа утяжеленних пропорций. Лоб низкий, надбровные дуги резко выступают. Четко моделированные большие глаза с выпуклыми яблоками и рельефно очерченными веками. Короткий приплюснутый нос касается небольшого рта с толстыми вывороченными губами. От крыльев носа к подбородку прослеживаются полукруглые складки щек, окружающие рот. Одутловатый развитой подбородок сливается с полными щеками (рис.2,3).

Головной убор, видимо, отсутствует; короткие волоси не прикрывают ушей. На шее гривна с несомкнутыми концами. Туловище в виде стерженька, в срезе почти круглое. Руки и нижняя часть туловища срезаны до обжига.

Терракота из светло-желтой глини, покрита серым ангобом, а поверх него - потеками и пятнами темно-коричневого цвета. Лицо обозначено с помощью штампа, туловище слеплено от руки. Высота терракоты 6,6 см.

Судя по месту находки, а также наличию темно-коричневой краски поверх серого ангоба, что характерно для керамики Ш-IУ вв., описанную терракоту можно датировать этим же временем. Несколько необычни сами черты лица: надо полагать, что они характеризуют новый этнический тип, появившийся в это время в Согде.

Над тем же древним зданием, в завале, найдено изображение головы юноши с удлиненним асимметричным лицом (рис.3а,I). Характерны глубоко запавшие глаза с расширенными зрачками, придающие

---

[11] К а б а н о в С.К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. - Советская археология, 1969, № I, с.192-194.

[12] П у г а ч е н к о в а Г.А. Халчаян. - Ташкент, 1966, с.235-239.

лицу трагическое выражение. Нос высокий, прямой; маленький рот в складках щек. Волосы, подобно парику, обрамляют лоб и щеки. Поверх них - гладкая круглая шапочка. Терракота красноглиняная, сплошь покрыта плотным серым ангобом. Сохранилась в высоту на 3,7 см.

Стратиграфические данные не позволяют датировать терракоту. По данным стилистического анализа, она может быть датирована не ранее чем У в. н.э.; возможно, это налеп на оссуарий[13].

Видимо, налепом на оссуарий или сосуд было и другое изображение мужчины со схематически нанесенными чертами лица, обрамленного буклями волос (рис.3а,2). Глаза в виде круглых бугорков, надбровные дуги еле намечены. Короткий нос в виде треугольного бугорка между глаз, низко опущенных и широко расставленных высоко над ртом и усами. Рельефно выделяется подбородок.

Налеп из желтоватой глины, покрыт плотным красным ангобом. Высота изображения 3 см. Налеп найден в наслоениях У-УП вв.

Найдены две терракоты-примитивы лепной работы, видимо изображавшие всадников. Лучше сохранилась терракота со схематическим изображением туловища и головы (рис.3а,3). Корпус - объемный, опущенные руки в виде заостренных отростков. Голова треугольная в контуре с отогнутой назад верхушкой, лицо сформировано путем защипа пальцами, в образовавшихся впадинах оттиснуты полой трубочкой круглые глаза. Терракота покрыта плотным красным ангобом, высота ее 5,3 см.

У второй терракоты-примитива голова не сохранилась. Туловище цилиндрическое с остроконечными, горизонтально разведенными на уровне плеч руками (рис.3а,4). Покрыта плотным красным ангобом. Высота 3,5 см. Обе терракоты-примитивы найдены в наслоениях У-УП вв.

В этих же наслоениях найдено и статуарное изображение мужчины, грубо слепленное от руки (рис.3а,5); детали выполнены с помощью ножа. Изображение мужчины с уплощенным широким лицом, на уровне рта - подобие горизонтальной повязки (?), показанной поперечной ложбинкой; в этой же ложбинке намечен рот тонкой проца-

---

[13] М е ш к е р и с В.А. Терракоты Самаркандского музея, с.36-37.

рапанной черточкой. Голова слегка повернута вверх и вправо, на лице выделяется крупный нос в виде треугольного выступа; глаза намечены овальными, грубо нанесенными углублениями. Шея массивная, сливается с подбородком; борода показана мелкой, слегка скошенной частой насечкой. Вместо головного убора было три выступа (обломаны) в один ряд. Туловище округлое, суженное в талии, от которой начинается раструб-подставка, довольно устойчивая, с внемом на нижней поверхности. Сохранившаяся правая рука в виде отростка прилеплена кистью к подставке.

Обжиг слабый, глина красноватого оттенка, ангоб желтоватый, высота 10,2 см.

Одним из интереснейших терракотовых изображений из нашего раскопа является налеп на оссуарий в виде танцующего Шивы; этой находке посвящено отдельное сообщение[14], поэтому описание ее опускаем, отметим лишь ее значение. Обломок оссуария был найден в бадрабе, заполненном керамическим материалом УШ в.; сама же находка может быть и древнее, но, пожалуй, не древнее УП в. Это время (УП–УШ вв.) оживленных сношений с Индией, что уже отмечено в научной литературе[15]; изображение танцующего Шивы открыто и в настенных росписях Пянджикента[16] в более динамичном изображении. Особенность нашей находки в том, что в ней отражено сочетание культов шиваизма и зороастризма.

В раскопе 6 найдено около тридцати терракотовых изображений животных, большей частью в мелких фрагментах. Приведем описание только относительно хорошо сохранившихся терракот (рис.36).

1. Зооморфная ручка сосуда: верхняя плоскость ее наверху разработана в виде головы быка, с глазами, нанесенными полым стерженьком, и ноздрями – заостренной палочкой. Выделялись массивные рога (обломаны). Обжиг хороший, сосуд был покрыт плотным красным ангобом.

---

[14] К а б а н о в С.К. Изображение Шивы на оссуарии. – Советская археология, 1971, № 2, с.249–251.

[15] Б е л е н и ц к и й А.М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, вып. 98. – М., 1964, с.33–42.

[16] Там же, с.36–38.

2. Стилизованное изображение джейрана, показанного в беге, с обрубком рогов. Обе эти терракоты найдены в завале первых веков до н.э.

3. Примитивное, грубо слепленное изображение собаки; глина хорошего обжига, ангоб красноватый. Найдена терракота также в завале первых веков до н.э.

4. Стилизованное изображение головы коня, покрытое красноватым ангобом; найдено в яме III–IУ вв.

5. Изображение верблюда с лапой обезьяны на спине; обжиг слабый, терракота покрыта буроватым ангобом. Найдена в перемешанном грунте, видимо, датируется III–IУ вв.

6. Голова коня с уздечкой; терракота хорошего обжига, без ангоба, найдена в перемешанном грунте, датируется не ранее чем У в. н.э.

7. Изображение джейрана (?), найдено в перемешанном грунте.

Рассмотрена небольшая коллекция памятников одного из распространенных видов изобразительного искусства древности и раннего средневековья. Выше уже отмечено, что этому виду искусства посвящена обширная литература, она приведена в указанных трудах В.А.Мешкерис. Почти все описанные выше терракоты находят в литературе более или менее близкие аналогии, но, конечно, совпадения не всегда точные по различным признакам; есть и терракотовые изображения, ранее не встречающиеся. Уточнены датировки некоторых терракот.

К периоду эллинизма – первым векам до н.э. – относятся три находки, две из них – налепы на сосуды. В.А.Мешкерис полагает, что "в Согде головки-налепы на сосудах появляются в III–IУ вв. н.э."[17] С находкой фрагмента миниатюрного сосуда с антропоморфным налепом в эллинистическом слое выясняется, что этот вид украшения сосудов существовал и раньше.

К следующему периоду – I–IУ вв. н.э. – можно отнести также три терракоты, из них наиболее интересная – изображение богини, которое В.А.Мешкерис относит к переднеазиатскому типу и датирует, как уже указано, не ранее чем III в. до н.э. Но наша находка поднята на полу помещения в здании, датировка которого определя-

---

[17] М е ш к е р и с В.А. Коропластика Согда, с.54.

ется первыми веками н.э. Не оспаривая вывода В.А.Мешкерис, можно установить, как уже указано выше, длительность существования этого культового образа.

Интересно и изображение мужчины, которое можно отнести к Ш–IУ вв. н.э. В нем выявляется новый этнический тип, который было бы заманчиво идентифицировать с известным в источниках народом - хионитами, которые как раз в это время появляются на исторической арене. Но, конечно, это пока только предположение.

Отмечено, что в период раннего средневековья, в У–УШ вв., Согд "оставался центром коропластического искусства Средней и Передней Азии"[I8]. Разнообразия наших находок, хотя и немногочисленных, относящихся к этому периоду, подтверждают этот вывод.

I8 Там же, с.I00.

Э.В.Ртвеладзе

АСТИЛОГАНА-АСТОГАНА

Прошло уже более двадцати лет со времени открытия бактрийских надписей из Сурх-Котала, но несмотря на это интерпретация отдельных слов и даже предложений отчасти все еще спорна. В частности, определенные расхождения выявились в толковании слова 𐬀𐬎𐬀𐬌𐬎𐬁𐬐𐬀𐬌𐬵𐬀𐬐𐬵𐬎𐬉𐬐𐬀𐬉𐬐𐬀𐬉𐬐𐬀

ле шестидесятых годов перевода "и этот колодец, и этот... сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Козгашки, Астилоганцик и Нокопзок, наместники, послушные приказу царя".[3] Впоследствии, изменив под влиянием новых данных бактрийской надписи из Дильберджина перевод начала этого предложения, в отношении интересующего нас слова он продолжал придерживаться прежнего мнения "и этот колодец и лестница (и) терраса сооружены Бурзмихром, сыном Козгашки и Астилоганзегом".[4]

И.Гершевич также вначале считал данное слово личным именем.[5] Однако в последней своей работе он, отклонив предложенное Н.Симс-Уильямсом толкование его из согдийского 'stk'njl , указал, что поскольку оно стоит in apposition к имени Бурзмихр, то это слово должно рассматриваться не как антропоним, а как прилагательное. Он, также как и В.Хеннинг, полагает, что слово αϭΐιλοϱαγζειϱο(ι) , вероятнее всего, является нисбой, давая его транслитерацию как Hastilagānian (версия "В") или Astilugānian (версия "М")[6]. Перевод всего предложения, сделанный И.Гершевичем, отличается от других переводов, так как он полагает, что эти надписи носят посвятительный характер, прославляя деяния Нокопзока, умершего до завершения работ по восстановлению Сурхкотальского храмового комплекса: "и этот колодец был сооружен Бурзмихром сыном Козгашки Астилоганианским в память наместника Нокопзока по приказу императора"(версия "В"), "и этот колодец и лестница были сооружены Хиргоманом вместе с Бурзмихром сыном Козгашки из Хастилоганиана (хастилоганианцем) в память наместника Нокопзока по приказу императора".[7]

Таким образом, можно констатировать, что гипотеза В.Хеннинга - И.Гершевича наиболее приемлема, поскольку она единственная, в отличие от других, получила научное обоснование и не была еще отвергнута другими исследователями.

---

[3] Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. - М., с.192,193.

[4] Лившиц В.А., Кругликова И.Г. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина. Древняя Бактрия, вып.2. - М., 1979, с.110, прим.57.

[5] Gershevitch I. The Well of Baglan.- A.M.N.S. XII, pt.1, 1966, p.90-109.

[6] Idem. Nokonzok's well, p.64-65.

[7] Idem, p, 64-65.

Поэтому есть смысл попытаться найти соответствие подобному или близкому топониму в древних и средневековых источниках, касающихся Бактрии-Тохаристана. Мы, в частности, обратили внимание на сведения, приводимые в географии Птолемея. Перечисляя города Бактрии, расположенные по Оксу и другим рекам, он в ряду последних упоминает город αβιακανα (Ptol. VI,I). В этом названии достаточно определенно вычленяются два компонента - αβια-κανα = Asta-kāna. Второй его компонент ān или kan обычен для иранских имен собственных, в бактрийском языке в силу перехода "к" в "г" (срав. бактрийское βαγολαγγο из древнеиранского *βαγα-dāvaka)[8] он отражался как gān. Соответственно название города αβιακανα у Птолемея в бактрийском языке должно писаться как αβιαγανα. Очевидно, что данное название имеет большое сходство со словом-нисбой αβιιλογανζειγο , восстановленным В.Хеннингом как (H)astilugan. Вероятно, что утрату среднего "ло" можно объяснить не совсем верной его передачей информатором(и) Птолемею или позднейшими интерполяциями.

Обращает на себя внимание нередкость бытования топонимов с gān на территории Бактрии-Тохаристана еще в раннее средневековье. Таковы, к примеру, названия крупных средневековых областей: Чаганиана в среднем течении Сурхандарьи и Гузгана или Гузганана в междуречье Ширин-Тагао и Дарья Сафед. Один из городов последней области - Ушургана или Шапургана (ныне Шибурган), кстати с тем же компонентом gān , по мнению Томашека, тождественен упоминаемому Птолемеем бактрийскому городу Surogāna -Сурогана. (Ptol. VI,II). Тот же qān , в частности, имеется и в названии раннесредневекового города Семенгана, находившегося на месте позднейшего Хайбака, в среднем течении р. Хульм, в двух днях пути от Баглана.

Любопытно, что в истории похода Тимура на пути между Хульмом (Таш-Курган) и Семенганом (Хайбак) упоминается селение Газниг, в начале XXв. называвшееся Газнигак.[9] Не исключено, что в данном названии, но с переменой в более позднее время места "у" и "з" отражена часть употребленного в Суркотальской надписи топонима αβιιλογαγζειγ . Если это так, то воз-

---

8 H e n n i n g W.B. "Surkkotal" - BSOAS, 1956, XVIII/2,p.367.

9 Б а р т о л ь д В.В. Историко-географический обзор Ирана. Соч., т.УП, -М., 1971, с.53.

можно, что подобное название в кушанское время имело одно из поселений вблизи Семенгана или даже Семенган - смежной области с Багланом - Сурх-Коталем.

А.А.Грицина

К СЕМАНТИКЕ ЗНАКОВ НА КЕРАМИКЕ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди многочисленного керамического материала, добытого в течение нескольких полевых сезонов на городище Кугаиттепа в г. Ташкенте, особенно выделяется керамика со знаками. Для рассмотрения в этой статье природы и назначения знаков, кроме полученных с Кугаиттепа, нами привлечены также материалы других памятников Ташкентского региона.

Как правило, знаки нанесены еще до обжига сосудов каким-то острым или уплощенным предметом. В ряде случаев, насколько можно судить по отпечатку, это была расщепленная камышинка или деревянная палочка. Таким образом, например, был прочерчен знак в виде двойного креста, причем верхний был нанесен уплощенной стороной, затем палочка была повернута и второй крест был прочерчен уже ребром (рис.,5). Только в двух случаях знаки были нанесены после обжига сосудов (рис.,I8,I9).

Большинство знаков расположено в верхней части сосудов,под венчиком, реже сверху (рис.,4,I8), сбоку венчика (рис.,24), на ручке (рис.,23) и на дне (рис.,I2,20,30). На кружке из Ниязбашского могильника имелось сразу два знака: под ручкой (рис.,35) и на донце (рис.,25). Как видно, все знаки прочерчены с наружной стороны; исключение составляет лишь сосуд с широким открытым устьем типа чаши со знаком изнутри, на дне (рис.,2I).

Знаки отмечены на различных сосудах, но преобладают на крупных типа хумов или хумча. Однако на днищах крупных сосудов их пока не отмечено, что, очевидно, связано с характером производства. Расположение знаков не в строго определенном месте, а на различных частях сосудов позволяет, с одной стороны, предполагать, что это не имело существенного значения, т.е. знаки не теряли смысла и "силы" как бы ни располагались, в том числе на днищах сосудов. С другой стороны, возможно, что их расположение (на дне, тулове, венчике) играло какую-то роль, определить которую пока невозможно.

Как правило, не наблюдается знаков на сосудах с потеками и брызгами ангоба, с различного рода налепами, нанесенными с охранной целью, хотя на одном сосуде с потеками с городища Канка и зафиксирован знак, прочерченный до обжига (рис.,29). Не наблюдается также зависимости между формой и качеством изготовления керамики со знаками и без них.

Большинство фрагментов исследуемой керамики датируется ранним средневековьем (Каунчи Ш), часть - временем Каунчи П (рис., I,3-5,8,I3-I5,I9).

На основной части нашей коллекции, как и в других сборах - солярные знаки. Г.В.Григорьев, впервые обративший внимание на знаки каунчинской культуры, считал, что появление свастики отразило эволюцию в мышлении населения Каунчи: замену тотема животного космическим - солнцем[I]. Крестообразные знаки часто встречаются в Фергане[2]. По мнению Б.И.Вайнберг, появление тамг солярного типа в Хорезме представляется возможным связать с районом Средней Сырдарьи, куда они попали, судя по данным нумизматики, в Ш в. н.э.[3] Резкое увеличение на рубеже и в первых веках н.э. значения солярного символа в Индии Б.А.Литвинский связывает с влиянием пришедших сюда саков и юэчжей[4]. С северными влияниями, по-видимому, можно связать появление в первых веках н.э. солярных и других знаков на керамике Северной Бактрии[5].

Форма креста сложилась в глубокой древности, возможно еще в палеолите, по аналогии с положением двух деревянных палочек

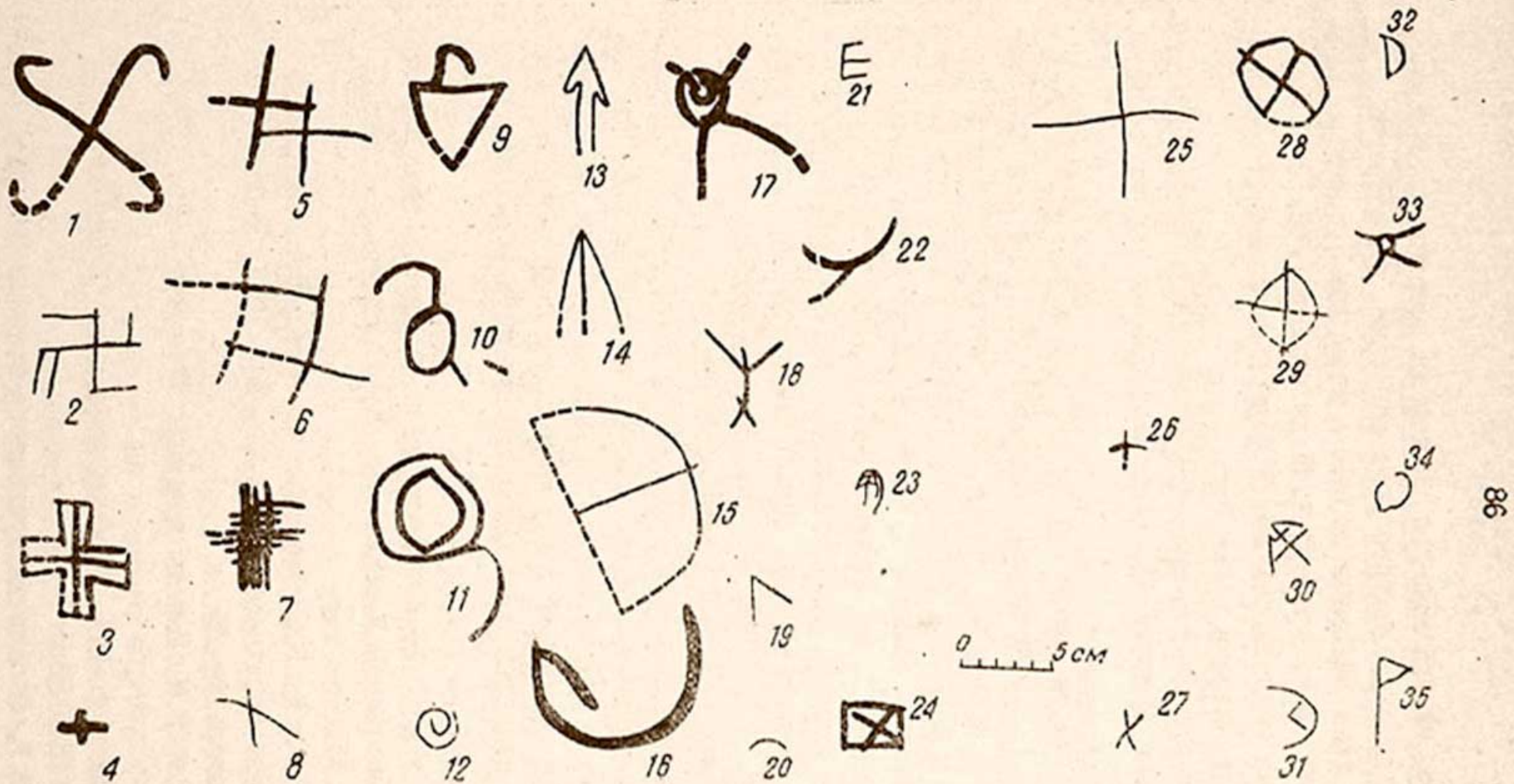
I Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении. - Известия АН КазССР, сер. археологическая, вып.I, № 46, I948, с.55.

2 Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. /Первое тысячелетие н.э./. - М., I973, табл.36 /6/, табл.37 /I/, табл.I22 /8/.

3 Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. - М., I977, с.40-4I.

4 Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши Мира". - - М., I972, с.I54-I55.

5 Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. - Ташкент, I978, с.39, рис.7, табл.II /II/, табл.УП /3/; Тургунов Б.А. К изучению Айртама. В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. - Ташкент, I973, с.7I, рис.I6 /I0/, с.73, рис.I8 /5/.



Знаки на керамике из археологических памятников г.Ташкента (I-24) и Ташкентской обл. (25-35): Кугантепа (I,3 - 5, 8, 9, II-I3, I7-20, 22, 24 - подъемный материал), Шаштепа (7, I0, I5, 2I, 23 - подъемный), Актепа Юнусабадское (2), Домрабад (I4), Бузгонтепа (I6), Нижбашский могильник (25, 30, 3I, 35), Канка (27-29, 32, 34), Усмантепа (26), Ишкурган (33).

при добывании огня посредством трения. Впоследствии две перекрещенные черты стали священным знаком, символом огня-спасителя, символом солнца и вечной жизни[6]. Знак креста и свастики часто встречается на посуде эпохи бронзы. Крест - обычный мотив на керамике карадепинского типа[7]. По мнению В.М.Массона, изображение креста имело магический смысл охраны содержимого сосуда[8]. Того же мнения придерживается И.Н.Хлопин[9]. А.Х.Маргулан называет эти знаки крестообразными тамгами и отмечает их широкое распространение в керамике поздней бронзы Центрального Казахстана[10].Здесь нет необходимости перечислять памятники, на которых отмечены крестообразные знаки. Они встречаются повсеместно, вплоть до современности. Вообще изображение креста, свастики и колеса принято считать солярными символами[11]. Однако Г.В.Григорьев принимал крест за изображение барана, выполняющего роль оберега[12]. Часть исследователей называет их тамгами. И действительно,крестообразные знаки встречаются среди тамг у Рашида-ад-дина[13], Махмуда Кашгарского[14], Абу-л-Гази[15] и на средневековых надгробиях[16].

---

6 Нейхардт А.А. Происхождение креста. - М., 1956, с.5-14.

7 Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. - М.-Л., 1964, с.365; Он же. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1960, табл.XXУП /16-17/.

8 Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток, с.357.

9 Хлопин И.Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. КСИА, вып.91. - М., 1962, с.18.

10 Маргулан А.Х. Комплексы Былкылдак. В сб.: По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970, с.172-173.

11 Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. /Оссуарии/. - М., 1951, с.50.

12 Григорьев Г.В. Каунчи-тепа. /Раскопки 1935 г./. - Ташкент, 1940, с.28.

13 Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1. - М-Л., 1952, с.88.

14 Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-турк. Извлечения. МИТТ, т.1. - М-Л., 1939, с.309.

15 Марков Г.Е. Очерк истории формирования северных туркмен. - М., 1961, с.11.

16 Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. - М., 1973, с.190, табл.XXП, рис.5.

По этнографическим данным, у народов Средней Азии фигура креста - схематизированное человеческое изображение, передающее образ духа, охраняющего человека или вещь от злых духов и "сглаза"[17]. По объяснению М.С.Андреева, в представлении таджиков свастика - это дракон, божество; четыре ее конца отождествляются с четырьмя мировыми стихиями[18]. По В.М.Массону, у индейцев Северной Америки символ креста был связан с верой в священное значение числа "четыре", соотносимого с четырьмя сторонами света[19].

Интересно отметить, что многие документы времен Хамурапи заканчивались знаком в форме креста, как бы благословляя написанное[20]. По-видимому, с этой же целью заканчивается надпись на оссуарии из Токкалы свастикой[21]. Как знак "благословления" можно интерпретировать свастикообразные знаки на монетах некоторых тюркских правителей Шаша[22]. Крест перед надписью обычен на византийских кирпичах У-УI вв. н.э.[23] Знак креста ставился перед надписью или знаками на раннесредневековых сосудах Сев. Причерноморья[24]. Крест перед знаком известен и по раскопкам на Дальверзинтепа на сосуде I-II вв. н.э.[25].

---

17 П е щ е р о в а Е.М. Гончарное производство Средней Азии. - М., 1959, с.112.

18 П у г а ч е н к о в а Г.А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. ТИИА, т.II. - Ташкент, 1950, с.41.

19 М а с с о н В.М. Средняя Азия и Древний Восток, с.357.

20 Н е й х а р д т А.А. Указ.соч., с.16.

21 Г у д к о в а А.В. Ток-кала. - Ташкент, 1964, табл.XI /2/.

22 Древности Тунбугуза. - Ташкент, 1978, с.125; А б д у л л а е в К. Археологическое изучение городища Канка /1969-1972/.- ИМКУ, вып.12, с.153.

23 Я к о б с о н А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. - М., 1979, с.19.

24 Там же, с.18, рис.5 /7/.

25 Н е к р а с о в а Е.Г. и П у г а ч е н к о в а Г.А. Керамика Дальверзинтепе. В кн.: Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. - Ташкент, 1978, с.151, рис.103 /16а/.

Видное место среди знаков занимают также изображения в виде стрелы, лука или лука со стрелой /рис.,I3–I6/. По-видимому, как лук со стрелой надо интерпретировать знак в виде полуовала, пересеченного перпендикулярной полосой, с Шаушукумтобе и сосуда кушанского времени с Пирматбабатепа в Кашкадарье[26]. Часть знаков, зафиксированных на керамике каунчинского типа, и в частности S -образный знак, находит аналогии среди кушанских тамг[27] на монетах Хорезма, Согда и других районов Средней Азии[28].

Преобладание изображений солярных символов или их элементов, а также символов, связанных с луком и стрелой, не случайно. Солярные знаки, символизирующие обычно солнечное божество, были известны и понятны многим племенам различных исторических эпох на огромной территории. Несомненно, они были известны и населению каунчинской культуры. И вполне понятно, почему вожди каунчинцев изображали свастикообразные знаки на своих амулетах[29], почему их ставили рядом с родовой тамгой некоторые тюркские правители Чача. Они как бы приобщались к солнечному божеству, что должно было подчеркнуть их величие, укрепить их власть.

Лук со стрелой, одно из самых распространенных и грозных оружий древности, изображенные на сосудах, призваны были теперь выполнять охранные функции. Другие знаки пока не поддаются убедительной расшифровке, но несомненно, что и они символизируют какие-то божества, наделенные сверхъестественной силой.

Надо полагать, что большинство знаков имеет местное, присырдарьинское происхождение и отражает какие-то древние религиозные понятия, корни которых надо искать в культовых представ-

---

26 К а б а н о в С.К. Руины здания времени кушан близ Карши. – ИМКУ, вып.I0, с.32, рис.2, комплекс 2 /8/.

27 М а к с и м о в а А.Г., М е р щ и е в М.С., В а й н б е р г Б.И., Л е в и н а Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата, I968, с.II8.

28 В а й н б е р г Б.И. Монеты древнего Хорезма, с.39.

29 Г р и г о р ь е в Г.В. Каунчи-тепа, с.27, рис.33.

лениях сакских племен и прежде всего "саков, которые за Согдом"[30]. Возможно, их зарождение происходит еще раньше, в эпоху бронзового века, в религиозной символике индо-иранских племен.

Отметим, что в эпоху бронзового века сложилось две области широкого распространения знаков. На юге - это обширная территория начиная от южных районов Средней Азии /комплексы Намазга VI и Яздепе I, сапаллинская культура/[31] до Белуджистана и от Восточного Ирана до долины р.Инд.[32] Примерно в это же время, т.е. во II тыс. до н.э., знаки получили большое распространение на керамике срубной культуры,[33] которая наряду с андроновской сыграла, по-видимому, какую-то роль в формировании раннесарматской культуры. Последняя, на протяжении всей истории своего развития была тесно связана с кочевыми и оседлыми народами Средней Азии, в том числе Ташкентским оазисом.[34] Возможно, существовала и обратная связь. По крайней мере, в сарматских могильниках Южного Приуралья отмечены находки посуды среднеазиатского происхождения, в частности, со знаками в виде лука со стрелой[35] - мотивом,

---

30 Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. /К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии/. - Душанбе, 1968, с.14, 20-23.

31 Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. - МИА, № 73, М., 1959, с.20, с.173; табл. V(7); с.104, табл. XVI, с.192, табл.XXVI (3); Аскаров А. Сапаллитепа. - Ташкент, 1973, с.73, с.169, табл.31; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент, 1977, с.64,79.

32 Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. - М., 1977, с.63-64.

33 Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. - ВДИ, 1953, № 1, с.196-199.

34 Мошкова Г.М. Сарматы и Средняя Азия. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. - Ташкент, 1973, с.106-107.

35 Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. - М., 1975, с.94,рис. 30(4); с.174.

как отмечалось выше, распространенным среди знаков каунчинской культуры.

Несомненно, традиция метить знаками различные предметы, в том числе керамику, зародилась в кочевой среде. Она продолжала бытовать и на поселениях осевших кочевых и полукочевых племен. Материалы с Кугантепа показывают, что при переходе поселений в городские образования количество знаков на керамике не уменьшается. Это, скорее всего, говорит не о связи городского ремесленного класса с архаической родовой организацией, как предполагал А.И.Терешожкин[36], а о консервативности религиозных представлений, подтверждая известный тезис Ф.Энгельса о том, "что религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой"[37]. Традиция метить знаками отдельные сосуды прошла через все последующие эпохи и дожила до настоящего времени[38].

Посуда со знаками отмечается почти на всех памятниках каунчинского ареала по течению Сырдарьи. Большая коллекция сосудов со знаками получена на поселении Шаушукумтобе[39]. Знаки также отмечены на Актобе 2,[40] Мингурюке[41], Шаштепа[42], Актепа близ Ташкента[43], на сосуде из могильника в 6,5 км от Ташкента близ Тро-

---

36 Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953), МИА, № 66 - М.-Л., 1958, с.126.

37 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд.2-е, т.21, с.314.

38 Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии, с.109-115.

39 Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары, с.117.

40 Там же, с.61, рис.26.

41 Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-урюк в Ташкенте. Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, вып.172, кн.37.-Ташкент, 1960, с.138, табл.5; Древний Ташкент.-Ташкент, 1973, с.30, рис.6(4,5,8).

42 Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаштепе. В кн.: Археология Средней Азии. Труды ТашГУ, вып. 172, кн.37. - Ташкент, 1960, с.152 ил.3.

43 Терешожкин А. И. Холм Актепе близ Ташкента. - В кн.: Труды ИИАН УзССР, т.1. - Ташкент, 1948, с.118, рис.9(11).

ицкого шоссе[44], Киндыктепа[45], Канке[46] и других памятниках. Очень интересная тамга, к сожалению не полностью сохранившаяся, происходит из укрепления у слияния Пскема с Чаткалом. По внешнему виду она напоминает верхнюю часть династийного знака правителей Согда, украшенная еще и Т-образным отростком между "усами"[47]. На посуде бургулюкской культуры, непосредственно предшествующей каунчинской, знаков пока не отмечено[48]. Как видно, знаки - характерный признак каунчинской культуры: отмечены на керамических сосудах из большинства раскопанных поселений и могильников[49].

Влияние каунчинской культуры неоднократно отмечалось, начиная с III в. н.э., на различные районы Средней Азии[50]. Особенно сильно оно прослеживается в керамике Западной Ферганы. Знаки здесь зафиксированы на сосудах, происходящих из ряда могильников, где ощутимо влияние каунчинской культуры[51]. В более раннее время знаков на керамике в этом районе не отмечено. Реже они встречаются в отраро-каратауской и джетыасарской культурах.

---

44 К р а ш е н и н н и к о в а Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. В кн.: Труды ТашГУ, вып. 295. Археология Средней Азии. УП, 1966, с.29, рис.3 (6).

45 Древности Туябугуза, с.108-109, рис.18.

46 Материалы с Канки, Усмантепа и Ишкургана нам предоставлены Г.И.Богомоловым, из Ниязбашского могильника - В.А.Карасевым, с Шаштепа - В.И.Спришевским.

47 Древности Чарвака. - Ташкент, 1976, с.54, рис.19.

48 Д у к е Х. И. Бургулюкская культура. В кн.: Древности Туябугуза, с.69-88; А с к а р о в А. А., Ф и л а н о в и ч М. И. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. - ОНУ, 1980, № 6, с.29-30.

49 Г р и ц и н а А. К вопросу о знаках на керамических сосудах. Тезисы докладов IУ искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых. - Ташкент, 1981, с.134-136.

50 Г о р б у н о в а Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков н.э. Труды ГЭ, т.XX.-Л, 1979, с.141-142 (там же литература).

51 Д и т в и н с к и й Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, табл.12(7), табл.22(8), табл.36(5,6), табл.37(1,2); К а д ы р о в Э. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы (по материалам могильника Гурмирон 1973 г.). УСА, вып.3. - Л., 1975, с.34; Б р ы к и н а Г. А. Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н.э. В кн.: Этнография и археология Средней Азии.-М., 1979, с.102, рис.1(25,26,29,30).

Если посмотреть на карту распространения знаков на керамике, то следует выделить еще две области - Хорезм и Южный Согд. Если в Согде появление знаков, судя по керамическому материалу, можно прямо связать с влиянием Каунчи[52], то в Хорезме они появляются гораздо раньше, начиная с эпохи раннего железа и архаического времени[53].

Таким образом, район Средней Сырдарьи был одним из центров распространения каунчинской культуры, влияние которой на некоторые другие области, в частности, подтверждается наличием знаков.

Объяснение значения знаков в основном сводится к следующему: а) тамги-знаки родовой или частной собственности, выполняющие еще роль оберегов; б) знаки владельцев или мастеров, изготовлявших эти сосуды.

Собранный нами материал каунчинского культурного комплекса позволяет сделать вывод, что знаки на керамике - это магические символы, в качестве которых могли использоваться, как показано выше, и тамги. Несмотря на то, что знаки разделялись во времени и территориально, они могли иметь одинаковое значение. Конечно, с течением времени их смысл, видимо, менялся, но тем не менее одинаковая трактовка знаков разных исторических эпох говорит о каком-то общем хронологическом пласте воззрений, в котором они могли зародиться. Но почему все же знаки ставились не на всех сосудах? По нашему мнению, знаки могли ставиться на тех сосудах, которые предназначались для хранения определенных продуктов, считавшихся в силу каких-то причин особыми, священными, и которые

---

52 К а б а н о в С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. - Ташкент, 1981, с.32-33, 116-117.

53 В а й н б е р г В.И. Кюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. УСА, вып.3. - Л., 1975, с.45, рис.15; Она же. Памятники кюсайской культуры. В кн.: Кочевники на границах Хорезма. ТХЭ, т.XI. - М., 1979, с.14, табл.IУ (1); В о р о б ь е в а М.Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в Древнем Хорезме. - М., 1973, с. 228, рис.37 (11,12,23,34,36).

требовалось особо оберегать сверхъестественными силами. Таким продуктом мог быть, к примеру, ячмень, использовавшийся в ритуальных целях[54], и некоторые другие, т.е. такие сосуды первоначально имели еще и культовое значение. Несомненно, что часть знаков, выполненных особенно тщательно и расположенных на видном месте, могла нести и орнаментальную нагрузку. Например, знак, напоминающий мальтийский крест, вырезанный на тулове хума (рис. 3) и т.п.

В период средневековья роль знаков как магических символов, по-видимому, ослабевает. На золотоордынской керамике знаки "ставились не в процессе изготовления, а в процессе использования уже готовых сосудов"[55] и наносились как знаки собственности[56]. Впоследствии знаки в большинстве случаев стали наноситься на дно сосудов как от руки, так и в виде отпечатка обратного изображения, вырезанного на круге,[57] и, возможно, служили чисто практическим целям.

---

54 Древний Ташкент, с.137.

55 Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. - М., 1980, с.204.

56 Там же, с.205.

57 Милорадович О.В. Знаки на керамике Верхнего Джулата. В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. - М., 1973, с.231-232; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакевич Л.Б. Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972, с.199, рис.160. Знаки, прочерченные от руки, зафиксированы также на поливной керамике тимуридского и шибанидского времени из Бинкета (Материалы Ташкентского археологического отряда).

А.Р.Мухамеджанов, Д.Мирзаахмедов, Ш.Т.Адылов

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ГОРОДИЩА ПАЙКЕНД (по материалам раскопок 1981 г.)

Городище Пайкенд представляет собой вытянутый с запада на восток подпрямоугольный в плане памятник, окруженный валом крепостных стен и к настоящему времени полузасыпанный песком[1]. Собственно город состоит из кухендиза и двух шахристанов. Кухендиз, площадью около I га и высотой 20 м, расположен в северо-восточном углу первого шахристана, площадь которого около I3 га. К первому шахристану примыкает второй площадью около 7 га, на крепостной стене в хорошем состоянии сохранились раннесредневековые башни. За пределами крепостных стен располагались рабаты (постоялые дворы), сливающиеся с естественным холмистым рельефом местности[2]. С северо-восточной, северной, северо-западной сторон к городу вплотную прилегали значительные ровные земельные площади. Судя по находкам на этой территории большого количества керамических кубуров различных диаметров, здесь начинались поля, орошавшиеся каналом Кызарык, выведенным из Зарафшана[3].

В древности Пайкенд был одним из крупнейших городских центров Бухарского оазиса, своего рода перевалочным пунктом на торговом пути из Хорасана в Мавераннахр, и потому вполне оправдан тот интерес, который к нему проявляли как средневековые арабские

I План городища см. в ст. Мухамеджанова А.Р. и Семенова Г.Л. Исследование городских стен Пайкенда, помещенной в данном сборнике.

2 Наршахи, со ссылкой на Мухамеда-ибн-Джафара, сообщает: "В Пайкенде было больше тысячи рабатов по числу селений Бухары". /Наршахи Мухамед. История Бухары. На узб.яз. Пер. А.Расулева.-Ташкент, I966, с.24/.

3 Гулямов Я.Г. Освоим земли древнего орошения. В кн.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. - М., I969, с.69-7I; Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса. - Ташкент, I978, с.99-I03.

и персидские географы, так и русские ученые-востоковеды. В 1913–1914 гг., по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, на городище проводил работы Л.А.Зимин, который дал достаточно полное описание памятника, а также составил свод из арабских и персидских источников по истории города[4]. В 1939–1940 гг. раскопки на городище проводила Зарафшанская археологическая экспедиция Эрмитажа и ИИМК под руководством А.Ю.Якубовского, затем В.Н.Кесаева[5]. Осенью 1954 и весной 1956 г. в районе городища работал археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР. Г.В.Шишкиной проводились раскопки Пайкендского некрополя и замка Бод-Асия[6]. В 1981 г. Бухарский отряд Института археологии АН УзССР под руководством А.Р.Мухамеджанова начал стационарные работы на памятнике прежде всего с целью выяснения его стратиграфии. Кроме того, проводились раскопки, обмеры и зачистки раннесредневековых башен второго шахристана и гончарных печей X в. в пригородной зоне. На кухендизе, близ его восточной грани, был заложен стратиграфический раскоп 5,5 х 4,3 м, чтобы установить время его основания, мощность культурных напластований на различных этапах истории города, включая и периоды его запустения. Раскопки в целях безопасности велись ступенчато, а отсчет ярусов – от реперной точки, расположенной в центре кухендиза. Шурф прорезал крепостную стену и затронул культурные слои

---

4 З и м и н Л.А. Краткий исторический очерк Пайкенда. Развалины старого Пайкенда. Протоколы ТКЛА, год ХУШ, вып.2. – Ташкент, 1914; Он же. Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пайкенда. Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пайкенда. Протоколы ТКЛА, год XIX, вып.2. – Ташкент, 1915.

5 Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ. Т.II. – Л., 1940; К и п а р и с о в а Н.П. Игрушка-водолей из Пайкенда. – СА, X, 1948; Л ь я к о н о в М.М. Керамика Пайкенда. – КСИИМК, ХХУШ, М., 1949; К е с а е в В.Н. Раскопки на Пайкенде в 1940 г. – СГЭ. IУ, Л., 1947.

6 Ш и ш к и н а Г.В. Замок Бод-Асия в окрестностях Пайкенда. – ИМКУ, вып.4., Ташкент, 1963.

лишь наиболее ранних периодов. В результате установлено время основания кухендиза и получены важные сведения о его фортификации. Самый верхний слой раскопа, отмеченный на УI–X ярусах, состоит из рыхлых накоплений песка с включением обломков жженых кирпичей, костей животных и керамики XП–XУШ вв., т.е. несомненно насыпной. Данный слой перекрывал несколько уровней утоптанных глинобитных полов, по всей видимости, дворика, которые прослеживаются вплоть до начала XIУ яруса. При расчистке самого верхнего уровня от насыпного песка обнаружены также незначительные остатки очень примитивных глинобитных построек и ям. На нижнем уровне построек найден фрагмент блюда с поливой голубого цвета, характерной для XП в., а из остатков мусорной ямы, частично затронутой у западной стенки шурфа, извлечено несколько фрагментов керамики XУ–XУI вв. Данные находки свидетельствуют о периодическом обживании кухендиза отдельными группами людей и после того, как Пайкенд обезлюдел и перестал существовать как город[7]. Постепенное углубление кризиса городской жизни подтверждают находки, полученные при расчистках второго, третьего и четвертого уровней. Подавляющее большинство их – неглазурованная керамика X в., глазурованная же, датируемая IX–X вв., представлена лишь тремя-четырьмя мелкими фрагментами, а при расчистке последующих уровней уже не попадалась. Слой, перекрывающий пятый уровень, содержит значительное количество угольков и золы, что может указывать на пожар. В нем обнаружено небольшое количество керамики, среди которой наибольший интерес представляют двуручные сосуды типа фляг-мустахара (см.рис.I, 20). Фляги подобного типа отмечены на Варахше[8] и Пянджикенте[9], однако оригинальность пайкендских состоит в том, что горловина располагается под углом к плоскости

---

[7] Судя по описанной Наршахи неудачной попытке прорыть новый канал к городу вместо пересыхающего канала Харамкам, которую предпринял Арслан-хан (IIO2–II3O гг.) с целью возродить город, Пайкенд пустовал уже во второй половине XI в. (См. Н а р ш а х и М у х а м е д. История Бухары..., с.25).

[8] Ш и ш к и н В.А. Варахша. – М., I963, рис.63/4/.

[9] С т а в и с к и й Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати Пянджикентского городища. – МИА, № I24, М.–Л., I964, рис.3.

поддона. Эти сосуды датируются, возможно, VIII–X вв. Следующий уровень был вымощен жженными кирпичами, а перекрывающий его слой также содержит следы пожара. К этому же уровню относятся две ямы. Первая, глубиной около 70 см и диаметром чуть менее 2 м, частично затронутая у южной стены шурфа, доверху набита обломками жженых кирпичей, выбракованных при вымостке. Сверху обломки присыпаны рыхлым грунтом и утрамбованы, но вымосткой не перекрывались. Вторая яма диаметром около I м и глубиной 6 м, расположенная у северо-западного угла раскопа, определена нами как бадраб. Как показали дальнейшие исследования, под верхним рядом вымостки располагался нижний. Для верхнего ряда использовался прямоугольный жженный кирпич хорошего качества и следующих форматов: 29xI9x3,5, 27xI8x3, 30xI9x2,5, 30x20x3, 3Ix2Ix3 см. Швы между кирпичами толщиной I–3 см заполнены алебастром. Второй ряд вымостки состоит из жженых кирпичей несколько других форматов: 34xI8x2,5, 34xI9x3, 35x20x3,5 см; швы между ними примерно тех же размеров и тоже заполнены алебастром. В отличие от верхнего ряда нижний вымощен более небрежно, к тому же многие кирпичи искрошились в результате длительного использования. Таким образом, между нижним и верхним рядами вымостки пролегает достаточно длительный промежуток времени, возможно, не один десяток лет, о чем, кроме плохой сохранности кирпичей нижнего ряда, может свидетельствовать и несколько иной их формат. По всей вероятности, когда нижний ряд вымостки пришел в негодность, поверх него был вымощен новый, причем старый предварительно обмазали прослойкой алебастра двухсантиметровой толщины, а местами прикрыли камышовой циновкой. Под нижним рядом вымостки отмечена прослойка красноватого цвета, местами достигавшая 3 см в толщину и состоявшая из утрамбованных керамических крошек (истолченных остатков жженых кирпичей). Данная прослойка – наиболее ранний уровень дворика.

Первая яма, заполненная обломками кирпичей, безусловно относится к верхнему ряду вымостки, так как если бы она, уже доверху засыпанная, относилась к нижнему ряду, логично было бы ее перекрыть кирпичами, что, однако, не отмечено. Очевидно, при вымостке верхнего ряда строители, частично разрушив нижний ряд, вырыли яму, чтобы использовать землю для строительных нужд, а затем засыпали ее отходами. В отношении бадраба нельзя точно установить, на каком уровне он был заложен. Не исключено, что это произошло еще до вымостки, но во всяком случае он функцио-

нировал и тогда – кирпичами был выложен второй ряд. При расчистке бадраба выяснилось следующее. Стенки его на глубину 3 м от верхнего края были обожжены докрасна. Рыхлые накопления, сопровождавшие обожженную часть, в значительной мере состоят из угольков и золы. В них в большом количестве попадались куски обожженной глины со следами от камышовых стеблей в виде прямых рядов-ложбинок (это скорее всего остатки потолочных перекрытий), обломки жженных кирпичей, железные гвозди и предметы, напоминающие заклепки и дверные ручки, наконечник дротика, обрывки обугленной ткани, инкрустированная ганчем сердоликовая бусинка, фрагменты стеклянных изделий и керамика. Очевидно, при расчистке дворика от следов пожара, отмеченных в слое над верхней вымосткой, бадраб был доверху набит еще недогоревшим мусором, результатом чего и является обжиг стенок. При дальнейшей расчистке в бадрабе прослежены сначала гумусные отложения толщиной 2 м, затем песчаные с незначительной примесью гумуса[10]. Эти три слоя внутри бадраба свидетельствуют об этапах его функционирования, что может пролить свет на отдельные периоды истории кухендиза.

Из слоя над верхней вымосткой, мусорной ямы, а также из бадраба получены достаточно разнообразные комплексы керамики (см.рис.I, I–I9). Пожалуй, наиболее ранним является хум, изготовленный вручную ленточным способом, с орнаментом по венчику в виде вмятин пальцами (см.рис.I, I9). По материалам раскопок в Бухаре[II], а также на памятниках долины Кашкадарьи[I2] подобные со-

---

[10] Постоянно дующие в этих местах ветры, чаще всего с севера из Кызылкумов, несут с собой массу песка, в результате на южных склонах кухендиза и шахристанов образовались барханы. Песчаный слой с незначительной примесью гумуса на самом дне бадраба.– следствие этих явлений, ибо местным жителям приходилось постоянно очищать дворик от песчаных наносов, и они, естественно, сметали песок в бадраб.

[II] Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш.Т. Керамика нижних слоев Бухары (опыт предварительной периодизации). – ИМКУ, вып.I7, Ташкент, I982, рис.3 (Бухара-УI).

[I2] Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон. – ИМКУ, вып.I5, Ташкент, I979, с.75, рис.2 /I3,I6/; Он же. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана. – ИМКУ, вып.I6, Ташкент, I98I, с.40, рис.3/5,6/.

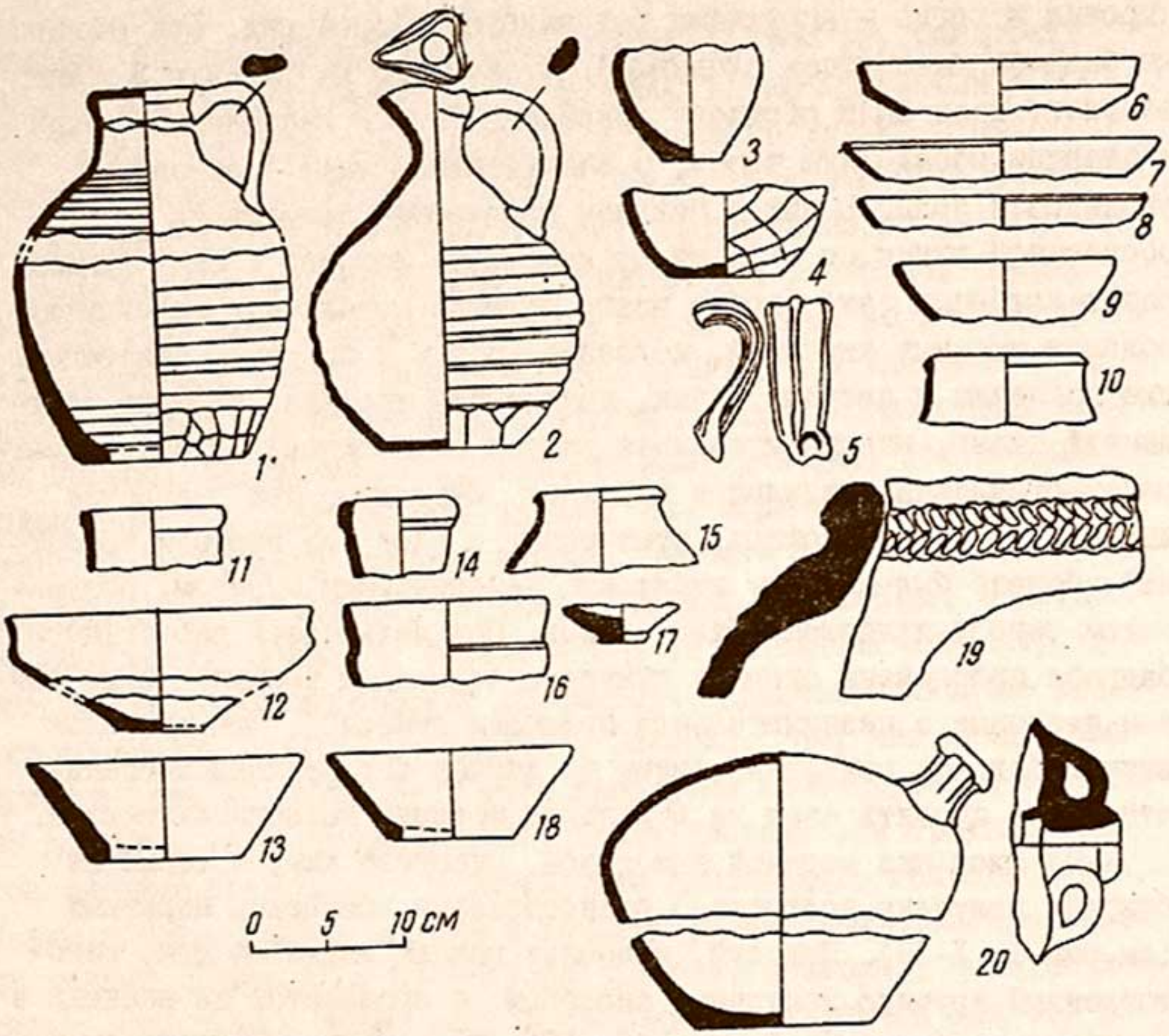


Рис.I. Керамика из мусорной ямы, бадраба и слоев над кирпичной выстилкой: I-19-УI-УП вв., 20-IX-X вв.

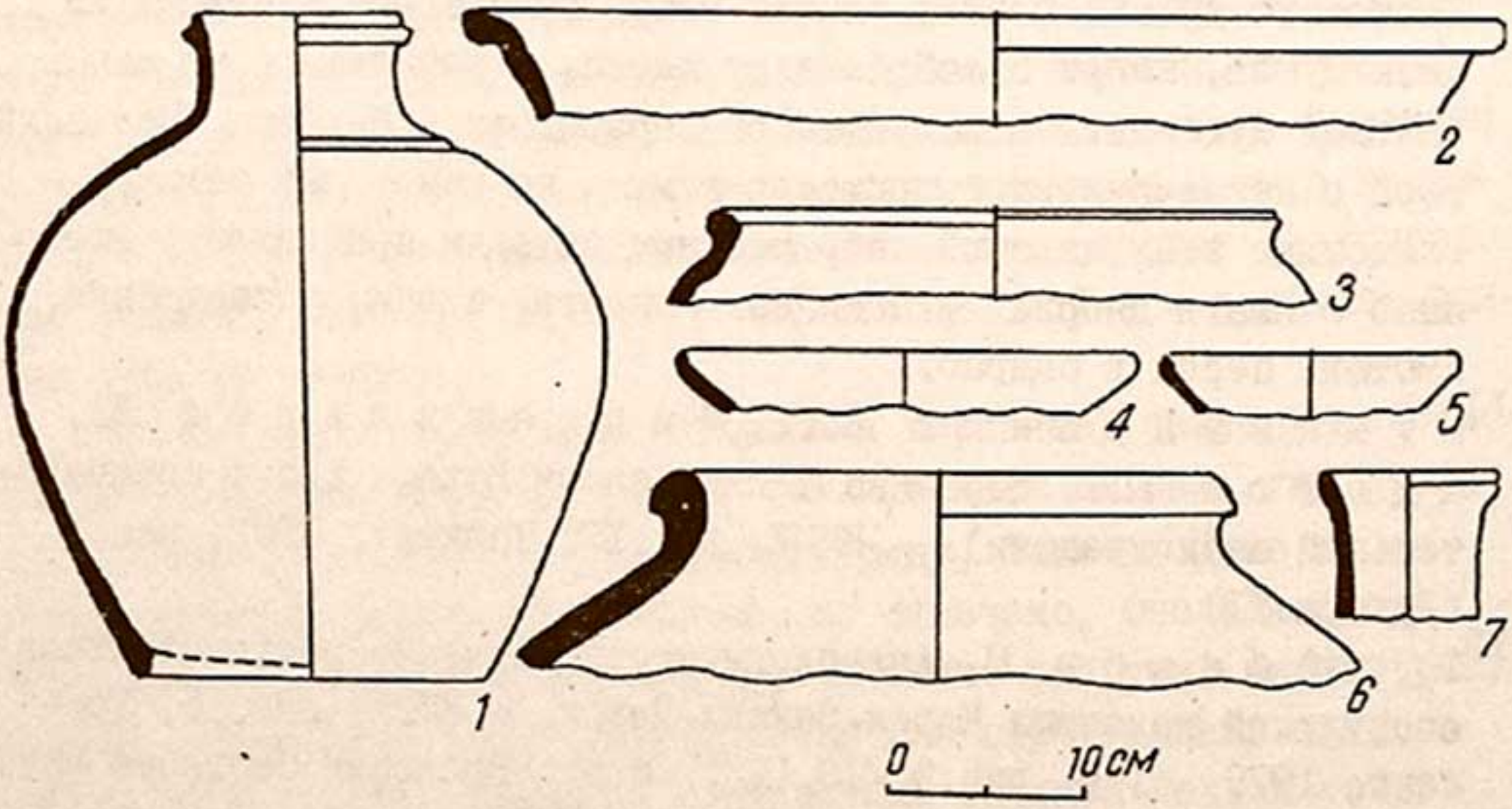


Рис.II. Керамика из структуры стены Ш-П вв. до н.э.: I-5-Ш-IУ вв. н.э., 6-П-Ш вв. н.э., 7-П-I вв. до н.э.

суды датируются У–УІ вв. Остальная посуда представлена чашами с вертикальным перегибом венчика /6,12/, кружкой /16/, цедилкой /17/, мисками /7–9,18/, фрагментом ручки от кувшина /5/, кувшинами /1,2,11,14/, горшками /3,4,10,15/ и миской, изготовленной из обломка – днища крупного сосуда /13/. Керамика произведена из хорошо промешанной глины розоватого цвета, иногда с примесью гипса, и покрыта ангобом желтоватого цвета. Некоторые горшки и кувшины с вертикальными или косыми срезами в придонной части, а на тулове кувшина типа "энохои" /2/ прочерченный знак в виде "согдийского бантика". Близких аналогий в комплексах керамики из соседних регионов не отмечено, но тем не менее датировка ее УІ–УШ вв. нам кажется вполне приемлемой. Следы пожаров можно увязать с конкретными событиями в истории города. Как сообщает Наршахи, в 54 г.х. /673–4 гг./, арабский полководец Убайдуллах–бен–Зияд завоевал Пайкенд[13]. В своде из арабских и персидских источников по истории города, составленного Л.А.Зиминым, находим сведения, что была захвачена лишь половина города[14]. В связи с этим А.Ю.Якубовский полагает, что была захвачена "западная половина", а именно второй шахристан[15]. Но более вероятно связывать пожары на кухендизе с походами Кутейбы–ибн–Муслима, который в 88 г.х. /706–7 гг./ штурмом взял город и, поставив над местными жителями правителем человека из своего племени, удалился. Вскоре, однако, ему пришлось вернуться, так как горожане подняли антиарабское восстание. Вторично захватив город, Кутейба полностью сжег и разграбил его, а уцелевших жителей продал в рабство, после чего жизнь здесь замерла на некоторое время[16].

В дальнейшем, начиная с ХІУ яруса, раскопки продолжались на южной половине шурфа. Вначале была снята тонкая прослойка ут-

---

13 Наршахи Мухамед. История Бухары..., с.39.

14 Зимин Л.А. Краткий исторический очерк Пайкенда. Протоколы ТКЛА, год.ХУШ, вып.2. – Ташкент, 1914, с.67. /Л.А.Зимин приводит данные ат–Табари, который, в свою очередь, позаимствовал их у ал–Мадаини/.

15 Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет..., с.53.

16 Наршахи Мухамед. История Бухары..., с.44–45.

рамбованной земли, под которой шел слой крупнозернистого песка с примесью лесса, явно насыпной. В слое обнаружен комплекс керамики II–I вв. до н.э. – III–IУ вв. н.э.: красноангобированная лощеная посуда соседствует с типично "позднеантичной". Слой песка, как оказалось, перекрывал ступенчатое сооружение, по которому, по нашему предположению, взбирались на гребень стены. Было расчищено шесть ступеней, причем нижние три пришлось очищать от утрамбованной прослойки лёсса, образовавшейся в результате утаптывания. Боковая стенка лесенки, частично расчищенная на восточной стороне шурфа, носит следы саманной штукатурки. Ступени несколько покатые, перепад высот между верхней и шестой I м. Затем шурф прорезал пахсово-кирпичную крепостную стену. Удалось выделить несколько рядов сырцовых кирпичей более или менее устойчивого формата: 49x29x6–9, 48x39x9–II см. Остальные не имеют четкого стандарта: длина 40–50, ширина 24–39, толщина 6–II см. Кирпичи не очень высокого качества, клейм на них не отмечено. Некоторые из них болотно-бурого цвета, другие серые, третьи коричневатые. Последние изготовлялись из глины с примесью песка, самана, галечного известняка и толченой керамики, а поэтому легко разрушаются. Толщина промазки между двумя рядами кирпичей не превышает IO см. Местами кирпичи выложены почти впритык, чаще толщина швов 5–IO см и больше. В целом кладка довольно нерегулярная. Можно отметить, что в "позднеантичной" архитектуре городища Рамиш использовался сырцовый кирпич примерно тех же форматов[17]. Кроме сырцовых кирпичей в структуре стены попадались обломки жженых, возможно относящихся к более ранним периодам. Их размеры: 23x23x5, 27x23x5, I5x?x8 см. Отмечены и трапециевидные кирпичи двух форматов (высота 20 и 24, параллельные стороны соответственно 24,27 и I6,20, толщина 4,5 и 4 см), которые указывают на вероятность существования на городище в "античное время" сооружений со сводчатыми перекрытиями из жженого кирпича. На обломках жженых кирпичей иногда встречаются фрагменты клейм. Из находок в структуре стены особенно выделяются остатки двух

---

[17] Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш. – – ИМКУ, вып.I3, Ташкент, I977, с.56.

крупных кувшиновидных сосудов с содержимым в виде пепла (рис.II, I). Очевидно, это следы ритуала, связанного с освящением стены огнем. Кроме того, обнаружены сердоликовая бусинка, фрагмент парфюмерного стеклянного сосудика и керамика, самые поздние фрагменты которой датируются III–IУ вв. н.э. (рис.II, 2-5). Таким образом, эта датировка вполне соответствует времени возведения стены. Она прослеживается примерно до середины XX яруса, затем в восточной части углубляемой площади шурфа начинается кирпичная крепостная стена более раннего периода, а в западной – ступенчатое сооружение, аналогичное тому, что было описано выше, однако в отличие от первого оно сооружено в виде пандуса и не в самой стене, а впритык к ней. Разрез пандуса показал, что существовало не менее II этапов его использования, о чем можно судить по утрамбованным прослойкам. На самом последнем этапе пандус приобретает четкие очертания лесенки и даже обкладывается кирпичом. Ступени этого этапа были перекрыты чистым надувным слоем мелкого песка. Предпоследний этап был датирован по фрагменту хума (рис.II, 6) I–III вв. н.э. Он как по технике изготовления, так и по форме аналогичен сосудам периодов Бухара-IУ[18] и Рамиш-IУ[19], а самый древний сосуд, полученный при вскрытии лесенки-пандуса – фрагмент высокогорлого красноангобированного лощеного кувшина (рис.II, 7) – II–I вв. до н.э. в сопоставлении с керамикой периода Бухара-II[20].

Лестнично-пандусное сооружение и кирпичная крепостная стена располагались на мощном гумусном слое, отмеченном на XXУ–XXXУШ ярусах. Время образования гумусного слоя по утрамбованным песча-

---

[18] Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Аднлов Ш.Т. Керамика античных слоев Бухары (опыт предварительной периодизации). Всесоюзное научное совещание "Античная культура Средней Азии и Казахстана" /Тезисы докладов/. – Ташкент, 1979, с.15; Они же. Керамика нижних слоев Бухары..., рис.2 /Бухара-IУ/.

[19] Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища..., с.58.

[20] Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Аднлов Ш.Т. Керамика античных слоев Бухары..., с.14–15; Они же. Керамика нижних слоев Бухары..., рис.2 /Бухара-II/.

ным прослойкам можно разделить на три этапа, причем крепостная стена была возведена в начале третьего. Она сооружена из квадратных сырцовых кирпичей нестандартного формата длиной 34–50 и толщиной 8–12 см. Толщина швов между кирпичами 2–7 см, а промазки 2–10 см. Как и в предыдущем случае, кирпичи разных цветов: болотно-бурого, серого и коричневатого; клейм на них не отмечено. В отличие от стены Ш–IУ вв. кладка здесь более регулярная, хотя и не отличается большой аккуратностью. Стена слегка осела из-за рыхлости подстилающего ее гумусного слоя. Высота сохранившейся части около 3,5 м, выше она была срезана при строительстве стены Ш–IУ вв.

Из гумусного слоя получен обширный комплекс керамики, как станковой, так и лепной (рис.Ш, I–I9). Станковая керамика представлена фрагментами хумов и хумчей /1,2,5,6/, цилиндро-коническими чашами /I0,II/, мисками с Г-образно отогнутым или просто вогнутым вовнутрь венчиком /9,I2–I5/, кувшинами /7/, горшками /3,8/ и тагара /4/, аналогичными для периодов Бухара-I[21] и Рамиш–I[22]. Качество изготовления станковой керамики не очень высокое, довольно часто ангоб либо не наносился, либо не сохранялся. Преобладает посуда с розовым черепком и ангобом желтоватых, красных и темно-розовых тонов. Нередко столовая посуда подвергалась затирке для удаления шероховатостей на поверхности, иногда даже до лоска, но тем не менее лощение еще не приобретает такого массового распространения, как в последующие периоды. Отмечено несколько фрагментов посуды с серым черепком. Наряду со станковой керамикой в комплексе очень много лепной – котлов, жаровен, кухонных мисок /фиг.I6–I9/, при изготовлении которых применялся крупнотолченый шамот. Керамика последнего этапа образования гумусного слоя, в начале которого была сооружена стена, практически ничем не отличается от сосудов предыдущих двух этапов, но, поскольку последние стратиграфически все-таки предшествуют, то были датированы IУ–Ш вв. до н.э., а последний этап и стены – Ш–-П вв. до н.э.

---

21 М у х а м е д ж а н о в А.Р., М и р з а а х м е д о в Д., А д ы л о в Ш.Т. Керамика античных слоев Бухары..., с.I4–-I5; Они же. Керамика нижних слоев Бухары..., рис.I /Бухара-I/.

22 С у л.е й м а н о в Р.Х., У р а к о в Б. Результаты предварительного исследования..., с.58.

Под гумусным слоем до середины XXXIX яруса прослеживается слой песка пролювиального происхождения. В нем обнаружено несколько сильно обкатанных фрагментов керамики того же типа, что и в гумусном слое. Под слоем пролювиального песка начинается материковый слой - крупнозернистая супесь зеленоватого цвета с включением известняковых галек.

Подводя итоги, в общих чертах обрисуем отдельные моменты ранней истории города. Пайкенд был основан в конце IУ в. до н.э., причем ядро поселения, которое шурф не затронул, располагалось где-то в центре площади, занимаемой ныне кухендизом, на самом краю естественного известняково-каменистого всхолмления, на котором сооружен весь город. Прямо у подножия ядра поселения протекал затухающий проток Зарафшана, следы которого в виде песчаных наносов с включением обкатанных фрагментов керамики составляют предматериковый слой. Вначале это было небольшое сельское поселение, но уже тогда жизнь на нем протекала довольно интенсивно, что подтверждают гумусные наслоения почти пятиметровой толщины, образовавшиеся в результате сбрасывания мусора и органических нечистот на заболачиваемые окрестности. Касаясь вопроса о роде занятий первых поселенцев, можно предположить, что это были скотоводы, уже начавшие сменять кочевой образ жизни на оседло-земледельческий - об этом свидетельствуют обильные находки грубой лепной керамики наряду со станковой, масса костей мелкого и крупного рогатого скота, лошадей и свиней; из диких - типичные обитатели пустынь - кулан и тугайных зарослей - олень и кабан.[23]

В III-II вв. до н.э. площадь кухендиза значительно увеличивается за счет строительства вокруг первоначального ядра поселения, на образовавшихся гумусных наслоениях, обводной кирпичной крепостной стены. Пандус-лесенка этой стены свидетельствует о длительности ее функционирования, причем за это время, возможно, пристраивались к внешнему фасаду "рубашки". В III-IУ вв. укрепленное поселение подвергается нашествию кочевых племен, тех самых, которые, смешавшись с местным населением, положили начало новому этапу в истории обживания Бухарского оазиса - "Кызыл-Кырскому", условно названному так по первому исследованному памятнику этого

---

[23] Определение проведено палеозоологом А.Р.Батыровым.

круга.[24]

Какое-то не очень продолжительное время после нашествия кухендиз находился в запустении, о чем можно судить по надувным наслоениям песка, но затем жизнь на поселении переживает бурный подъем. Общая мощность крепостной стены кухендиза значительно увеличилась, причем новая стена не столько пристраивалась к фасаду старой, сколько надстраивалась над ее гребнем, перекрыв при этом и часть ранних культурных наслоений. Естественно, полезная внутристенная площадь кухендиза уменьшилась, но при этом затрачивалось гораздо меньше средств и труда, чем при строительстве чисто внешней "рубашки". Примерно в это же время начинает обживаться часть территории второго шахристана.[25] Начиная с У-УI вв., когда культурные наслоения достигли уровня верхней грани крепостной стены Ш-IУ вв., на ней стали возводиться жилые постройки, а к внешнему фасаду пристраиваться новая мощная "рубашка". Одновременно, по предварительным данным, возникает шахристан I, а чуть позже шахристан 2, территория которого была уже частично обжита, и Пайкенд приобретает нынешние очертания.

Постепенное запустение города и уход жителей в другие районы объясняются сокращением или перерывами поступления воды для орошения округи Пайкенда. Судя по материалам верхнего горизонта кухендиза, здесь эти процессы уже явно наметились в первой половине X в. Именно в этот период экономика, культура и искусство Мавераннахра переживают невиданный расцвет, быстрыми темпами

---

[24] Н и л ь с е н В.А. Кызыл-Кыр. – ИМКУ, вып.I, Ташкент, I959 /Памятник первоначально был датирован IУ–Ш вв. до н.э. В настоящее время эта датировка изменена на Ш–IУ вв. н.э. См. статьи М у х а м е д ж а н о в а А.Р., М и р з а а х м е д о в а Д., А д ы л о в а Ш.Т. Керамика античных слоев Бухары...; Керамика нижних слоев Бухары...; ст. У р а к о в а Б. Керамические комплексы позднеантичных поселений Кызыл-Кыр-I и Сеталак-I, - ИМКУ, вып.I2, Ташкент, I975; ст. С у л е й м а н о в а Р.Х., У р а к о в а Б. Результаты предварительного исследования.../.

[25] Разведочными стратиграфическими раскопками на территории шахристана 2 вскрыты небольшие гумусные прослойки с включением незначительных архитектурных остатков и керамики Ш–IУ вв.

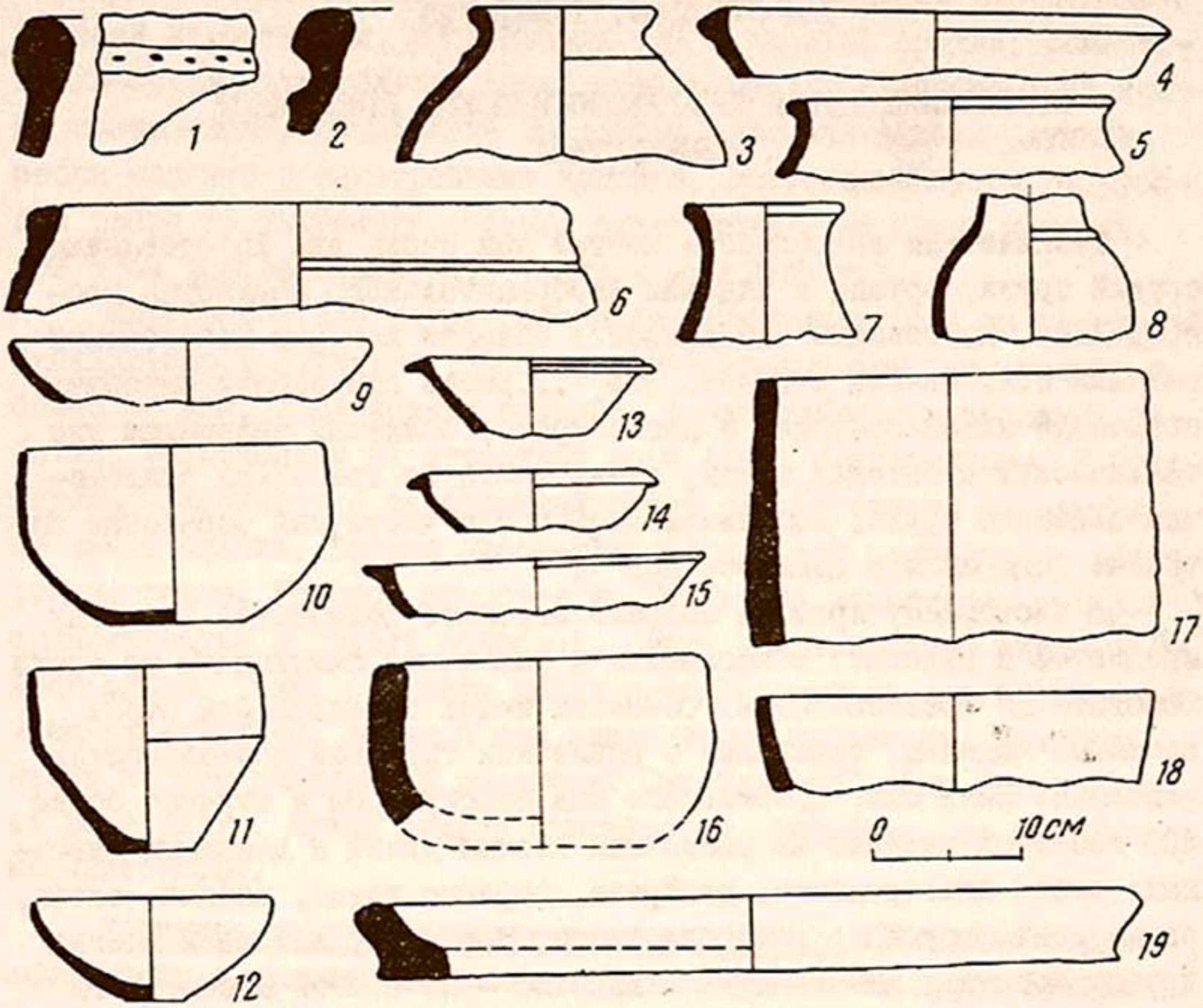


Рис.Ш. Керамика конца IУ-П вв. до н.э. из гумусного слоя.

идет прирост населения, осваиваются новые земли. Естественно, в силу увеличения потребления воды в верховьях Зарафшана поступление ее в низовья сокращалось год от года. Эти выводы можно подтвердить и обратным примером. После гибели города следы наиболее длительного периодического обживания, судя по находкам керамики, приходятся на первую половину ХУШ в. Этот период в истории Средней Азии характеризуется глубоким социально-экономическим кризисом, запустением городов и областей в верховьях Зарафшана, что привело к поступлению воды в низовья. Раскопки обоих шахристанов показывают, что жизнь здесь замирает несколько позже, примерно в начале XI в. Однако уже к X в. пустеющие городские постройки на шахристанах начинают занимать ремесленники. Стены шахристана уже не функционируют, и на полуразрушенных или разрушенных участках строятся керамические печи, где, по всей видимости, использовалась относительно чистая фактура стен как сырье для нужд производства.

А.Р.Батиров, Т.Ширинов

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УЗБЕКИСТАНА

Техническая возможность костей как сырья для изготовления орудий труда, оружия и изделий изобразительного искусства бесспредельна. Крупнейший специалист в области истории первобытной техники С.А.Семенов считает, что "...кость как особый материал, созданный живой природой и легко приспособляемый человеком для технических и бытовых целей, очень часто не требовала приложения большого труда, использовалась после частичной обработки или только подправки и даже без нее"[I].

К настоящему времени собрано огромное количество костяных предметов и изделий, относящихся к различным памятникам от эпохи мезолита до средневековья. Объектом наших исследований стали костяные изделия, связанные с различной трудовой деятельностью человека. Нами было просмотрено под бинокуляром и изучено более 400 костяных изделий из различных костей диких и домашних животных: оленя благородного, джейрана, горного козла, кабана, слона, овцы, козы, крупного рогатого скота, верблюда, лошади и многих других копытных животных; большинство - из костей оленя, рога джейрана и трубчатых костей различных животных, видовую принадлежность которых невозможно определить. Все эти предметы изготовлены путем обработки металлическим или каменными орудиями: подвергались рубке, пилению, долблению, раскалыванию, сверлению и шлифовке. Ниже рассмотрим костяные изделия различных назначений: хозяйственного, производственного, бытового, оружия и предметы неопределенной функции (таблица).

Кости, использованные для рыхления почвы. Впервые палеолитические костяные землекопные орудия из стоянок Елесеевичи и Пуш-

---

[I] С е м е н о в С.А. Первобытная техника. МИА, 54,-М.,-Л., 1957.

карево I описывает С.А.Семенов[2]. Древние обитатели Елесеевичей, по всей вероятности, употребляли два вида этих сруднй: землекопалки-орудия простейшего типа; мотыги-орудия ударного типа,весьма совершенные, оснащенные рукояткой. Землекопалками служили ребра мамонта с заостренными концами, полученные путем разрубания ребра по диагонали. Мотыги были сделаны из бивня мамонта, при этом использована естественная изогнутость[3].

Материалом для нашего сообщения послужили рога из поселений Сапаллитепа и Кучуктепа. Обнаруженные экземпляры (две мотыги и более 50 экз. землекопных орудий), применяемые при земляных работах, изготовлены из отростков рога оленя благородного. У всех изделий Сапаллитепа заостренный конец сильно стерт, сглажен и не имеет блеска. Хорошо просматриваются следы подтески на заостренном конце. Роговой отросток из Кучуктепа характерен сильной сглаженностью и грубой бороздой. Следы использования видны по всей длине. Такие предметы могли предназначаться для выкапывания хозяйственных ям, могил и при аналогичных процессах. Два фрагмента мотыги найдены на поселении Сапаллитепа[4]. Они изготовлены из рога оленя, концы сильно отшлифованы, вероятно, от долгого использования.

Костяные орудия, использованные в уборке. Костяные серпы обнаружены в культурных слоях стратиграфического шурфа Бухары (конец IУ-Ш в. до н.э.), изготовлены из ребер крупного рогатого скота. Все три изделия сломаны. Рабочим лезвием служил суженный край. Два экземпляра, используемые как рабочее лезвие, подвергались обратной заточке, следы использования расположены перпендикулярно, под углом и выражены в виде царапин. Эти следы свидетельствуют о том, что данные изделия применялись как серпы без рукоятки при уборке зерновых культур.

Костяные орудия, использованные в домашнем хозяйстве.Шилья. Обнаружены на всех этапах эпохи голоцена. В раннем голоцене в

---

[2] Семенов С.А. Костяные землекопные орудия из Верхней стоянки Елесеевичи и Пушкарево I. - СА. Т.ХУI, 1952, с.120-128.

[3] Семенов С.А. Там же, с.213, рис.95, 3.

[4] Аскаров А.А. Сапаллитепа.-Ташкент, 1973, с.93.

Наименование костяных изделий, использованных в хозяйстве и быте		Бронза			Раннее железо и античность		
		Са-пал-ли-те-па	Джар-кутан	Ку-чук-тепа	То-кэп-кан-тепа	г.Бу-хара	Ро-мит-тепа
группа	функциональный тип						
I. Для рыхления почвы	Мотыги	2	-	I	-	-	-
	Рога, кирки, использованные в земляных работах	50	I2	7	5	-	-
II. Орудия для уборки	Серпы	-	-	-	-	3	-
III. Кости, использованные в домашнем хозяйстве	Костяные шилья	I0	4	2	-	3	-
	Костяные лощила - "коньки"	-	-	-	-	3	-
	Гладильные лощила	-	-	-	-	4	-
IУ. Предметы быта	"Гвозди"	-	-	-	-	5	-
У. Оружие	Наконечник стрелы	I	-	-.	-	-	-
УI. Игральные кости	Астрагалы	35	I50	30	20	I0	I2
УII. Костяные изделия неопределенной функции	"Пластинки"	-	-	-	-	I	-
	а) роговые стержни со следами обработки	-	5	3	4	I8	2
	б) трубчатые кости со следами шлифовки	-	-	2	I0	3	-

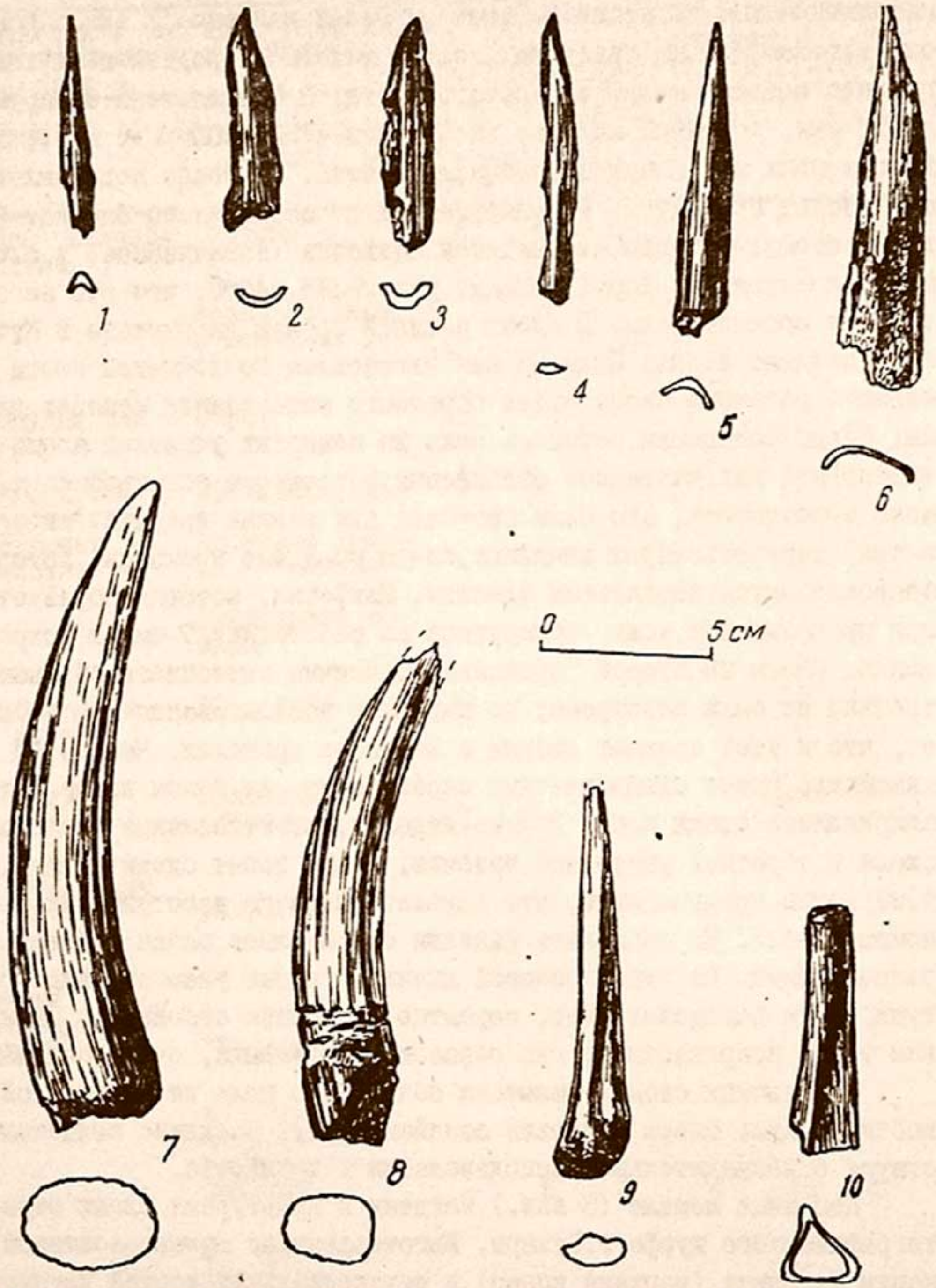
мезолитических памятниках Обишир и Мачай найдено II экз.[5] Все они изготовлены из трубчатых костей животных средней величины-горного козла и мелкого рогатого скота. В Сапаллитепа обнаружено I0 экз. костяных шильев, датируемых I750-I500гг. до н.э., изготовленных из обломков трубчатых костей, по бокам подправленных острым предметом, отполированных до зеркального блеска. В двух экземплярах просматриваются шлифовка (затачивание) и следы использования, но форма изделий указывает на то, что это заготовки к прокалыванию. В слоях поздней бронзы Джаркутана и Кучуктепа найдено 4 экз. Один из них изготовлен из локтевой кости мелкого рогатого скота путем обратного затачивания поперек длины; следы подправки остались лишь на немногих участках после тщательной или частичной отшлифовки в процессе использования.По всей вероятности, это была проколка для мелких изделий (шкур), о чем свидетельствуют линейные следы по длине проколки, которые сопровождаются зеркальным блеском. Шлифовка, которая образуется при прокалывании кожи, обнаружена на расстоянии 7 см от острого конца. Следы на второй проколке идентичны вышеописанной; концы третьей не были заострены, но характер использования подтверждает, что и этот предмет служил в качестве проколки. Четвертый экземпляр имеет специфические особенности: на самом конце острия сохранились следы огня. Другие изделия, изготовленные способом скола и обратной разрывной заточки, также носят следы обжига, т.е. можно предположить, что делалась попытка заострить их с помощью огня. На последнем изделии сохранились следы отбивки - раскалывания. На одной боковой линии - грубые вынемки в виде ретуши, куда наносился узор, вероятно, каменным отбойником, так как точка соприкасания, где образовалась вынемка, очень большая.

В античных слоях Ромиштепа обнаружено шило из грифельной кости лошади; блеск и легкие линейные следы по длине свидетельствуют о незначительном использовании в хозяйстве.

Костяные лощила (3 экз.) найдены в культурных слоях стратиграфического шурфа г.Бухары. Изготовлены из лучево-локтевой кости верблюда (верхний конец) и метаподиальных костей крупного

---

5 И с л а м о в У. Пещера Мачай. - Ташкент, I975, с.8I; Он же. Обишрская культура. - Ташкент, I980, с.73.



Костяные изделия из археологических памятников Узбекистана: I-6 - шилья, 7 - орудие для рыхления почвы, 8 - рог со следами рубки, 9 - обломок шила, IO - трубчатая кость, опиленная с двух сторон.

рогатого скота. Первое из них удобно захватывается правой рукой, спиленная поверхность рабочая, образовавшиеся вследствие лощения кожи следы перекрывают следы пиления. Во многих местах следы пиления стерты, отшлифованы до зеркального блеска. Второй предмет из трубчатой кости, расколотой вдоль, сильно изношен, отполирован до блеска, сохранились многочисленные линейные следы по всей поверхности в разных направлениях. Видимо, перед нами орудия для смягчения, которые, по всей вероятности, приспосабливались к ногам как "коньки". Следы образовались от трения кожи и лощила, а также ног и лощила. Само лощило сломано. Аналогичные лощила найдены на городище Саркеле, датируются X-XIIвв. С.А.Семенов, изучая эти кости ("коньки"), определил их как лощила, применяемые для сглаживания более мягких предметов: кожи или ткани[6].

Гладильник-лощило. Сделано из целой плюсневой кости крупного рогатого скота и пястной кости лошади. Плюсневая кость так отшлифована, что в самом центре образовалось углубление. Пястная кость также сильно отполирована, имеет бесконечные линейные следы поперек основн. Данный предмет был использован для разглаживания швов кожаных изделий и, возможно, для смягчения сыромятных ремней.

Предметы быта. Костяные "гвозди" (5 экз.) обнаружены в стратиграфическом шурфе г.Бухары (конец IУ-IIв. до н.э.). Все "гвозди" треугольной формы, длиной от 6 до 8 см. Расширенный конец спилен металлической пилой. Трубчатая кость специально расколота. Вероятно, они использовались как "гвозди" для мягкого материала: на поверхности расширенного конца не обнаружено следов удара, боковые грани не стерты (кроме одного экземпляра, стертость граней которого не выражена). Три "гвоздя" сильно обгорелые.

Оружие. Костяной наконечник стрелы (в единственном экз.) обнаружен в поселении Сапаллитепа[7]. Подтреугольной формы; посередине треугольника-пера слегка выступает ребро, но оно заметно лишь в заостренном конце, а ближе к основанию плавно переходит к короткому плоскому черешку. Вся поверхность наконечника тща-

---

[6] Семенов С.А. Первобытная техника, с.225-227.

[7] Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура. - Ташкент, 1977, с.70.

тельно обработана, концевые части пера отполированы до зеркального блеска, боковые края заострены.

Игральные кости. Нами собрано большое количество астрагалов, в основном из костей мелкого рогатого скота со следами шлифовки. Большая часть коллекции обнаружена в памятниках эпохи бронзы. Однако шлифованные кости часто встречаются и в эпоху античности и средневековья. Обычно предметы сильно отшлифованы с обеих боковых сторон, у некоторых на этих сторонах наблюдаются срезы острым предметом. Эти астрагалы использовались, вероятно, древними людьми в забавных играх типа "оцик", существующей в современности на Востоке и распространенной как среди детей, так и взрослых. Астрагалы, применяемые в игре, были найдены и в поселениях, и в могильниках. Обнаружение их в поселениях – обычное явление. Из могильника эпохи бронзы Джаркутан и погребения № 333 (между ногами скелета юноши) было извлечено 100 астрагалов; 40 % из них были шлифованными. Шлифованные астрагалы обнаружены также в поселениях Сапаллитепа, Кучуктепа, Джаркутан, Еркурган, Зартепа, на Афрасиабе и других памятниках. Шлифовка с боковых сторон делалась с целью эффективности броска. В некоторых случаях, как у астрагалов из Афрасиаба, середину заливали расплавленным свинцом.

Костяные изделия неопределенного назначения. В этой группе большое количество костяных изделий из памятников Ромитепа, Сапаллитепа, Бухара, Джаркутан: рога овец, коз, спиленные с одной или двух сторон и сильно отшлифованные; фрагменты основных частей рогов оленя или джейрана, подпиленные, подвергавшиеся долблению или рубке; лопатка мелкого рогатого животного, просверленная в центре; обрезанная часть верхнего эпифиза плюсневой кости крупного рогатого скота. Многие фрагменты трубчатых костей специально расколоты, имеют острый конец.

В числе этих изделий в культурных слоях Ромитепа обнаружена в единственном экземпляре костяная пластинка прямоугольной формы, чуть суженная на одном конце. Отверстия просверлены относительно быстро вращающимся инструментом. Все боковые линии специально отшлифованы, придана форма. Одна сторона имеет гладкую поверхность. Возможно, данный предмет использовался для лощения керамики, но он никак не может быть украшением одежды, ибо сглажена только одна поверхность, другая не стерта. Видовую принадлежность материала точно определить невозможно. Рога и некоторые трубчатые кости домашних и диких животных, обнаруженные во мно-

гих археологических памятниках, вероятно, использовались для изготовления рукояток к различным каменным или металлическим орудиям. В древнем палеолите рукоятки как специальное приспособления к орудиям не существовали[8]. Рукоятки как самостоятельные приспособления к орудиям и как дополнение к ним появляются в верхнем палеолите[9]. В Узбекистане из мезолитического слоя пещерн Мачай[10] была найдена рукоятка, изготовленная из лучевой кости горного козла, а на поселении Сапаллитепа - костяная ручка от металлического ножа (I экз.), костяная и роговая ручки от металлических серпов (2 экз.)[11] Они сделаны из трубчатых костей мелкого и крупного рогатого скота и из рога оленя. Наша коллекция не содержала подобных рукояток.

Другая группа изделий - это трубчатые кости мелких копитных, срезанные с двух сторон и сильно отшлифованные снаружи. Обнаружены на поселениях Кучуктепа и Ромштепа. Изделия напоминают свирели или флейты, но без игровых отверстий и мундштука. Один предмет из Кучуктепа изготовлен из большой берцовой кости мелкого рогатого скота. Спилена с двух сторон острым предметом и не имеет эпифизов. Выражен зеркальный блеск по всей поверхности. Длина кости II6 мм. Один конец использован больше: сглажен, стенки закруглены. Закругленность стенок и зеркальный блеск свидетельствуют, что данное приспособление использовалось при обработке мягких предметов. Второе изделие изготовлено из эпифиза метаподиальной кости мелкого рогатого скота, длина кости 86 мм, спилена с обеих сторон. Спиленная поверхность сильно изношена, имеет зеркальный блеск, линейные следы и, что интересно, следы уплощенной формы. Подобные заготовки нами найдены в Ромштепе, на их поверхности следы шлифовки, но следов использования не наблюдается. Функции описанных предметов не ясны, не удалось это определить и трассологическим методом. Обратимся, однако, к другим источникам, которые могут внести ясность в рассматриваемый вопрос.

---

8 Семенов С.А. Первобытная техника, с.209.

9 Семенов С.А. Верхнепалеолитические костяные рукоятки. КСИИМК, вып.XXXУ, I950, с.I32-I38.

I0 Исламов У.И. Пещера Мачай, с.8.

II Аскаров А.А. Сапаллитепа, с.93.

Письменные источники и этнографические данные указывают на то, что подобные археологические находки имеют прямое отношение к скотоводческому хозяйству[I2]. Первое письменное указание на назначение костяных полых трубочек находим у Геродота. Он пишет: "Добывают же скифы молоко так: берут костяные трубочки в виде свирели и вставляют их во влагалище кобылиц, а затем вдувают ртом воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылицу. Скифы поступают так по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылицы опускается"[I3] Советскому этнографу П.И.Каралкину удалось пронаблюдать аналогичный способ доения у тувинских скотоводов, хотя они старательно избегают посвящать посторонних в этот окруженный таинством обряд[I4].

При определении назначения костяных трубочек следует учитывать весь археологический комплекс, в котором они найдены. Нами они обнаружены в слоях древнеземледельческой культуры (поздней бронзы и раннего железа) юга Узбекистана и на античных памятниках Бухарского оазиса. Обе эти культуры тесно связаны со скотоводством. Поэтому можно допустить, что жители тех эпох знали описанный способ доения, хотя прямых доказательств этому пока не имеется.

Изучение изделий из культурных слоев археологических памятников эпохи голоцена в современном Узбекистане показывает, что древние люди при широком употреблении мяса диких и домашних животных находили применение различным костяным остаткам в хозяйстве. По нашим данным, это кости и рога оленя благородного, горного козла, джейрана, кабана, некоторых хищников, кулана, а из домашних животных - овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, ослов, верблюдов и др. В мезолите (Обишир У и Мачай) использовались рога и кости горного козла, в неолите и бронзе (Учтут, Сапалли) в большинстве случаев - благородного оленя, в эпоху поздней бронзы, античности и средневековья - костяные остатки домашних животных. Несмотря на широкое распространение металла в эпоху среднего и позднего голоцена в числе хозяйственных предметов

I2 Г а л к и н Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов. - СА, I975, № 3, с.I87.

I3 Г е р о д о т. История. Кн.4.-Л., I972, с.I87.

I4 Г а л к и н Л.Л. Указ.статья.

особое место занимали костяные изделия. Характерные находки того времени – костяные шилья, шпильки, лощила, проколки, "гвозди" и различные роговые изделия. Находка же в античных слоях Бухары костяного серпа еще раз подтверждает, что кость даже в эпоху широкого освоения металла занимала особое место в жизни древних людей.

Р.Х.Сулейманов

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА РОМИТАН

Одним из древнейших городов Бухарского оазиса хроника Наршахи считает Ромитан. Основание его приписывается легендарному царю Турана Афрасиабу. Руины одноименного городища находятся в 25 км к северо-западу от Бухары влево от дороги Бухара-Газли. Это древнее городище, обживавшееся вплоть до XX в., упоминавшееся в исследованиях, посвященных древней истории Бухарского оазиса. Однако раскопок на городище не производилось, а общая предварительная археолого-топографическая характеристика приведена в одной из работ В.А.Шишкина.[1]

Зарафшанским отрядом в сезоне 1972 г. были произведены обмеры и раскопки городища[2]; в центре заложен стратиграфический шурф. Городище имеет сложную конфигурацию. В рельефе выделяются 4 возвышающихся один над другим уровней, постепенно понижающихся с севера на юг. На поверхности верхней части цитадели до сих пор сохранились очертания планировок зданий, существовавших здесь 30–40 лет назад. Последних жителей, проживавших в еще сохранившихся домах на территории шахристана, сотрудники отряда застали в 1972 г. В это время там продолжала функционировать пятничная мечеть, а на обширной пустой площади шахристана устраивался пятничный базар. В 1975 г. и последние дома, находящиеся на площади шахристана, были оставлены жителями, которые переехали на вновь осваиваемые земли Варахшинского массива к западу от городища. Все следы позднейшего обживания ограничены основной территорией городища – цитадели и шахристана, который в период эмирата был обведен высокой крепостной стеной. Обрывки ее сохранились местами по внешнему гребню вала шахристана. Территория рабада – городской округи представлена четырьмя плоскими

---

1 Шишкин В.А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. – Ташкент, 1940.

2 Раскопки произведены членом Зарафшанского отряда Р.Равшановым.

невысокими всхолмлениями, окружающими в виде полукруга на расстоянии 50–I00 м шахристан с запада, юга и юго-востока. Цитадель почти квадратная в плане со стороной около I50 м. Высота ее верхней площадки около I0 м над примыкающей с севера территорией. В центре ее на 5 м возвышается террасовидный прямоугольный в плане уровень до 60–50 м. К югу и юго-востоку от цитадели неправильной конфигурации близкая к полукругу территория шахристана. Площадь ее вдвое превышает площадь цитадели. Обширные всхолмления сооружений рабада имеют высоту 3–4 м, западное всхолмление в отдельных местах - до 5 м. В пространстве, отделявшем холмы рабада от основного массива шахристана и цитадели, видимо, имелся ров, окружавший когда-то сам город. Ныне его пересекают три глубоких коллектора, отводящие грунтовые воды с полей хлопководческих хозяйств к югу.

На территории шахристана и цитадели, интенсивно обживавшихся в течение последних 200 лет, ранний подъемный материал отсутствует. Его можно встретить лишь в глине кладок. В отношении же рельефа и конфигурации шахристана в древности можно предположить, что его контуры совпадали с контурами современной цитадели и шахристана, поскольку местами в отложениях по краю его под разрушенной последней стеной выступают валы более древних кладок. В одной из последних работ О.Г.Большаков, основываясь на сведениях Наршахи о древности города, о том, что первоначально столицей области был Ромитан, а не Бухара, а также на данных топографической съемки городища в публикациях В.А.Шишкина, пришел к предположению, что, возможно, Ромитан был одним из крупных античных городищ. Ссылаясь на план В.А.Шишкина, где склоны шахристана и всхолмлений рабада имеют одинаковое количество горизонталей и, стало быть, одинаковую высоту, а все оплывшие остатки города с пригородными массивами не выходят за пределы прямоугольной рамки, северо-западный угол угадывается во внешних очертаниях западного всхолмления, О.Г.Большаков предполагает, что все это могло быть окружено общей стеной, возведенной по единому замыслу и отвечающей стандартным пропорциям большинства античных городищ 2:I, так как полученный прямоугольник должен быть равен I200 x 550 м[3].

---

[3] Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Л. I973.

Однако это предположение, основанное на глазомерных съемках В.А.Шишкина, нуждается в более основательной аргументации, так как в натуре территория шахристана почти вдвое выше поверхности окружающих его всхолмлений рабада. Подъемный материал, собранный в 1972 г. на территории рабада, представленный фрагментами грубой керамики с черными потеками и отдельными фрагментами глазурованных блюд саманидского времени, можно датировать УI-IX вв.

Для выявления стратиграфии городища и основных этапов жизни на нем мы почти в центре цитадели прямо к югу под возвышающейся площадкой заложили большой шурф, доведенный до материка. За реперную точку приняли уровень основания топографического знака на верхней площадке цитадели[4]. При этом дневная поверхность шурфа находилась на уровне конца ХУ-начала ХУI ярусов (т.е. наивысшая точка верхней площадки была на 7,5 м выше уровня основной площадки). Шурф, начатый с ХУ яруса, был доведен до уровня середины XXXIУ яруса. При этом была вскрыта культурная толща более 9 м. Верхняя часть отложений от ХУ до XX яруса сплошь состояла из остатков стен и завалов позднейших сооружений XУШ-XX вв, и лишь с уровня конца XIX- начала XX ярусов обнаружились плотно утрамбованные однородные глинистые отложения, относящиеся к более древнему времени. На расчищенной на уровне XX яруса площадке был заложен шурф 6 х 3 м. На уровне XXУ яруса встречены две фундаментальные стены с южной и северной сторон, которые образовывали коридорообразное помещение шириной около 2 м. Ниже до основания шурфа разборку культурных отложений производили в пределах стен этого помещения. Верхняя часть шурфа - слой из однородной желтоватой глины толщиной около I м (уровни XX-XXI ярусов). В средней части (граница XX-XXI ярусов) - прерывистая тоненькая золистая прослойка с угольками, которая в северо-восточном углу шурфа превращается в линзу рыхлой земли с обломками тонкого жженого кирпича неопределимых размеров. Ниже этот глинистый слой подстилается более мощной золистой прослойкой, достигающей в юго-восточном углу 20 см. Он состоит в основном из рыхлой земли с угольками и золой. В северной стене шурфа на уровне этого золистого горизонта находился врытый в землю очаг

---

[4] Горизонтальные отметки производили полуметровыми ярусами, за нулевой уровень приняли основание топографической вышки.

в поперечнике более 0,5 м, заполненный глиной с примесью золы и угольков. Золистая прослойка на уровне XXII–XXIII ярусов вновь сменяется однородным очень плотно утрамбованным суглинком. В основании его на уровне конца XXIII–начала XXIУ ярусов горизонт рыхлой земли с многочисленными песчанистыми прослойками. Он утоньшается в северной части шурфа и выклинивается к югу. Под этой прослойкой начинаются отложения верхней части вскрытого шурфом коридорообразного помещения, южная стена которого сохранилась на высоту до уровня конца XXII яруса. Она выложена до уровня XXУI яруса из сырцового кирпича размером в стороне 32–36 см при толщине I0–I2 см. Встречаются отдельные кирпичи 40–50 см в стороне. Видимо, это было время, когда позднеантичный стандарт кирпича 40 х 40 х I0 см и 36 х 36 х II–I2 см, известный по комплексу Сеталак I, исчезает, размеры начинают колебаться и появляются прямоугольные кирпичи. Кирпичи сформованы из очень плотной илистой глины, уложены в стену ровными рядами. Толщина швов между рядами в верхней части (XXII–XXIII ярусы) до I0–20 см, расстояние между отдельными кирпичами I0–I5 см. Ниже прослойки глины утончаются, между рядами кирпичей 5–I0 см. Такое же расстояние оставлялось между отдельными кирпичами одного ряда. Начиная с XXIУ яруса, вплоть до середины XXУIII, прослеживается мощная пахсовая стена, которая на 0,5 м шире кирпичной. Выложена из отдельных блоков длиной по I,20 м со швами до 3 см. Эта южная стена коридора покоится на толще завала, занимающего уровни XXУIII–XXX ярусов. Северная стена коридора пахсовая, худшей сохранности. Вершина ее примерно на уровне XXIУ–XXУ ярусов. На уровне XXУIII яруса она покоится на том же завале, что и южная. Заполнение коридорообразного помещения до уровня XXУ яруса – однородный утрамбованный суглинок, под которым в северо-восточном углу прослеживались тоненькие горизонты золы и обожженной красной земли общей толщиной около 20 см. Ниже в западной части раскопа рыхлый очень тонкий пылевидный суглинок, насыщенный золой и угольками. В западной части шурфа он прослеживается на уровне XXIУ–XXУI ярусов. На уровне XXIУ яруса в нем выделяются отдельные тоненькие золистые линзы. В восточной части шурфа на этом уровне обнаружена печь, сооруженная из хума с пробитым дном. Аналогичные печи, правда гораздо худшей сохранности, нами вскрыты на Сеталак I, где они были устроены уже после заброса всего комплекса прямо в стенах и накопившихся культурных отложениях.

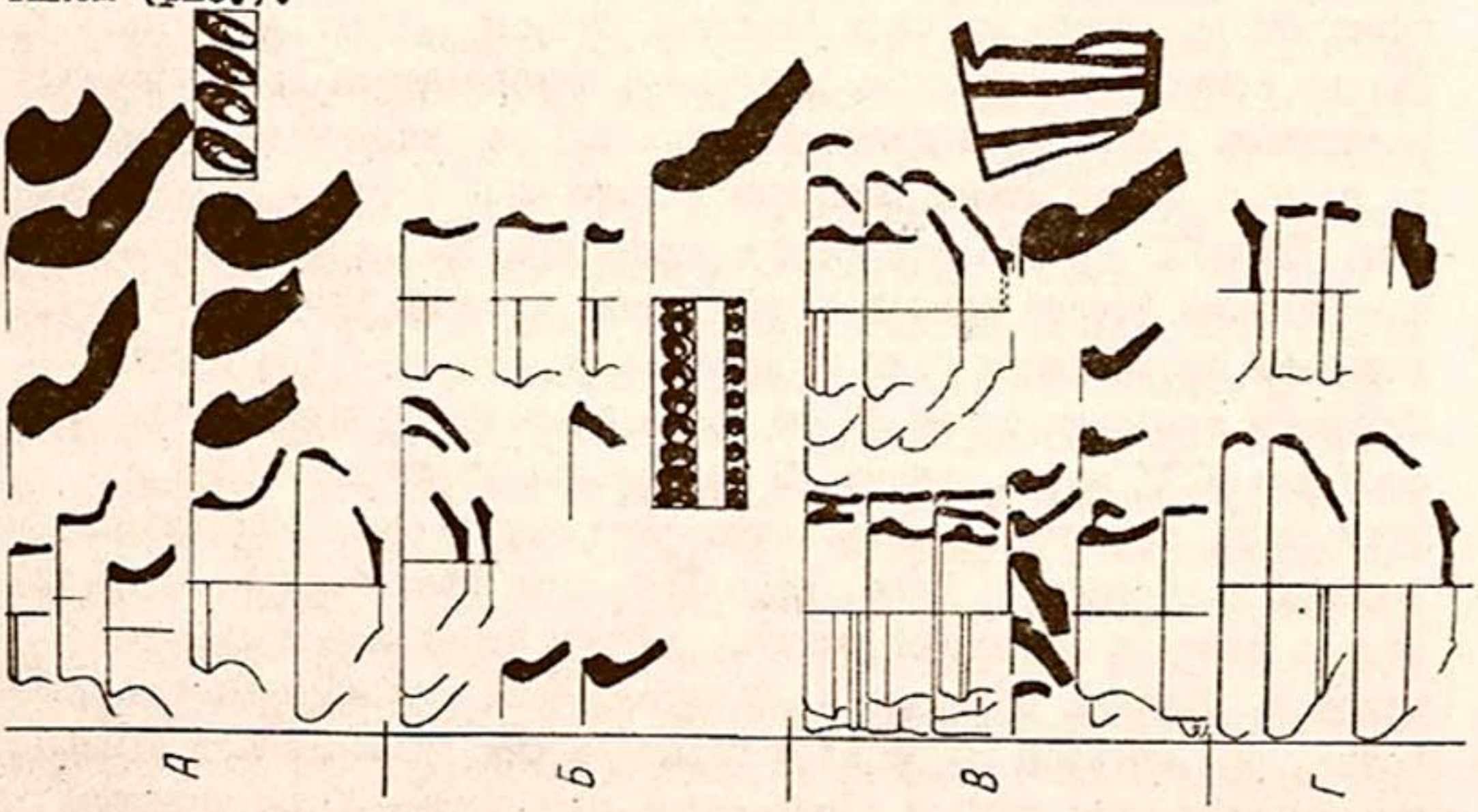
Печь, обнаруженная на Ромитане, была целой и своеобразной конструкции. В северо-восточной части до уровня однородной глины, начинающейся с XУI-XУII ярусов, вырыта обширная яма, уходящая к северо-востоку от восточной части шурфа. Эта яма прорезала по верхней линии восточную зону обнаруженных стен. В основании ее находился серовато-красный золистый слой с мелкими костями, угольками, керамикой. Этот слой в западной части шурфа поднимается кверху, переходя в пылеватый суглинок, занимающий в западной части уровни XXIУ-XXУI ярусов. В яме золистый горизонт перекрыт IO см прослойкой земли зеленоватого цвета также с мелкими углями, костями и керамикой. И здесь на склоне ямы близ южной стены открытого коридора на расстоянии около 20 см от южной стены в верхней части XXУI яруса было разведено кострище. От него здесь осталось крупное пятно чистой белой золы диаметром около I м, мощностью около I см. В центре кострища горловиной вниз вертикально был установлен крупный лепной хум с плоским валикообразным венчиком известного по материалам Сеталака и Кызылкыра типа. Дно хума аккуратно выбито. Углубление до уровня середины XXУ яруса засыпано мелкой рыхлой комковатой землей с примесью песка. Таким образом, одна треть хума оказалась врытой в землю, верхняя торчащая часть покрыта обмазкой глины с саманом IO см толщины и обложена обломками стенок аналогичного хума. Такими же обломками было выложено дно печи на уровне венчика хума. Внутренность его на одну треть, т.е. вровень с поверхностью окружающей площадки, была засыпана землей, содержащей местами золу и изредка фрагменты керамики и кости. Над ней залегал чистый I5 см горизонт серого песка, местами с мелкими угольками и обожженными костями барана. Выше хум был засыпан мелкой комковатой землей с песком. Вокруг печи на уровне середины XXУ яруса прослеживались пятна золы и обожженной красной глины, которые кольцом окружали это сооружение. Сама печь вместе со стенками хума и обмазкой вокруг него выше слоя золы сильно прожжена.

Таким образом, можно представить, что в данной части городища в оплывших и полузаброшенных стенах коридорообразного помещения, когда оно до уровня XXIУ яруса было заполнено культурными отложениями, была вырыта обширная сравнительно неглубокая яма, прорезавшая и верхние слои части стен, возвышавшиеся над дневной поверхностью не менее чем на I,5 м. В юго-восточной части ямы, вскрытой шурфом, на ее пологом склоне был разведен

небольшой костер, в центре которого устанавливается перевернутый хум с вырезанным дном. Яма заполняется землей, хум обмазывается глиной и засыпается на одну треть также землей. После этого в хуме разводится сильный огонь, от которого осталось I5 см толща чистой золы, причем в огонь попадают кости домашних животных, которые обожжены. Затем хум доверху заполняется мелкой землей. Вокруг печи также следы горевшего огня в виде пятен обожженной земли и золы. Печь затем засыпается до верха (граница XXIII-XXIУ ярусов) суглинком с редкими угольками, костями, керамикой и с обломками сырцового кирпича. О конкретном назначении данной печи судить трудно. Не исключено что, это был тандыр для выпечки хлеба. Однако наличие обожженных костей в пепле и открытие таких же сооружений на Сеталак I делает вероятным их ритуальное назначение. Ниже в шурфе на уровне XXУП-XXУШ ярусов пространство между южной и северной стенами занято довольно рыхлым комковатым завалом, местами с зеленоватыми органическими остатками. Ниже более плотный сероватый уже упомянутый завал, на котором стоят стены. Под ним в восточной части шурфа на глубине XXIX-XXX ярусов под ямой с хумом прослеживается углубление, заполненное рыхлой землей с черепками, костями животных и отдельными прослойками золы и обожженного красноватого грунта. Под этим золистым слоем 30 см толща плотного грунта. Затем, в середине XXXI яруса, вновь I0 см горизонт золистого слоя с угольками, перегнившими органическими остатками, насыщенными костями и керамикой. Ниже, весь XXXII ярус представлен слоем довольно плотной сероватой глины , давшем небольшое количество находок. Под ним в начале XXXIII яруса тоненькая песчанистая прослойка, под которой 20 см слой мягкой глины, содержавшей единичные черепки. Под глиной темно-серый слой песка 20 см толщины. В этой песчанистой прослойке на уровне середины XXXIII яруса встречено лишь два фрагмента керамики. Под этой последней прослойкой темно-серая липкая глина, сильно насыщенная влагой, в которой находок нет. Она прослежена примерно на глубину 30 см, до уровня середины XXXIУ яруса; находки отсутствовали. На этом раскопки шурфа были прекращены. Надо полагать, что указанные нижние очень влажные слои глинистых отложений с близким уровнем грунтовых вод представляют собой материковый горизонт. Углубить шурф дальше не имело возможности, так как он был сильно сужен. Гипсометрические сопоставления показывают, что поверхность них-

него горизонта шурфа без находок (XXXIУ ярус) соответствует поверхности хлопковых полей, окружающих городище, и может быть принята за материковый слой, на котором накопилась вся вышеописанная толща культурных отложений городища Ромитан.

Материалы, полученные при раскопках городища, немногочисленны. Они разбиты на четыре хронологически последовательных комплекса: Ромитан I,П,Ш,IУ. Из археологически определимых предметов из самой нижней части слоев Ромитан I отобрано более 20 фрагментов керамики, среди которых выделяются донца светлоангобированных кувшинов. Один фрагмент кувшина с небольшим квадратным в сечении венчиком, несколько слеплены из теста с примесью песка и шамота. Есть фрагмент толстостенного блюда, формованного на песчаной подсыпке с невысоким резко отогнутым наружу бортиком (рис.).



Керамика Ромитана: А – Ромитан I, конец IУ в.; Б – Ромитан П, У в.; В – Ромитан Ш, УI в.; Г – Ромитан IУ, УI–УП вв.

Типичная форма комплекса Ромитан I – тонкостенные чаши, покрытые плотным красным ангобом. По профилю они отличаются от чаш Сеталака тем, что, во–первых, более тонкостенные, во–вторых, шире и ниже; донца несколько крупнее донец чаш группы Сеталак–Кызылкыр. Типичен тонкий кольцевидный поддон. Невысокий загнутый кверху бортик этих чаш не имеет характерного для Сеталака I

излома, хотя изгиб граев круче, чем у чаш Сеталака. Иногда край загнут внутрь, но чаще вертикальный. Одним экземпляром представлен фрагмент венчика светлоангобированной чаши довольно грубой выделки. Вертикальный край ее отделяется от тулова изломом, в верхней части слегка отогнут наружу.

Кроме того, здесь обнаружены два тщательно выточенных дисковидных пряслица.

Весь комплекс нижних слоев городища Ромитан совпадает с комплексом керамики Рамиш У[5] и относится, видимо, к IУ в. н.э. Ангоб на чашах, как отмечалось, высокого качества, ярко-красного цвета, но лощение отсутствует.

Группа керамики Ромитан II более многочисленна. Здесь фрагменты грубых лепных хумов с черными потеками. Один фрагмент верхней части хума, изготовленного на гончарном круге, имеет округлый валикообразный в разрезе венчик, отделенный от плечиков плавной выгнутой ложбиной. На плечиках два рельефных кольцевидных валика. Диаметр горловины около 35 см.

Корчаги резко отличаются от обнаруженных на Сеталаке. Представлено несколько вариантов их венчиков: прямоугольные, оттянутые наружу, некоторые с тонким двойным валиком по внешнему краю; два экземпляра имеют по внешнему краю уступчик для крышек – один из них продолговатый валикообразный в разрезе, второй оттянут наружу. Они аналогичны корчагам Рамиш IУ–У[6].

Большинство кувшинов светлоангобированные с венчиком в виде небольшого округлого валика, плавно переходящего в шейку или того же типа, что был встречен в нижележащем комплексе, – профилированный, в виде трех тонких валиков с $\int$-образным профилем горловины (I экз.), а также с характерным $\int$-образным профилем (4 экз.), подобные выделенным в комплексе керамики группы Сеталак – Кызылкыр, но у образцов комплекса Ромитан II исчезает вогнутость венчика с внутренней стороны, а на одном экземпляре он отсутствует.

---

[5] Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища Рамиш. ИМКУ, вып. I3. – Ташкент: Фан, I977.

[6] Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Указ.статья, с.58.

Чаши представлены 27 фрагментами краев и 8 фрагментами донец. При всей стандартности облика чаш Ромитана сравнение комплексов позволяет заметить некоторую их эволюцию. В данном комплексе чаши изготовлены из более пористого теста, стенки несколько утолщены. Кольцевидный поддон выделяется резче, профиль у дна не расширяется конически кверху, как у Ромитана I, но несколько закруглен. Характер венчика также несколько меняется: резкая загнутость края кверху, а иногда и внутрь исчезает; вертикальный край в разрезе несколько утолщается; сами сосуды становятся несколько глубже, приближаясь по облику к чашам группы Сеталак-Кызылкыр. Сходство это дополняется темно-коричневой или черной окраской. Аналогичная картина отмечена при переходе от комплекса Рамиш IУ к комплексу Рамиш У.

Один экземпляр - круглая широкая. светлоангобированная чаша с плавно закругленными кверху прямоугольным в разрезе краем.

Выделяется несколько фрагментов сравнительно тонкостенных кубковидных или кружкообразных сосудов с вертикальными отточенными закраинами. Два из них сравнительно крупные, диаметром до 20 см. Высокий слегка выгнутый бортик края с небольшим изломом переходит к тулову. Один сосуд окрашен черной краской, два светлоангобированные диаметром около I6 см, также с высоким бортиком, переходящим в округлое тулово. Один из них профилирован по краю, второй с маленьким сосцевидным сливом. Два экземпляра до I2 см в диаметре. Это небольшие бокалы.

К крупным открытым формам относятся два фрагмента краев больших блюд. Одно из них имеет плоское формованное на песчаной подсыпке дно и небольшой резко отогнутый наружу бортик, диаметр до 50 см; второе-сравнительно глубокий округлый резервуар, резко оттянутую наружу прямоугольную закраину, покрытую вдоль внешнего края мелкими насечками, диаметр до 30 см. Обнаружена фрагментированная ножка курильницы с сильно обожженной внутренней поверхностью резервуара.

Среди 8 экземпляров лепных сосудов из теста с шамотом выделяются фрагменты жаровен с невысокими бортиками, обломками небольших сферических горшочков, украшенных по периметру налепным валиком с вмятинами.

Комплекс Ромитан Ш представлен немногочисленным, но характерным набором. Имеется венчик лепного хума аналогичного хумам Сеталак I.

Корчаги с плавно отогнутыми наружу закраинами горловины. У некоторых они в разрезе несколько закруглены, у иных оттянуты наружу и подпрямоугольные.

Венчики кувшинов двух типов. Один экземпляр – небольшой валикообразный, заканчивающийся небольшим ребром по краю с внешней стороны; три экземпляра близки к венчикам кувшинов с S-образным профилем горловины, распространенной в группе керамики Сеталак-Кызылкыр, но S-образность профиля кувшинов комплекса Ромитан Ш исчезает. По профилю они занимают промежуточное положение между венчиками кувшинов Рамиш IУ с вертикальной горловиной, охваченной чуть ниже тонкого края ее небольшим валиком, и вышеупомянутыми сеталакскими кувшинами с S-образным профилем[7].

Чаши данного комплекса испытывают еще большее влияние традиции керамического производства группы Сеталак-Кызылкыр. Наряду с кольцевыми появляются маленькие плоские поддоны аналогичные встречающимся на Сеталак I. Тесто чаш грубое, рыхлое. Однако характерный для чаш Сеталака – Кызылкыра излом в верхней части профиля отсутствует или выражен слабо. Фрагментов чаш IO экз., в их числе фрагмент крупной светлоангобированной чаши диаметром около 28 см, с утолщенным округлым и слегка приплюснутым сверху краем.

Здесь же найдено несколько фрагментов тонкостенных лепных жаровен и горшка, обломок жженного кирпича толщиной около 3 см.

Комплекс Рамитан IУ составляют материалы, полученные из самой верхней смешанной толщи. Это фрагменты венчиков хумов, аналогичных самым поздним разновидностям венчиков группы Сеталак-Кызылкыр; венчики раннесредневековые с утолщенным валикообразным ребром, украшенным иногда глубокими вмятинами от пальцев. Есть характерные для раннего средневековья хумы с отогнутым наружу уплощенным сверху широким венчиком. Кувшины разновременны и по типам венчиков. Среди них венчики, близкие по профилю к подтреугольным сеталакским, более поздние валикообразные уплощенные сверху. Кроме того, и на самом верхнем уровне остатков строений XУШ-XX вв. было найдено несколько переотложенных фрагментов глазурованной посуды XI-XП вв., а так-

---

[7] Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Указ.статья, с.59.

же фрагменты XУП-XIX вв., которые здесь не описываем.

Таким образом, стратиграфическая колонка материалов Ромитана в основной, нижней части, не считая тонкого верхнего комплекса Ромитан IУ, укладывается целиком в пределы IУ-У периодов соседнего с ним Рамиштепа, расположенного в IO км по течению древнего Самджана или Рамитанруда, и позже. Хронологически это будет соответствовать IУ-УI вв., т.е. фактически вся основная нижняя часть культурных отложений на Ромитане, если не считать небольшого комплекса Ромитан IУ и самого верхнего смешанного слоя, относится к предэфталитскому и эфталитскому времени. Показательно, что ни в подъемном материале, ни в шурфе, ни в разрезах вдоль прорезающих местами жилые массивы рабада дренажей не было обнаружено фрагментов бокалов и кубков на ножке, среди столовой керамики господствует тонкостенная чаша, отличающаяся от сеталакского типа, отсутствует и лощение столовой посуды. Такой материал выявляется и в разрезе дренажного канала в основании рабада к югу от шахристана.

Следовательно, появление и расцвет Ромитана относится к концу IУ-У и УI вв. В следующую эпоху, в УI в., возводятся стены шахристана Бухары, в этот же период возрождается жизнь и на Варахше[8]. И сообщения Наршахи о том, что Ромитан древнее Бухары и в те времена был местом пребывания царей, относится, по всей видимости, именно к этому периоду. Вероятно, соседнее, более древнее поселение Рамиш, бывшее единственным в районе укреплением, исчерпало свои возможности и в силу каких-то причин не могло перерасти в город. Поэтому возводится Ромитан, вероятно, первоначально его квадратная цитадель, вокруг которой быстро формируется шахристан и рабад. Рамиш же остается укрепленным селением, где продолжал функционировать древнейший, по словам Наршахи, храм огня. Но с УI-УП вв., с усилением Бухары при тюркском каганате, Ромитан, видимо, теряет значение крупного города.

---

[8] Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Автореф. канд. дисс. - М., I98I; Шишкин В.А. Варахша. - М., I963; Кабанов С.К. Раскопки жилых построек и оборонительных сооружений на городище Варахша в I953-I954 гг. ИМКУ, вып.I. - Ташкент, I959.

При работах на городище обнаружены две подъемные медные монеты. На лицевой стороне изображение профиля правителя в диадеме с луной, на оборотной - известный знак правителей бухарского оазиса и над ним языки пламени, слева от знака согдийская надпись. Монеты этого типа относятся к чекану правителей бухарского оазиса Ш-IУ вв.[9] Видимо, эти монеты хронологически следуют за монетами серии подражаний чекану Гиркода.

---

[9] Я в и ч М.М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. Труды Отдела Востока Эрмитажа. Т. IУ. - Л., 1947.

А.Р.Мухамеджанов, Г.Л.Семенов

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКИХ СТЕН ПАЙКЕНДА
(результаты работ 1981 г. на шахристане П)

Городские стены Пайкенда давно привлекают к себе внимание исследователей. Первое подробное описание было сделано Л.А.Зиминым в 1913 г. во время его первой поездки в Пайкенд. Он не был профессиональным археологом; его описаниям порой не хватает конкретности, а планам - точности, на что неоднократно указывалось последующими исследователями. Тем не менее отчет и в еще большой степени приложенные к нему фотографии являются незаменимым источником для изучения фортификации города[1]. К 1913 г. еще сохранились, например, верхние части стен с бойницами на цитадели, которых уже не застала в 1939 г. экспедиция ИИМК и Гос. Эрмитажа под руководством А.Ю.Якубовского. Сотрудниками этой экспедиции В.А.Шишкиным и М.М.Дьяконовым была произведена глазомерная съемка плана городища. На плане отмечены остатки башен и места предполагаемых ворот. В опубликованном отчете экспедиции обращено внимание и на наличие перестроек в системе укреплений. Подводя итоги работы на Пайкенде, А.Ю.Якубовский отмечал, что "большое внимание на следующем этапе археологического изучения городища Пайкенда должно быть уделено "западной половине" шахристана (шахристан П), где хорошо сохранились развалины 10 башен и несколько кусков стены"[2].

В соответствии с программой, намеченной А.Ю.Якубовским, Пайкендский отряд в 1981 г. начал изучение городских стен западной половины шахристана.

Городище Пайкенд занимает площадь около 20 га и состоит из цитадели, расположенной в с-в углу, и шахристана, разделенного

---

1 З и м и н Л.А. Развалины Старого Пайкенда. ПТКЛА, год 17-й (18-й). - Ташкент, 1913, с.59-90; Он же. Отчет о раскопках в развалинах Старого Пайкенда. ПТКЛА, год 19-й. - Ташкент, 1915, с.63-131.

2 Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий полевой отчет о работах За-

надвое внутренней стеной. Шахристан подпрямоугольной формы 540х380 м, вытянут с востока на запад. Шахристан II, как это было отмечено А.Ю.Якубовским, возник в результате расширения города к западу от первоначального шахристана[3]. Его площадь - 7 га; в плане представляет собой прямоугольную трапецию, верхним основанием которой является западная стена, а наклонной боковой гранью - северо-западная. В окружающей шахристан II стене имелось не менее трех ворот: в с-в и ю-в углах, а также примерно в середине западной стены. Кроме отмеченных ворот линия стены прерывается еще в трех местах. Эти перерывы могли быть следствием разрушения при осаде города или размыва. Следуя традиции Л.А.Зимина и А.Ю.Якубовского, начнем описание периметра стен с северной стены шахристана II.

Северная стена. Точнее было бы назвать эту стену с-з, так как стена шахристана II в плане не является продолжением северной стены шахристана I, а отклоняется к югу, образуя с последней тупой угол. В месте соединения стен шахристанов I и II предполагается наличие ворот. Общая протяженность с-з стены от 250 до 290 м. На этом протяжении В.А.Шишкиным на плане отмечены остатки четырех башен (№ I-4 начиная от угла ворот). В своем описании также будем придерживаться нумерации остатков башен, принятой на плане городища 1939 г.

Башня № I. На плане 1939 г. помещена в 35 м к западу от ворот; расположена на отрезке стены длиной около 80 м, который в плане выступает за линию с-з стены примерно на 10 м. Судя по фотографиям в отчете А.Ю.Якубовского, этот участок стены большим разрушениям с 1939 г. не подвергся. В отчете Л.А.Зимина об участке сказано: "часть стены с сохранившимися верхними частями на протяжении 79 шагов. Толщина стен в основании (Речь, видимо, идет об основании верхних частей) - 5 аршин, а высота - 9 аршин в наиболее сохранившихся местах"[4]. О башне в отчете упоминания нет. При изучении "башни № I" в 1981 г. выяснилось, что она представляет собой останец пахсовой кладки, на 2,5 м возвышающийся над поверхностью городища. Пахса нарезана блока-

---

рафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939г. ТОВЭ, П. - Л., 1940, с.63.

3 Якубовский А. Ю. Краткий отчет..., с.52.

4 Зимин Л. А. Развалины Старого Пайкенда, с.79.

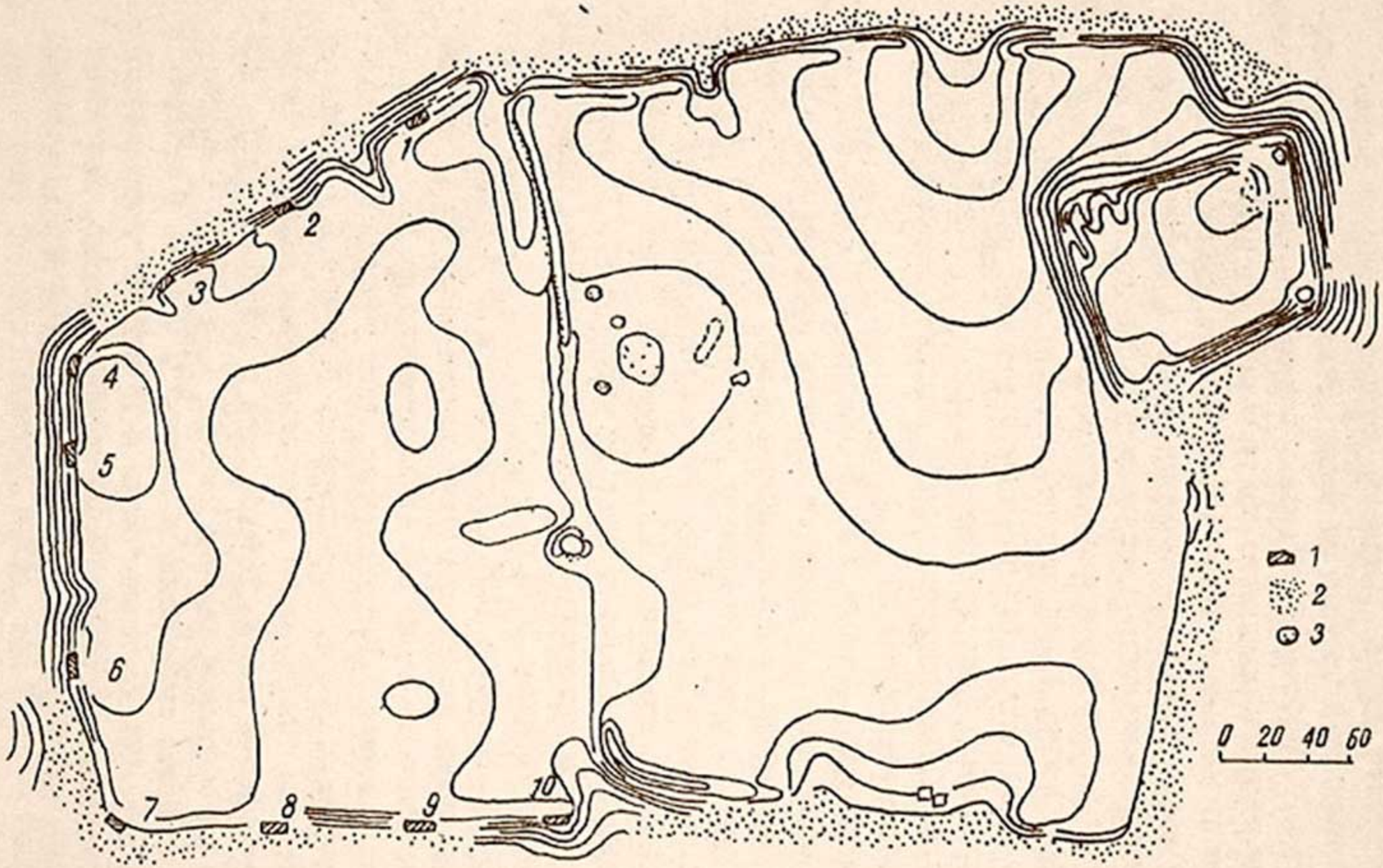


Рис.I. План городища Пайкенд. Глазомерная съемка 1939 г.: 1 - остатки стен и башен, 2 - песчаные бугры, 3 - ямы.

ми высотой 70–85 см и шириной 80–90 см. Между рядами пахсовых блоков прослойки из одного ряда кирпича. Толщина кладки в основании свыше 4, кверху до 3,5 м. Высота останца до современной поверхности перед городищем около 10 м. Эта пахсовая кладка, в свою очередь, приставлена к наклонной фасадной поверхности стены, которая, насколько можно судить, прямой линией тянется по всему восточному отрезку. В верхней части эта стена на высоту 1,4 м сложена из сырцового кирпича (28–30х ?х 9–10 см), ниже из пахсовых блоков высотой около 1 м и шириной 80 см. Остатки пахсовой кладки, пристроенной снаружи к данной стене, прослежены в нижних частях и на других отрезках этой 80 м линии. На западе эта линия заканчивается уступом вовнутрь, сильно размытым, около 10 м глубиной, и далее снова линия стены идет параллельно первому отрезку.

Башня № 2 расположена на расстоянии около 82 м от первой. Эта единственная башня, которая подвергалась небольшим расчисткам снаружи в 1939 г.[5] В 1981 г. раскопки на ней были продолжены. К их результатам обратимся после описания остального периметра стен шахристана II.

Башня № 3. Расстояние между башнями № 2 и № 3 около 60 м. Восточная боковая поверхность башни в верхней части не сохранилась. Высота стен до уровня современной дневной поверхности перед стеной около 8 м. Размеры башни в плане без раскопок установить не удалось. Башня сложена из сырцового кирпича 23х42х10 и 35х23х10 см с толстыми, до 12см, прослойками раствора между рядами. Поверхность ее имеет небольшой уклон к основанию. Сохранившийся внешний с-з угол оформлен уступом 30х30 см в плане. Башня снабжена бойницами, расположенными в три ряда в шахматном порядке. В верхнем и нижнем рядах на каждой из сторон по 3 бойницы, в среднем – по 4. (бойницы среднего ряда, видимо, ложные). Общее число бойниц в башне, таким образом, должно быть не менее 30. Высота каждой бойницы снаружи 1,2 м, ширина 12–15–18 см, расстояние между ними в ряду 1,6 м (исключение составляют две бойницы среднего ряда – 1,2 м). На фасаде центральная бойница верхнего ряда расположена прямо, а две боковые расходятся веером; на боковой стене две бойницы параллельны городской сте-

---

[5] Якубовский А.Ю. Краткий отчет..., с.63 (табл. Ш, 1).

не, а ближайшая к внешнему углу продолжает веер бойниц на фасаде (рис. II, 2). Бойницы щелевидные с уклоном пола наружу. Частичная расчистка внутрибашенного помещения открыла на внутренней поверхности фасадной стены ряд отверстий от балок перекрытия I-го этажа. Они расположены в 75 см ниже основания бойниц верхнего ряда. Отверстия подквадратные (I5xI5 см), друг от друга отстоят на 45 см, заглублены в стену до 0,5 м. Толщина стены на уровне 2го ряда бойниц I,7 м. Наклон фасада на высоте 5,I м достигает 0,75 м. Внутрибашенное помещение имело размер не менее 4x4,8 м. Снаружи стена заключена в футляр из пахсовых блоков толщиной I,5 м в основании и 0,6 м поверху. Часть футляра сложена из кирпича.

Башня № 4. Угловая. От башни № 3 до западного угла северного отрезка стены шахристана II около 60 м. Находилась ли на этом углу башня, ныне сказать трудно. В обрезе виден развал кирпичной стены, к которой снаружи приставлена пахсовая кладка. На фотографии 1939 г. виден тот же развал, но в отчете здесь указана башня[6]. На фотографии 1913 г. этот угол стен действительно похож на башню, что и отмечено Л.А.Зиминым[7]. Вероятно, на с-з углу шахристана некогда действительно находилась башня, полностью развалившаяся к настоящему времени.

З а п а д н а я с т е н а. От угла с башней № 4 стена поворачивает на юг и продолжается в этом направлении I25 м (башни № 4–6), затем поворачивает к ю-в и через 60 м образует ю-з угол шахристана усиленной башней № 7.

Отрезок стены с башнями № 4–6 отмечает в своем отчете Л.А. Зимин, считая, "что на этом участке вал тянется непрерывно, поэтому вполне ясно, что там не могло быть ворот"[8]. На плане 1939 г., напротив, рельефом показан перерыв стены примерно в середине этого отрезка; о возможности наличия ворот на этом участке говорится и в отчете А.Ю.Якубовского[9]. Подтверждают это предпо-

---

6 Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий отчет..., табл. IУ, 2.
7 З и м и н Л.А. Развалины Старого Пайкенда, фото № 8.
8 Там же, с.80.
9 Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий отчет..., с.55.

ложение и наши наблюдения: примерно в 100 м от башни № 4 гребень стены прерывается; ширина проема около 6 м вполне достаточная для устройства ворот на этом участке.

В 70 м от башни № 4 и в 45 м от башни № 6 стена имеет снаружи выступ, возможно скрывающий остатки башни (№ 5). Что имеется в виду под башней № 5 на плане 1939 г., сказать трудно, так как не совпадают обмеры этого участка в 1981 и в 1939 гг. Возможно, что за башню № 5 был принят останец пахсовой стены высотой 7 м и шириной в основании около 3 м, приставленный как и "башня № 1" к наклонной стене. Эта стена сложена из кирпича 28-30х?х10 см, между рядами которого прослойки красно-коричневой земли 10-14-18 см.

Башня № 6. Сохранился ю-з угол; фасадная стена на длину 5,5 м, западная на 4,75 м. Толщина стен на верху 1,6 м. Башня на 4,5 м возвышается над современной поверхностью перед городищем. Поверхность стен имеет уклон наружу - 0,45 см на всю высоту башни. Внешний угол оформлен уступом 25х25 см. Башня сложена из сырцового кирпича 22,26х41х10 см с прослойками раствора в 10 см между рядами. На фасадной поверхности в три ряда в шахматном порядке бойницы, характер расположения которых как будто тот же, что и в башне № 3: на фасаде центральная бойница прямая, боковые образуют веер; средний ряд бойниц ложный.

Снаружи башня заключена в пахсовый футляр толщиной около 2 м в основании при уменьшении кверху. Сохранность его по высоте на 2 м лучше стен кирпичной башни. Пахса разделена на блоки от 0,7 до 1 м высотой.

Башня № 7. Угловая юго-западная. В настоящее время представляет собой оплывший бугор. Отмечается и Л.А.Зиминым и А.Ю.Якубовским. О ее конструкции до раскопок судить трудно. В середине отрезка стен между башнями № 6 и № 7 перерыв гребня стены, разрушение или остаток ворот.

Южная стена. Протяженность южной стены шахристана II около 210 м. На этом отрезке размещены башни № 7-10.

Башня № 8. Одна из наиболее хорошо сохранившихся. Расположена в 65 м к востоку от башни № 7. Ширина по фасаду около 7 м, выступание за линию стены не менее 4,5 м. Толщина стены наверху 1,6 м. Размеры внутрибашенного помещения соответственно должны: ширина 4 м, длина не менее 3,6 м. Внешние углы оформлены уступами 25х25 см. Фасадная и боковые поверхности имеют наклон.наружу,

составляющий на высоте 4,25 м около 0,5 м. С учетом уклона боковых поверхностей ширина башни в основании должна быть около 8 м. На башне также имеются бойницы, расположенные в три ряда в шахматном порядке. На фасадной стене в нижнем и верхнем рядах по три бойницы, в среднем – четыре. Все бойницы перпендикулярны стене и имеют наклонный пол. Второй ряд бойниц ложный. Расстояние между бойницами одного ряда I,6 м; высота бойницы I,35 м, ширина I8–20 см. На боковых стенах в каждом ряду сохранилось по две бойницы на расстоянии I–I,I5 м одна от другой. Бойницы косые, несколько развернутые к внешним углам. Башня № 8 по крайней мере два раза подверглась перестройкам. В первом случае она была снаружи облицована пахсовой "рубашкой" толщиной в основании 0,8 м. поверхность образовывала наклонный фасад, утоньшаясь до I5 см примерно на уровне второго ряда бойниц. Выше этого уровня сохранилась только обмазка поверхности башни на высоту I5 см. Эта "рубашка" скрыла собой бойницы первого и второго рядов. Возможно, что бойницы верхнего ряда продолжали функционировать. "Рубашка" состоит из пахсы, разделенной на блоки высотой I,I м. Во время второй перестройки к башне со всех сторон были пристроены пахсовые стены толщиной в основании около 2 м, несколько суживающиеся кверху. Пахса разделена на блоки I м х 0,7 м. Между блоками ряд кирпича 26х8 см.

Башня № 9. Расположена в 60 м на восток от башни № 8. По конструкции повторяет башню № 8, но несколько меньше по размерам: ширина наверху 5,75 м, в основании за счет наклона боковых граней увеличивается до 6,5 м. Ширина и длина внутрибашенного помещения около 3 м, т.е. оно квадратное в плане. Башня выступает за линию стены на 4,5 м. Расположение бойниц то же, что и в башне № 8, расстояние между бойницами одного ряда I,2 м. Башня, как и предыдущая, подверглась двум перестройкам: во время первой создана пахсовая "рубашка", сохранившаяся до высоты верха второго ряда бойниц, во вторую – пахсовая кладка 2 м толщины, в некоторых местах сохранившаяся на высоту на I,5 м, т.е. большую, чем кирпичная башня. Пахсовые блоки второй перестройки в нижней части имеют высоту около I м, наверху до 60–70 см. Часть кладки этого периода примерно на высоте второго ряда бойниц выполнена из сырцового кирпича 28х?хI0 см.

Башня № I0. Угловая юго-восточная шахристана II, находится в 63–65 м к востоку от башни № 9. К настоящему времени сохрани-

лась очень плохо, особенно фасадная часть. Ширина башни 7,7 м, толщина стен в основании около 2 м; выступание за линию городской стены 7,75 м на западе и 3,75 м на востоке. Это результат того, что городская стена на данном участке делает поворот под тупым углом на Ю-В, продолжается в этом направлении на 8 м, затем совершает еще один поворот, почти под прямым углом на С-В. Образовавшийся на углу выступ городской стены и был усилен башней № 10. Примерно параллельно отрезку с-в стены поворачивает на север и южная стена шахристана I. Образовавшийся между стенами коридор, безусловно, является городскими воротами. Тем самым раскопки 1981 г. подтвердили гипотезу А.Ю.Якубовского, предположившего на этом месте ворота еще до раскопок.

Боковые грани башни перпендикулярны основному направлению городской стены, вследствие чего из-за уступа стены западная грань оказалась на 4 м длиннее восточной. На фасадной стене прослежены остатки двух бойниц нижнего ряда: прямой в центре фасада и косой к западу от первой. Остальные бойницы не сохранились. Из-за плохой сохранности также трудно сказать, имелись ли уступы на внешних углах башни. Лучше всего сохранился с-в угол башни в месте ее соединения с углом городской стены. На этом участке имеется проход шириной 0,9 м и высотой 1,6 м; верх прохода сводчатый. Свод выложен из сырцовых кирпичей 41х27х10 см с клинчатыми прослойками раствора. Проход в башню заложен, в закладке кирпич того же формата. Пол прохода в башню на 0,8 м ниже основания бойниц внутри башни и должен совпадать с полом внутрибашенного помещения. Размеры внутрибашенного помещения 4х5,3 м на западе и 4х3 м на востоке. На восточной стороне ниже пола прохода расчищен отрезок стены на 1,5 м. На этом участке обнаружено полукруглое отверстие в основании башни шириной 1,2 м и высотой 1,2 м при глубине 0,7 м - размыв или недоконченный подкоп. Отрезок городской стены к востоку от башни имеет кирпичную облицовку толщиной 0,35 м; в облицовке кирпичи 41х35х10 см, 23х?11-18 см.

Более детальному изучению подверглась башня № 2 на с-з стене. В результате наполовину было раскопано внутрибашенное помещение, расчищен отрезок городской стены около башни, начато исследование помещений, примыкающих к стене изнутри.

Башня № 2. Как уже отмечалось, эта башня уже была частично исследована в 1939 г. Тогда, вероятно, были освобождены от

последующих перестроек ее боковые грани и, возможно, раскопана верхняя часть внутрибашенного помещения. Башня в плане подквадратная, ее ширина 7,I м, выступание за линию стены 6,3 м; толщина стен I,5–I,6 м. Сразу оговоримся, что речь идет о плане башни второго этажа, первый этаж имеет несколько иной план. Башня сохранилась на высоту около 5 м. Ее стены сложены из сырцового кирпича 4Ix27x8 см, 35x2Ix9 см. Поверхность стен имеет небольшой уклон наружу – 0,45 м на фасадной стене и по 0,2 м на боковых гранях. Башня стоит на платформе высотой более 3 м (не докопана до основания), поверхность которой образует более пологий угол, чем фасадная поверхность башни.

Стены второго этажа сохранились на высоту до 2,2 м. Размеры внутрибашенного помещения: 3,9 x 4 x 9 м. Пол второго этажа держался на плоском межэтажном перекрытии. Для него были использованы деревянные балки подквадратные в сечении (от I3x27 до 25x25 см), уложенные с интервалами от 32 до 52 см параллельно фасадной стене башни. Концы балок были заглублены в боковые стены помещения до 27 см. Всего прослежено 9 гнезд от балок на западной стене и соответствующие им два гнезда на восточной в с–в углу. Далее к югу сохранность восточной стены не позволяет установить наличие гнезд от балок, но очевидно, что они располагались симметрично с гнездами на западной стене. Возможно, что балки перекрытия опирались на прогон, проходивший примерно от центральной оси помещения. Гнездо от негосохранилось на торцовой северной стене помещения в виде квадратного, частично разрушенного отверстия 0,4x0,4 м, заглубленного в стену на 0,6 м. Но на противоположной торцовой стене соответствующего гнезда не оказалось. На втором этаже на высоте 0,9 м от верха балок все стены башни имели бойницы. Во внешней стене их четыре, в боковых – по три (в восточной сохранилась только угловая с–в бойница). На фасаде две центральные бойницы расположены перпендикулярно стене, а боковые под углом в I35°. На боковых стенах бойницы продолжает "веер" фасадных бойниц, расположенных соответственно под углами в I25°, II5° и I05° к поверхности боковых стен. Высота бойниц изнутри 0,6 м, снаружи за счет наклонного пола возрастает до I,25 м. Расстояния между бойницами изнутри от 0,4 до I,5 м. Снаружи бойницы расположены равномерно с интервалами в I,5–I,6 м на фасадной стене и I,2 м на боковых. Ширина бойниц около 20 см. Всего, т.е. на втором этаже, имелось

10 бойниц. Возможно, что еще по одной бойнице выходило на каждый из внешних углов башни. В с-в углу на поверхности стены расчищена наклонная канавка шириной 20 см - возможно, пол бойницы. Проверить наличие симметричной бойницы в с-з углу невозможно, так как угол разрушен промоиной.

Прежде чем перейти к описанию первого этажа, остановимся на конструкции городской стены, к которой приставлена башня. В верхней части стена сложена из кирпича и имеет вертикальный фасад, основание которого находится в 65 см ниже верха балок перекрытия. Толщина верхней части стены 2,3 м. Нижняя часть сложена из кирпича и имеет уклон фасада порядка 20°, так что основание стены выступает за линию вертикальной части наружу на 0,85 м. Помещение первого этажа в плане меньше помещения второго этажа и представляет собой квадрат со сторонами 3,9 м. Высота помещения 2,8 м, если считать до уровня низа балок, и 2,4 м до низа прогона. На первом этаже также имеются бойницы, в принципе повторяющие расположение бойниц второго этажа. Исключение составляет конструкция бойниц, открытых в с-з углу помещения. В самом углу - отверстие шириной 30 и высотой 60 см. На глубине 30 см от поверхности оно разветвляется на две бойницы, расходящиеся под острым углом. Одна из бойниц выходит на фасадную стену, вторая на боковую. Все бойницы находятся изнутри на высоте 0,85 см от пола. Их высота изнутри также 0,6 м, а снаружи 1,25 м. Снаружи между бойницами первого и второго этажей устроен еще один ряд бойниц в шахматном порядке по отношению к ним. Бойницы этого среднего яруса все ложные, их глубина 20-25 см. В западной боковой стене в ю-з углу - заложенный проход шириной 1 м и высотой 1,8 м. Его верх образует арка из кирпичей 41х27х10 см с использованием для расклинивания раствора. Вероятно, проход был заложен снизу при постройке башни: в закладке кирпич того же формата, единая штукатурка закрывает кирпичи закладки и поверхность помещения внутри башни. Снаружи проход расчищен только до уровня верха свода. Он был закрыт пахсовой кладкой, приставленной снаружи к башне и городской стене. Толщина этой кладки в основании около 1,5 м. Высота блоков пахсы 0,75-1 м, ширина 1-1,25 м. Между рядами пахсы горизонтальные прослойки из одного ряда кирпича. Отдельные участки этой кладки не пахсовые, а также кирпичные.

Раскопанный в сезоне 1981 г. проход в башню прорублен в

городской стене на высоте I,75 м от пола в башне. Его ширина 0,85 м, он расположен в I м от западного угла помещения. Высота пола прохода на I,25 м ниже уровня пола второго этажа, т.е. пол прохода в башню находился между уровнями первого и второго этажей. Для подъема на второй и спуска на первый этажи, вероятно, использовали деревянные приставные лестницы. В ю-в углу башни сохранились две пары ступеней для ног, вырубленные в городской и восточной стенах: первая пара на уровне пола прохода в башню, вторая на 50 см ниже. Они могут относиться, видимо, ко времени, когда перекрытия между этажами уже не существовало. Возможно также предположить существование люка в ю-в углу в полу второго этажа.

Уровень пола прохода в башню, вероятно, должен соответствовать полу коридора, идущего изнутри вдоль крепостной стены. Впоследствии и этот проход был заложен кирпичом, а к городской стене изнутри приставлена дополнительная стена толщиной 0,85 м. В полевом сезоне I98I г. за этой стеной были вскрыты остатки конструкций нескольких строительных периодов, относящихся ко времени после постройки дополнительной стены.

I-й период. К данному периоду относится пол за стеной, уровень которого примерно соответствует уровню прохода в башню. На полу плотные глинистые обмазки толщиной до I5 см, дающие выкружку с северной стеной помещения. В этой стене обнаружено два ряда отверстий диаметром 7-I0 см, расположенных в шахматном порядке. Нижний ряд на уровне пола, верхний на 20-25 см выше. Между отверстиями одного ряда расстояние 20-25 см. Все отверстия одного ряда последовательно связаны между собой канавами, проходящими в стене на глубине до 25 см. Кроме того, имеются вертикальные канавы, связывающие отверстия нижнего и верхнего рядов. Ширина раскопанного помещения I,75 м, длина не установлена. Помещение было разгорожено на отсеки высотой 0,4 м. Открыта западная стена отсека. Она сложена из сырцового кирпича (4Ix25x7 см), поставленного на ребро. Насколько можно судить, открытые конструкции представляют собой часть зернохранилища с продуманной системой для проветривания и вентиляции припольных слоев.

2-й период. В этом периоде прекращают существование отсеки. Пол поднимают до уровня верха боковых перегородок, северную стену с отверстиями обмазывают толстым слоем штукатурки.

3-й период. К данному периоду относится выстилка пола, примыкающего к северной стене на высоте 25-40 см выше уровня пола второго периода. Выстилка состоит из обломков сырцового кирпича и керамических плиток толщиной 2-3 см.

4-й период. С последним периодом связан слой керамики, сохранившийся только в восточной части раскопа, находящийся на 25 см выше выстилки пола третьего периода. Толщина слоя 20 см.

Изучение фортификации Пайкенда в полевом сезоне 1981 г. во многом носило предварительный характер. Тем не менее полученный материал позволяет сделать определенные выводы, характеризующие общие черты и особенности отдельных участков обороны шахристана П.

Шахристан П возник в результате расширения города к западу от первоначального шахристана. Основная стена его имела вертикальную верхнюю часть, наклонный низ стены сложен из кирпича. Снаружи к этой стене были пристроены прямоугольные кирпичные башни, стоящие на стилобате. Толщина стен башен около 2 м в основании и несколько уменьшается кверху за счет небольшого уклона наружной поверхности. Расстояние между башнями от 56 до 65 м, наиболее часто около 60 м (за исключением отрезка на с-в, где остатков башен не обнаружено и который в плане выступает за линию с-з стены шахристана). Общее конструктивное решение одинаково у всех башен: прямоугольные в плане, с бойницами в три яруса, образующими два уровня стрельбы, не считая обстрела сверху между зубцов. В двух башнях (№ 2 и № 10) открыты потайные вылазные калитки наружу за крепостную стену. Башни сложены из сырцового кирпича единого формата. Однако отметим, что в рамках общего решения каждая башня обладает рядом отличительных особенностей. Так, башня № 9 по габаритам меньше остальных. Если размеры внутрибашенного помещения в основном 4х5 м, то в башне № 9 - 3х3 м. Балки межэтажного перекрытия башни № 2 уложены параллельно направлению городской стены, а в башне № 3 - перпендикулярно. Обычно в верхнем и нижнем рядах бойниц на фасаде башни по три бойницы, а в среднем четыре. В башне № 2 расположение иное: по четыре бойницы в первом и третьем ряду и три во втором. В башнях № 8 и № 9 на фасаде бойницы расположены перпендикулярно направлению стены, в башнях № 3 и № 6 центральная бойница перпендикулярна, а боковые косые. В башне № 2 перпендикулярно расположены две бойницы в середине, две

крайние также косые. Несомненно, что дальнейшее археологическое исследование башен умножит количество таких примеров. Если считать, что строительство башен являлось единовременным актом, а так оно, вероятно, и было, учитывая единый формат кирпича и равные расстояния между башнями, то перед нами работа нескольких бригад мастеров, каждая из которых выкладывала одну или несколько башен по общему проекту, но с известной долей самостоятельности внутри общего решения.

Строительная история городских стен шахристана II

В общем виде строительная история укрепления может быть представлена как ряд последовательных этапов.

1-й этап. Расширение города на запад. Пристройка к западной стене шахристана I каре стен шахристана II.

2-й этап. Пристройка снаружи к городской стене прямоугольных башен с бойницами. Стена и башни выложены без перевязки между собой, что позволяет говорить о двух этапах. Вместе с тем оговоримся, что речь идет о строительных этапах возведения укреплений, и хронологически разрыв между первым и вторым этапами может быть минимальным.

3-й этап. Облицовка снаружи башен и, возможно, стен рубашкой из пахсы. Эта облицовка по высоте доходила до верха второго ряда бойниц, где переходила в обмазку поверхности башни. Облицовка закрывала нижний ряд бойниц, и, таким образом, на этом этапе прекращал существование нижний ярус обстрела. Облицовка прослежена на южной стене шахристана II (башни № 8 и № 9). Судя по фотографии в отчете 1939 г., такую облицовку имела и башня № 2 на с-з стене[10].

4-й этап. Пристройка снаружи к стенам и башням мощной кладки из блоков пахсы. Эта перестройка прослежена на всех исследованных участках.

В 1981 г. начато исследование застройки, примыкающей к стене изнутри, выделено четыре строительных периода, первый из которых не ранее 3- или 4-го этапа строительства укреплений (закладка прохода в башню и пристройка изнутри к городской сте-

---

[10] Якубовский А.Ю. Краткий отчет..., табл. Ш, 1.

не дополнительной стенки).

Вопросы абсолютной датировки

Основываясь на сообщении о разрушении стены города Кутейбой ибн Муслимом в 87 г.х. (706 г.), Л.А.Зимин осторожно написал, что "утверждать, что они (стены) существовали еще до взятия Пайкенда Кутейбой в 87 г. х. едва ли возможно, но весьма вероятно, что часть стены и крепости могла сохраниться со времени, предшествующему взятию, так как у Табари говорится о разрушении города и падении стен, из чего нельзя сделать вывода, что все стены были разрушены[11].

В отчете А.Ю.Якубовского об экспедиции 1939 г. отмечается, что "не произведя специального исследования строительных материалов в Пайкенде и аналогичных построек в Средней Азии, трудно установить, к какому времени относится как построение древних частей башен, так и их перестройка. Во всяком случае, последняя едва ли могла произойти позже XI в., когда Арслан-хан сделал неудачную попытку возродить умерший в начале караханидской эпохи, т.е. в начале XI в., город". Основываясь на сообщении Табари о взятии Убейдуллахом ибн-Зиядом в 674 г. половины Пайкенда, А.Ю.Якубовский полагал, что этой половиной был шахристан II. Таким образом, "сообщение ат-Табари подтверждает существование более новой западной "половины" в домусульманское время, т.е. еще до конца VII в."[12]

В.А.Нильсен, не приводя дополнительных аргументов, пишет уже определенно о возникновении западной части города в VII в.[13]

Раскопки 1981 г. несколько дополняют возможности абсолютных датировок стен шахристана II. Сразу оговоримся, что эти данные носят предварительный характер и последующие раскопки должны уточнить предлагаемые даты. Судя по керамике, помещения за башней № 2 построены не ранее IX-X вв., что должно соответствовать и времени прекращения жизни в помещении внутри башни, которое таким образом получает дату *terminus ante quem* IX-X вв.

---

[11] З и м и н Л.А. Развалины Старого Пайкенда, с.82.

[12] Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий отчет..., с.53-55.

[13] Н и л ь с е н В.А. Архитектура Средней Азии У-УШ вв. - Ташкент, 1966, с.17.

Время постройки башен пока точно не определено. На полу внутрибашенного помещения найден один тонкостенный сероглиняный черепок от чаши по облику позднего античного времени. Формат кирпича, из которого сложены стены башни, 41x27x9, 42x23x10, 35x21x10 см. До производства раскопок на самом Пайкенде формат кирпича дает мало оснований для датировок. В Бухарском же оазисе близкий по размерам кирпич (41x26x9 см) обнаружен в верхних слоях Талимаронтепе, предварительно датированный УП-УШ вв.[14] В Южном Согде на городище Калаи-Захоки-Морон крепостная стена третьего строительного периода сложена из кирпича 41-44x21-25x8-9 см и датирована исследователем также УП-УШ вв.[15] Для кирпичей второго формата из Пайкенда наиболее близкой аналогией являются кирпичи стены Варахши УІ в. (37-38x26x9-10 см)[16]. Исходя из приведенных данных, сделаем вывод о том, что кирпич таких размеров характерен для раннесредневековых конструкций, однако время его появления точно не определено.

Обратимся теперь к данным нумизматики. Е.В.Зеймаль отмечает, что во второй половине или в конце IУ в. в бухарском Согде на смену прежнему типу монет приходит новый иконографический: на одной стороне изображение головы, на другой - жертвенник сасанидского типа[17]. Находки такого типа монет отмечены всеми исследователями в Пайкенде[18]. Возможно, этот же тип монет собран нами в 1981 г. с обмытой поверхности стены шахристана П (плохая их сохранность не позволяет делать вывод более определенно). Эта серия заканчивает свое существование в УП в. Вероятно,

---

[14] А б д и р и м о в Р.А. Работы Бухарского отряда. АО, 1980. - М., 1981, с.446.

[15] Т у р е б е к о в М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон. ИМКУ, 15.-Ташкент, 1979, с.71.

[16] Н и л ь с е н В.А. Архитектура..., с.205 (табл.).

[17] З е й м а л ь Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. - Л., 1978, с.212 (табл. У).

[18] З и м и н Л.А. Развалины Старого Пайкенда, фото 14 (1-5); Я к у б о в с к и й А.Ю. Краткий отчет..., с.63; К е с а т и Р. Раскопки на Пайкенде в 1940 г. СГЭ, IУ. - Л., 1947, с.28.

в тех же достаточно широких пределах (IУ–УI вв.) и следует датировать пока первую стену шахристана II[19]. Последняя перестройка городских укреплений пока предположительно датируется УП–УШ вв., так как в IX–X вв. на городской стене было устроено зернохранилище, что должно говорить об утрате стенами оборонительной функции.

Раскопки укреплений шахристана II в Пайкенде дали новый значительный материал для сравнительной характеристики крепостной согдийской архитектуры. Башни Пайкенда имеют достаточно широкий круг аналогий среди памятников фортификации и прежде всего среди лучше изученных памятников самаркандского Согда. Стены с шелевидными бойницами в несколько рядов, расположенными в шахматном порядке, засвидетельствованы в Согде начиная со II–III вв. (Тали-Барзу II и III)[20]. Наибольшее распространение этот тип укреплений получил в У в., где он представлен как городскими укреплениями (Пенджикент)[21], так и отдельными замками (Фильмандар, ядро усадьбы около Кафыр-калы и ряд других)[22]. Отметим, что в Фильмандаре, как и в Пайкенде, имеются уступы на внешних углах башен с той лишь разницей, что в Фильмандаре они несут функциональную нагрузку (в эти уступы открываются угловые бойницы).

Этот тип укреплений, рассчитанный на массированный обстрел через бойницы в сравнительно тонких стенах, был предназначен для отражения противника, не умеющего вести правильную осаду (при осаде тонкие стены легко прокопать или разрушить тараном).

---

19 Нижние слои шурфа на шахристане II, заложенного в 1981 г. Г.Мирзалиевым, по керамике датированы им III–IУ вв.

20 Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, Л.–М., 1940, с.92, табл.II.

21 Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. АРТ, XIУ. – Душанбе, 1979, с.258–165.

22 Исаков А. Разведки и раскопки Косаторского отряда в 1974 г. АРТ, XIУ. – Душанбе, 1979, с.300–306; Он же. Фильмандарский замок. УСА, 4.–Л., 1979, с.50–51; Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, 2.–Ташкент, 1961, с.194; См. также дискуссию: С.К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда III–УI вв. – Ташкент, 1981, с.125–127.

На время существования этого типа укреплений приходится передвижение через территорию Средней Азии с Востока ряда кочевых племен, самым значительным из которых были эфталиты. Вероятно, этот тип военной архитектуры и предназначался против отрядов кочевников, которым все же к середине У в. удалось овладеть всей Трансоксианой[23].

Несмотря на близость первоначальных укреплений Шахристана II с указанными памятниками стены Пайкенда имеют ряд особенностей. Главная из них - концентрация обороны в башнях; куртины в Пайкенде не имеют бойниц, тогда как памятники самаркандского Согда снабжены бойницами. Отказ от бойниц в куртинах позволил увеличить толщину городской стены и тем самым уменьшить опасность подкопов. Вторая особенность связана со значительным расстоянием между башнями (60 м), редко встречающимся в Средней Азии рассматриваемого периода[24]. Вероятно, причина этих особенностей заключена в особом географическом положении Пайкенда - города на границе Трансоксианы и Хорасана. Его укрепления должны были не только выдерживать натиск кочевников, но и противостоять регулярному войску сасанидов.

Укрепления с несколькими рядами бойниц в самаркандском Согде исчезают к УІ в., а во второй половине УП в. им на смену приходит иной тип укреплений[25]. Аналогичный процесс наблюдаем и в Пайкенде. Облицовка башен пахсовой рубашкой на Ш этапе по характеру очень близка работам на восточной стене Пенджикента (объект ХХУШ) в Ш строительном периоде[26]. Возможно, эти перестройки совпадают по времени; в таком случае Ш этап строительства стен Пайкенда должен приходиться на УІ в. Политическая история этого периода в Средней Азии наполнена военными столкно-

---

23 Сводку источников см.: Г а ф у р о в Б.Г. Таджики. - М., 1972, с.198-200. Сравним: М а р ш а к Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в У в. СНВ, Х.-М., 1971, с.58-66.

24 С е м е н о в Г.Л. Городские стены Пенджикента и история Согда У-УШ вв. - СА, 1983, № 3.

25 С е м е н о в Г.Л. Согдийская замковая архитектура. В сб.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез.докл.конф. - М., 1981, с.139-140.

26 С е м е н о в Г.Л. Городские стены Пенджикента и история Согда У-УШ вв.

вениями разного порядка: с середины VI в. начинается борьба эфталитов с тюрками, заканчивающаяся разгромом эфталитов в битве около Бухары где-то в 560-х годах. Тюрки занимают города, до этого принадлежавшие эфталитам[27]. После подавления восстания Абруя правителем в Пайкенде, вероятно, был сын кагана Шири-Кишвар[28]. Вскоре после прихода к власти тюрок начался конфликт между ними и Сасанидским Ираном. И естественно, что в такое беспокойное время жители Пайкенда должны были заботиться об усилении городских стен (III этап).

Последняя перестройка стен Пайкенда (IV этап) находит широкий круг аналогий не только в памятниках самаркандского Согда, но и других районов Средней Азии. Это, как правило, также пристройка снаружи к стенам кладки из пахсовых блоков до 4-5 м в основании. Эти мероприятия связываются с угрозой арабского нашествия, которая стала реальностью после захвата арабами Мерва в 651 г.[29] Уже через три года арабы начинают набеги на территорию Мавераннахра. Во время одного из этих набегов в 673-674 гг. арабским полководцем Убейдуллахом ибн-Зиядом была взята половина Пайкенда[30].

С назначением наместником Хорасана Кутейбы ибн Муслима в 705 г. набеги сменяются планомерным завоеванием Мавераннахра. В 706 г. Кутейба с большой армией переправился через Амударью. Наршахи сообщает: "Жители Пайкенда получили об этом известие и укрепили Пайкенд"[31]. Располагая данными об укреплении города в 706 г. перед приходом арабов и зная аналогичные перестройки стен в это время в других районах Средней Азии, мы

---

27 М е н а н д р В и з а н т и е ц. Фр.18. Цит. по: Византийские историки. Пер. Р.Дестуниса. - СПб, 1860, с.374.

28 Н а р ш а х и. История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. - Ташкент, 1897, с.13.

29 С е м е н о в Т.Л. Оборонительные стены Пенджикента в V-VIII вв. В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез.докл.конф. - Душанбе, 1977, с.58.

30 ат - Т а б а р и. II, с.1169; З и м и н И.А. Развалины Старого Пайкенда, с.67.

31 Наршахи. История Бухары..., с.58.

склонны датировать стену IУ этапа в Пайкенде именно этим временем. В 706 г. город дважды подвергался осаде, после чего оставшихся в живых жителей Кутейба взял в плен, "так что в Пайкенде не осталось людей, и Пайкенд пришел в разрушение". Впрочем вскоре, как сообщает Наршахи, пайкендские купцы, бывшие во время осады в "Китае и других местах", выкупили жителей и "возобновили Пайкенд, как он был прежде"[32].

При Саманидах Пайкенд становится процветающим городом. В 886 г. его жители преподнесли приехавшему в город эмиру Насру множество подарков, "обсыпали его серебром и золотом". После падения государства Саманидов в конце X в. город, видимо, приходит в запустение, так как к началу XII в. относятся попытки Арслан-хана возродить его (1102-1130 гг.). Но дальнейшая история города проходит уже без реконструкций оборонительных стен. Как отмечает О.Г.Большаков, "создание сильного централизованного государства обеспечило большую безопасность горожан за пределами стен шахристана"[33]. Известно, что в УШ-IX вв. в Бухарской области построили стену против кочевников из степи. В связи с этим же ремонтировались и стены самой Бухары[34]. В Пайкенде, вероятно, потребности в постройке новой стены не возникло, благодаря большому количеству рабатов, куда зимой съезжались воины со всей Бухарской области[35].

В конце IX - начале X в. с созданием мощного государства, как отмечает Н.Н.Негматов, "отпала необходимость в местных военно-фортификационных сооружениях. В X в. были в заброшенном состоянии крепостные стены Мерва, Абиверда и Новой Нисы". В Бухарском оазисе в это время забрасывается стена Вараxши[36]. Поэтому вряд ли последняя перестройка стен Пайкенда могла приходиться на этот период.

---

32 Там же, с.59.

33 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии.-Л., 1973, с.262.

34 Наршахи..., с.46-47.

35 Там же, с.27.

36 Негматов Н.Н. Государство Саманидов. - Душанбе, 1977, с.26.

Как показывает изучение изменений городских укреплений на отдельных памятниках, перестройка их, как правило, оказывается связанной с непостоянством внешнеполитической обстановки. В настоящей статье мы отметили общие черты в эволюции укреплений Пайкенда и других памятников Согда в Ш–Х вв. Интересной представляется и другая задача: сравнение укреплений Пайкенда и Мерва в их развитии. Оба эти города лежали на важной магистрали, где Мерв являлся самым восточным городом Хорасана, а Пайкенд – первым западным городом Мавераннахра.

К первой половине Ш в. относится реконструкция системы городских укреплений Мерва, коснувшаяся как цитадели, так самого города[37]. Городская стена того времени стояла на платформе из более ранних стен, имела пахсовую нижнюю часть с уклоном наружу, на которую была поставлена вертикальная стена толщиной 0,86 м. Вдоль стены изнутри шло помещение, перекрытое сводом. На вертикальной части стены через 1 м расположены бойницы "веером" по три и перпендикулярно стене. Продолжением этого цикла работ являются стены на цитадели конца Ш–1У вв.

Следующий цикл крепостного строительства в Мерве относится ко второй трети–концу У1 в. Для этого времени типична стена с открытым валгангом с прямоугольными башнями. Башни в выступах имели бойницы для обстрела вдоль стен. Последний незначительный ремонт отмечен в нач. У11 в. В У111 в. стены теряют оборонительное значение и используются кварталом гончаров.

Если сопоставить реконструкции оборонительных сооружений Мерва с этапами политической истории, то стены Ш–1У вв. связаны с превращением Мерва в форпост Сасанидов при Шапуре I и его преемниках, а перестройка У1 в. – с возвращением Сасанидами завоеванных эфталитами областей и с последующей конфронтацией с тюрками.

---

37 Из последних работ по укреплениям Мерва см: Ф и л а н о в и ч М.И. Древний Мерв в свете изучения стратиграфии городища Гяур–Кала. АКД. – Ташкент, 1974, с.11–16; У с м а н о в а З.И., Ф и л а н о в и ч М.И. Археологические комплексы Эрк–калы и Гяур–калы – основа периодизации городской культуры античного Мерва. В сб.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез.докл.конф. – Ташкент, 1979, с.26–30; М а с с о н М.Е. К проблеме изучения исторической топографии Среднеазиатских городов. Труды ЮТАКЭ: Культура Туркмении в Средние века, ХУП.– Ашхабад, 1980, с.136–137.

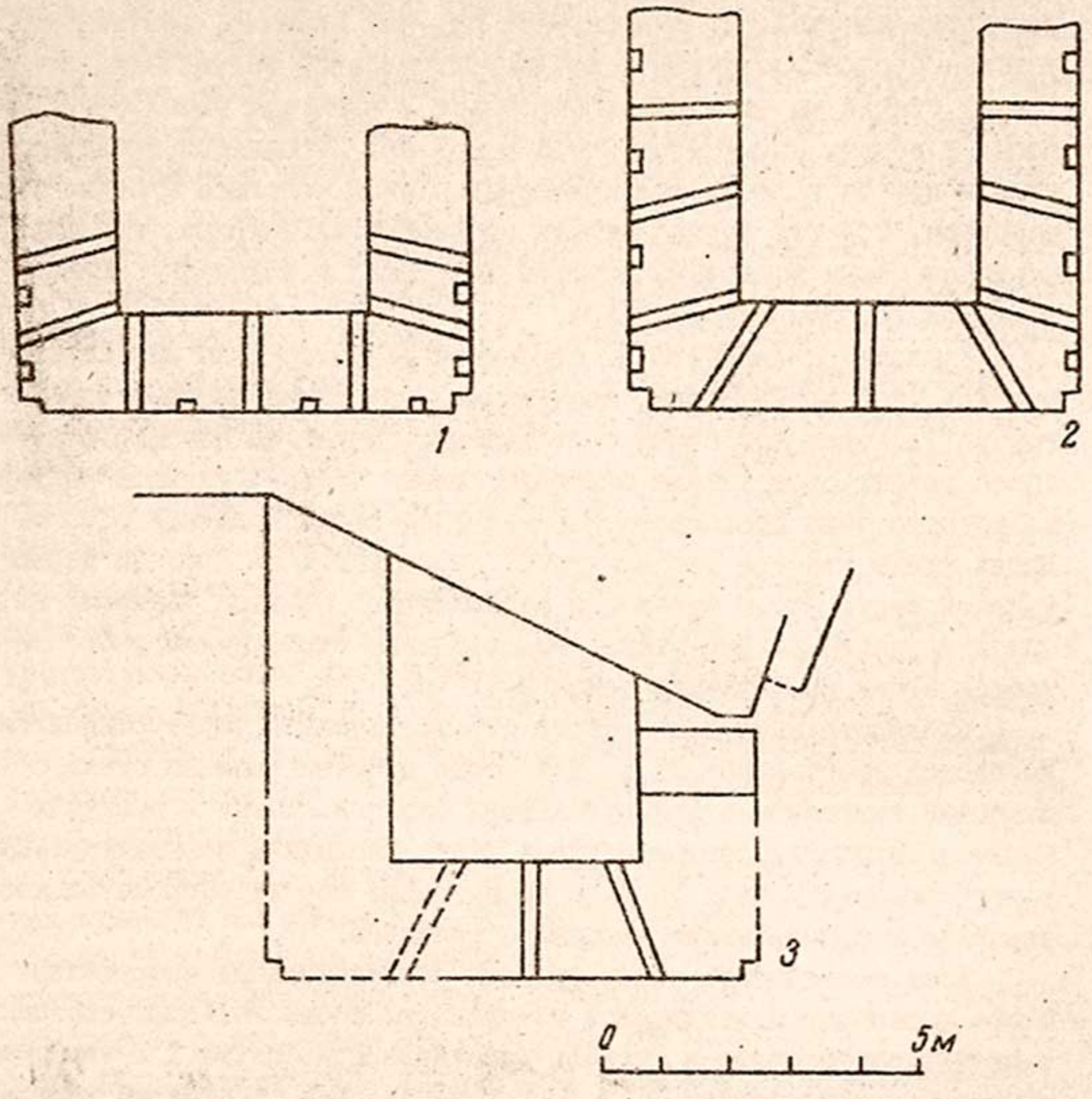


Рис.II. Схема размещения бойниц в башнях: I,2,3 - соответственно башни № 8, 3 и IO.

Что же происходит в это время по ту сторону Аму-Дарьи в Пайкенде? Расширение территории города (постройка стены шахристана II) могло быть следствием усиления державы Сасанидов, укрепления контактов с ней и результатом расцвета города в период эфталитской гегемонии. Перестройка башен Пайкенда вполне соответствует новым стенам VI в. в Мерве и может отражать те же политические изменения (тюрко-иранское противоборство). Пос-

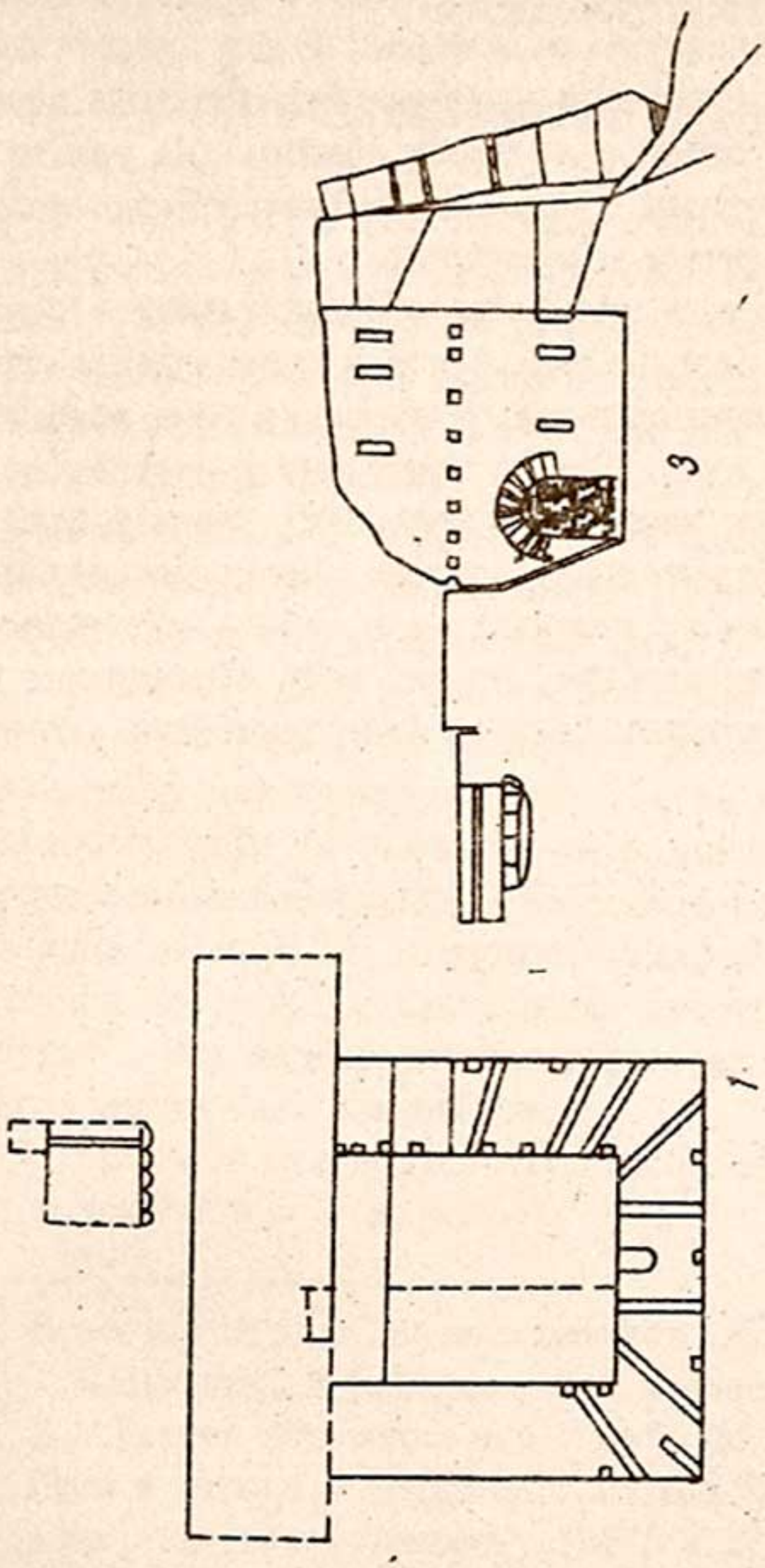


Рис.III. Башня № 2: 1 - план, 2 - фасад, 3 - разрез по оси с - к,
4 - западная боковая грань.

ледняя перестройка стен Пайкенда, имеющая много аналогий в Мавераннахре, не находит соответствия в Мерве. И это достаточно объяснимо. Известно, что марзбан и владелец Мерва закрыл ворота перед Ездигердом III, а затем сдал город арабам. Так разное отношение к арабской экспансии в Хорасане и Мавераннахре нашло свое отражение в археологическом материале.

Подведем некоторые итоги. Изучение оборонительных сооружений Шахристана II на городище Пайкенд носит в целом предварительный характер. До конца невыясненными остаются вопросы абсолютных датировок перестроек стен. Тем не менее эти исследования дали ряд важных данных для истории фортификации Средней Азии и позволили поставить некоторые общие вопросы. Новые материалы, без сомнения, должны в чем-то уточнить, а в чем-то опровергнуть высказанные в статье предположения. Но это дело последующих работ на очень важном для истории Средней Азии памятнике - городище древнего Пайкенда.

Ю.Ф.Буряков, О.М.Ростовцев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАБИНДЖАНА

В 1971 г. отряд Института археологии АН УзССР, Института искусствознания и Самаркандского Государственного музея истории культуры и искусства УзССР совместно с Самаркандским Советом Общества охраны памятников Узбекистана провели работы по археологической разведке и раскопкам памятников Самаркандской области[1]. Основное внимание уделено памятникам, располагавшимся вдоль канала Нарпай, в западной части области. Район избран не случайно: географы Востока, описывая древний Согд, особо отмечали "густоту" жизни вдоль канала Пай, или Фай (Нарпай).

Ибн Хаукаль, например, сообщает: "В двух дневных переходах после того, как река оставляет Самарканд, от нее отходит канал известный под названием Фай[2] ... во всем Согде нет канала, вдоль которого было бы больше возделанной земли, гуще население, многочисленнее земледельцы, величественнее замки, славнее и укрепленнее селения. Он - сердце Согда, и из него вытекают многочисленные протоки..., они орошают пространство более чем в 2 дня пути"[3]. Эта характеристика подтверждается большим количеством археологических памятников.

Большое количество селений и отводов канала перечисляется и в документах XУ в. н.э.[4].

---

1 В состав отряда, помимо авторов, входили научные сотрудники Т.В.Беляева, Я.К.Крикис, Г.Е.Мендесидис, Р.Равшанов.

2 Е.К.Бетгер переводил его "Кий". См.: Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны - Труды САГУ им.В.И.Ленина. Археология Средней Азии, вып.IУ. - Ташкент, 1957, с.17.

3 Там же, с.17.

4 В я т к и н В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. УП. - Самарканд, 1902, с.59; Ч е х о в и ч О.Д. Самаркандские документы XУ-XУI вв. - М., 1974, с.389-391.

При обследовании этого района выявлены две стоянки первобытной культуры[5], много памятников поры раннего и развитого феодализма, осмотрены ранее известные. Среди раннесредневековых отметим группу замков и укрепленных поселений. В 3 км к северо-западу от с.Зерабулак, на правом берегу канала располагается Болгалытепа - остатки крепости прямоугольной формы с удлинением с севера на юг и размером 100х75 м. Стратиграфически выделяются два культурных слоя, которые особенно четко прослеживаются на юго-западном фасе, где на обоих уровнях полов найдены сосуды и зернотерки. Нижний слой с постройками из пахсовых блоков, верхний - из крупноформатного сырцового кирпича 48/52/х24/28/х10 см. Керамика из разрезов нижнего слоя представлена венчиками хумов с клювовидным загибом внутрь. На плечике под венчиком валик. Этот тип венчиков характерен для Афрасиаба преимущественно для III-IУ слоев. В верхнем слое найдено большое количество фрагментов посуды, покрытой полосами и потеками черной и коричневой краски. Между памятником и каналом понижение, производящее впечатление древнего русла. Правый берег канала, на протяжении более километра, представляет насыпную дамбу, которая неоднократно прорывалась водой в периоды наибольшего заполнения. Последний раз прорыв был в 1969 г., когда для ремонта дамбы был взят грунт с части памятника. Вероятно, в древности канал проходил непосредственно у южной стены крепости и лишь впоследствии спрямлением отведен в современное ложе.

От Нарпая на север, вдоль дороги Акташ-Хатырчи, зафиксированы еще 12 памятников-остатков замков и укрепленных поселений, среди которых отметим городище Ходжакурган на землях колхоза "Москва" Хатырчинского района. Памятник прямоугольный в плане, размером 220х170 м, ориентирован по странам света с 10^0 склонением по линии З-В. Несмотря на оплыв в стенах четко прослеживаются башни округлой и подпрямоугольной формы - по 12 на западной и восточной и по 15 на северной и южной стенах. На северной

---

5 Краткие сведения о них см.: Буряков Ю.Ф., Крикис Я.К., Равшанов Р., Ростовцев О.М. Работы в Самаркандской области. В сб.: Археологические открытия 1971 г. - М., 1972, с.507-508.

стене вход в одну из башен, оформленный стрельчатой аркой. Стены сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича 46х25х8 см. С севера и юга прослеживаются оформленные башнями ворота: северные слегка смещены к западному углу, южные к восточному. В центре крепости возвышается двухъярусная цитадель, состоящая из центрального холма высотой 15 м и прилегающей с запада и востока площади высотой до 4,5 м над уровнем дневной поверхности. Вокруг памятника на распаханной площади - обломки керамики, обожженного кирпича, зернотерки и жерновов. Найден фрагмент терракотовой фигурки быка. Строительный материал памятника датируется У-Х вв. в основном УП-УШ вв., за пределами внешней стены - материал вплоть до XУШ в.

К югу от Нарпая, вдоль его левого берега, были обследованы другие памятники, наиболее интересный среди них - Гяуркала, идентичный в плане Ходжакургану[6]. В 3 км к западу от первого расположено Зерабулактепа, у самого подножия Зерабулакских гор. Памятник подквадратной формы размером 102х140 м по гребню стен, высота которых 8-12 м. Ориентирован по странам света с 15° склонением на З-В. У северо-восточного угла 6-метровый проем в стене - остатки древних ворот. Наиболее мощная южная стена со стороны гор. Помимо пристенных башен стена фланкирована двумя отдельно стоящими башнями, сохранившимися в виде конических холмов высотой до 6 м. В юго-западном углу расчищены остатки угловой башни. Внутренний диаметр башни у основания 6 м, сохранившаяся высота около 8 м. Материал из зачисток и подъема невыразителен и в основном синхронен нижним слоям Балгалытепа и Гяуркалы. У подножия западной стены родник-озерцо, по берегам которого найдено много изделий из кремня.

В 4 км западнее вдоль канала руины крупного городища Оромиджантепа, отождествленного со средневековым городом Рабинджаном, который, по данным географов IX-X вв., располагался на магистральном караванном пути Востока - "Большой Хорасанской дороге" и являлся центром одноименной области в составе Согда[7]. Этот факт отмечался еще В.В.Бартольдом.[8]

---

[6] Характеристика памятника дана в отчете экспедиции Института искусствознания Министерства культуры УзССР под руководством Г.А.Пугаченковой в 1962 г.

[7] Абул Касым ибн Хаукаль. Указ.соч., с.19.

[8] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9-и томах. Т.I. - М., 1963, с.119.

Городище обследовал В.Л.Вяткин, однако его отчет не опубликован. В 1934 г. городище детально обследовал А.Ю.Якубовский. В.А.Шишкиным был снят глазомерный план, а Т.Миргиязовым проведены небольшие раскопки отдельно стоящего здания. Экспедицией собран материал из керамики, в том числе глазурованной, обожженного кирпича со штампами, аналогичными штампам Дабусии, отмечены большие размеры рабада. Однако уже к этому времени южная часть рабада была интенсивно разрушена, и потому было трудно установить, имел ли он стены.[9] Рабад был обжит интенсивно, о чем свидетельствуют как мощные слои остатков архитектуры в разрезах современного канала, так и сообщения жителей о находках на данном участке городища большого количества древнего обожженного кирпича.

В 1958–1960 гг. обследование городища с закладкой шурфов проводилось Рабинджанской поисково-разведочной партией Министерства геологии УзССР в связи с находкой в его окрестностях древних выработок, содержащих медь, серебро и др., а на территории самого города – кварцевых песчаников, бентонитовых глин и красноватых лессовых суглинков с цементными свойствами.[10] При закладке канавы № 30 в южной части города на глубине до 2 м найден деревянный, сильно поврежденный ящик с костями, украшенный снаружи золотой фольгой в виде треугольников, квадратов и овальной формы медальонов с зоморфным орнаментом. Украшения крепились к деревянной основе с помощью небольших бронзовых гвоздиков. Здесь же был найден бронзовый светильник с позолотой. В канаве № 8 была обнаружена керамика и украшения из стеклянной пасты с голубой глазурью.[11]

В 1961–1962 гг. памятник обследовала экспедиция Института искусствознания УзССР с закладкой небольших раскопов в шахристане.[12]

---

[9] Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г. /Из дневника начальника экспедиции/. ТОВЭ. – Л., 1940, с.157.

[10] Курбанов А.С. Отчет о результатах поисково-разведочных работ Рабинджанской ПРП за 1958–1960 гг. Ингички. Архив Министерства Геологии УзССР, 1960, с.17.

[11] Там же, с.19–21.

[12] Материалы не опубликованы. Отчет о работах хранится в архиве Института искусствознания Министерства культуры УзССР за 1962г.

Ко времени нашего обследования в 1971 г. микрорельеф памятника значительно изменился: снивелирована занятая под пахоту значительная часть рабада и шахристана, через городище проведен канал. Поэтому наряду с зачисткой крепостных сооружений и сбором подъемного материала нами заново снят план городища. В том же году здесь найден клад золотых динаров X в., переданный авторами в Институт археологии АН УзССР.

В 1973 г. в связи с необходимостью спрямления ложа канала нами были произведены стратиграфические раскопки.

Площадь городища с рабадами более 100 га, однако границы рабадов фиксируются приблизительно по ареалу керамики и обожженного кирпича. Ядро его - укрепление в северной части на берегу Нарпая. Крепость подпрямоугольной формы, размером 125х140 м, ориентирована по сторонам света с отклонением к западу до 15^{0}. На крепостных стенах абрисы башен. В северо-западном углу возвышается замок размером 60х60 м; к северо-западу от него отдельно стоящее здание и два холма с обнажившимися остатками пахсовых стен. При раскопках 1934 г. выяснено, что здание двухэтажное, имело прямоугольную форму (длина 22,5 м) и разрезано коридором на две равные части[13]; с юга отделяется от цитадели пониженной территорией, напоминающей ров крупных размеров. Пространство с трех сторон крепости, кроме северной, отгорожено самостоятельной стеной - шахристан 1, к югу от которого отделенная рвом вторая территория - шахристан 2, разрезанная на две неравные части новым каналом. Ее границы выделяются по микрорельефу. Общая площадь цитадели и шахристанов более 16 га.

Для изучения топографии и стратиграфии города во всех его частях заложили 12 шурфов и раскопов, позволивших определить основные моменты из истории Рабинджана.

Раскоп 1. Заложен в северной части городища для изучения здесь отдельно стоящего здания. Ко времени наших работ руины здания сохранились на площади около 200 $м^{2}$. Раскопками вскрыты 2 помещения 4,6х4,4 и 2,5х1,5 м и коридор длиной 10, шириной 3 м. Стены комбинированной кладки из крупных блоков пахсы (высота блока 0,5, длина 1,05 и толщина 0,55 м) и сырцового кирпича 50х25х8

---

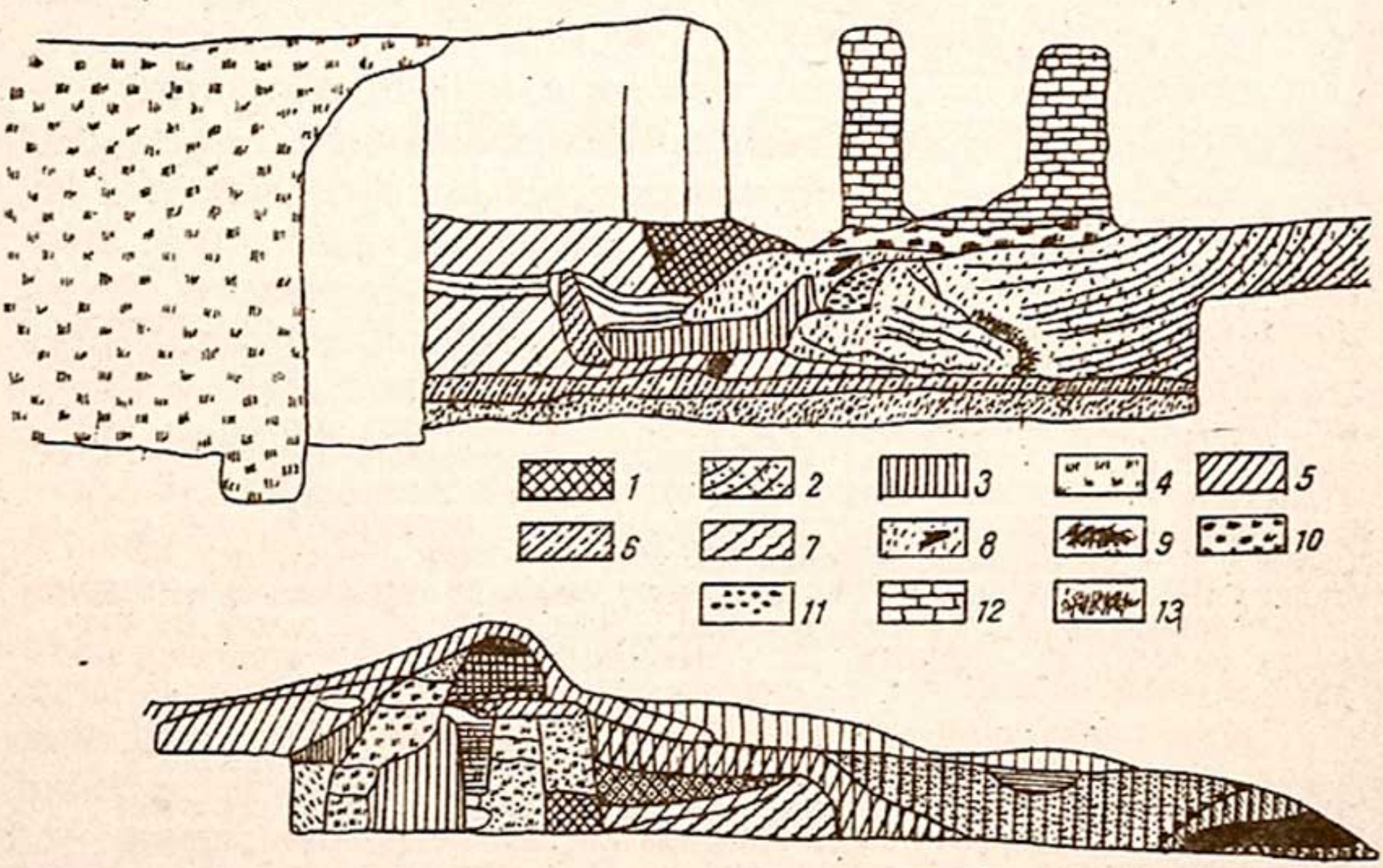
[13] Якубовский А.Ю. Указ.соч., с.162.

см. Толщина стен I,5 м. В центре здания заложили раскоп площадью 80 м^2, а с южной, западной и северной сторон его произведены зачистки.

В результате выявили два архитектурных уровня. В нижних культурных слоях вскрыто здание, стоявшее на 2-метровом стилобате, со стенами из пахсы толщиной I,5 м. Здание перекрыто мощным слоем гравия с песком, позже над ним было построено то монументальное здание, размеры которого приведены выше. Из раскопа получен многочисленный керамический материал: самый ранний датируется IУ-У вв. н.э. Здание первого строительного периода существовало до УШ в. и было погребено под наносами из гравия и песка вследствие наводнения. В слоях гравия найдено большое количество фрагментов керамики и терракотовых фигурок человека и животных (в большинстве лошади). Особенно интересна половина глиняного образца с фигурой божества с сасанидской короной на голове, с трезубцем в левой руке и круглым предметом в правой. Сообщения местных жителей о том, что к востоку от здания при земляных работах была вскрыта большая яма с человеческими черепами и костями, антропоморфными и зоморфными терракотовыми фигурками, наводят на мысль, что погребенные остатки здания могли быть в доарабское время зороастрийским храмом, погибшим в результате наводнения. В конце УШ в. на снивелированной площади было выстроено новое здание с использованием остатков ранней северной стены. Монументальность здания, ориентация стен со склонением на I5^0 к западу от линии С-Ю, большие внутренние помещения дают основания предположить, что здесь располагалась мечеть Рабинджана, функционировавшая с IX по XII в. Постройка мечети на месте древнего храма имеет аналогии в других городах, в частности в Самарканде.

Раскоп 2. Изучались крепостная стена и помещение в юго-восточном фасе цитадели. В верхнем слое вскрыт фундамент небольшого сооружения со стенами из обожженного кирпича. В помещении и под дерновым слоем за его пределами найдены фрагменты лаганов, украшенных солярными знаками по мутно-бедому фону и зелеными полосами вперемешку с коричневыми. Этот орнамент и покрытие некачественной шелушащейся глазурью дают основание датировать данное сооружение XУП-началом XIX в. К западу от раскопа вскрыты 4 комнаты, разделенные пахсовыми стенами толщиной до I,5 м. Первая комната оказалась заполненной рыхлым грунтом, в котором

не содержалось каких-либо изделий. На глубине 2,6 м обнаружен уровень второго пола, на котором найдено множество осколков стеклянных предметов, шлаков, недоплавленного и бракованного стекла; в северной части помещения - углубление с золой и угольками, похожее на лётку печи. Среди стеклянных осколков обломок монеты саманидского типа. Вдоль восточной стены шурфом вскрыт третий пол с небольшим числом стеклянных изделий. Однако в кв. С-4 найдено 16 фрагментов неглазурованных горшочков и хумча, один-чашечки. У чашечки подрезанное донышко и венчик загнут внутрь, толщина стенок до 3 мм. На глубине 80 см от этого пола найден четвертый, на уровне которого стена кончается и идет завал из обломков сырцового и обожженного кирпича; сырцовые до 10, а обожженные до 5 см толщиной; для определения размеров целых не найдено, но все фрагменты больше 25 см в длину и более 16 см в ширину.



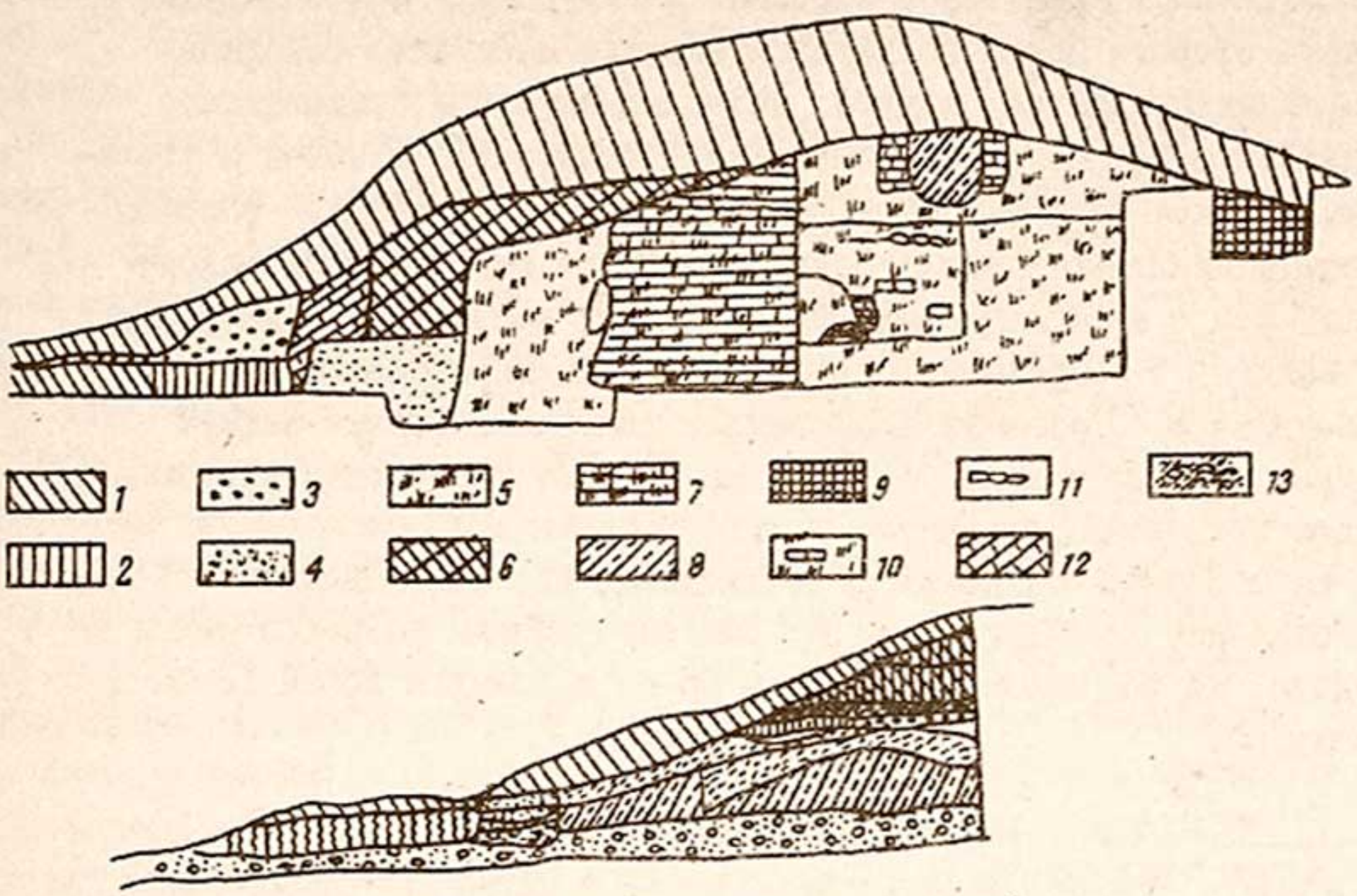


Рис. 1. Раскоп I отдельно стоящего здания: I - мусорная яма, 2 - зольные натеки, 3 - забутовка, 4 - пахса, 5 - лёсс, 6 - стилобад, 7 - пахсовая стена, 8 - лесс с прослойками золы, 9 - лёсс светлый с прослойками золы, I0 - стилобад под стенами, II - завал керамики, I2 - стены из сырцового кирпича, I3 - материк; раскоп 5, разрез южной стены кухендиза: I - оплыв, 2 - мусорный отвал, 3 - конгломерат, 4 - оплыв в стене, 5 - отложения гальки и песка, 6 - наносы ила, 7 - наносной лёсс, 8 - оплыв, 9 - галечник и песок, I0 - оплыв, II - кирпичная сырцовая кладка, I2 - яма с мусором, I3 - оплыв, I4 - нанос ила, I5 - кладка из пахсы и кирпича, I6 - пахса, I7 - зольный слой, I8 - слой глины, I9 - дёрн, 20 - стена из пахсовых блоков, 2I - наносы, 22 - пахсовая стена, 23 - пахсовая обкладка стены.

Рис.2. Разрез восточной стены кухендиза: I - насыпной грунт, 2 - темная пахса, 3 - завал пахсы, 4 - нанос аллювия, 5 - пахсовая кладка, 6 - оплыв, 7 - кирпичная кладка, 8 - оплыв в коридоре, 9 - мусорная яма, I0 - завал мусора, II - кирпичный пол, I2 - кирпичная стена, I3 - линза с песком; разрез западной стены: I - насыпной грунт, 2 - болотный грунт, 3 - песок с галечником, 4 - аллювий, 5 - лёсс, 6 - оплыв, 7 - зола с керамикой, 8 - песок с галькой, 9 - аллювий мелкий, I0 - гумусный слой, II - яма с костями животных.

Мощные стены и расположение помещений близ крепостной стены, внутри и у предвратного сооружения - свидетельство того, что они могли быть предназначены для стражи. Но в IX-X вв. в них размещается мастерская стеклодела.

Раскоп 3. Заложен в восточной части шахристана I (размер 64 м^2) для выявления стратиграфии. Уже под дерновым слоем найдена монета X в. (саманидская) и комплексы неполивной и глазурованной керамики IX-X вв. Во втором ярусе обнажился пол помещения, выложенный обожженным кирпичом 21x21x5 (4,5) см, и 24x24x4,5 см и плитками камня-сланца. Керамика из фрагментов лаганов, уплощенных коса и чаш с черно-белой, розоватой глазурью и желто-зелеными подглазурными пятнами. Неполивная из котлов и хумча (есть фрагмент круглодонного котла из плотной серой глины), толстостенные хумы кувшины с ручками. Несколько фрагментов стеклянной посуды и флакончика дополняют комплекс, характерный для IX-X вв.

Почти в центре раскопа расчищен колодец, устье которого было закрыто обожженным кирпичом 50x50x5 см, с отверстием (20 мм) в средине. Стенками колодца служил большой хум, стоявший вверх дном с отверстием 25 см. Восточнее колодца раскрыто помещение с пахсовыми стенами толщиной 55 см и полом, выстланным жженным кирпичом 38x38x8 см. Под этим помещением вскрыт культурный слой УП-УШ вв. Он включал мощную пахсовую стену толщиной I,5 м, проходившую с юго-востока на северо-запад. С внутренней стороны культурные слои насыщены золой и угольками, неполивной керамикой, среди которой преобладают обломки хумов, хумча и кувшинов. На нескольких обломках потеки коричневой и черной краски. Под полом верхнего помещения найдена половина корчажки с двумя петлевидными ручками. Как верхние, так и нижние слои содержали фрагменты бракованной керамической и стеклянной посуды, шлаки от выплавки металла.

Вышеперечисленные находки дают основание для вывода, что в этой части города с У по XII в. жили состоятельные ремесленники, занимавшиеся гончарным, стеклодувным и ювелирным производством.

Раскоп 4. Охватил северный фас цитадели от подошвы до вершины. Общая площадь I28 м^2. Керамический материал идентичен находкам с первого раскопа, но здесь не найдено терракотовых фигурок. Самый ранний, нижний слой дал материалы, которые можно датировать IУ в.н.э. На уровне I7-го яруса вскрыты две стены

из пахсы толщиной до 1,5 м; 2-метровое пространство между ними заполнено рыхлым оплывом, содержащим керамику УІ-УП вв. Под стенами - слой пахсы 0,5 м, а под ним - темной, очень крепкой глины без находок, в виде выровненной площадки (стилобат). Этот слой прослеживается внутри оборонительных стен. Снаружи, у подножья цитадели, расчищен мощный слой гравия с линзами песка. Раскопом определены три строительные периода в северной части цитадели: самый ранний - IУ-У вв., когда на стилобате была построена стена с оборонительным коридором; второй - УІ-УП вв., когда оборонительный коридор заполнялся оплывом с фрагментами керамики и небольшими, но характерными прослойками мелкого гравия и песка; третий - УШ-IX вв., когда был произведен ремонт стен: возведены кирпичные надстройки и пристройки снаружи толстого слоя пахсы.

Раскоп 5 - разрез в центре южного фаса цитадели шириной 6, длиной 26, глубиной 5,9 м. Стена двойная, возведена на стилобате из темной, очень твердой глины. Наружная стена из пахсовых блоков имеет толщину в основании 1,6 м; сохранилась на высоту до 2,9 м. Внутренняя стена отделена от первой коридором в 2,4 м шириной, со стороны цитадели она имеет у основания уступ шириной до 1,1 и высотой до 0,5 м. Над уступом стена до 2 м толщиной выложена из сырцового кирпича 56х26х8 см и 26х18х10 см. На высоте 168 см от стилобата - переход к своду.

Внешняя стена снаружи имеет ремонтную обкладку из пахсы толщиной до 1,2 м. Верхняя часть со следами нивелировки и забутовки, на которых возвышается более поздняя, также двойная стена из пахсы и сырцового кирпича 36х18х7/8/ см. Эта стена толщиной 2,2 м сохранилась на высоту 1,5 м. В верхней части ее - слой обожженной до красноты глины (20 см), а над ним - слой битых, лежащих в беспорядке кирпичей. Коридор заполнен сцементировавшимся песком и мелким галечником, под которым на полу найдены целые кувшины и фрагменты различной посуды. Внутри цитадели расчищено скопление из более 500 округлых камней-булыжников диаметром от 5 до 12 см, вероятно использовавшихся в качестве метательных снарядов. Наружный ров оказался заполненным песком и галькой, под покровом лесса смытой стены. Обкладка наружной стены начинается от слоя песка и галечника.

Таким образом, в южной стене цитадели прослежены три строительных периода. Первый из них датируется IУ-У вв. В УІ в. после ремонта она становится двойной, с оборонительным коридором

внутри, после наводнения достраивается вверх и в толщину уже в УШ в. В IX–X вв. стена теряет функциональное назначение, но слой пожара и разрушения на последнем этапе существования говорит о том, что она использовалась еще в XII в. при защите города от войск Хорезмшаха Иль-Арслана.

Раскоп 6. Заложен между отдельно стоящим зданием (храмом) и цитаделью. Длина 62, ширина 4, глубина 6 м (248 $м^2$). Проходит поперек понижения, разделяющего храмовый комплекс и цитадель. Здесь планировалось провести новый канал и потому производились раскопки с целью определения наличия каких-либо сооружений. Вскрыты мощные слои мелкого галечника, перемежающиеся линзами песка и ила. От цитадели и храма отходят борта канала из плотного материкового лесса, однородного с тем, который составляет ложе выше и ниже по течению. Среди гравия и песка – незначительное количество фрагментов хумов, крупной и мелкой посуды. Вся керамика неполивная и относится к УІ–УП вв. После наводнения канал не очищался и, как видно по разрезу, был заброшен. В УШ в. было проложено новое русло за северными стенами храма, старое заболачивается, заносится илом. Между цитаделью и зданием (уже мечетью?) строится дамба. К северо-востоку от цитадели, на берегу нового ложа канала возводятся дома, которые частично оказываются на гравийно-песчаной подушке, оставшейся от бывшего наноса. В верхнем, полуметровом слое, который вскрыт разрезом, найдено немного глазурованной керамики IX–XII вв., которая датирует заброс канала.

Раскоп 7. У южного угла восточной стены цитадели, где по микрорельефу предполагался вход. В основе пахсовая кладка толщиной более 8 м, датируемая IУ–У вв. В УІ в. стена надстраивается и утолщается снаружи еще на 8 м. В УП в. она ремонтируется сырцовым кирпичом 50х25х7 см с устройством внутристенного коридора шириной 2,5 м. В IX–X вв. коридор заполняется слоем оплыва с фрагментами кухонной керамики, а под стеной со двора цитадели накапливается хозяйственный отвал преимущественно из костей животных.

С внешней стороны стены сохранились остатки построек из пахсы и сырцового кирпича 26х28х8 см, возведенных на слое гравия и песка. Эти постройки относятся к IX–X вв., ко времени запустения крепостных сооружений.

Раскоп 8. В северной части шахристана 2, у края предполагаемого водоема (хауза). В первом ярусе вскрыта стена из сырцо-

вого кирпича 48x24x8 см, в конце второго - пол, на котором большое количество керамики, в том числе глазурованной, целый кувшин, две монеты, битые в 904 г. в Бухаре от имени Исмаила Саманида, стеклянный флакончик, обломки кирпичей 20x20x4,5 см; расчищено ташнау, оформленное хумом, закрытое плитой из сланца 60x45x4 см, с отверстием в центре. За стеной помещения к востоку, на втором же ярусе обнаружен кирпич 25x25x6/6,5/ см, возле него куски металлургического шлака, обломки стенок печи и сфероконических сосудов. С уровня пола в южной части раскопа вскрыт бадраб глубиной 5 м. Под полом, на третьем ярусе расчищена стена более раннего периода, на которой также найдена саманидская монета. В слоях вдоль стены содержались кости животных и рога оленя со следами обработки. Множество фрагментов неполивной керамики датируется УП-УШ вв. Раскоп опущен на глубину 5 м, но до материка не доведен. Найденные куски шлаков и обломки сфероконических сосудов позволяют считать помещение домом ремесленника, занимавшегося обработкой металла, а помещение ниже принадлежало ремесленнику, в котором производилась обработка кости и рога.

Раскоп 9. В 50 м к востоку от № I. Вскрыты культурные слои на глубину 5 м, давшие комплекс неполивной керамики IУ-УШ вв., идентичной найденной под фундаментом отдельно стоящего здания, которое определено как культовый комплекс. Этим же раскопом вскрыт северный берег ложа древнего Нарпая.

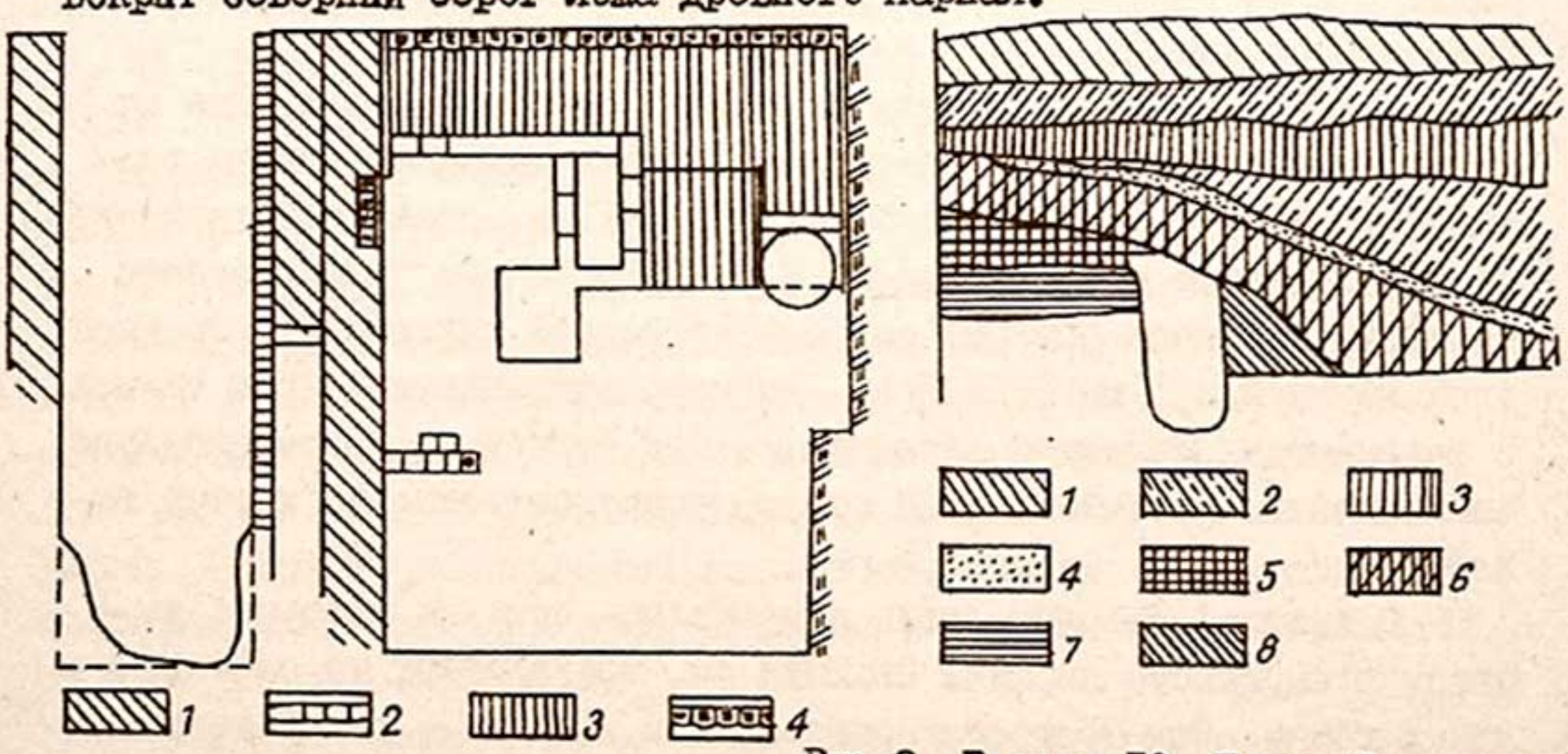


Рис.3. Раскоп I0. План: I - пахсовая стена, 2 - кирпичная стена, 3 - суфа, 4 - жженный кирпич; разрез восточной стены: I - насыпной грунт, 2 - лесс, 3 - гравий с песком, 4 - зольный слой, 5 - завал ганча, 6 - оплыв, 7 - обломки кирпича и керамики, 8 - материк.

Раскоп IO. В рабаде за новым Казахарыком, на месте находки резного штука. Культурные слои в этой части городища прорезаны проселочной дорогой, вдоль которой на протяжении I60 м выявлены и расчищены помещения жилого и хозяйственного назначения, хозяйственный дворик с колодцем и печью-тандыром. Северная граница дворика не прослеживается. Наиболее полно сохранилась комната № I, оказавшаяся парадным помещением. Три стены ее, кроме западной, пахсовые толщиной до 70 см. Под северной стеной расчищен возведенный в период ремонта фундамент из обожженного кирпича 2Ix2Ix3 см в один ряд. Вдоль этой стены проходила суфа, к которой примыкали выложенные из сырцового кирпича 40x20x8 см хранилища для продуктов. У восточного края суфы расчищена яма. Панели северной, частично восточной и западной стен были украшены резным ганчем. На западной стене открыта ниша с решеткой-панжарой из ганча; на южном участке западной стены резьба по белой штукатурке. На полу и суфе большое количество фрагментов ганчевого декора, обвалившегося с потолка, окрашенных в синий, желтый и красный цвет. Резьба по ганчу многостильная, панели с глубоким орнаментом окаймляются поясками с ажурным рельефным рисунком. Рисунки в свободной манере идут и по алебастровой штукатурке. Мотивы разнообразны: вьющиеся ветви, ажурная листва, пальметты, переплетающиеся фигуры, изображения рыбок. Наряду с ними сложный гирих, основанный на концентрических мотивах. Керамический материал на полах, размер кирпича в кладке стены и ремонтных перестройках позволяют датировать весь комплекс X-XI вв. н.э. Под полом парадного помещения оказался еще один слой толщиной 0,5 м, который дал небольшое количество керамического материала конца УШ-начала IX в. в сплошной золе, без каких-либо следов архитектурных остатков. Из находок отметим обожженные кирпичи с круглым штампом и один из панжары с квадратным. В 200 м южнее раскопа найден клад монет, так называемых черных дирхемов, в количестве 96 шт., среди которых оказался серебряный дирхем чеканки 942 г.

Все вскрытые помещения со следами пожара, который мог быть в середине XII в.: обгоревшая штукатурка, на полу - сбгорелые потолочные балки.

Раскоп II. Заложен также в южном рабаде за Казахарыком, в 300 м к западу от № IO. Здесь на западной окраине рабада, где сохранились всхолмления микрорельефа, вскрыты части жилого комплекса, включающего 3 комнаты. Выделены 2 строительных периода.

Первый из них представлен полом с тонким горелым слоем - 0,5 м толщиной, давшим небольшое количество керамики конца УШ-начала IX в. Обнаружены стены из сырцового кирпича 32x16x8 см, сохранившиеся на высоту до 2 м, комнаты оказались заполненными наслоениями также со следами пожара. К югу от этого раскопа найдены керамические материалы и скопления обожженного кирпича 32x16x8 см, датируемые XI-XII вв.

Раскоп I2: У южной окраины шахристана 2, где были найдены 44 золотых динара середины X в. Между раскопами 8 и I2 были обнаружены камни кубической формы со следами обработки. Камни из белого известняка, лежали сгруппированно и могли быть от какого-то сооружения. Раскопом I3 на этой площади вскрыты следы помещения с монетами, керамикой IУ-X вв., большим количеством обожженного кирпича 2Ix2Ix3 и 22x22x4 см; на многих из них - штамп в виде "вихревой розетки". Подобный кирпич был собран на распаханном участке около раскопа.

Кроме раскопов было произведено обследование прилегающей территории. К северу от канала Нарпай, в 300 м от отдельно стоящего здания, по словам местных жителей, был двойной холм с названием Коптепе. На месте холма найдена керамическая плакетка овальной формы с изображением человека. Ареал керамики охватывает площадь вокруг холма и к востоку от него до I0 га. В 400 м к востоку от цитадели, в бортах оврага обнаружено занесенное галькой, песком и илом ложе древнего арыка, идущего от Нарпая на городище и выходящего к южному фасу шахристана 2.

Археологические исследования Рабинджана позволили установить, что самые ранние следы жизни появились на территории цитадели, являвшейся первым укрепленным ядром. Крепость построена в античных традициях в форме квадрата, ориентированного по сторонам света, на берегу Нарпая, проходившего на этом этапе южнее современного русла.

Ширина канала достигала 60 м. На другом берегу канала возводится отдельно стоящее здание, возможно, культового назначения.

В качестве крупной военной крепости Рабинджан выступает в начале УШ в., в период борьбы с арабами. Вероятно, не случайно в его окрестностях в 722 г. был казнен возглавивший антиарабское восстание согдийский правитель Диваштич, труп которого был рас-

пят на наусе.[14]

В IX в. Согд входит в состав Саманидского государства, и Рабинджан становится значительным ремесленным и торговым центром на магистральном караванном пути, носившем на отрезке между Бухарой и Самаркандом название "царской дороги". В тот период максимально разрастаются рабады (пригороды), особенно на юге и юго-востоке города. Здесь зафиксированы остатки керамических печей цилиндрической формы, выявлены следы металлургической деятельности, стеклодувного производства. В X–XI вв. Рабинджан был известен на Востоке и как один из центров ...качества, в продукции которого славилась прекрасная ткань "рабинджани". Географ X в. Макдиси сообщает, что из Рабинджана на международный рынок вывозились "плащи из красной шерсти, коврики, металлическая посуда, кожаные изделия, крепкая конопля и сера"[15].

О большом экономическом потенциале города свидетельствуют нумизматические находки. В южном рабаде найдены два клада монет: 44 золотых динара общим весом 185 г, датируемый первой половиной X в.[16]; клад "черных дирхемов", датируемый серединой X в. Последним подтверждается сообщение ибн Хаукаля о том, что у жителей Согда в ходу исмаилитские и низкопробные дирхемы. Из бухарских монет они использовали так называемые дирхемы "Мухаммади", составленные из особого сплава[17].

Цветущее состояние города подтверждает открытие в ремесленном квартале рабада здания с парадным залом, украшенным резным

---

[14] К р а ч к о в с к а я В.А., К р а ч к о в с к и й И.Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии. К р а ч к о в с к и й И.Ю. Избр. соч. в 6-и томах. Т.I, с.132; К а д ы р о в а Т. Из истории крестьянского движения в Мавераннахре и Хорасане. – Ташкент, 1956, с.78.

[15] Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.,1936,с.202.

[16] Находка этого клада еще раз подтверждает точку зрения Г.А. Федорова-Давыдова о том, что, вероятно, неправ был Истахри, утверждавший, что золото в саманидскую эпоху в торговле не употреблялось и являлось своего рода банковским капиталом.См.: Ф е д о р о в – Д а в ы д о в Г.А. Клад золотых монет X в. из Самарканда. Историко-археологический сборник. – Л: ЛГУ, 1962, с.186–188.

[17] Абуль Касым ибн Хаукаль. Указ.соч., с.19.

ганчем с разноцветной подкраской. Мотивы орнаментов имеют аналогии с архитектурным декором в зданиях Согда, в частности Афрасиаба[18].

Цветущей и обширной была и сельскохозяйственная округа Рабинджана, развивавшаяся на базе вод канала Фей/Нарпай/. Источники отмечают в окрестностях города ряд селений; по сообщениям Ибн Хаукаля, округа Рабинджана больше, чем у Дабусии[19], считавшейся одним из крупных городов Согда. От Рабинджана прослеживается караванный путь на юг в направлении на Ингички, в 4 км от которого (в 28 км от Рабинджана) обнаружено городище Дженычкатепа площадью более 10 га, с цитаделью и шахристаном; по периметру прослеживается оплывший вал стены с характерными буграми-остатками башен. Городище расположено на базе родниковых вод. Собранная на нем керамика может быть датирована с VI по XII в. н.э. На пути из Рабинджана к городищу Дженычка - два колодца с солоноватой водой.

В настоящее время округа Рабинджана со стороны Зерабулакских гор используется под богарные посевы и выпас скота. В ряде ущелий имеются тепа-остатки поселений, несомненно входивших в округу Рабинджана.

В середине XII в. в период междуусобной войны самаркандского правителя Чагрыхана Джелалетдина сына Хасантегина с карлукскими эмирами лишившиеся своих привилегий эмиры обратились за помощью к Хорезмшаху Иль-Арслану, который, воспользовавшись этим, в 1157 г. выступил против Мавераннахра и овладел Бухарой, а в 1158 г. по пути на Самарканд осадил и разрушил Рабинджан. Взятие города сопровождалось грабежами и пожарами, прослеженными в ряде пунктов рабада.

В дальнейшем между правителем Самарканда Чагрыханом и Хорезмшахом Иль-Арсланом произошло примирение, эмиры были восстановлены в должностях, а Рабинджан остался после военного разрушения лежать в руинах.

---

[18] Ахраров И., Рempель Л. Резной штук Афрасиаба. - Ташкент, 1971.

[19] Абуль Касым ибн Хаукаль. Указ.соч., с.19.

Т.Дж.Аннаев

РАСКОПКИ НА ТАЛИТАГОРА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА И ЕГО ОКРУГИ

Несмотря на значительное число специальных работ, посвященных городищу Старого Термеза и его отдельным объектам, до сих пор остается невыясненным вопрос водоснабжения главного города и его округи. Эта территория, представляющая большую часть современного Термезского района, с северо-запада ограничена песками Каттакум, а с юго-востока Амударьей и Сурхандарьей. Она простирается на 20–25 км при ширине в средней части 10–15 км. Решение вопроса затрудняется еще тем, что на данной территории на протяжении более двух тысяч лет происходило непрерывное развитие культур, которое привело к значительным изменениям ландшафта. Впервые эту местность по условиям водоснабжения выделил Б.Н. Кастальский как особый Термезский район, основным источником водоснабжения которого считал Древнезангскую оросительную систему. По Б.Н.Кастальскому, этот канал в южных окрестностях города Джаркурган разделялся на две ветви: главная шла к Ангорскому оазису, вторая, малая - через Джаркурганский оазис и полосу песков Каттакум к древнему Термезу[1].

В 1936–1938 гг. отдельный отряд Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М.Е.Массона обследовал древние оросительные системы в пределах Термезского района по р.Сурхандарье. Но опубликованные данные противоречивы. В частности, в работе, содержащей обзор археологических исследований в 1938–1939 гг. в УзССР, М.Н.Воронец писал, что на правобережье Сурхандарьи обнаружены остатки древних головных сооружений и каналов, один из которых, начинавшийся у кишлака Салават, по-види-

---

[1] Кастальский Б.Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин. - Вестник ирригации, 1930, 2, с.64–88; 1930, 3, с.3–19; 1930, 4, с.3–21.

мому, орошал территорию Старого Термеза[2]. Д.Д.Букинич первоначально голову магистрального канала относил ближе к древнему Термезу, к месту, где отводится Термезский канал в настоящее время[3]. Позже он писал, что вряд ли удастся ответить удовлетворительно на вопрос, откуда подавалась вода для орошения древнего Термеза до XУI в.[4] Л.И.Альбаум в связи с изучением культовых комплексов Термеза считает, что основным источником водоснабжения был канал, сооруженный на валу северной стороны городища. Вода подавалась к нему при помощи чигирной системы[5]. Б.Я.Ставиский допускает оба варианта орошения[6]. На наш взгляд, при районированиях неверно определяется название местности и связанных с нею археологических памятников. Как известно, В.М.Массон в пределах Сурхан-Шерабадской долины выделил четыре крупных ирригационных района[7]. Вслед за В.М.Массоном Э.В.Ртвеладзе выделил еще два района: Верхнесурханский и Приамударьинский. Рассматриваемый регион присоединен к Приамударьинскому ирригационному району с центром городище Старого Термеза[8]. Специально исследовавший эту местность в связи с изучением кушанских сельских посе-

---

[2] Воронец М.Н. Археологические исследования 1937–1939 гг. в УзССР. – ВДИ, 1940, 3–4, с.330.

[3] Букинич Д.Д. Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района. Труды УзФАН СССР. Серия I: История, археология. – Ташкент, 1940, с.154–158.

[4] Букинич Д.Д. Каналы древнего Термеза. Труды АН УзССР. Серия I, т.2, 1945, с.191–194.

[5] Альбаум Л.И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. – Л., 1976, с.45.

[6] Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М., 1977, с.49–51.

[7] Массон В.М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии /Перспективы исследования/. В сб.: Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. – Л., 1974, с.4–5.

[8] Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. В сб.: Бактрийские древности. – Л., 1976, с.102–103.

лений, Ш.Р.Пидаев рассматриваемую территорию и прилегающие к ней поселения отнес к памятникам, расположенным на правобережье Амударьи[9]. Поэтому к Приамударьинскому ирригационному району или к числу памятников на правобережье Амударьи причислены и поселения, располагавшиеся в 25 км от реки.

Таким образом, мнения исследователей сводятся к следующему: одни считают, что Термез и его округа орошалась непосредственно из Амударьи; по предположению других, основным источником водоснабжения являлась вторая малая ветвь древнего канала Занг; третьи предпочтение отдают самостоятельному орошению с головным сооружением около поселения Талитагора.

В 1980 г. объектом исследований раннесредневекового отряда Сурхандарьинской археологической комплексной экспедиции, руководимой А.А.Аскаровым, стали поселения в округе Старого Термеза. Стационарные раскопки произведены на поселении Талитагора, в 18 км к востоку от городища Старого Термеза. Оно несколько вытянуто с северо-востока на юго-запад, имеет размеры у основания 86х87 м, высоту в отдельных местах около 11 м. По углам прослеживаются башни. В юго-западной зоне - возвышенный участок размером 15х20 м, который соответствует всхомлениям верхней части стен западного фаса. Остальная внутренняя часть поселения, за исключением залегающих оплывов стен - почти ровная площадь. По словам очевидцев, метрах в 100 к востоку от него находилось еще одно поселение меньшего размера. Оно снесено в начале 60-х гг. Подъемный материал этой части датируется кушанским временем и развитым средневековьем.

Раскопками охвачены весь юго-восточный фас поселения, частично юго-западный, где вскрывались отдельные участки, условно названные площадками. Площадка I размером 4х4 м заложена в юго-западном углу. Здесь имеются два уровня пола. Ранний (второй) пол находится на поверхности стены более раннего периода. Расстояние между первым и вторым полами (высота от 0,40 до 0,50 м) забутовано твердой землей зеленоватого цвета. Поверх по всей площадке выстланы три ряда кладки из сырцового кирпича 45х20х10 см.

9- П и д а е в Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. - Ташкент, 1978, с.27-28.

Площадка II длиной 7,00 м, шириной 0,9 – I м. Структура завалов иная, чем на площадке I: в верхней части (толщиной 0,20–0,30 м) – рыхлый слой, под ним слой земли толщиной 0,I5–0,20 м с кусками кирпича и керамики; с конца последнего слоя и до поверхности первого пола – слой мягкой земли толщиной от 0,50 до 0,80 м.

Площадка III (6,50xI,00 м). Толщина завала от 0,50 до 0,70 м, состоит из мягкой земли, перемешанной с навозом. В остальных частях включительно до юго-западного угла наблюдается аналогичная картина. Общая длина вскрытых стен юго-восточного фаса изнутри 47,00 м. Стена воздвигнута из пахсовых блоков размерами от 0,85 до I,80 м. Ее высота от поверхности второго пола I,0 м при толщине около 6,0 м (рис.I). В юго-восточном углу расчищена башня полукруглой формы диаметром 6,50 м. Поверхность башни заложена кирпичом 38–40x9–II см.

Для выяснения структуры и этапов перестроек стен последнего строительного периода произведен разрез в юго-западной части поселения глубиной до 3 м; удалось выяснить структуру последнего периода построек. Основанием для построек последнего периода служила монолитная пахсовая стена более раннего периода. Она вскрыта до глубины I,20 м. Толщина верхней части 3,30 м. Поверх этой сооружена стена из прямоугольных пахсовых блоков. Пол постройки первого этапа на глубине I,90 м от поверхности стены. Пол от стены шириной 2 м, ровный, затем постепенно понижается. Постройки второго, последнего этапа воздвигнуты из продолговатого сырца 45x20xI0 см. На этом этапе значительно повышается уровень пола. Расстояние между полами от 50 до 70 см. Ближе к стене пол до грани кирпичной кладки заполнен мусором, остальная часть под первым полом состоит из мягкой земли. Керамика обнаружена в нескольких слоях: на пахсовой стене (сл. 2), мусорном слое (сл. 4) и на поверхности первого и второго полов. Керамика из слоя 2 идентична керамике из забутованного слоя над первым полом площадки I; в свою очередь, керамика из слоя 4 и с поверхности полов тождественна керамическим группам с кладки площадки I и керамическим группам, обнаруженным на поверхности полов площадок I и II. Керамика из слоя 2: тагора конической формы, миска с полусферическим корпусом, ножка от бокала со сложной профилировкой и горловина от кувшина (рис.II, I–4). Все фрагменты изготовлены из тонкоотмученной глины, покрыты снару-

жи красным и ярко-красным ангобом. Сосуды подобных форм широко представлены во всех раннекушанских комплексах Северной Бактрии. Керамика с поверхности первого пола в основном кухонная (рис.П, 5-9): котлы с округлым корпусом и плоская крышка от котла, с процарапанным орнаментом, состоящим из ряда треугольников. В слое 4 (рис.П, I0-I6): ручка от кружки округлой формы, чаша с перегибом у венчика с полосчатым лощением изнутри; донная часть кувшинов, венчик от хума с вдавленной орнаментацией и часть курильницы конической формы. Керамика с поверхности второго пола (рис.П, I7-22): преимущественно также котлы, но изготовленные на гончарном круге (форма близка к округлой и шарообразной с выделенным венчиком), чаши с характерным перегибом у венчика и фрагмент от светильника, вылепленного от руки. Эти керамические группы можно охарактеризовать следующим образом: керамика, найденная из слоя 2, т.е. пахсовой стены, не имеет отношения к ее сооружению. Керамика с поверхности первого пола связана со вторым этапом постройки; время сооружения сырцовой кладки датирует керамика слоя 4. Керамика с поверхности второго пола датирует время функционирования пахсовой стены (слой 2), сооруженной над пахсовой стеной более раннего периода. Материала, по которому можно было бы определить время сооружения пахсовой стены первого этапа, не имеется.

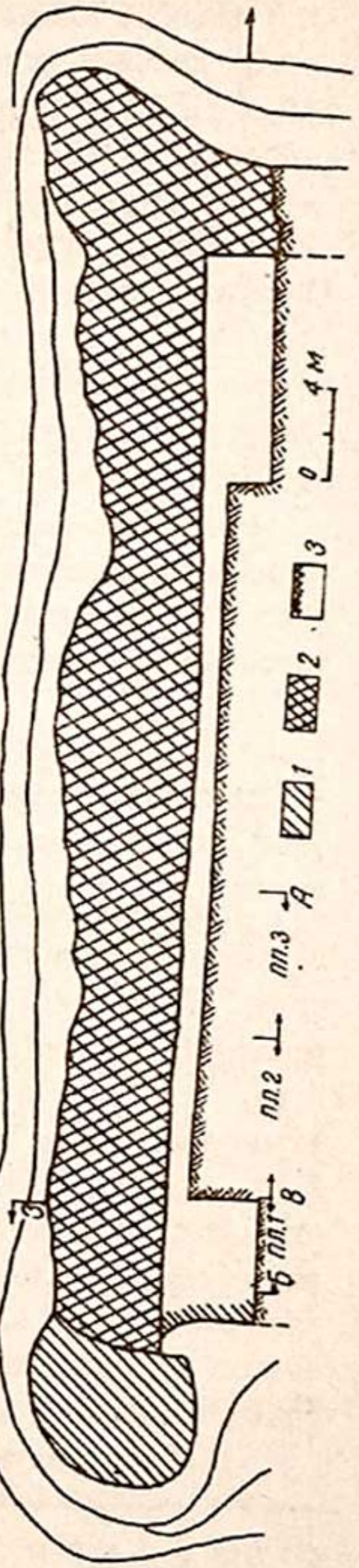


Рис.I. План раскопа: I - стена Кушанского времени, 2 - стена из пахсовых блоков, 3 - граница раскопа.

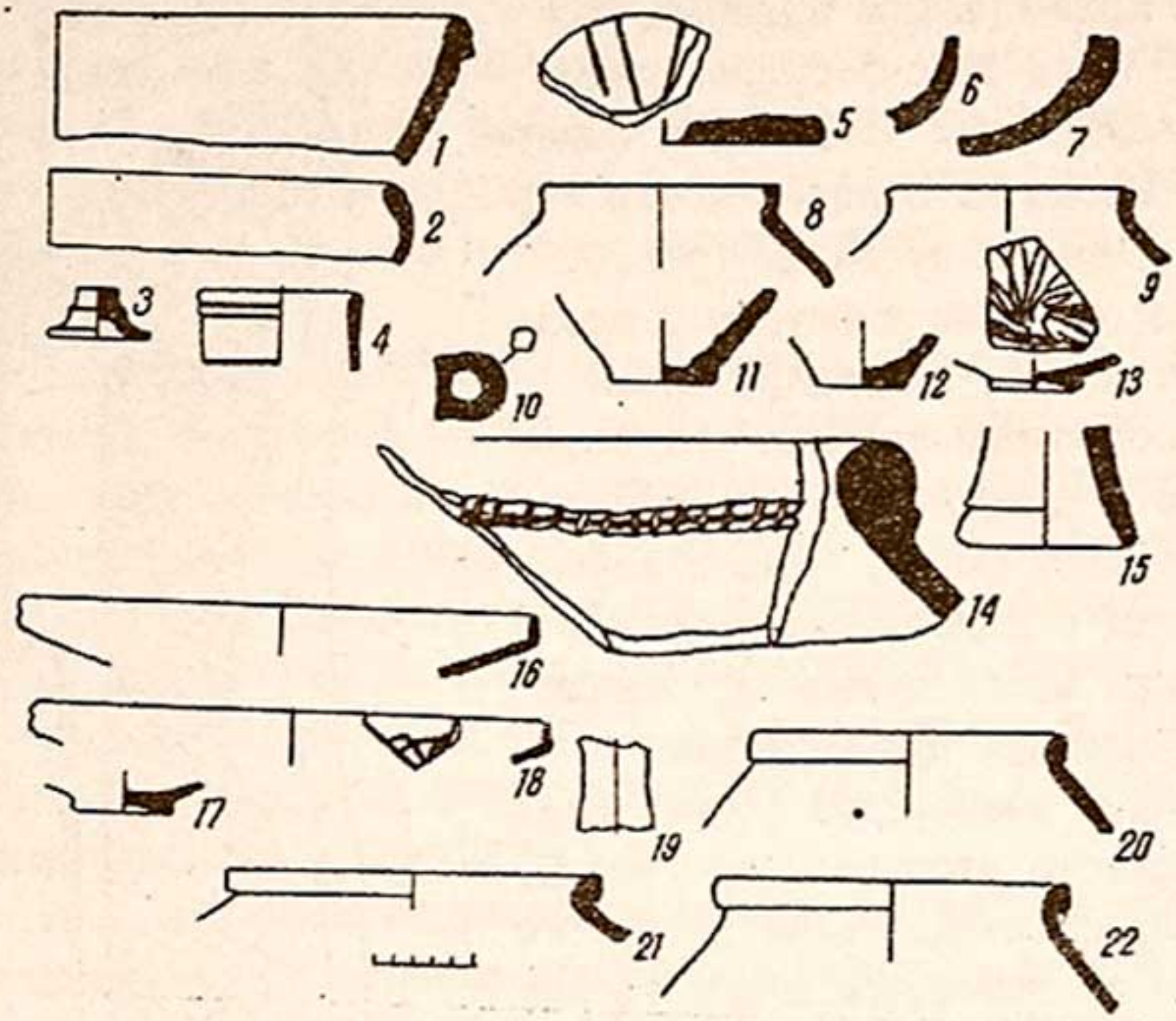


Рис.П. Керамические группы с разреза стены.

Описанные керамические группы (за исключением керамики слоя 2) находят аналогии в нескольких раннесредневековых пунктах Южного Узбекистана. Котлы округлых форм имеются в комплексе Хайрабадтепа, датированном на основе эфталитских монет У - начала УП вв.[10]; чаши с перегибом у венчика и ручка кружки округлой формы аналогичны подобным сосудам Айсарытепа, датированного Ш-У вв. н.э.[11]; крышки с процарапанным орнаментом найдены в верхних слоях Кулаглытепа (Зангтепа)[12]. Исходя из этих аналогий керамический комплекс из Талитагора предварительно можно датировать У-УI вв. н.э., соответственно керамические группы, связанные со вторым полом, отнести к более раннему времени, чем находки, связанные с первым полом.

В Кушанское время Талитагора представляла мощное сооружение,

I0 А л ь б а у м Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры Северного Тохаристана. - Ташкент, I960, с.I22, рис. 28.

II П и д а е в Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. В сб.: Древняя Бактрия. - Л.,I974,с.39,рис.6.

I2 А л ь б а у м Л.И. Раскопки на Занг-тепе. История материальной культуры Узбекистана. Вып.4. - Ташкент, I963, с.80-8I.

фланкированное угловыми башнями. Судя по материалам Хорезма[13] и Вахшской долины[14], аналогичные укрепленные пункты имелись обычно вблизи истоков каналов. О внутренней структуре Талитагора пока невозможно судить, так как не обнаружены внутренние застройки. Но обращает внимание изобилие на верхних слоях вторично использованных каменных архитектурных деталей. Вокруг поселения найдено 4 базы от колонны. Поэтому не исключено наличие монументальных зданий кушанского времени.

В посткушанское время в пределах У в. планировка его существенно меняется. По данным раскопок, которыми вскрыта значительная часть поселения, замуровываются все башни, поверху ранее существовавших стен сооружается пахсовая (южный фас) и пахсово-кирпичная (западный фас) стены; 2/3 восточной стороны оставляются незастроенными. В планировочном отношении Талитагора - скорее всего постройка айванного типа, возвышавшаяся на 10-метровом фундаменте.

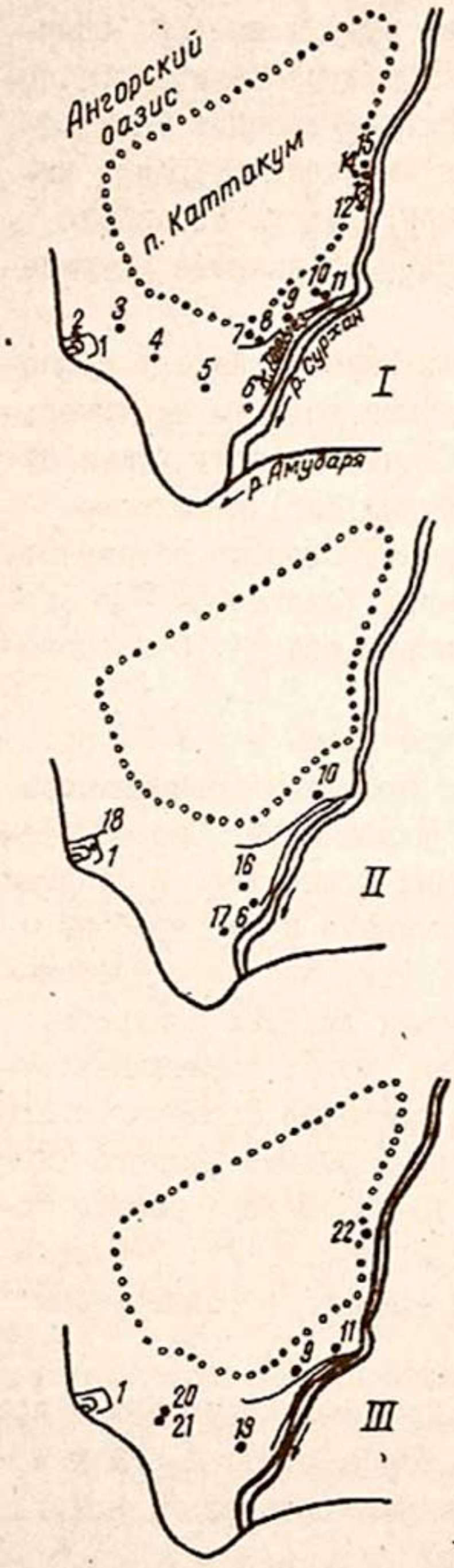
Таким образом, Талитагора в кушанское время и в У-УІ вв. н.э. (в раскопанных частях материалы более позднего времени пока не обнаружены) представляла собой мощное укрепление. Скорее всего перед нами один из типов государственных крепостей, в функции которой входили охрана ирригационных сооружений и бесперебойное снабжение водой древнего Термеза и его округи, для чего требовалась концентрация в одном месте определенных людских ресурсов.

Раскопки на Талитагора и исследования других памятников существенно уточняют вопросы водоснабжения древнего Термеза и его округи. Судя по уточненной картографии, от городища Старого Термеза до пределов Талитагора расположено 13 поселений; вокруг городища, кроме того, 3 буддийских комплекса (рис. Ш, 1). Результаты археологических исследований и другие данные за исключением

---

[13] Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до настоящего времени. - Ташкент, 1969, с.95; Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. - М., 1969, с.125.

[14] Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. Страны и народы Востока. Т.Х. - М., 1970, с.37-57.



описания поселений № 9 и № I6–22, опубликованы[I5].

Приведем некоторые сведения об остальных, еще неизвестных поселениях: № 9 - Шахригулгуля, в 2 км к востоку от Мирзакултепа /Б-82/, снесено; основной подъемный материал относится к развитому средневековью, имеется кушанская керамика и зооморфный налеп; № I6 - безымянное поселение к востоку от ж.д. вокзала г.Термеза. Сохранилось в виде округлого холма, диаметр I5–20 м, высота 3–4 м. Подъемный материал относится к раннему средневековью.

Рис.Ш. I. Поселения кушанского времени: I - городище Старого Термеза, 2 - Фаязтепа (буддийский монастырь), 3 - безымянное около Старого Термеза, 4 - Зурмала (ступа), 5 - безымянное около ж.д.вокзала, 6 - Мангузарское, 7 - Мирзакултепа, 8 - безымянное около Мирзакултепа, 9 - Шахригулгуля, I0 - Талитагора, II - безымянное около Талитагора, I2–I4 - безымянные, I5 - Ходжакамал; II. Поселения У–УШ вв.: I6 - безымянное к вос. от ж.д.вокзала, I7 - безымянное в г.Термезе, I8 - курган в Старом Термезе; Ш. Поселения IX–XШ вв.: I9 - безымянное к югу от 5, 20 - безымянное к вос.от Старого Термеза, 2I - безымянное к югу от 20, 22 - безымянное к сев.-зап. от Ходжакамар.

I5 М а с с о н М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Термезской археологической комплексной экспедиции, т.I.- Ташкент, I940, с.68; А л ь б а у м Л. И. Балалык-тепе, с.II-I2;

№ 17 - безымянное поселение, в городе Термезе, размером около 30х40 м, высотой 5-6 м. Раскопки здесь велись в конце 50- начале 60-х годов, материалы не опубликованы. Поддаются определению контуры нескольких сводчатых помещений, сооруженных из сырцового кирпича, типичного для раннего средневековья; № 18 - курган или кёшк в Старом Термезе. Возможно, он находился в окрестностях раннесредневекового Термеза. Раскопки велись в 1972 г. археологическим отрядом Сурхандарьинского областного краеведческого музея под руководством В.А.Козловского. Представляет собой двухэтажное здание 25х25 м. В центре длинный коридор, по обеим его сторонам по пять прямоугольных помещений. Центральный коридор и помещения перекрывались сводами повышенно-коробового очертания[16]; № 19 - безымянное поселение, рядом с № 16, сохранилось в виде всхолмлений. Подъемный материал относится к развитому средневековью; №№ 20-21 - безымянные поселения к востоку от городища Старого Термеза. Автором произведены частичные археологические раскопки. Датируется развитым средневековьем.

В 5-6 км выше от Талитагора еще 4 поселения: № 15 /Б-48/ - Ходжакамал[17], размером около 30х30 м и безымянные поселения №№ 12-14. Безымянные №№ 12-13 располагались в радиусе 200 м от Б-48, меньшие по размерам; оба снесены в начале 60-х годов. В 2 км южнее Б-48 на правом берегу Сурхандарьи безымянное поселение № 14 (рис.III, 1); большая часть его размыта водой, с севера перекрыта барханами. Судя по размытой части, толщина слоев около 3 м. Скопления керамики встречаются на расстоянии более 200 м. Во всех поселениях подъемный археологический материал датиру-

---

Р т в е л а д з е Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. Древняя Бактрия. - Л.,1974,с.74-86; Он же. Новые древнебактрические памятники на юге Узбекистана, с.93-102; С т а в и с к и й Б. Я. Кушанская Бактрия, с.49-51; П и д а е в Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии, с.27-28.

16 П у г а ч е н к о в а Г. А. Термез, Шахрисабз, Хива. - М., 1973, с.13.

17 Р т в е л а д з е Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников...., 1974, с.79.

ется кушанским временем. От поселения Б–48 и до предполагаемой южной ветви древнего канала Занг расположены еще три поселения: Ялпактепа /Б–45/ площадью около 2 га, безымянное /Б–46/ 100х80 м и Коришохтепа /Б–47/, сохранившаяся площадь которого 0,2 га. Здесь также обживание Б–46 и Б–47 ограничивается кушанским временем[18].

Вопрос орошения этих поселений из так называемой малой ветви канала Занг или непосредственно из р.Сурхандарьи можно выяснить в результате специальных археологических работ. Независимо от исхода этих решений предполагаем, что в кушанское время нижний пункт обжитых участков по правому берегу Сурхандарьи ограничивается безымянным поселением, расположенным в 2 км южнее Ходжакамала /Б–48/. Местность от безымянного поселения № 13 и до поселения Б–45 (за исключением одного снесенного безымянного поселения № 22 около Б–48, где был собран подъемный материал XIУ–XУI вв.) в послекушанское время не обживалась. И в кушанское время, особенно ранее и развитое средневековье, местность от городища Старого Термеза до Талитагора представляла самостоятельный ирригационный район, малозависимый от Ангоро–Джаркурганской ирригационной системы. На наш взгляд, для этой местности наиболее приемлемо название "Притермезский ирригационный район". Этому не противоречат уточненная картография всех сохранившихся поселений (приблизительно с Ш–П вв. до н.э. до начала XШ в.), а также имеющиеся письменные и другие данные. Тем более в письменных источниках есть прямое указание на то, что "город Термез расположен на берегу Джейхуна... Город имеет многочисленное население; для питья служит вода Джейхуна и реки, текущей со стороны Сагании; пашни орошаются не водой Джейхуна, а только Саганианской реки"[19]. Военные статистики XIX в. (И.В.Галкин, Пскотилло и т.д.), описавшие эту местность, подчеркивали: "Патгакессар расположен у слияния Сурхана с Амударьей, восточным концом он почти примыкает к Сурхану, орошается арыками из реки Сурхан"[20].

---

[18] Там же, с.79.

[19] Бартольд В.В. Собр.соч. в 9–и томах. Т.Ш..с.157–159; 504–509; 558–560; Послабский И.Т. О развалинах Термеза. – Среднеазиатский Вестник. 1896, XП, с.87–89.

[20] Галкин И.В. Военно–статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины. 1889 г. – Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб, 1894, с.364–366, 380.

М.Х.Исамиддинов, Т.Кучкаров, М.Х.Хасанов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ ЧАРТАКСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

В связи с сооружением Чартакского водохранилища Наманганским отрядом Института археологии АН УзССР в 1980 г. было произведено исследование зоны затопления этого водохранилища, которая находится в 3 км севернее санатория "Чартак", расположенного на террасе одноименной реки. Само водохранилище сооружается в речной долине, окруженной адырами. Оба берега сая густо обжиты, на левом расположено село Сарой, на правом село Корамурт (рис.1).

При визуальном обследовании окрестностей зоны затопления обнаружено три археологических памятника. Один из них, Корабогтепа, находится в 800-1000 м западнее плотины. Это естественный холм неправильной конфигурации в основании, в настоящее время служит кладбищем. На поверхности холма следы обживания средневекового периода. Найденный здесь керамический материал датируется X-XУ вв. н.э. Характерно наличие поливной керамики темно-голубого цвета.

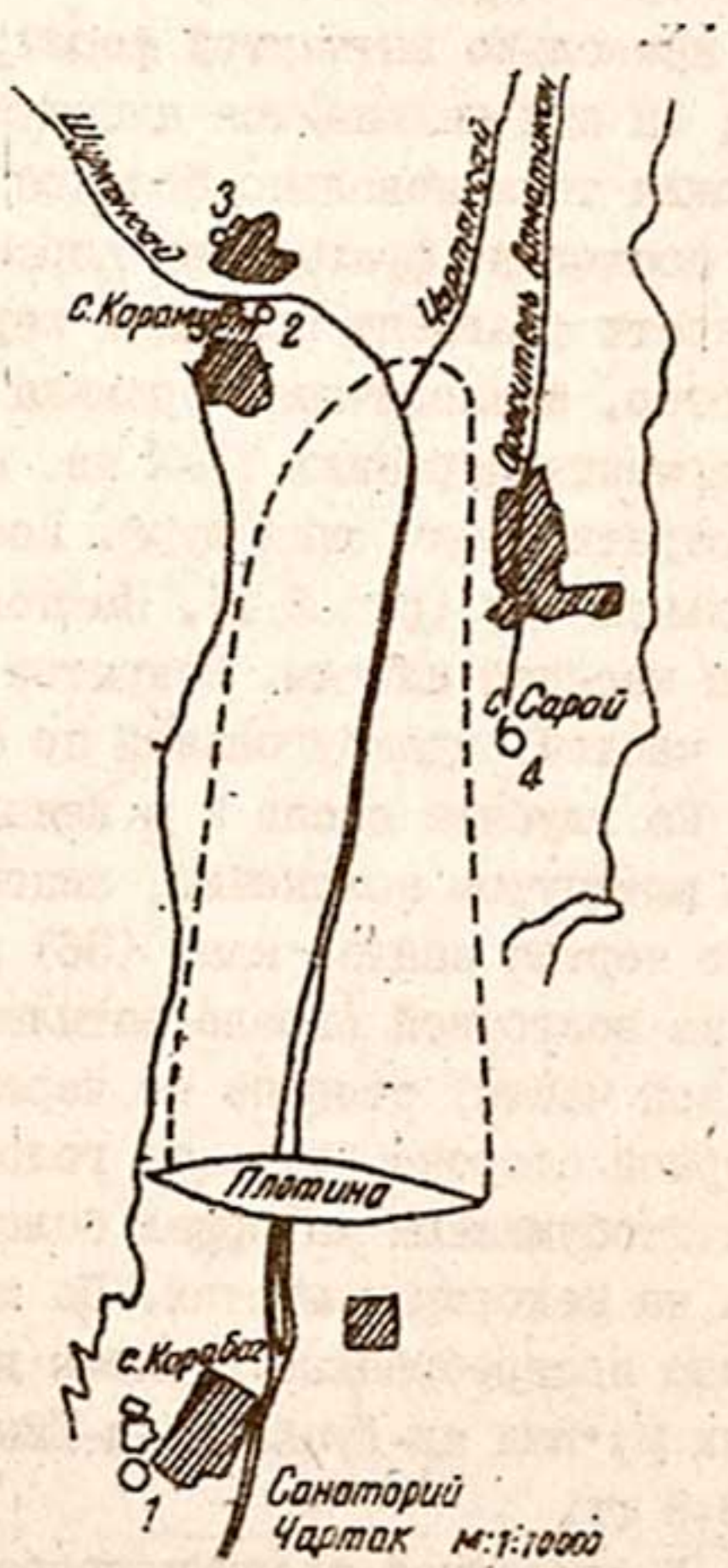


Рис.1. Схематический план зоны затопления Чартакского водохранилища: 1 - Корабогтепа, 2 - Думалоктепа, 3 - Чинормозортепа, 4 - поселение под сел.Сарой.

Второй памятник - Думалоктепа, в западной части, на месте слияния рек Чартаксая и Шуркансая, т.е. почти в центре села Корамурт; сильно разрушен, и потому невозможно представить его первоначальную планировку. Западная часть поселения снесена. Для определения былой площади поселения были тщательно обследованы окрестности памятника и собран подъемный материал в радиусе 100 м. Для изучения стратиграфии памятника был заложен шурф на поверхности холма и установлено, что поселение обживалось в основном в античном и раннесредневековом периоде. В нижних слоях в пределах указанного радиуса характерна красноангобированная керамика.

Третий памятник, Чинормозортепа, находится на противоположной стороне Думалоктепа, т.е. также на месте слияния названных рек; несколько вытянутой формы, с севера на юг длиной около 60-70 м; за ним начинается адырная зона; в юго-восточной части у подножия тепа довольно большой родник. На поверхности холма найдено несколько фрагментов керамики средневекового периода, в частности фрагмент поливной керамики темно-зеленого цвета. Как известно, аналогичная керамика датируется УШ-IX вв. н.э. Найдены и фрагменты керамики IX-X вв. н.э. На юго-западном склоне заложен стратиграфический шурф. После углубления до 2 м обнаружили могильную яму (рис.2,I). На поверхности тепа почти отсутствуют следы насыпей или ям. Вскрытое погребение состоит, видимо, из двух частей: прямоугольной по форме ямы и яйцевидного внизу подбоя. На глубине около 2 м лежал скелет взрослой женщины на спине в вытянутом положении, лицом на запад, левая рука на бедре. Около черепа найден клад (36) медных монет, лежавших в основном как на восточной (возле затылка), так и на западной (т.е. возле лицевой части) стороне от черепа. Несколько монет найдены и в северной стороне, т.е. за головой. Все монеты были завернуты в хлопчатобумажный материал белого цвета, следы материала сохранились на некоторых местах. По определению Б.Д.Кочнева, монеты - медные посеребренные дирхемы династии Караханидов, чеканенные от имени Му'изд ад-Дунйа ва-д-Дина Улуг Тогрулхана в Касане в 605/1208-9 гг.

В восточной части погребения заложен шурф длиной 4,5 м, шириной 2 м. Во всем шурфе рыхлый песчанистый слой без культурных остатков. Только в одном месте (на глубине I,5 м) встречены следы обожженной глины и фрагмент средневековой керамики. На глуби-

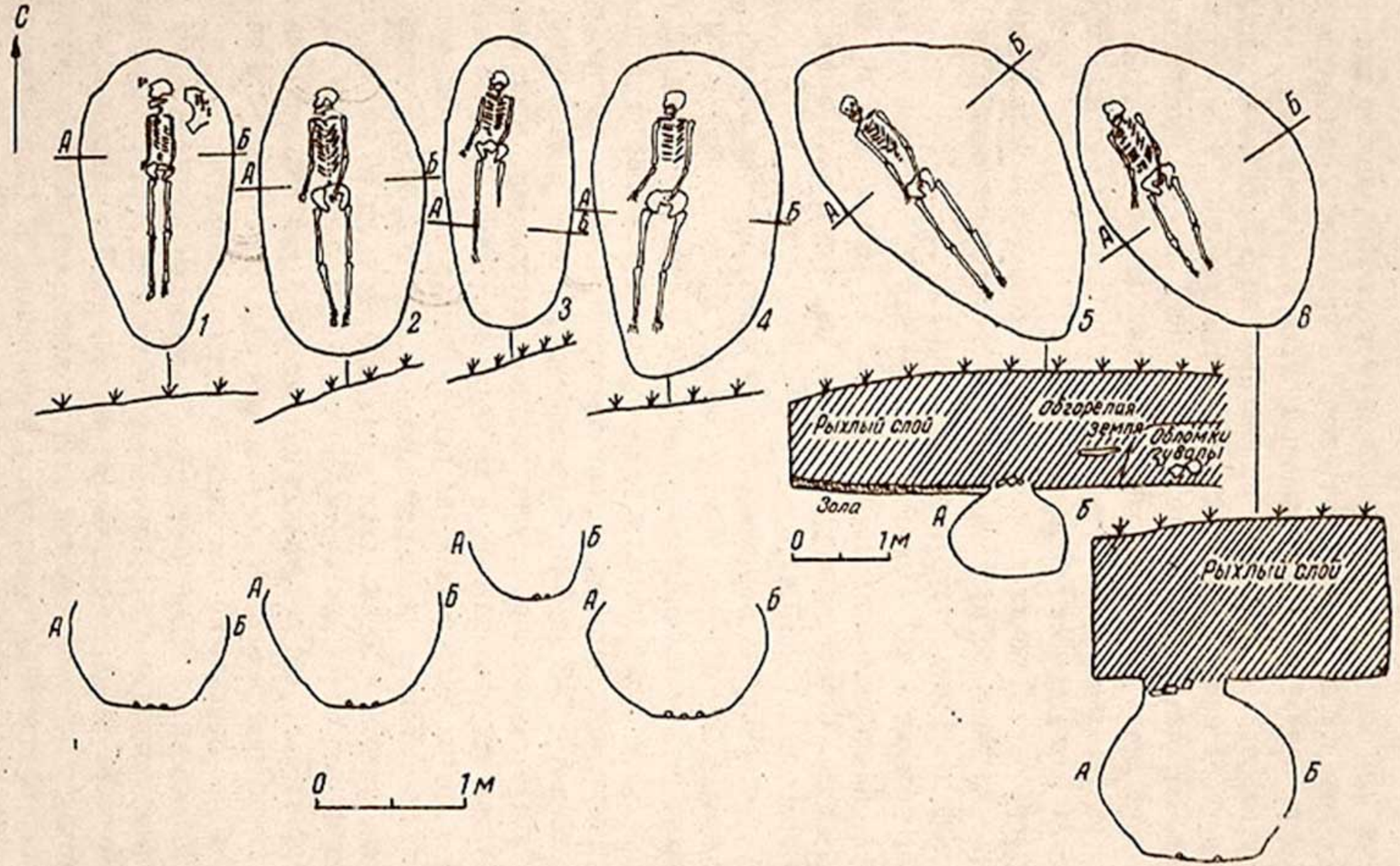


Рис.2. Планы и разрезы вскрытых погребений на могильнике Чинормозортела.

не около 2 м следы культурного слоя отсутствуют, дальше идет плотный материк из песчанистой глины. Погребение 2 находится в 2 м северо-западнее от погребения I, тоже мусульманское, со скелетом женщины, которая лежит по направлению С–Ю лицом на запад, левая рука на бедре. Погребальная камера длиной 2,09 см, шириной I,I2 см, яйцевидной формы. Глубина пола погребальной камеры I,90 см от дневной поверхности. Поскольку погребение на склоне холма, значительная часть земли с его поверхности смыта. Сопровождающий инвентарь отсутствует (рис.2,2).

Погребение 3 почти у южного склона холма, в 4 м от погребения I, тоже типичное мусульманское со скелетом женщины. Сопровождающий инвентарь отсутствует (рис.2,3).

Погребение 4 в 2 м севернее погребения 2, типичное мусульманское. Длина погребальной камеры 2,25 м, ширина I,25 м, яйцевидной формы. Скелет длиной около I,64 см, череп в не очень хорошем состоянии (рис.2,4).

Погребение 5 на восточном склоне холма, где был заложен небольшой шурф длиной около 4 м, шириной 2 м. До глубины I,5 м прослежен рыхлый песчаный слой, местами с комковатой глиной. На глубине I,5 м слой обгорелой золистой земли толщиной около I5–20 см, а под ним целиком сохранившаяся погребальная камера, ориентированная с С–З на Ю–В. Вскрытый здесь скелет длиной I,64 см (рис.2,5) отличается от других обрядом захоронения: лежит лицом вверх, ориентирован на С–Ю, а не на запад. Однако левая рука, как и в других погребениях, на бедре. Данный скелет обнаружен на большой глубине: длина погребальной камеры 2,60 см, ширина I,40 см, высота I,I5 см, вход в нее диаметром до 55 см был заложен кирпичами еще в древности. Погребальный уровень выше золистых слоев, т.е. для сооружения погребальной ямы зольный слой был снят до плотной земли, после чего она была расширена. Это погребение более позднее по сравнению с вышеописанными.

Погребение 6 в 5–6 м севернее погребения 5. Обряд почти повторяет погребение 5 ориентацией костяка на С–Ю, однако лицом искренуто на запад. В отличие от погребения 5 в разрезе шурфа отсутствует горелый золистый слой, указывающий на более раннюю дату погребения 6 по сравнению с погребением 5. Сопровождающий инвентарь отсутствует (рис.2,6).

Таким образом, во всех погребениях, кроме пятого, видим типичный мусульманский обряд захоронения. Однако в погребении I

имеется сопровождающий инвентарь в виде монет, который до настоящего времени в поздних мусульманских захоронениях не встречен.

Водохранилище в основном уже заполнено водой. Для строительства дамбы землю брали из переселенной части поселения Сарой. В результате здесь образовался довольно большой карьер глубиной более 5 м. Во всех стенах разрезов видны следы обживания, относящиеся в большинстве к средневековому периоду. Здесь было в свое время неукрепленное поселение. Особенно четко выделяется культурный слой в северо-восточной части карьера, где под развалинами старого дома над слоем гравия, выстланного для улицы, на глубине ниже 2 м, виден культурный слой толщиной I,5-2 м. Здесь в разрезе стенки целиком сохранились большие хумы высотой I,2-2 м, с несколько заостренной придонной частью. Характерная их особенность - тонкие стенки (0,8-I см). Судя по яйцевидной, но еще несколько вытянутой форме, они могли использоваться только в закопанном виде. Западнее этих хумов на протяжении 5-6 м прослеживается культурный золистый слой толщиной около I,5 м.

В юго-западной части карьера на глубине около 5 м вскрыты остатки довольно крупной керамической печи квадратной формы с прокаленными до розового цвета стенками. Вокруг найдены фрагменты керамики с красным ангобом, бытовавшей в античном периоде. Из этого же карьера собрано несколько фрагментов зернотерок, которые были широко распространены в основном в античный период.

Таким образом, зона затопления Чартакского водохранилища издревле являлась обжитым местом. Получены также некоторые материалы, указывающие на то, что этот оазис был освоен еще в эпоху античности. Об этом, в частности, свидетельствуют находки на поселении Думалоктепа и в слоях под развалинами села Сарой. Судя по наличию многочисленных фрагментов зернотерок и тонкостенной красноангобированной керамики, в эпоху античности основой хозяйства служило земледелие.

Следы жизни раннего средневековья выявлены на поселении Думалоктепа и в карьере под селением Сарой; в IX-X вв. обживаются поселения Корабогтепа, Чинормозортепа, сохраняется и поселение Сарой. В конце XII-начале XIII в. Чинормозортепа превращается в кладбище, где в результате раскопок вскрыто 6 погребений. По определению Т.К.Ходжайова, погребенные были женщинами, расовый тип смешанный, принадлежащий к южносибирскому типу.

Несмотря на малочисленность антропологического материала, он представляет научный интерес для установления антропологичес-

кого состава населения Северной Ферганы в XII–XIII вв., тем более из погребения I получен ценный датирующий материал – клад монет.

Как известно, население южной части Ферганской долины X–XIII вв. н.э. было менее подвержено монголизации (т.е. антропологический материал более европеоидный), чем население Северной Ферганы.[I]

По другим антропологическим материалам, в эпоху Караханидов наблюдается приток населения не только на север Ферганской долины, но и в районы Уструшаны, Зарафшанской долины, Ташкентской области и Хорезмский оазис. Видимо, процесс проникновения монголоидных типов населения в указанные районы произошел в одно и то же время – в эпоху Караханидов.

I Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф.дисс. ... докт.ист.н. – М., 1981, с.24.

Б.Д.Кочнев

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 6. (РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, САМАНИДЫ, КАРАХАНИДЫ)

I. По поводу раннесредневековых монет с изображением коня

Среди типового многообразия раннесредневековых монет Средней Азии выделяются три группы медных монет с изображением коня. Первая из них делится на два типа. На л.ст. монет более раннего типа (Г I4 по Б.И.Вайнберг) в ободке из точек помещено изображение крупной стоящей лошади вправо с поднятой передней ногой и свастикообразный знак над крупом; на об.ст. - хорезмийская тамга и хорезмийская же надпись вокруг нее. Следующий по времени тип (Г I5 по Б.И.Вайнберг) отличается от Г I4 наличием круговой арабской легенды на л.ст. и заменой на об.ст. тамги - суннитским символом веры, а хорезмийской легенды - арабской; сохранность обеих круговых надписей не позволила публикатору (Б.И.Вайнберг) разобрать их. По ее мнению, оба типа относятся к УШ в., причем смена первого вторым могла произойти около середины УШ в. Наличие хорезмийской тамги и легенды не оставляет сомнений в происхождении этой группы, причем "чекан с конем было бы заманчиво связать с Гурганджем"[I].

Публикатору данных монет было известно всего 3 экз. первого типа и 4 экз. второго. Нам довелось ознакомиться еще с шестью монетами второго типа. Две из них интересны уже тем, что обнаружены за пределами Хорезма, в долине Зарафшана. Одна была найдена в I972 г. во время раскопок археолога О.М.Ростовцева на цитадели городища Кулдортепе и позволила прочесть часть даты на л.ст.: 22* г.х.[2] Вторую посчастливилось подобрать в

I В а й н б е р г Б. И. Монеты древнего Хорезма.—М., I977, с.63-64,99,I72-I73 (№№ I385-I39I), табл.XXX.

2 Е р н а з а р о в а Т. С. Новые монеты Афрасиаба и его окрестностей. ИМКУ, вып.I5.—Ташкент, I979, с.II8-II9, № I88; д-2I; в-I,7.

1976 г. возле мавзолея Ишратхана в Самарканде автору этих строк[3]. Наконец, еще четыре монеты обнаружены в собрании Государственного Эрмитажа[4], куда они поступили из коллекции Е.А.Пахомова, первоначальное же их происхождение неизвестно. Наличие большого количества однотипных экземпляров (в том числе недурной сохранности) позволяет дать полное описание фельсов этого типа.

I. Хорезм, 228/842-43 г.

Об.ст., круг.лег.: ал-Амир Микал маула Тахир (?).

Л.ст. В поле конь вправо, вверху свастикообразный знак или четырехугольник из четырех колечек. Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلس بخوارزم سنة ثمان و عشرين و مائتين
Все в точечном ободке.

Об.ст. В поле: محمد رسول الله
Кругом, между двумя точечными ободками: بسم الله مما امر به الامير ميكال مولى طاهر(?)

Теперь, когда монеты типа ГI5 получили точную дату, рассмотрим их в более широком нумизматическом контексте, для чего приведем описание еще трех типов ближайших по времени хорезмских фельсов.

2. Хорезм, 224/838-39 г.[5]

Л.ст. В поле, в точечном ободке: لا اله الا الله وحده لا شريك له
Кругом, как № I, но дата иная: اربع و عشرين و مائتين

Об.ст. В поле, в точечном ободке: محمد رسول الله صلى الله عليه و سلم
Вверху трехточечный треугольничек, внизу 5 / или 7? /точек. Кругом обрезано.

---

3 Там же, с.II9, № I89; д-2I; в-I,95.

4 Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (далее ГЭ), инв. №№ I2745 - I2748; д-22; 2I; 22; 2I; в-I,7; 2,0; 2,0; I,5.

5 ГЭ, инв. № 3050. Монета опубликована / см. М а р к о в А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., I896, с.I00, № 224 /.

3. /Хорез/м, 225/839-40 г.[6]
Об.ст., поле: ал-Амир Микал.
Л.ст. В поле, как № 2.
Кругом, между двумя
линейными ободками:
... الفلس بخوارزم سنة خمس و
عشرين و مائتين

Об.ст. В поле,в точечном
ободке: محمد رسول
الله مما امر به الا
مير ميكال
Круговая легенда отсутствует.

4. Хорезм, 231/845-46г.[7]
Об.ст.,круг.лег.: ал-Амир Микал /?/...'Абдаллах.
Л.ст. В поле, как № 2,
внизу скобочка и колечко.
Кругом, как № I, но первые
два слова не сохранились,
а дата иная:
احدى و ثلثين ومائتين

Об.ст. В поле,как № I,
но вверху полукольцо
с точкой в середине,внизу
украшение. Кругом,между
внутренним точечным и внешним линейным (вариант:
точечным) ободками:
بسم الله مما امر به الامير ميكال(?)...عبد الله

Как выясняется из приведенных данных, монеты с конем и свастикой выпускались действительно в Хорезме, но не до конца УШ, а до середины IX в. Однако теперь едва ли допустимо говорить о простой смене одного типа таких монет другим. Поскольку и до выпуска фельсов 228/842-43 г. и после в Хорезме чеканились фельсы чисто "мусульманского" облика, без всяких изображений, речь скорее может идти о временном и, вероятно, непродолжитель-

---

[6] ГЭ, инв. №№ I2759, I2760 / коллекция Е.А.Пахомова /. Монеты не изданы. Хотя от наименования монетного двора сохранился только конечный "мим", мы восстанавливаем его как "Хорезм", поскольку здесь, как и на хорезмских фельсах 228/842-43 г., упомянут эмир Микал / от исторической интерпретации имен, выбитых на рассматриваемых фельсах, мы пока воздерживаемся/.

[7] ГЭ, инв. №№ I2749, I2750 / колл. Е.А.Пахомова /. Монеты не изданы.

ном возрождении старой традиции около середины IX в. Описанные монеты важны и в том отношении, что свидетельствуют о более или менее регулярном производстве в Хорезме 2-й четв. IX в. мелкой разменной монеты.

Вторая группа монет с изображением коня отличается от первой бо́льшим типовым многообразием. Изучавшая эту группу О.И. Смирнова выделяет в ней четыре типа (серии). Для первых трех характерны изображение на л.ст. идущего вправо коня и согдийская надпись. На об.ст. монет первого типа, наиболее раннего, помещен S-образный знак и другая согдийская надпись[8]. Ни одна из согдийских легенд и этого, и других типов пока не получила полного и надежного чтения. Второй тип характеризуется портретом Сасанида, по заключению М.Е.Массона, - Шапура II (3I0 - 38I)[9]. На монетах третьего типа - мужская голова анфас с тюркскими чертами лица и серьгами в ушах, обрамленная прядями волос[I0]. Сюда же О.И.Смирнова относит и экземпляры с оборотной стороной, лишенной каких бы то ни было изображений[II]. Судя по просмотренным нами экземплярам, эта сторона была гладкой изначально, т.е. монеты без изображений на об.ст. следовало бы выделить в особый, четвертый тип. Последняя описанная О.И.Смирновой серия монет с конем отнесена ею к особой группе "фельсов среднеазиатских арабских данников", но для удобства и этот тип присоединяем к рассматриваемой группе и присваиваем ему пятый номер. На монетах этого типа конь идет не вправо, а влево, согдийская легенда перед и под изображением исчезла, только над конем имеется короткая согдийская или арабская надпись. На об. ст.вокруг пустого поля с точкой посередине проходит арабская легенда - вторая часть символа веры ("Мухаммад - посланник

---

8 Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза.М.,I98I,с.26,343-344 (№№ I450-I45I),486(табл.XXXУШ,№I450).

9 Букинич Л. Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г.Карши. ИМКУ, вып.8.-Ташкент, I969, с.98.

I0 Смирнова О. И. Сводный каталог...,с.26,344-346 (№№ I452-I456),486 (табл.XXXУШ, №№ I452, I454, I455).

II Там же, с.346-347 (№№ I457-I47I),486 (табл.XXXУШ, №№I457, I458, I459, I46I, I464, I467, I468, I470).

Аллаха")[12]. Судя по всему, к этой же группе О.И.Смирнова относит фельсы с конем и свастикой[13], но это, конечно, недоразумение: как мы видели, они принадлежат к первой, хорезмской, группе, тогда как вторая имеет совершенно иное происхождение.

По поводу его О.И.Смирнова не дает окончательного заключения, хотя некоторые предварительные соображения (в весьма осторожной форме) высказывала не раз. До тех пор, пока находки монет с конем были известны только в Пенджикенте, исследовательница приписывала их "удельным правителям Согда", на основании, в частности, наличия на одном экземпляре S-видного знака, характерного для керамических изделий Согда и Усрушаны; впрочем, тут же отмечается использование этого знака в Хорезме, в том числе на монетах[14]. Когда же О.И.Смирнова ознакомилась с аналогичной монетой из Наманганской области, то предположила для данной монетной группы "связь... с Ферганой"[15]. В следующей публикации новых аргументов в пользу этой гипотезы по существу нет[16], в новейшей ее работе они сводятся примерно к следующему: I. Одна из монет первого типа (с S-образным знаком) найдена в Ферганской долине или близ нее[17]. Такой же знак встре-

---

[12] Там же, с.27,417-418 (№№1667-1670),495(табл. XУП, №№1667-1668).

[13] Там же, с.27-28, 507 (табл. IX, 5).

[14] Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. Труды ТАЭ, т.Ш (МИА СССР, № 66).-М., 1958, с.246-248.

[15] Смирнова О. И. Монетные находки на Пенджикентском городище. - АРТ, вып.IУ (Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т.XCI). 1959, с.170.

[16] Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949-1956 гг.).-М., 1963, с.44.

[17] В публикациях О.И.Смирновой этой монете особенно не везет в определении места находки и места хранения. Первоначально указывалось, что она обнаружена в верховьях Гавасая и хранится в Наманганском музее (О.И.Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, с.44,прим.132). В новейшей публикации та же монета в разных местах аттестована по-разному: в собственно каталоге (Смирнова О. И.: Сводный каталог..., с.344, № 1451) она тоже отнесена к Гавасаю (но как

чен на постелях сырцовых кирпичей из Исфаринского замка в Фергане. 3. На сосуде из того же объекта имеется штампованное изображение коня, "по рисунку" близкое к таковому же на монетах. 4. В Фергане был распространен культ коня[18].

Очевидно, ни один из трех последних "аргументов" ничего доказать не может, тем более что сама О.И.Смирнова тут же приводит примеры использования S-видного знака в самых разных районах средневековой Средней Азии (на Сырдарье, в Пенджикенте, в районе Душанбе) и почитания коня во многих среднеазиатских областях. Не может служить аргументом и "ферганская" находка, поскольку она единственная.

По-видимому, важно было бы внимательнее рассмотреть остальные находки, однако О.И.Смирнова ограничилась замечанием, что ареал их "широк - от Каршинского оазиса до Ферганы"[19]. Обращаясь к данным самого Сводного каталога[20], видим, что точно документированные находки распределяются следующим образом: Пенджикент - 16 экз., Каршинский оазис - 7, Самарканд, Фергана, район Отрара и Хорезм - по одному экземпляру. Хотя больше всего монет с конем дал Пенджикент, его следует исключить из числа возможных мест их производства: по объемам вскрытий этот город, аккумулировавший деньги из самых разных областей Средней Азии, не сопоставим ни с одним иным раннесредневековым памятником, а все монеты, определенно выпущенные в Пенджикенте, совершенно другого типа. В таком случае остается Каршинский оазис, где монеты с конем (только по известным О.И.Смирновой данным) найдены были на пяти памятниках и большей частью - в подъемном материале, без раскопок. Следовательно, уже на имевшемся в распоряжении О.И.Смирновой материале можно было прийти к выводу: наиболее вероятным местом выпуска монет с конем следует считать Каршинской оазис, Нахшеб.

хранящаяся в Ферганском музее), во введении же - к Ширинсайскому могильнику "на границе с Ферганой" (там же, с.26-27).

18 Там же, с.27.

19 Там же, с.26.

20 Там же, с.26, 343-346; 417-418.

Относительно датировки их О.И.Смирнова высказывается тоже достаточно осторожно, поскольку ни одной монеты "в сколько-нибудь прочно изолированном слое не найдено", если не считать экземпляра с портретом Шапура II (? ; тип 2), который обнаружен при раскопках кашкадарьинского городища Пишактепе в слое III-У вв. Более поздние монеты третьего типа, по мнению О.И.Смирновой, не моложе УI в., ибо каршинские памятники, где они найдены, доживают (будто бы согласно С.К.Кабанову) лишь до этого времени; такую датировку исследовательница допускает только при условии, что данные монеты "были принесены в Каршинский оазис и сосуществовали с поздненахшебскими"[21].

Ссылка на С.К.Кабанова вызывает недоумение, так как, по его же данным, некоторые из этих памятников обживались и после УI в., сами же монеты он относит к УП-УШ вв.[22] Разумеется, такая датировка, если она основана лишь на подъемном материале, представляется достаточно произвольной, но ничуть не более убедительна и датировка О.И.Смирновой.

Пишактепинскую находку публикатор ее, Л.Л.Букинич, вначале относит, как будто бы, к IУ-У вв., но из дальнейшего изложения выясняется, что она происходит из башни второго строительного периода, датируемого У-УП вв.;[23] впрочем некоторые керамические формы из соответствующих наслоений[24] должны датироваться второй половиной УП-УШ вв.[25]

Таким образом, и эта находка, если внимательней ознакомиться с сопутствующим ей материалом, оказывается не столь ранней, как представлялось О.И.Смирновой. В целом же доступные ей кашкадарьинские материалы вообще не давали оснований для сколько-

---

21 Там же, с.26-27.

22 К а б а н о в С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (Ш-УП вв.).–Ташкент, 1977, с.44-45, 57, 97.

23 Б у к и н и ч Л. Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г.Карши, с.95, 98-100.

24 Н а п р и м е р, "фрагменты широкогорлых сосудов... с выемкой на венчике для крышки, иногда с отверстиями для шнура" (там же, с.98; рис. 3, № 20).

25 Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., В о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город Средней Азии.–М., 1973, с.51-54, 55, рис.25.

нибудь надежных датировок.

Иначе обстоит дело с находками монет с конем в Пенджикенте, хотя О.И.Смирнова и уверяет, будто его "раскопщикам... зажать их стратиграфически не удалось"[26]. Это верно лишь отчасти и только на фоне последних успехов пенджикентской "археологической нумизматики", когда время выпуска некоторых монетных групп удается определить с точностью до одного-двух десятилетий[27]. Но коль скоро наибольшее количество монет с конем найдено именно в Пенджикенте и не в подъеме, а в слоях, то естественна хотя бы попытка использовать эти данные, пусть и без надежды на подобную же точность. Всего домусульманских монет с конем из Пенджикента О.И.Смирновой известно I5, из них I4 - с указанием объекта, где они найдены (объекты I, Ш, УI, УП, IX, ХШ, XIX). Насколько позволяют судить опубликованные данные, почти все (если не все) эти находки связаны с верхним слоем Пенджикента УП-УШ вв. В отдельных случаях есть возможность уточнить условия обнаружения. Например, на объекте Ш в помещении 42 в "предпольном слое" монета с конем найдена вместе с монетами Гурака, Тургара и пенджикентской; все три - не ранее I-й пол. УШ в.[28] Две монеты с конем встречены на объекте УI среди ста с лишним монет УП-УШ вв.[29] На объекте IX в помещении I8 найдено 3 монеты с конем, в помещении I6 - одна; им сопутствовало более 70 монет, из коих поддающиеся датировке не старше I-й пол.УШ в.[30]

---

26 С м и р н о в а О. И. Сводный каталог..., с.26.

27 Р а с п о п о в а В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа УП-УШ вв. КСИА, вып.I47.—М., I976, с.39-47.

28 Б о л ь ш а к о в О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта Ш. Труды ТАЭ, т.IУ (МИА СССР, № I24).—М.-Л., I964, с.94.

29 С т а в и с к и й Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект УД) в I95I-I959 гг. Там же, с.I72.

30 С м и р н о в а О. И. Монеты древнего Пенджикента, с.23-24.

По-видимому, О.И.Смирнова располагала более полными сведениями об условиях находок монет с конем, но даже на основании приведенных примеров следовало бы отнести их обращение (и выпуск) не к У-УI, а скорее к УП-УШ вв.

Перейдем к рассмотрению новых материалов, которые окончательно снимают вопрос о ферганском происхождении второй группы монет с конем и позволяют высказать некоторые соображения о ее датировке.

В ходе обследования городища Шуллюктепе, развалин средневековой столицы Нахшеба (Несефа) автором были в разное время подняты две монеты с конем: одна - третьего типа (с личиной), другая - четвертого (с гладкой об.ст.). Еще один экземпляр третьего типа обнаружен нами в 1977 г. в заполнении бадраба на городище Таллисартепе к западу от Карши. Один фельс пятого типа (с арабской легендой на об.ст.) встретился нам в 1978 г. в подъемном материале на Аулиятепе (к западу- северо-западу от Карши). Одна монета третьего типа найдена в 1981 г. при раскопках, произведенных М.Туребековым на городище Касантепе в г.Касане (к северо-западу от Карши). Наконец, в ходе тех же вскрытий встречен фельс нового, шестого типа.

5. Несеф, [1] 57 / 773-74 г.

Л.ст. В поле изображение коня влево. Вверху - неопределенный знак. Кругом, между двумя точечными ободками:

... الفلس بنسف سنة سبع و خمسين ...

Об.ст. В поле:

محمد
رسول الله

Кругом, между двумя точечными ободками, стерто, обрезано или неразборчиво.

Начало и конец легенды с выпускными сведениями не сохранились, однако дата восстанавливается без труда. Это не может быть 74/693-94 г., так как в то время арабы производили лишь отдельные набеги на Мавераннахр и не выпускали здесь монет. Первые фельсы с арабскими легендами появляются здесь в УШ в. не ранее 2-й четверти, а в основном относятся ко 2-й его половине. Именно с ними позволяют сближать публикуемую монету некоторые особенности палеографии: "ха" имеет вид пересекающей строку наискось прямой черты, "ра", конечный "нун" и завершающий элемент конечного "сина" приближаются к прямой вертикальной линии. В частности, надписи издаваемого фельса близки легендам

монет Ихрида, дихкана Кеша (не позже I34/75I-52 г.)[3I].

Таким образом, видим, что выпуск монет с конем продолжался, по крайней мере, до конца 3-й четверти УШ в. и производился не в Фергане, а в Несефе (Нахшебе). Возможно, помещенная над крупом коня на монетах пятого типа короткая надпись "согдийским или арабским письмом"[32] тоже должна читаться نسف (Несеф). Правда, на публикуемом фельсе это слово замещено вовсе нечитаемым знаком, но такую замену можно объяснить тем, что с обозначением места выпуска в круг.лег. л.ст. отпала надобность проставлять его еще раз в поле той же стороны.

Новая локализация рассматриваемой монетной группы позволяет окончательно отказаться от слишком заниженной ее даты. Пока что единственная твердая точка отсчета - фельс I57/773-74 г., к которому хронологически должны быть близки фельсы пятого типа; они, вероятно, тоже относятся ко второй половине УШ в., хотя выпущены, возможно, несколько раньше его: они меньше "арабизированы". Остальные четыре типа еще древнее, но насколько? Очевидно, нижнюю их хронологическую границу определяют так называемые "нахшебские" монеты (л.ст. - бюст государя, об.ст. - сцена сражения с чудовищем). В этой связи особенно показателен пример Еркургана, древней столицы Нахшеба, где в ходе проводившихся под руководством Р.Х.Сулейманова в I973-I98I гг. широких раскопок найдено множество "нахшебских" монет и ни одной - с конем. М.Е.Массон датирует "нахшебские" монеты Ш-IУ вв.[33], однако скорее прав С.К.Кабанов, согласно мнению которого, основная их масса приходится на У-УI вв., начало выпуска восходит к IУ или даже Ш в., обращение же, возможно, продолжалось до начала УП в.[34] Раскопки Еркургана в целом подтверждают эту датировку. Следовательно, группа монет с конем выпускалась в пределах УП-УШ вв.,

---

31 С м и р н о в а О. И. Сводный каталог..., с.4I6.

32 Там же, с.4I7-4I8.

33 М а с с о н М. Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи. В сб.: История и культура античного мира.-М., I977, с.I36-I37.

34 К а б а н о в С. К. Нахшебские монеты У-УI вв. - ВДИ, I96I, № I, с.I37-I4I; Он же. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, с.96.

причем монеты третьего типа (с личиной) обращались в УШ в.: одна из них найдена в раскопанном на Таллисартепе бадрабе, в заполнении которого не содержится материалов ранее УШ в., да и сами бадрабы, насколько известно, появляются в Средней Азии лишь в УШ–IX вв.[35] Монета того же типа с Касантепе встречена в слое УП–УШ вв., но, к сожалению, в условиях, не позволяющих уточнить дату.

Таким образом, вторая группа монет с изображением коня выпускалась в Нахшебе (Несефе) в УП - УШ вв., по-видимому непосредственно следуя за серией так называемых "нахшебских" монет.

Учитывая, что к УП в. жизнь на Еркургане практически прекратилась, а роль столицы Нахшеба в УП–УШ вв. перешла к городу, располагавшемуся на месте Шуллюктепе, к последнему, видимо, и следует приурочить производство второй группы монет с конем[36].

Наконец, в последнее время появляется возможность выделить еще одну, третью группу раннесредневековых монет с изображением коня. С точки зрения типологии и иконографии, она заметно отличается от первых двух, находки же на городище Канка позволяют локализовать ее в Чаче. Но изучение этой группы - дело будущего.

---

35 Правда, О.Г.Большаков относит самые ранние бадрабы к IX в. (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии, с.307), но на Афрасиабе раскопан бадраб УШ в. (Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии. - СА, 1971, № 2, с. 249–255).

36 Высказанными здесь частными замечаниями и соображениями по поводу небольшой группы согдийских монет мы, разумеется, не хотели ни на йоту умалить значения нового монументального труда О.И.Смирновой, создателя раннесредневековой согдийской нумизматики; думается, что к ее Сводному каталогу, где систематизирован и изучен колоссальный материал, будут обращаться целые поколения исследователей.

2. Наиболее ранний фельс Узгенда

До сих пор самыми ранними мусульманскими монетами Узгенда считались позднесаманидские фельсы, датированные 362/972-73 и 377/987-88 гг.[37] Первая из дат была предложена А.К.Марковым[38] для одного эрмитажного фельса, но не может быть принята, поскольку на самой монете[39] стоит не 362, а 372/982-83 г.; правильность нового чтения даты подкрепляется также упоминанием в легендах поля об.ст.саманидского эмира Нуха, вступившего на престол лишь в 365/976 г. Даже и с такой поправкой данный фельс остается древнейшей опубликованной монетой Узгенда. Однако в собрании Ошского областного историко-краеведческого музея /Киргизская ССР/ нам довелось ознакомиться с намного более ранним неизданным узгендским фельсом[40].

6. Узгенд, 312/924-25 г.

Л.ст.,поле: Малик; об.ст.,поле: Наср; круг. лег.: ал-Амир Наср б.Ахмад.

Л.ст. В поле: لا إله إلا الله وحده لا شريك له ملك

Кругом, между двумя линейными ободками, слитно: /так!/ بسم الله ضربهذا الفلس باوزقند سنة اثنا و عشرة و ثلثمئة

Об.ст. В поле: محمد رسول الله نصر

Кругом,между внутренним точечным и внешним линейным ободками: مما امر به الامير نصر بن احمد اعزه الله

Как явствует из приведенного описания, публикуемый фельс более чем на полвека старше изданных до сих пор монет Узгенда и на сегодняшний день представляет собой вообще древнейшую мусульманскую монету /подчеркиваем: мусульманскую, ибо нельзя исключить возможность производства в Узгенде монет в доислам-

---

37 Z a m b a u r E. Die Münzprägungen des Islams. Bd.I. Wiesbaden, 1968, S.58.

38 М а р к о в А. К. Инвентарный каталог...; с.973, № I /4-е добавл./.

39 Инв. № I877.

40 ОИКМ, КП I6I/22I.

ский период /. С внешней стороны этот безусловно редкий и пока что уникальный нумизматический памятник выполнен превосходно: хорошо выдержана форма монетного кружка, обрамлений поля и круговых легенд, надписи размещены умело, почерк уверенный и четкий. На столь же высоком уровне и грамотность монетных надписей. Несомненно, что для выпуска такой монеты требовалась немалая квалификация и солидный опыт. Очевидно, ни то, ни другое явиться само собой не могло. Значит: либо перед нами не первая продукция узгендского монетного двора, либо для изготовления матриц фельса 312/924-25 г. потребовалось привлечь иногороднего мастера /мастеров/.

В Фергане во второй половине IX-первой половине X в. регулярно чеканил собственную монету только столичный Ахсикет. Другими крупными ферганскими городами этого времени были Куба и Ош, но тогдашняя их монетная продукция не известна. Узгенд был на треть меньше Оша[41], и очень невелика вероятность организации в нем более или менее постоянного монетного двора. Скорее можно ожидать, что выпуск узгендских фельсов 312/924-25 г. для своего времени явился лишь эпизодом и был организован чужими мастерами. К тому же выводу склоняют и наблюдения над формой передачи топонима "Узгенд" на нашей монете. Хотя в большинстве случаев это имя передается как اوزكند /"Узгенд"/ или, реже, اوزجند /"Узджанд"/, здесь оно начертано как اوزقند /"Узканд"/. На монетах такая форма встречается впервые. Не будучи специалистом в данной области, для разъяснения этого феномена я обратился к алма-атинскому коллеге арабисту В.Н.Настичу. С любезного его разрешения привожу здесь заключение, за которое выражаю В.Н.Настичу искреннюю признательность: "Поскольку это древнейшее из известных упоминание Узгенда на монетах, то такую форму ему могли придать по аналогии с другими /впрочем, немногими/ топонимами, уже применявшимися тогда в арабской графике - سمرقند и др., т.е. уже с устоявшейся формой твердого ряда, невзирая на сингармонизм /возможно, здесь отражается столкновение палеографической традиции с неарабскими

---

41 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9 томах. Т.I.-М., 1963, с.213.

языковыми реалиями/. Или же это отражение чуждого литературному арабскому звука /г/, который, мне думается, уже тогда существовал в восточных диалектах, где он замещал именно ق и передавался этой буквой в интервокале и начальной позиции, а также после звонких согласных - как раз как в "Узганд"... Так что ряд Узджанд ← /Узганд/ → Узканд вполне правомерен, если эти диалектные особенности достаточно древние/ а именно так и должно быть/, и к передаче اوزكند могли прийти под влиянием персидской графической нормы, которая сложилась наверняка позднее /как раз в районе X в./, тем более что это слово, безусловно, местные жители никогда не произносили как Узкенд, а только с / г /".

Конечно, окончательно решить вопрос о том, начался ли саманидский чекан Узгенда в 312/924-25 г. или еще раньше, удастся лишь в будущем, по мере поступления нового нумизматического материала. Попытаемся, однако, понять, чем был вызван выпуск фельсов 312/924-25 г. В саманидский период чеканка монет в пределах Ферганской долины была сосредоточена преимущественно на монетных дворах Ферганы и Ахсикета; вполне вероятно, это два названия одного и того же монетного двора. Как показали фундаментальные исследования Е.А.Давидович, значительную часть их продукции составляют фельсы удельного чекана, фельсы же ферганских городов Насрабада и Кубы X в. относятся к этой категории[42]. Сюда же необходимо добавить упомянутые выше узгендские фельсы 372/982-83 и 377/987-88 гг. Стало быть, есть все основания включить в ту же группу и публикуемую монету. И действительно, на ней упомянут не только верховный саманидский государь Наср б.Ахмад / поле и круг.лег.об.ст./, но также некий Малик/поле л.ст./, которого предлагаем считать владетелем Узгенда.

Правда, слово „Малик", стоящее в той же позиции на фельсах Ахсикета 320/932 г., В.Г.Тизенгаузен истолковывал в том смысле,

---

42 Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. Письменные памятники Востока. Ежегодник.1969 г.-М., 1972, с.140.

что это вторичное упоминание эмира Насра б.Ахмада как "царя"[43]. Высказанная более столетия назад эта точка зрения едва ли может быть принята : как показывает накопившийся материал, в поле л.ст., над или под символом веры, проставляется имя наместника или владетеля города /области/. Позднее, в 330/941-42, 331/942-43, 332/943-44, 337/948-49, 339/950-51 и 342/953-54 слово "Малик" включается в круг.лег.фельсов Ферганы после наименования монетного двора; некоторые исследователи и здесь видят "царя", считая местом выпуска этих монет "Царскую Фергану" / ملک فرغانه /, однако, на наш взгляд, гораздо ближе к истине был Р.Р.Фасмер, когда по аналогии с ферганскими фельсами 358/968-69 и 367/977-78 гг., на которых после слова "Фергана" стоят личные имена правителей, пришел к заключению, что в данном случае Малик есть имя какого-нибудь эмира, наместника области[44]. Наконец, на фельсах Насрабада 335-344/946-956 гг. в круг.лег.об.ст. упоминается "эмир Малик б.С.к.р.-тегин, клиент повелителя правоверных"[45]. Все приведенные случаи упоминания Малика на монетах близки и хронологически /312-344/924-956 гг./ и географически /Узгенд, Ахсикет, Фергана, Насрабад - в пределах Ферганской долины/, а потому не покажется опрометчивым предположение, что за именем Малик во всех случаях скрывается одно и то же лицо.

---

[43] Тизенгаузен В. О саманидских монетах. ТВОИРАО, ч.I.-СПб., I855, с.I73.

[44] Фасмер Р. Р. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики. Изв. РАИМК, т.Ш.-Л., I924, с.322.

[45] Давидович Е. А. Владетели Насрабада /по нумизматическим данным/. КСИИМК, вып.6I.-М., I956, с.I07-II3; Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч.I /Саманиды, Караханиды, Джаниды/. ИМКУ, вып. I4.-Ташкент, I978, с.I2I-I23.

Как убедительно показала Е.А.Давидович, удельный чекан Ферганы и ферганских городов отражает многочисленные и многообразные случаи феодального пожалования. Думается, выводы этого исследователя мы вправе распространить на всю группу фельсов с именем Малика и проследить по монетам различные этапы его карьеры на протяжении почти трети столетия. В начале ее /не позже 312/924-25 гг./ ему был пожалован Узгенд, важный город на границе с тюрками, с которыми велась широкая торговля[46]. Пожалование предусматривало определенные права, привилегии и доходы, объем которых монетные легенды, естественно, не раскрывают. Ясно лишь, что в Узгенде Малик получил важнейшее /и весьма доходное/ право монетной чеканки, которое и реализовал выпуском фельсов 312/924-25. Не позднее 320/932 г. Малик стал владетелем столичного Ахсикета, а в 330-342/941-54 гг. (быть может, также в 343-344/954-56 гг.) распространял власть на всю Фергану. Права его на эту область были столь значительными, что в пределах ее он мог, по-видимому, выделять более мелкие уделы. и,в частности, передал Насрабад своему сыну Бакру б.Малику,сидевшему здесь не менее восьми лет; имя Бакра проставлено на насрабадских фельсах на менее почетном месте, чем имя его отца /круг.лег.об.ст./. Е.А.Давидович убедительно отождествила этого Бакра б.Малика монет с упоминаемым в письменных источниках Абу Саидом Бакром б.Маликом ал-Фергани[47]. Судя по этим сообщениям, Бакр достиг еще более высокого положения, чем его отец: в 344/954 г. он получил назначение на пост хорасанского наместника, чем, вероятно, и объясняется исчезновение его имени из надписей насрабадских фельсов 343-344/954-56 гг. Впрочем, этот пост он занимал недолго и в 345/956 г. был убит; вскоре же оказался низложен вазир[48]. Едва ли случайно, что после этой даты из монетных легенд исчезает и имя Малика: перемена правительства, по-видимому, сопровождалась перераспределением владений.

---

46 Бартольд В. В. Туркестан..., с.212-213.
47 Давидович Е. А. Владетели Насрабада, с.112.
48 Бартольд В. В. Туркестан..., с.310.

Анализируя имя отца Малика с тюркским компонентом "тегин", Е.А.Давидович справедливо заключила, что представители данной семьи-тюрки[49]. Правда, она затруднялась в чтении всего этого имени (سكر تكين), предлагая для первой его части варианты Шукр или Шукур (شكر), но склоняясь к предложению А.А.Семенова видеть здесь тюркское Сунгар (сокол, "кречет")[50]. Тюрколог Л.Ю.Тугушева отвергает последнее чтение как невозможное, предлагая взамен Сенгир ("скала")[51]. Отнюдь не считая себя специалистом в ономастике и не настаивая на окончательном решении, лишь укажем еще на два имени, которые бытовали в домонгольской Средней Азии и тоже передавались в форме سكر . Для XI в. известен приближенный хорезмшаха Алтунташа (408-423/1017-1032), фактически управлявший при его сыне Хорезмом, по имени Шакар-Хадим (или просто Шакар)[52]. Позднее у хорезмшаха Ил-Арслана (551-567/1156-1172) частью войск командовал Сакар-хан[53]).

Не пытаясь опять-таки выяснить происхождение имени Малик (ملك), отметим лишь, что оно не идентично распространенному в средние века арабскому имени Малик (مالك) и бытовало в тюрко-монгольской среде. Как мы постарались показать в другом месте, караханидский удельный правитель 'Аббас б.Мухаммад носил также немусульманское имя Малик (ملك)[54].

---

49 Давидович Е. А. Владетели Насрабада, с.110.

50 Там же, с.109, прим.1.

51 Пользуюсь случаем выразить Л.Ю.Тугушевой искреннюю признательность за консультацию.

52 Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда (1030-1041). Пер. с перс., введ.,комм. и прил. А.К.Арендса. Изд.2-е, доп.-М., 1969 (по указателю).

53 Садр-ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийа. Изд.текста, пер., введ., прим. и прил. З.М.Буниятова.-М., 1980; перевод - с.132, текст - л.83б.

54 Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч.2 (Караханиды). ИМКУ, вып.15.-Ташкент, 1979, с.121-122.

То же имя встречаем у монголов, еще вовсе не затронутых исламизацией: Маликом звали сына Уктай (Катай) - нойона (приближенного Чингиз-хана)[55], а, кроме того, седьмого сына Угедея[56] и одного из правнуков Джучи[57].

Итак, упомянутый на публикуемой монете владетель Узгенда носил тюркское или, по крайней мере, бытовавшее в среде тюрков имя Малик, тюркское же происхождение его несомненно. Издаваемый фельс фиксирует один из первых этапов его карьеры, в конце которой он в течение многих лет владел всей Ферганой, причем со столь широкими правами, что мог отдельные ее города передавать в удел. В целом как узгендский фельс 312/924-25 г., так и привлеченная в связи с его рассмотрением группа монет отражает одну из любопытных страниц истории средневековой Ферганы и позволяет дополнить характеристику института феодальных пожалований при Саманидах.

3. Самый ранний караханидский фельс Ферганы

До недавнего времени наиболее ранними монетами Ферганы считались фельсы, отнесенные М.Е.Массоном к 380/990-991 гг.[58] Однако, как мы попытались показать, они должны датироваться скорее всего 388/998 г. Таким образом, старейшими караханидскими фельсами Ферганы, известными в науке, следовало признать монеты 385/995 г.[59] Но в собрании Ферганского областного краеведческого музея нам удалось выявить более ранний караханидс-

---

55 Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих, т.I, ч.I. Критич. текст А.А.Ромаскевича, Л.А.Хетагурова, А.А.Али-заде.—М., 1965, с.399.

56 Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т.П. Пер.с перс. Ю.П.Верховского.—М., 1960, с.17.

57 Там же, с.77.

58 Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк.—Ташкент, 1953, с.113.

59 Ишанханов С., Кочнев Б. Древнейшие караханидские монеты. ИМКУ, вып.15.—Ташкент, 1979, с.145-148. Федоров М. Н. О политической истории Узгенда конца X-XI вв. (По данным караханидской нумизматики)-Изв. АН КиргССР, 1973, № 1, с.90.

кий фельс Ферганы[60].

7. [Фергана], 384/994-95 г.

Л.ст.,поле: Тонга-тегин; об.ст.,поле: ал-Хакан ал-Музаффар Ахмад б.ʿАли; круг.лег.:...Муаййид ал-ʿАдл Наср б.ʿАли Маула Амир ал-Муминин.

Л.ст. В поле двойной круг (внешний линейный,внутренний точечный) с точкой в центре, вписанный в квадрат, по сторонам которого:

لا اله الا/الله وحده/لا شريك له/

طنغا تكين

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلس بفرغانه سنة اربع وثمانين وثلثمائة

Все в двойном ободке (внешний линейный, внутренний точечный).

Об.ст. В поле:

محمد

رسول الله

الخاقان المظفر

احمد بن علی

Кругом между внутренним точечным и внешним двойным (как на л.ст.) ободками:

مما امر به ... موید العدل نصر بن علی مولی امیر المومنین

От наименования монетного двора уцелели только две последние буквы (ـه ...), но такое окончание из среднеазиатских монетных дворов имеют лишь Фергана и Усрушана. Однако второй вариант отпадает: во-первых, для слова "Усрушана" места в легенде недостаточно, во-вторых, у Караханидов был только серебряный усрушанский чекан, в-третьих, он начался значительно позднее, уже в У в.х.

Публикуемый фельс интересен во многих отношениях, хотя бы уже потому, что на сегодняшний день это наиболее ранняя медная караханидская монета, битая "в Фергане". По оформлению, содержанию и размещению надписей она в корне отличается от ферганских фельсов 385-388/995-98 гг., близких друг другу в типовом отношении. А это окончательно убеждает в том, что фельсы Ферганы, первоначально датированные 380/990-91 г., следует действительно относить к 388/998 г.: по всем признакам они примыкают к группе фельсов 385-388/995-998 гг.; трудно допустить,

---

60 Инв. № 833 / Н 7/7.

что тип монет 380/990-91 гг. вновь возродился в 385-388/995-98гг. после совершенно иного выпуска 384/994-95 гг.

Фигурирующий в круг.лег.об.ст. "клиент повелителя правоверных" Муаййид ал-ʿАдл Наср б.ʿАли в поле л.ст. упомянут вторично как Тонга - тегин. Именно он выступает в качестве владетеля Ферганы, как и в последующем обильном ферганском чекане. Однако на большинстве этих медных монет сюзерен не упомянут, на публикуемом фельсе он назван: это Ахмад б.ʿАли. Здесь имеем самое раннее упоминание Ахмада в монетных надписях[61]. Титул "ал-Хакан ал-Музаффар" ("хакан победоносный") теоретически можно относить и к нему самому, и к его отцу Арслан - хану ʿАли, который был, по мнению О.Прицака, верховным каганом, тогда как Ахмад - только его "со-каганом"[62]. Однако титул "Хакан ал-Музаффар" (поле об.ст.) фигурирует вместе с именем Ахмада б.ʿАли (круг.лег.об.ст.) на фельсах, битых в Илаке в 391/1000-01 г.[63], когда Арслан-хан ʿАли уже скончался (в начале 388/998 г.)[64]. Следовательно, и на издаваемой монете данный титул принадлежит Ахмаду (других претендентов на ханский титул тогда в Мавераннахре не было).

В этой связи следует вновь вернуться к вопросу о принадлежности титула "Кара-хакан" на илакских фельсах 387/997 г. Поскольку этот титул зафиксирован в более позднем чекане Ахмада, последнему мы его и приписали[65], тогда как Е.А.Давидович относит к Арслан-хану ʿАли, которого письменные источники знают так-

---

61 Ср. Ф е д о р о в М. Н. Политическая история Караханидов в конце X - нач. XI в. НЭ, т.X.–М., 1972, с.142 (где первое упоминание Ахмада на монетах отнесено к 387/997 г.).

62 **P r i t s a k O. Die Karachaniden - "Der Islam" Bd.30/1. Berlin, 1953, S.25-26.**

63 Ф е д о р о в М. Н. К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики). - СА, 1975, № I, с.155.

64 **P r i t s a k O. Die Karachaniden, S.25.**

65 К о ч н е в Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (По нумизматическим данным). Древняя и средневековая культура Чача.–Ташкент, 1979, с.123.

же и как Кара-хана[66]. Но коль скоро Ахмад признавался верховным сюзереном в Фергане еще в 384/994-95 гг., то более чем вероятно ожидать то же в соседнем Илаке в 387/997 г. Кроме того, здесь следует вспомнить свидетельство Хилала ас-Саби, называющего Ахмада б.ʿАли Кара-хана преемником Богра-хакана[67]. В отношении Ферганы это свидетельство вполне подтверждается нумизматическим материалом: на ферганском дирхеме 381/991-92 г. сюзереном назван Турк-хакан, т.е. Богра-хан Харун[68], на фельсе 384/994-95 г. Ахмад б.ʿАли. Судя по фельсам Илака 382/992-93г.[69], эта область тоже входила в число владений Богра-хана и, следовательно, также должна была после его смерти перейти к Ахмаду б.ʿАли.

---

66 Давидович Е. А. О монетах дихканов Илака конца X-начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н.Федоровым). В сб.: Древность и средневековье народов Средней Азии.—М.,1978, с.82.

67 Бартольд В. В. Туркестан..., с.336, прим.3.

68 Ишанханов С., Кочнев Б. Древнейшие караханидские монеты, с.142-148.

69 Давидович Е. А. О монетах дихканов..., с.85-86.

А.А.Анарбаев

О ВРЕМЕНИ ВОЗВЕДЕНИЯ Ш КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ АФРАСИАБА[I]

Вопрос о том, когда и кем была построена Ш стена Афрасиаба, имеет принципиальное значение. Возведена ли она самаркандскими правителями или вновь построена арабскими завоевателями для укрепления своих позиций? Для того чтобы выяснить этот вопрос, нужно в первую очередь проанализировать уже существующие в литературе мнения и высказывания о Ш крепостной стене Афрасиаба. Относительно времени ее возведения существуют разные мнения.

В.Л.Вяткин и А.И.Тереножкин придерживаются одной точки зрения: стена возведена после арабского нашествия[2], а по М.Е.Массону, - самими арабами[3]. Эти мнения основаны на визуальных впечатления и умозрительных заключениях.

Планомерное изучение оборонительных сооружений Самарканда началось в основном с 1959 г., когда М.Пачос произвел разрез на IУ стене; в последующие годы (1960-1965 гг.) он продолжил подобные работы на всех стенах Афрасиаба. Анализируя полученные материалы, автор пришел к выводу, что П городская стена выстроена в УI - начале УП в., внешняя возникла в УШ - первой половине IX в., а Ш - перед монгольским нашествием[4]. В результате он пришел

I Из литературы известно, что домонгольский Афрасиаб имел четыре кольца оборонительных стен. Результаты археологических работ, проводимых в последнее десятилетие, не подтверждают наличия так называемой первой крепостной стены. Поэтому сейчас можно говорить лишь о трех крепостных стенах домонгольского Самарканда.

2 В я т к и н В.Л. Афрасиаб - городище былого Самарканда. - Ташкент, 1927, с.13; Т е р е н о ж к и н А.И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. - ВДИ, 1947, № 4, с.127.

3 М а с с о н М.Е. К периодизации древней истории Самарканда. - ВДИ, 1950, № 4, с. 162.

4 П а ч о с М.К. К изучению стен городища Афрасиаб. - СА,1967, № 1, с.71.

к неправильному заключению, что городская жизнь на Афрасиабе возникла не ранее IУ в. н.э. в пределах I крепостной стены, после чего жизнь города постепенно распространяется на юг, по направлению магистрального канала[5].

Ошибочность утверждения М.Пачоса уже неоднократно была отмечена в литературе[6]. Здесь лишь укажем на невнимательное отношение к стратиграфии памятника и археологическому материалу.

В I959–I96I гг. М.Н.Федоров вел раскопки в трех пунктах Ш городской стены[7].

Первый раскоп был заложен в западной части. Здесь стена сохранилась на высоту 3,8 м при ширине 8 м. Возведена из монолитной пахсовой глины на материке. Из разреза извлечена масса керамики, среди нее фрагменты изящных тонкостенных краснолощенных кубков, более грубовато выполненных кубков, вазообразных сосудов. Только в бадрабе, прорезавшем стену, встречен материал IX – X вв.[8]

Второй раскоп был заложен к востоку от первого. В стене была обнаружена такого же облика керамика, как и на первом раскопе; вновь зафиксирован бадраб с керамикой IX,X,XI вв. С внешней стороны стена имела здесь цоколь из пахсы высотой 2 м; толщина у основания I0,5 м.

М.Н.Федоров отмечает, что как и на предыдущем раскопе стена стояла на материке, если не считать незначительного вклинивания культурного слоя из плотной золистой земли, заходящего всего

---

5 Там же, с. 7I.

6 Ш и ш к и н а Г.В. О местонахождении Мараканды. – СА, I969, № I, с.62–74; М а с с о н М.Е. По поводу далекого прошлого Самарканда. В сб.: Из истории искусства великого города. – Ташкент, I972, с.32; Б о л ь ш а к о в О.Г. Город в конце УШ – начале XШ вв. В кн.: Средневековый город Средней Азии. – Л., I973, с. 222.

7 Ш и ш к и н В.А. Кал'а и Афрасиаб. В сб.: Афрасиаб, вып. I. – Ташкент, I969, с. I42.

8 Архив Института археологии АН УзССР, оп. 394, с.I9.

на I,5 м под толщу в наружной части стены[9]. По его данным, в слое имеется лишь несколько невыразительных фрагментов, сходных с керамикой, встречавшейся в пахсе.

Третий раскоп М.Н.Федоров заложил к востоку от второго, где стена идет по краю самого большого котлована. Раскоп дал новый материал. По мнению автора, на этом участке стена была возведена из тонких (от 5 см до 20 см) слоев смоченной и утрамбованной земли с керамикой IX - XП вв. Между этими слоями зафиксированы камышовые прокладки, которые способствовали укреплению стены[I0].

В целом в результате этих работ, вопреки сложившемуся мнению, М.Н.Федоров пришел к выводу, что Ш стена оказалась памятником "многослойным". В западной части она возведена в первой половине УП в., а восточная часть - построена перед монгольским нашествием[II].

На самом деле не совсем так. Во-первых, считаем верным мнение о "многослойности" Ш крепостной стены, но возражаем против утверждения, что как единный оборонительный комплекс она возникла в конце П десятилетия XШ в., так как результаты археологических исследований, проводимых нами в I973 г., опровергают выводы М.Н.Федорова. Именно на восточном участке Ш стены были зафиксированы остатки стен двух эпох: первая, нижняя, относится к доарабскому периоду, а вторая, верхняя, датируется концом П десятилетия XШ в. (см. ниже). Кроме того, остатки ремонтных стен хорезмшахского периода имеются также на западных участках стены.

Во-вторых, если внимательно посмотреть данные М.Н.Федорова, можно заметить, что Ш стена Афрасиаба построена не во второй половине УП в., как утверждает он, а раньше. Об этом свидетельствуют вышеупомянутые фрагменты тонкостенных краснолощенных кубков и вазообразных сосудов, извлеченных из раскопов самим М.Н.Федоровым.

По мнению Л.И.Альбаума, Ш стена возведена в УП в., когда новые правители Самарканда строили свою резиденцию и дворцы за пределами второй городской стены[I2]. Тем самым сооружение Ш кре-

---

9 Там же, с. I3.
I0 Там же, с. I6.
II Там же, с. I9.
I2 А л ь б а у м Л.И. Живопись Афрасиаба. - Ташкент, I975, с. 9-I0.

постной стены Афрасиаба он связывает с расширением города на юг. Продолжая описание III стены, автор делает неудачный вывод: "Эта "третья" стена замкнута кольцом - ее продолжение имеется и с северной стороны, где она не смыкается со второй стеной, а идет параллельно ей, так что получается большая площадь, замкнутая со всех сторон крепостными стенами".[13]

В целом, никто из вышеупомянутых исследователей не датировал III стену Афрасиаба раньше УП в. н.э.

В 1973 г. для изучения III крепостной стены и одного из самых больших хаузов в центре города нами был заложен стратиграфический раскоп 24х2 м в направлении север-юг. Раскоп прорезал III крепостную стену и береговые склоны хауза; разбит на квадраты (2 х 2 м). По всей площади, кроме последних трех квадратов (10 - 12), удалось дойти до материка. В результате выяснилось, что стена возведена над культурными слоями. Они резко отличались по плотности и цвету. Первый, толщиной 25-30 см, лежит над лессовым материком (рис.), зольного цвета с примесью угля. Найдено несколько фрагментов стенок от толстостенных керамических сосудов. Второй слой - плотный грунт. В нем обнаружены две ножки от вазообразных сосудов с красным ангобом (рис.,а,б) и несколько фрагментов от стенок толстостенных сосудов. Третий слой твердый, слоистый. Здесь были найдены три фрагмента массивных вазообразных сосудов или просто вазы со следами красного ангоба. Один из них сохранился относительно хорошо (рис.,в).

Аналогичные сосуды из других раскопов Афрасиаба С.К.Кабановым датируются III-IУ вв. н.э.[14] Н.Б.Немцева такую же вазу датирует IУ-У вв.[15] Можно верхнюю границу определить точнее, в Пенджикенте нет ваз, а на Афрасиабе в слоях периода Афрасиаб У

---

[13] Там же, с.10. Отметим, что в действительности III стена не замкнута кольцом, т.е. ее продолжение прослежено на западе и востоке, где она смыкается со II стеной.

[14] К а б а н о в С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. В сб.: Афрасиаб, вып.II. - Ташкент, 1973, с.70, рис.15. 4, 18-20.

[15] Н е м ц е в а Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. В сб.: Афрасиаб, вып.I. - Ташкент, 1969, с.171, рис.7. 1-3.

Разрез III крепостной стены и береговых склонов хауза; а,б,в, - керамика из нижних слоев стратиграфического раскопа.

они есть, т.е. IУ – первая половина У в. Над этими культурными слоями возведена Ш крепостная стена из монолитной пахсы (рис., I,II). Она сохранилась у основания на ширину 8,5 м, высоту I,45–I,5 м. В конце существования оборонительных сооружений остатки первоначальной стены служили платформой для последней стены. Стена была почти полностью перестроена. Она сохранилась на высоту 2,5 м при ширине в основании 6, а по верху I,5 м (рис.,Ш, IУ). Внутри стены имеются мусорные слои из битого жженого кирпича и фрагменты различной керамики, в основном глазурованной IX–XII вв., в том числе фрагмент глазурованной посуды с многоцветными пятнистыми рисунками.[I6] и два небольших фрагмента фаянсовых сосудов с голубой прозрачной глазурью.

Судя по стратиграфии и находкам, нам кажется, что возведение Ш крепостной стены можно датировать, примерно второй половиной У или началом УI в.[I7] Видимо, очень длительное время (после арабского завоевания) стена лежала в развалинах. Только в последнем периоде существования города произведен капитальный ремонт – перестройка. К югу от стены дневная поверхность раскопа имеет большой склон к югу, в разрезе общий перепад 8 м. Поэтому дальше за стеной, к впадине, вскрытие продолжалось ступеньками с углублением на отдельных участках от 0,5–0,8 до 8 м. В разрезе видно, что, начиная с пятого квадрата, исчезают культурные слои, лежавшие под стеной на материковой породе, и прослеживается резкое падение материка к югу. Почти до начала I0-го квадрата на материке лежит завал (в пятом квадрате мощностью 0,5–0,6 м, в десятом – I,0–I,2 м). В середине I0-го квадрата поверхность материка резко снижается на I м. Здесь удалось выявить в разрезе профиль берегового склона позднего хауза. В I0- и II-м квадратах на глубине 2,5 и 2,6 м зафиксированы илистые отложения толщиной I,80 м. Поверхность этих отложений, начиная с середины II-го квадрата, слегка снижается к югу, а в середине I2-го резко снижается на I,2–I,3 м. В II-м квадрате раскоп был углублен до 5,5, в I2-м – до 8 м; в результате зафиксировано несколько слоев водных илистых отложений. Над этими водны-

---

I6 Ш и ш к и н а Г.В. Глазурованная керамика Согда. – Ташкент, I979, с.53, табл.I I,4.

I7 А н а р б а е в А. Благоустройство средневекового города Средней Азии /У – начало XIII вв./. – Ташкент, I98I, с.76.

ми отложениями I0,- II- и I2-го квадратов мусорная "свалка" из обломков кирпичей и шлака (оплавленный лесс) с углями, в которой, кроме двух-трех мелких фрагментов глазурованной керамики, ничего не найдено. Нам представляется, что хауз существовал почти до конца жизни города. Вышеупомянутая свалка, по-видимому, образовалась перед монгольским нашествием во время обновления крепостной стены. Над свалкой, в разрезе, отмечен мощный пахсовый завал, упавший со стены, который состоит в основном из больших кусков пахсы, свидетельствующих о том, что стена была разрушена не постепенно, а сразу. Это подтверждается письменными источниками, сообщающими, что во время осады города, монголы разрушили оборонительные сооружения.[18]

Итак, в результате проведенных работ пришли к выводу, что III крепостная стена в дошедшем до нас виде - оборонительное сооружение, имеющее следы многочисленных ремонтных работ и пристроек, произведенных в разное время, причем сразу рассмотреть первоначальную кладку очень трудно. Поэтому некоторые исследователи допускали серьезную ошибку.

Третья стена возведена над культурными слоями не позднее второй половины У в. или в самом начале УI в. н.э. Об этом свидетельствуют керамические материалы, извлеченные из культурных слоев, зафиксированных под стеной нашего раскопа и второго раскопа М.Н.Федорова, а также фрагменты кубков и вазообразных сосудов из монолитной пахсовой глины самой стены (первый раскоп Федорова). Культурные слои сохранились не везде одинаково, местами окончательно уничтожены во время строительства стены. Стена в древности напоминала в сечении трапецию (максимальная ширина в основании до I0 м) и, сужаясь кверху, имела большую прочность. В ней отсутствует внутристенный коридор, и, видимо, стрельба велась только из-за парапета на ее гребне.

С наружной стороны стены прослеживается ров, который около нашего раскопа соединяется с хаузом, образуя вместе со всем единую оборонительную систему.

В заключение отметим, что в раннесредневековый период в Согде идет интенсивное развитие городской жизни, появляются но-

---

[18] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения в 9-и томах. Т.I. - М., I963, с.480.

вые города типа Пенджикента. В это время Самарканд, как столичный город, особо выделяется среди согдийских владений. С развитием феодальных отношений возросло его значение на международных торговых путях. Все это привело к его экономическому и культурному процветанию. Результаты археологических исследований последних лет показывают, что начиная с У в. н.э. к югу от цитадели сосредотачиваются жилища знатных горожан согдийского общества.[19] Именно в это время, где-то в конце IУ или начале У в., город был обнесен так называемой второй крепостной стеной, чуть позже, не позднее второй половины У в., с появлением отдельных монументальных построек за пределами II стены,[20] возведена III стена Афрасиаба.[21] Аналогичный процесс прослеживается на городище Пенджикент. В У в. н.э. город был обнесен крепостной стеной в виде квадрата, не позднее конца У в. - внешней (второй) более обширной стеной [22] и был еще мало застроен. Обе стены Афрасиаба возведены согдийскими правителями и знатными горожанами для укрепления своих позиций.

В период арабского завоевания уровень городской жизни сначала ухудшился. В последней четверти УШ в. вся Средняя Азия вошла в состав арабского халифата, начал складываться новый крупный феодальный город, а его положение по сравнению с предыдущим периодом заметно изменилось. В последующие годы Самарканд оставался одним из самых крупных городов Средней Азии, а во второй половине XI в. становится столицей Караханидского государства. Что касается III крепостной стены Афрасиаба, то она постепенно теряла оборонительное значение и только в конце II десятилетия XIII в., как и остальные стены Афрасиаба, капитально ремонтируется, т.е. возводится почти заново.

19 Сосредоточение монументальных построек на определенном участке города прослеживается на примере древнего Пенджикента.

20 Об этом свидетельствуют остатки богатого жилища, зафиксированные под так называемым "дворцом правителей самаркандских ихшидов".

21 Отметим, что в это время не теряла значения внешняя стена Афрасиаба. По всей вероятности, жилища рядовых горожан в основном находились за пределами III стены.

22 Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.Н. Социальная структура населения древнего Пенджикента. В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. - М., 1979, с.25.

З.И.Усманова

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ АХСИКЕТА

В 1980-1981 гг. кафедра археологии Средней Азии истфака ТашГУ им.В.И.Ленина принимала участие в раскопочных работах Института археологии АН УзССР на городище Ахсикет[1]. Одним из объектов был раскоп на цитадели, где работы ведутся под руководством начальника Ахсикетского археологического отряда И.Ахрарова. Здесь был вскрыт комплекс помещений, вытянутых по одной линии с запада на восток вдоль северной крепостной стены арка.

Стратиграфически установлено, что вскрытые помещения функционировали на одном из последних этапов жизни цитадели XII - начала XIII вв., когда Фергана прочно входит во владения восточных Караханидов[2]. В 1212 г. Южная Фергана подчинилась хорезмшаху Мухаммеду, а Ахсикет и Касан вместе с северной частью страны были отданы вскоре Кучлуку, а в 1218 г. подчинены монголам[3]. Видимо, в это время Ахсикет теряет функции города и постепенно погибает.

---

1 Историко-археологическое изучение Ахсикета см.: А х р а р о в И: Археологические исследования городища Ахсикет в 1960 г. - ОНУ, 1962, № 8, с.53-58; Ч у л а н о в Д.Г. Городище Ахсикет. - СА, 1963, № 3, с.197-205; С м и р н о в А. Керамика Ахсикета. - Декоративное искусство СССР, 1960, № 1; В о р о н и н а В.Л. Бронза Ахсикета из коллекций А.И.Смирнова. - В сб.: Средняя Азия в древности и в средневековье. - М., 1977, с.135-137.

2 Б а р т о л ь д В.В. Фергана. Сочинения в 9-и томах. Т.III. - М., 1965, с.530-538.

3 Б а р т о л ь д В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.I. - М., 1963, с.431-434.

При вскрытии помещений найдены суфы, хумы, хозяйственные ямы, ташнау, в большом количестве булыжники-ядра, железные наконечники стрел, медные предметы, а на полу возле очагов скопление фрагментов керамической посуды: глазурованных чаш и блюд, неглазурованных кувшинов и горшков серого цвета с процарапанным и штампованным орнаментом /XI-XII вв./, фрагментов стеклянных изделий[4], а также небольшое количество расписной посуды. Остановимся более подробно на характеристике последней, так как в Средней Азии домонгольского периода в разных районах встречается расписная керамика, но в каждом регионе она своеобразна при наличии общих черт, присущих для этой категории памятников[5]. В самой только Ферганской долине выделен ряд районов, где средневековая расписная керамика имеет особенности как по способу изготовления, так и по характеру украшения[6]. Ю.А.Заднепровский в одной из своих работ специально рассматривает комплекс расписной керамики из Узгендского оазиса в Восточной Фергане, добытый в слоях XI-XII вв. в свое время А.Н.Бернштамом, Н.Н.Забелиной и им самим[7]. Различия и особенности расписной посуды с поселений Узгендского оазиса Ю.А.Заднепровский объясняет не хронологическими различиями, а существованием здесь нескольких центров домашнего гончарства,продукция которых распространялась в районе радиусом 8-10 км; центром же ремесленного (товарного) гончарного производства оставался Узгенд[8].

---

[4] П а п а х р и с т у О., А х р а р о в И. Стекло из раскопа в арке домонгольского городища Ахсикент.-ИМКУ, вып.16. -- Ташкент, 1981, с.88-95.

[5] В я т к и н В.Л. Афрасиаб-городище былого Самарканда. - Ташкент, 1928, с.38-40; Т е р е н о ж к и н А.И. Литература по археологии в Узбекистане. - ВДИ,1939, №1, с.190; Б е р н ш т а м А.Н. К пересмотру формально-типологических схем. - КСИИМК, вып.29, 1949, с.19.

[6] Б а р у з д и н Ю.Д., Б р ы к и н а Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйлака. - Фрунзе,1962,с.114; З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. ТИИ АН КиргССР, вып.У. - Фрунзе, 1959, с.158,160.

[7] Б е р н ш т а м А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.МИА,26,1952,с.258-261;З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954г.Труды КАЭЭ, т.IУ. - Фрунзе, 1960, с.226.

[8] З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы. КСИА, вып.120. - М., 1969, с.39-45.

Наши сборы в целом дополняют имеющуюся коллекцию средневековой расписной керамики Ферганы, из которой выпадал район Ахсикета. Найденные на полу и в заполнениях помещений целые экземпляры и фрагменты расписной посуды представлены в основном кувшинами, широкогорлыми приземистыми горшками и кружками; большинство изготовлено вручную. Черепок жаростойкий, с примесью песка и бе́лых вкраплений. Кувшины с красным и светлым ангобом и лощением, поверх которого роспись, а горшки и кружки, как правило, с кремовым и розоватым ангобом без лощения (преобладают светлые тона).

Орнаментация наносилась темно-красной, коричневой и черной красками с заполнением всей внешней поверхности сосудов. Элементы геометрического орнамента повторяются на каждом сосуде: косая сетка, контурные очертания треугольников, вписанных один в другой, зигзаги, полудужки. Для полного представления о характере орнаментации приводим краткое описание некоторых из них.

Целый кувшин с выпуклым приземистым туловом без поддона с высокой узкой горловиной и одной круглой ручкой (вкладка с.75-76, рис. 4;5). Высота кувшина 22 см, диаметр донца 8,5 см, высота горловины равна высоте тулова. Вся поверхность расписана темно-красным густым ангобом по светлому фону. Четко выделяются две орнаментальные полосы, расположенные по горловине и тулову. Высокая узкая горловина разделена на 4 вертикальные полосы, в которых размещен повторяющийся треугольный орнамент, полученный с помощью зигзагообразных линий. Ниже горловины по плечикам нанесена полоса по кругу со свисающими полудужками, а по тулову широкая орнаментальная полоса из спаренных треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны, от которых отходят в разные стороны по два мазка. Контуры треугольников плавно вогнуты и в полукруглое пространство между ними по верхнему ряду вписаны кресты, а по нижнему свастика-символ движения. Залитые полностью краской треугольники с мазками у вершин напоминают силуэтные символические изображения животных в виде быков. Ниже идет полоса по кругу с полукругами. На единственной уплощенной ручке нанесены наискосок прямые полосы на равном расстоянии друг от друга сначала в одну сторону, затем в другую, образуя сетчатый орнамент. Условно-стилизованное изображение ушастого животного с треугольным телом в сочетании с символом бесконечного движения,

а также разновидности изображения мотива "букрани" являются отражением пережиточных форм древних религиозных представлений. Изображение аналогичных животных было встречено на расписной керамике из Кашкадарьи, где зооморфные мотивы представлены гораздо шире[9].

От второго кувшина сохранилась горловина и плечики. Сосуд был покрыт светло-желтым ангобом с лощением, орнамент нанесен темно-коричневой краской. По горловине идет полоса контурных треугольников, вписанных один в другой и с закрашенным последним треугольником внутри. Над вершиной каждого треугольника стилизованное изображение головы рогатого животного (быка, барана), выполненное двойным контуром. Под горловиной при переходе к плечикам кувшина проходит тройная линия зигзага, образующего треугольники, между которыми заштрихованный угольник и полоса с двумя или тремя точками. Создается впечатление звездчатого орнамента. Ниже полоса из четырех параллельных линий по кругу, к которой снизу примыкает скобчатый орнамент.

Вторую группу представляют однотипные мелкие горшкообразные сосуды с широким устьем диаметром 9–10 см и двумя ручками (см. вкладку , рис. 4; I–4). Вся внешняя поверхность покрывалась росписью темно-коричневой, коричневой и черной красками, фон светлый. Контрастом светлого фона и темного узора достигался художественный эффект при монохромной росписи[10]. Среди находок расписной посуды преобладают фрагменты данного типа. По невысокой горловине расположен сетчатый орнамент, полученный пересечением зигзагообразных линий с дополнительной разрисовкой, по тулову сосуда – орнамент из контурных треугольников с заполнением пространства как внутри треугольников, так и между ними, линиями, пересекающимися под углом, создавая картину вписанных

---

9 Усманова З. И., Древсвянская Г. Я. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи. Научные труды ТашГУ: Материалы по истории и археологии Средней Азии, вып.473. – Ташкент, 1974, с.26.

10 Задненепровский Ю. А. Средневековая расписная керамика Ферганы, с.39.

Q.C.L. N.Ver

треугольников один в другой. Вдоль венчика по внутренней стороне идут параллельные мазки той же окраски. Орнамент выполнен темно-красным ангобом. Другие фрагменты этого же типа содержат в орнаментации те же элементы геометрического узора, только в других сочетаниях.

Очень близка сосудам этой группы расписная посуда Кашкадарьи с памятников в зоне Чимкурганского водохранилища, где горшковидные формы чаще всего без ручек, с округловыпуклыми плечиками, переходящими плавно в коническое тулово (в литературе именуются крынками). В орнаментации прямые параллели-зигзаги, треугольники, косая решетка. Фон всегда светлый, роспись контурная, выполненная красно-коричневой краской[11].

У очага в помещении № 4 найден фрагмент кружки с широким устьем, горловина плавно переходит в округлое тулово на плоском донце (см.. вкладку , рис..4, 2). Венчик чуть оттянут наружу. Одна петлевидная уплощенная ручка одним концом приделана к горловине, другим - к плечику сосуда. Черепок жаростойкий, с примесью песка. Внешняя поверхность кремового цвета и орнаментирована контурным рисунком, выполненным густым красным ангобом. Горловина декорирована поясом косых отрезков в виде ёлочного орнамента. Ручка украшена горизонтальными полосами. Место перехода от горловины к тулову подчеркнуто полосой, ниже которой по стенкам сосуда расположен орнамент в виде вписанных один в другой равнобедренных треугольников. Вдоль венчика по внутренней стороне нанесены вертикальные полосы той же краской.

Анализируя расписную керамику из раскопа на цитадели домонгольского Ахсикета, отметим, что для нее геометрические мотивы орнаментации ведущие, и истоки ее надо искать в керамике чустского и актамо-эйлатанского времени в самой Фергане[12]. По технике изготовления средневековые расписные сосуды аналогичны керамике эпохи бронзы и раннего железа: посуда изготавливалась ручной леп-

---

[11] Усманова З. И., Кабанов С. К. К стратиграфии верхних /УШ-ХШ вв./ наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища. ИМКУ, вып.12.-Ташкент, 1975, с.119, рис.2 и 9.

[12] Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118. - М.-Л., 1962, с.110.

кой, в тесто в качестве отощителей добавлялся песок, гипс, шамот; посуда покрывалась облицовкой красного, желтого, оранжево-красного, буро-красного цвета, а также светлым ангобом. Роспись производилась по светлому ангобу и по красному с лощением[13].

В Средней Азии известны пункты, где встречена расписная керамика развитого средневековья (Самарканд, Кульдортепа, Кашкадарья, долина Таласа), но более близкие параллели прослеживаются с Кашкадарьей и Киргизией[14]. Удивительно, что в самой Ферганской долине мотивы орнаментации расписной керамики из Таджикистана больше растительного характера[15]. В керамике Узгендского района при наличии геометрических узоров преобладают растительные мотивы, корнями уходящие в шурабашадское время[16].

До сих пор остается открытым вопрос о причинах возрождения в Средней Азии в развитом средневековье древней традиции изготовления расписной посуды. Одни исследователи объясняют эту проблему "массовым притоком сельского населения в города", другие связывают с влиянием тюркского кочевого населения[17]. Однако воп-

---

[13] З а д н е п р о в с к и й Ю. А. Дальверзинское селище. КСИА, вып.69, 1957, с.50-56.

[14] С т а в и с к и й Б. Я. Раскопки городища Кульдор-тепе в 1955-56 гг. Сообщения Гос.Эрмитажа. Т.XIУ. - Л., 1958; К о ж е м я к о П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. - Фрунзе, 1963, с.161, табл.УI.

[15] А т а х а н о в Т. М. Расписная керамика из средневекового городища Туткаул. В сб.: Материальная культура Таджикистана, вып.3. - Душанбе, 1978, с.179-184, рис.43-46; Б е л е н и ц к и й А. М. Работа Вахшского отряда в 1946 г. МИА, 15. - М.-Л., 1950, с.130, 140, 146, табл.64, рис.13-15; Л и т в и н с к и й Б. А., Д а в и д о в и ч Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1959 г. АН ТаджССР, вып.П, 1954, с.47.

[16] З а д н е п р о в с к и й Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, с.116, табл.I, П, IIX, IXП.

[17] Л и т в и н с к и й Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. ТИИАЭ АН ТаджССР, XXУI, 1954, с.62; Б а р н и ш т а м А. Н. Историко-археологические очерки..., с.267-272.

рос этот сложный и нуждается в серьезном и глубоком специальном изучении.

В заключение отметим, что средневековая расписная керамика в Ахсикете встречена в небольшом количестве и не является массовой, возможно, она - продукт индивидуального домашнего производства, что определяет ее своеобразие и локальность. Вместе с тем эта группа керамики - одно из характерных звеньев керамического производства Ферганы периода развитого средневековья.

Д.К.Мирзаахмедов

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ БУХАРЫ РАЙОНА МАВЗОЛЕЯ САМАНИДОВ[I]

Один из древнейших городов Средней Азии Бухара богат не только историческим прошлым, но и уникальными памятниками архитектуры. При археологических раскопках и строительстве объектов мы часто сталкиваемся с фрагментами архитектурного декора и даже с остатками не дошедших до нас монументальных сооружений, проливающих дополнительный свет или по-новому освещающих историю города.

Одной из таких находок последних лет явилось открытие в декабре 1971 г. при земляных работах по устройству озера на территории парка им.С.М.Кирова в 240 м западнее мавзолея Саманидов, под 2,5 м слоем земли, нижних частей крупного сооружения. Так как нам сообщили об этом несколько позже, то на месте обнаружили частично засыпанный котлован, образовавшийся от выборки кирпича в плотном слое земли. Здесь же был найден фрагмент венчика блюда с зелено-желтой росписью и процарапанной орнаментацией, характерной для конца IX - пер. пол. X в., и масса обломков кирпичей 21x21x3, 23x23x3, 43x?x4 см.

Для выяснения характера сооружения котлован был очищен от насыпной земли, обнаружены следы квадратного в плане сооружения внешними размерами 10,5x10,5 м. Следы эти представляют собой котлованы для фундаментов шириной 2,6 м, с высотой внутренних стенок 1,30 и внешних 1,40 м; следовательно, до выборки кирпича сохранялся не только фундамент, но и частично цоколь сооружения.

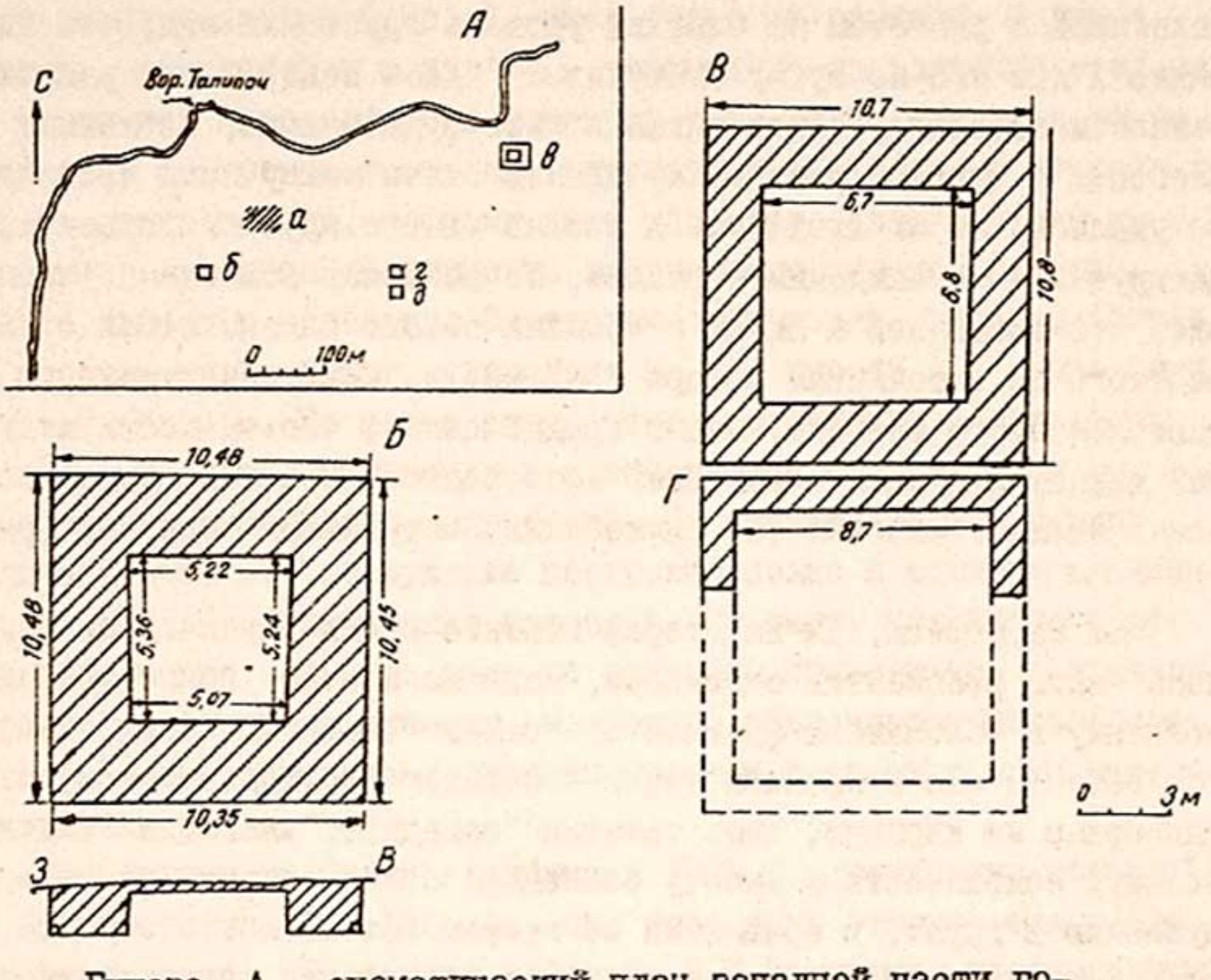
[I] Предлагаемая публикация - изложение доклада, прочитанного на заседании секции "Средняя Азия и Кавказ" на Всесоюзном Археологическом пленуме, посвященном 60-летию советской археологии, проходившем в Ленинграде 17-21 апреля 1979 г.

В юго-западном углу западной стороны фундамент заканчивался небольшой ступенькой вовнутрь шириной 23 (видимо, на кирпич 23х23х3 см) и высотой 20 см; на других сторонах фундамента зафиксировать эту ступеньку не удалось. С западной стороны к сооружению на уровне I,30 м от подошвы фундамента вплотную примыкали остатки частично сохранившейся выстилки из кирпичей 23х23х3 см; с других сторон сооружения остатков выстилок не обнаружили. Это указывает не только на то, что фасад и вход в здание, по всей видимости, располагались с запада, но также на точную высоту фундаментов – I,30 м, выше которой без всяких уступов (с внешней стороны) шла цокольная часть здания.

По рассказам очевидцев, фундаменты почти полностью были выложены из цельного и обломков кирпича на лёссовом растворе. Лишь подошва северо-западного угла была сложена из рваного известнякового камня. Отпечатки кирпичей и известняковых камней четко читались на стенах котлована.

Расположенный рядом мавзолей Саманидов, размеры которого почти в точности совпадают с размером вновь обнаруженного, соответствие их ориентаций по сторонам света, размеры кирпичей, фрагмент керамики и нахождение в этом районе мазара времени Саманидов навело нас на мысль, что вскрытое сооружение – неизвестный ранее мавзолей (условно его назовем "западным"), причем с квадратным основанием, видимо характерным для ранних мавзолеев Мавераннахра IX – пер. пол. X в. (рис.). Здесь же, в метрах 50-60 северо-восточнее вскрытого мавзолея, также были разрушены остатки фундаментов, различных по длине и ширине взаимно связанных помещений. На одном из участков удалось замерить частично сохранившиеся и примыкающие друг к другу под углом стены фундаментов шириной 2,I3 и 0,72 м, а общая протяженность одной из полностью несохранившихся стен равнялась 8 м. Фундаменты дошли до нашего времени на высоту не более 30–40 см и сложены в основном из кирпича 23х23х3 см с частичным использованием кирпичей 39х39х5, 58х58х5,5 см и известняковых плит 60х40х8 см.

Наличие мощных стен фундаментов, построенных строго симметрично с использованием разноформатных кирпичей на лессовом растворе и хорошо обработанных известняковых плит указывает на монументальность постройки, носившей, видимо, общественный харак-



Бухара. А – схематический план западной части города: а – остатки фундаментов неизвестных сооружений, б – западный мавзолей, в – мавзолей Чашма-и-Айуб, г – мавзолей Саманидов, д – южный мавзолей; Б – план западного мавзолея, внизу разрез по линии З–В; В – план мавзолея Саманидов; Г – план южного мавзолея, заштрихованная часть – кирпичная кладка.

тер[2]. Здесь же чуть восточнее, но несколько ниже по уровню, были прослежены остатки фундаментов (кирпич 23х23х3 см), выложенных на кыровом растворе. Поскольку такой раствор имеет гидроизо-

---

[2] Отметим, что здание по уровню было построено выше близлежащих сооружений и, по всей видимости, фундаментом ему служило, несколько заглубленное в грунт, продолжение цоколя.

ляционные свойства, эти кладки фундаментов с самого начала выполнялись с расчетом на близкий уровень грунтовых вод, что было видно и при нас по сразу выступившей здесь воде. Из-за разрозненности остатков, находящихся вблизи фундаментов, сложенных на лёссовом и кыровом растворах, прямой связи между ними проследить не удалось, но их вхождение в состав одного крупного объекта, датируемого саманидским периодом, не вызывает сомнения. Учитывая, что восточной и южной сторонами объект близко стоял от известного по источникам мазара IX-X вв. и вновь обнаруженного мавзолея этого периода, можно предположить, что он носил культовый характер и имел к мавзолею непосредственное отношение, возможно являясь мечетью (со служебными постройками) при них (рис.).

Ни на первом, ни на втором объекте среди кирпичей не удалось найти фрагментов с декором, если не считать спиленных наполовину и обломанных фрагментов со 2-го объекта. Несомненно, оба объекта еще в прошлом почти полностью (до фундаментов) были разобраны на кирпичи, лишь остатки "западного" мавзолея имели бо́льшую сохранность в высоту благодаря более значительному заглублению в грунт, в сравнении со вторым объектом[3].

Отметим, что остатки еще одного сооружения мавзолейного типа были обнаружены в 1926 г. В.Л.Вяткиным при расчистке территории на ширину 4,5 м вокруг мавзолея Саманидов от окружающих могил. Эти сведения содержатся в неопубликованном отчете Вяткина, посвященном раскопкам мавзолея Саманидов и хранящемся в архивах Главного управления по Охране памятников Узбекистана и в ЦГА УзССР[4]. Данное сооружение одной стороной вплотную примыкало к

---

[3] Предварительное обобщение результатов раскопок с привлечением исторических источников, датировки и назначения, на основе чего делается пересмотр взглядов на историю мавзолея Саманидов, в виде отчета было передано нами в 1975 г. гл. архитектору ТСНРПМ В.М.Филимонову, по линии которой мы проводили раскопки в Бухаре. Другой экземпляр отчета в 1976 г. был направлен д-ру искусствоведения Л.И.Ремпелю, д-ру архитектуры М.С.Булатову и к.и.н. Б.Д.Кочневу, которым выражаем признательность за ценные советы и рекомендации.

[4] В я т к и н В.Л. Мавзолей амира Исмаила в Бухаре. Архив ГУОП и ИЗО. Мин.культ. УзССР, инв. № $\frac{29}{B99}$, 1931 г.; ЦГА УзССР, ф.1591, оп.1, ед.хр. 48.

южной стене мавзолея (рис.), имея такие же размеры, а двумя другими – восточной и западной – составляло продолжение стен на юг, уходя под нераскопанное пространство. Стены или фундаменты начинались на уровне выстилки, окружавшей мавзолей, и сохранились до верха цоколя, местами выше мавзолея. Кладка стены шириной I м произведена на глине из квадратного кирпича 24x24x3, 44,5x44,5x5 см и обломков. Отсутствие украшений, проемов дверей или арочных ниш, видимо, указывает на то, что до нас дошла нижняя часть здания. На месте стыка этого сооружения с мавзолеем Саманидов частично сохранилась алебастровая штукатурка в три слоя, причем два сильно загрязнены. Из сказанного В.Л.Вяткин заключает, что это сооружение построено позже и могло предназначаться: I) для обслуживания мавзолея, 2) иметь независимое от него назначение, 3) быть даже не закрытым помещением, а могилой-суфой[5]. Эта неопределенность, возможно, объясняется нераскопанностью всего сооружения и ограниченностью в связи с этим фактического материала.

Дальнейшую разборку кладбища в I939 г. производил сотрудник Бухкомстариса С.К.Кабанов, при этом были открыты еще остатки других зданий. Руководил работами Б.Н.Засыпкин, производивший реставрацию мавзолея Саманидов в I937–I939 гг. и проливший дополнительный свет на характер вскрытых сооружений в своем отчете: "Это подтверждается открытыми фундаментами неизвестных зданий, примыкавших к мавзолею с юга, выложенных из такого же кирпича и на таком же растворе и существовавших не ранее мавзолея Саманидов. Когда строился мавзолей Саманидов, здания квадратного в плане, фундаменты которого отстояли от фундаментов мавзолея на 4–5 см, еще не существовало, так как иначе нельзя было сделать южного фасада существовавшего мавзолея. Размер кирпича, раствор, манера кладки сближают их с мавзолеем Саманидов, поэтому датировать эти остатки неизвестных зданий нужно IX в."[6] Таким образом, можно заключить, что, по крайней мере, одно здание примыкавшее к мавзолею Саманидов было, вероятно, квадратным и

---

5 В я т к и н В.Л. Указ. работа, Архив ГУОП..., с.37–38.

6 Личный архив Б.Н.Засыпкина, ЦГА УзССР, ф. № 2406, оп. № I, ед.хр. № 549, с.2.

соответственно совпадало по размерам с ним. По всей видимости, оно также являлось мавзолеем, построенным в более поздней аналогии, по принципу родовых усыпальниц Тимуридов в Шахизинде (условно назовем его "южным").

Но так как в отчете шла речь о нескольких зданиях, то весьма вероятно, что здесь могли располагаться служебные и культовые постройки, относившиеся к этим мавзолеям. Отнесение Б.Н.Засыпкиным описанных сооружений к IX в., видимо, следует принять с некоторой осторожностью. Они также построены при Саманидах,но в пределах X в., хотя, возможно, здесь могли располагаться и более ранние мавзолеи или, вероятнее, надгробия, так как найденные при раскопках вокруг мавзолея Саманидов фрагменты резной неполивной облицовочной терракоты опубликованы и датируются Л.И.Рempелем даже в пределах УШ-IX вв.[7]

Следовательно, нахождение в исследуемом районе остатков двух мавзолеев и возможность существования других свидетельствуют, что подобные сооружения были не единичны даже в пределах данного кладбища, и ставят перед нами задачу их интерпретации, а также пересмотра взглядов на историю самого мавзолея Саманидов.

Известно, что впервые конкретную датировку мавзолея Саманидов рубежом IX-X вв. предложил М.Ю.Саиджанов, опиравшийся на известную вакфную грамоту Исмаила, где было написано, что мазар отца Исмаила - эмира Ахмеда "находится вне древней крепости Бухары на улице четырех куполов в западной части города"[8].

Подробный перевод и разбор этой вакфной грамоты был произведен О.Д.Чехович, которая на основании палеографических данных совершенно справедливо отметила, что документ был написан в начале XIX в. и является мнимым[9]. Позже был найден другой, более ранний экземпляр (1525 г.) этой вакфной грамоты. На ее основании О.Д.Чехович пришла к выводу, что и ранее опубликованный документ в своей основе имел фактическое содержание, восходящее к XУI в., а, возможно, и более раннюю традицию[10].

---

7 Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. - Ташкент, 1961, с.135, рис.53.

8 С а и д ж а н о в М.Ю. Город Бухара и ее старинные здания. - Маориф ва укитувчи, 1927 г., № 9-10, с.53-54.

9 Ч е х о в и ч О.Д. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. ИЗ,т.33.-М.,1950,с.266.

10 Она же. Новая коллекция документов по истории Узбекистана.ИЗ, т.36.-М., 1951, с.267-268.

В.Л.Вяткин сопоставил сведения о "месте четырех куполов" с данными Наршахи, где упоминается кладбище с могилой пророка Айуба, и источником при ней в местности, которая называется Кушк--и Кавшгарон (киоски выделывателей калош), так как там находились "тимы" (крытые базары) калошников. В XШ в. этот квартал был в разрушенном состоянии и находился под кладбищем[II].

Опираясь на описание этого района у Ал-Истахри, О.Г,Большаков отмечает, что, по крайней мере, часть рабада Бухары в середине X в. доходила до Науканде, т.е. линии западной стены позднесредневекового города, хотя в то время этот участок мог быть застроен менее плотно[I2].

От себя можем добавить, что, судя по археологическим материалам, эта территория начала обживаться при Саманидах. Следы последующего обживания отличаются эпизодичностью, и только в XIX в. она была застроена полностью.

Далее в вакфной грамоте указывалось, что в 254 г.х.[I3] Исмаил скупил и пожертвовал около тысячи танапов земли как вокруг существующего тогда мазара, вплоть до Регистана, так и в округе Бухары для своих потомков и мазара своего отца[I4]. Здесь же о погребении Исмаила сказано, что он умер I4 сафара 295 г.х.; славная могила его находится в Бухаре в западной части города.

Исходя из этого М.Ю.Саиджанов и последующие исследователи отождествляли место погребения отца Исмаила и его самого с мавзолеем Саманидов, датируя его IX или рубежом IX-X вв.[I5] Находка в I937 г. при реставрационных работах над восточным входом в мавзолей доски с именем внука Исмаила - Насра-бен-Ахмеда (9I4-

---

II Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.3.

I2 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Л., I973, с.246.

I3 Дата 254 г.х. не соответствует действительности, так как Исмаил был назначен в Бухару своим братом Насром и прибыл туда в 260-873/4 г. Этот вакфный документ несколько раз переписывался, последняя дата 976-I568/69 г.

I4 Саиджанов М.Ю. Указ работа; Чехович О.Д. Крестьянские обязательства...

I5 Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. - Ташкент, I929, с.I7-I8. Рempель Л.И. Мавзолей Исмаила Саманида - Академия Архитектуры, I936; № 5, с.28.

943 гг.) поколебала это мнение, и авторы стали предполагать несколько вариантов датировок в пределах конца IX - пер.пол. X в.[16]

Чрезвычайно интересно историческое свидетельство Наршахи о том, что Ахмеда-бен-Исмаила Самани (907-914) после смерти перевезли в Бухару и похоронили в гробнице (гурхана) Науканде, располагавшейся в западной части города[17].

Сначала Л.И.Ремпелем; а затем М.С.Булатовым и О.Г.Большаковым кладбище Науканде было отождествлено с мазаром, где располагался мавзолей Саманидов[18]. В последней своей публикации Булатов отмечает, что новое кладбище Науканде возникло возле мавзолея Саманидов, на землях, купленных Исмаилом и отданных в вакф мазара его отца[19].

М.Е.Массон по этому поводу отмечает, "что кладбище не называлось "Науканде", как об этом пишут современные авторы. Этот термин появился в результате не совсем правильного истолкования слов текста Наршахи[20]. Когда Ахмед-бен-Исмаил "был убит гулямами в Феребре... труп его привезли в Бухару и поместили в "Гурхона науканде", т.е. во вновь выкопанной могиле с боковой нишей. Кладбище же обозначалось терминами "гуристан", "гурджой" или "гурджа"[21].

---

16 Д е н и к е Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. - М., 1939, с.8; Н и л ь с е н В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. - Ташкент, 1956, с.139; П у г а ч е н к о в а Г.А. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана, вып.П. - Ташкент, 1963, с.60.

17 Н а р ш а х и М. История Бухары. Пер. Н.С.Лыкошина. - Ташкент, 1897, с.116.

18 Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана, примеч.42, с.579; Б у л а т о в М.С. Реставрация мавзолея Саманидов - В сб.: Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып.I. - Ташкент, 1967, с.10; Б е л е н и ц к и й А.М., Б е н т о в и ч И.Б., Б о л ь ш а к о в О.Г. Указ.работа, с.245-246.

19 Б у л а т о в М.С. Мавзолей Саманидов - жемчужина архитектуры Средней Азии. - Ташкент, 1976, с.13.

20 М а с с о н М.Е. К исследованию так называемого мавзолея Исмаила Самани в Бухаре. - ОНУ, 1979, № 11, с.27.

21 Там же.

Частично присоединяясь к мнению предшествующих авторов, отметим, что "Гурхона Науканда", возможно, указывает не на новое кладбище, а на мавзолей, располагавшийся на территории вновь присоединенного к старому кладбищу участка, примыкавшего к селению Науканде, или на определенную территорию старого кладбища, которое принадлежало жителям селения Науканде. Поясняя последнее, отметим, что каждый район средневекового города мог располагать своим кладбищем, а каждый квартал этого района имел свой определенный участок на этом кладбище. Это можно проследить и на примере старых кладбищ Ташкента. Обычай этот, видимо, имеет очень раннюю традицию, когда люди, располагавшиеся в городах большесемейными общинами, желали быть погребенными также рядом друг с другом. Наршахи, выделяя факт погребения Ахмеда-бен-Исмаила (907-914 гг.) в "Гурхоне Науканде", видимо, указывает не только на то, что он был похоронен в отдельном мавзолее, но и на то, что этот мавзолей не примыкал непосредственно к нынешней усыпальнице Саманидов. В связи с этим очень заманчиво отождествить остатки "западного" мавзолея с данными источников о гробнице "Науканде". Идентифицируя место погребения Ахмеда-бен-Исмаила с "западным" мавзолеем, отметим, что, во-первых, остатки последнего находятся в 240 м западнее мавзолея Саманидов и, во-вторых, не только территориально примыкает к месту, которое средневековые источники называют "Науканде", но и своим фасадом и входом мавзолей смотрел в эту сторону. Расположение "западного" мавзолея вне пределов первой усыпальницы Саманидов, возможно, объясняется поиском большой пространственной свободы, необходимой для выделения гробницы среди окружающего мазара и благоустроительных построек вокруг.[22]

Таким образом, по выше изложенным данным, в западной части г.Бухары, близ мавзолея Саманидов, были похоронены отец Исмаила, он сам, его сын Ахмед и внук Наср.

---

[22] К сказанному можем добавить, что, по нашим археологическим наблюдениям, в саманидское время территория к северу от "западного" мавзолея представляла, видимо, песчаную полосу, примыкавшую к вытекающему из города Шахруду, левый край русла которого удалось зафиксировать в северо-восточном углу второго объекта.

Приведенные выше отрывки из вакфного документа Исмаила показывают, что, скупив как вокруг общественного мазара, так и в округе Бухары огромное количество земель и принеся часть полученных от них доходов в вакф мазару отца, Исмаил, видимо, заложил основу для некрополя представителей саманидской династии. Более того, в тексте вакфной грамоты отмечается о переходе в вакф не только посевных площадей и селений (приносящих доход), но и дается "описание четырех границ" вокруг собственного мазара Ахмеда-бен-Асада Самани, который, в свою очередь, с трех сторон был окружен общественным кладбищем;[23] т.е. здесь речь идет о переходе в вакф (неприкосновенную собственность) какой-то определенной территории вокруг мавзолея, которая могла послужить для устройства некрополя, культовых, служебных и благоустроительных комплексов. После погребения на этом мазаре четырех правителей династии, о которых имеем прямые или косвенные данные, остальные правители, по канонам мусульманской морали, также должны были быть погребены рядом со своими отцами и дедами.

Название этого района "Чехар гумбезан - место четырех куполов", также, возможно, указывает на существование здесь когда-то четырех купольных построек.

Вновь открытые фундаменты, по всей вероятности, и являются остатками не дошедших до нас мавзолеев этой династии.

Подтверждение нашим выводам находим в историческом источнике "Китаб-и-Мулла-Заде", написанном в первой пол. XУ в. для паломников, желавших совершить поклонение местам захоронений почитаемых в Бухаре лиц. Здесь автор, перечисляя мазары в районе Чашма-и-Айуб, ничем не выделяет, хотя и прямо указывает на существование "мазаров саманидских султанов"[24].

Во-первых, данные Мулла-Заде твердо устанавливают родовые захоронения Саманидов на этом мазаре. Такого рода фамильные захоронения для Бухары того времени, видимо, не являлись редкостью. В книге упоминается множество таких мазаров, в частности,

---

23 Чехович О.Д. Крестьянские обязательства..., с.262.

24 Гафурова Р.Л. Китаб-и-Мулла-Заде. пер., с.II4 (Здесь и далее пользуемся любезно предоставленными нам переводом и комментариями подготовленной к печати работы).

два из них в районе Чашма-и-Айуб. Один из них, расположенный рядом, принадлежал фамилии Сафарийе (XI-XII вв.[25]), другой участок к востоку - фамилии Хаванда Садр аш-Шариса (XIII в.)[26].

Во-вторых, упоминая о мазарах саманидских султанов во множественном числе, автор косвенно подтверждает наши предположения о существовании некрополя Саманидов, но ничем не выделяет их, хотя для нас мавзолей Саманидов - сооружение мирового значения, что, вероятно, объясняется привычностью, т.е. ко времени написания "Китаб-и-Мулла-Заде" строительство мавзолеев приняло массовый характер, и их было множество не только по всей Бухаре, но и в районе Чашма-и-Айуб, причем не редки были и ранние мавзолеи.

Кажущиеся подтверждения этому находим также в отчете В.Л. Вяткина, проводившем небольшие раскопки в интерьере мавзолея Саманидов. Из отчета выходит, что мавзолей является фамильной усыпальницей, которая к моменту захоронения Исмаила была уже заполнена, так как его могила помещалась у самого входа[27]. Той же точки зрения придерживается и М.Е.Массон[28]. Таким образом, мавзолей Саманидов, построенный в конце IX - начале X в. для отца Исмаила эмира Ахмеда, к моменту смерти Исмаила (907 г.) был уже заполнен, соответственно остальные представители династии должны были быть похоронены в других мавзолеях.

---

25 Гафурова Р.Л. ...комментарии, с.60.

26 Там же, с.63. Упоминание здесь о специальных участках, которыми располагали знатные роды, подтверждает вышеприведенные данные и свидетельствует, что подобно им мог быть огорожен и некрополь Саманидов. На это может указывать и сохранившийся до 20-х годов XX в. арочный проход, через которую шла дорожка в мавзолей с восточной стороны, а небольшой хауз к югу от мавзолея определенно входил в комплекс по благоустройству. Подобные огороженные стеной фамильные участки в более поздней параллели находим на кладбище Чор-Бакр (XVI в.), в 6 км от Бухары.

27 Вяткин В.Л. Архив ГУОП.,с.4-5.

28 Массон М.Е. Указ.работа, с.33.

Почему же тогда над восточным входом, где был погребен Исмаил и который В.Л.Вяткин и большинство исследователей по сохранившейся и функционировавшей вплоть до начала XX в. дорожке, ведущей в мавзолей, считали главным, оказалась вмонтирована доска с именем Насра-бен-Ахмеда - внука Исмаила Самани, скончавшегося в 943 г.? Как Исмаил, погребенный вторым после отца, оказался у самого входа последним? Почему внук Исмаила Наср-бен-Ахмед поместил свое имя там, где был похоронен его могущественный дед, не имея к тому же никакого отношения к строительству мавзолея?[29]

Прежде чем ответить на приведенные вопросы, отметим, что раскопки Вяткина отвергают его же суждения и выводы других авторов о том, что восточный вход является главным. Вяткин в своем отчете отмечает, что "при откопке низа стены у северного арочного проема обнаружено засыпанное мусором и остатками погребений сильно поврежденное крыльцо в 4 ступени. Оно поднималось с кирпичного настила, окружавшего мавзолей, было сложено из кирпича и не раз починялось... У других арочных проемов никаких следов лестниц не открыто"[30]. Из этого следует, вход в мавзолей первоначально был с северной стороны и, следовательно, вышеприведенные противоречия и вопросы отпадают. Сама надпись на восточной арке вмонтирована грубовато, и создается впечатление, что она была приколочена сюда значительно позднее.[31]

Совокупность данных источников и археологических изысканий дает основание предполагать, что ныне существующий мавзолей, как и представлялось большинством исследователей, был возведен

---

[29] Возможное предположение, что имя Насра-бен-Ахмеда попало сюда при проводимых им ремонтно-реставрационных работах, нам кажется неубедительным, так как со времени наиболее вероятного строительства мавзолея при Исмаиле Самани прошло бы не более 50 лет, и необходимость в ремонтных работах, после которых Наср-бен-Ахмед мог бы поставить свое имя над главным входом, маловероятна.

[30] В я т к и н В.Л. Архив ГУОП..., с.15.

[31] Впервые намекает на это Л.И.Ремпель. См. Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент..., примечание 42, с.377.

Исмаилом для своего отца в конце IX в. В дальнейшем здесь были воздвигнуты другие мавзолеи и погребены остальные представители династии.

После падения Саманидов Бухара подвергалась большому числу нашествий и разрушений, наступали периоды упадка или застоя. В результате мавзолеи оставались без присмотра, разрушались, а во времена кризисов и длительных запустений кирпичи с них могли использоваться населением для строительства саган окружающего мазара. Это, например, вполне могло произойти в период Хулагуидского нашествия, когда многие районы Бухары даже в первой четверти XIУ в. находились в развалинах[32].

Любопытен также и тот факт, что в "западном" мавзолее обнаружить костные останки погребения не удалось. Это противоречие разрешается, если учесть широко бытующий до сих пор обычай переноса костных останков из разрушенных мазаров и мавзолеев в лучше сохранившиеся.

Несомненно, что в любом случае именно таким местом и является мавзолей Саманидов. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется нахождение здесь деревянной доски с именем Насра-бен-Ахмеда, которая могла быть взята с разрушенного мавзолея и прибита к новому месту погребения покойника.

Лишь несколько столетий спустя, когда лестничные ступеньки северного входа оказались полностью погребенными под значительно повысившимся уровнем могильных наслоений вокруг мавзолея, видимо, решено было перенести главный вход на восточную сторону усыпальницы, где к тому же располагалось погребение Исмаила, имевшего наибольшую популярность. К этому же периоду, по мере разрушения других мавзолеев и переноса костных останков в дошедший сохранившийся, он стал носить династический характер. Ранее, когда вход был с северной стороны, доска с именем Насра-бен-Ахмеда на восточном арочном проеме не играла сколько-нибудь определенной роли. Теперь же, оказавшись у главного входа, она перестала отвечать и внутреннему содержанию фамильного мавзолея, и тому месту, которое он занимал среди саманидских династов. Поэтому, по всей вероятности, эпитафия с именем Насра-бен-Ахмеда была просто замазана.

---

[32] П е т р у ш е в с к и й И.П. Из истории Бухары XIII в. УЗ. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып.I. - Л., 1949, с.103.

Несомненно также, что мавзолей Исмаила не мог быть разрушен: для ремонта, поддержания порядка и платы служители мавзолея получали вышеперечисленные доходы от вакфов. Причем в тексте вакфной грамоты Исмаила имелся в виду один мазар, т.е. нынешний мавзолей, построенный для его отца. Остальная часть доходов шла в пользу его потомков, квартал которых существовал и жил на них вплоть до начала XX в.[33]

Возможно, именно этим обстоятельством и объясняется, что мавзолеи остальных представителей династии не дошли до нас.

Перенесение по той или иной причине погребений в Бухаре не являлось редкостью. На одном из таких примеров останавливается О.А.Сухарева, приводя его из книги "Мулло-заде": "И умер в Бухаре в месяце мухаррам в году 395/1004/, и похоронили в доме его на дворе, потом подняли с почестями через двадцать лет или больше, и для сохранности похоронили его в другом месте"[34].

В.Л.Вяткин, производивший небольшие раскопки внутри здания, не отрицает возможности перезахоронений внутри мавзолея. Касаясь захоронения отца Исмаила - эмира Ахмеда, он отмечает, что Исмаил перенес его прах в Бухару из политических побуждений - чтобы закрепить за собой и своим потомством власть в тогдашней столице Мавераннахра - Бухаре[35]. Эмир Ахмед скончался в Фергане[36] в 864 г., сам Исмаил был направлен в Бухару в 874 г., а фактическую власть отобрал у своего брата Насра в 888 г. Лишь после смерти Насра-бен-Ахмеда /892 г./ Исмаил Самани стал официально именоваться главой дома Саманидов, а столицу перенес в Бухару. Из вышеизложенных данных можно заключить не только о перезахоронении отца Исмаила - эмира Ахмеда, но и строительстве мавзолея в пределах 892 г.

При расчистке В.Л.Вяткиным территории вокруг мавзолея под первоначальной выстилкой у северного и, частично, восточного и западного подножий было вскрыто 18 могил, из которых три, бес-

---

33 Чехович О.Д. Крестьянские обязательства..., с.260.
34 Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. - Ташкент, 1958, с.50-51.
35 Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.11.
36 Бартольд В.В. Собр.соч. в 9-и томах. Т.I, с.268.

спорно, являлись перезахоронениями костных останков[37]. Вероятно, эти захоронения и перезахоронения, непосредственно примыкающие к мавзолею, также относятся к фамилии Саманидов и были там расположены после заполнения интерьера мавзолея.

Краткое упоминание о месте захоронения нескольких первых представителей династии Саманидов, отсутствие конкретных топографических описаний о наличии одного или нескольких мавзолеев в вышеперечисленных источниках по истории города, видимо, как мы уже отмечали выше, объясняются привычностью, т.е. даже наши предварительные исследования выявили два таких новых идентичных по форме и размерам сооружения, относящихся к первой половине X в. В.Л.Вяткин отмечает по этому поводу, что раз М.Наршахи упоминает о деревянных и каменных постройках мечетей, дворцов, минаретов и пр. периода Саманидов, то значит здания эти были необычны по размерам и виду, почему и заслуживали внимания историка, их отметившего. Мавзолей эмира Исмаила тогда не был единственным выдающимся сооружением в городе, а вернее таковым не считался, почему и остался не отмеченным историком[38].

Подобным уникальным сооружением того времени является и мавзолей Араб-Ата в селении Тим. Из сохранившейся части надписи явствует, что мавзолей был выстроен в 977 г., в первый год правления саманида Нуха-бен-Мансура /976-997/ от его имени, но не для него самого: ни имени погребенного, ни даты его смерти в сохранившейся части надписи нет[39].

Конкретизируя этот вопрос, отметим, что в первом году правления Нуху-бен-Мансуру было всего 13 лет; государством вместо него управляли его мать и назначенный в конце 977 г. везир Абул-Хусайн[40]. Исходя из этого, можно заключить, что правитель в таком возрасте не мог помышлять о строительстве мавзолея ни для себя, ни для окружающих. Везир, вступивший в должность в конце 977 г., также, видимо, не принимал участия в этом.

---

37 В я т к и н В.Л. Архив ГУОП..., с.36-37.
38 Там же, с.11.
39 К о ч н е в Б.Д. Изучение эпиграфических памятников Самаркандской области. - АО-1975, М., 1976, с.528-529.
40 Б а́ р т о л ь д В.В. Собр. соч. Т.I, с.312.

Сейчас трудно даже предполагать, для кого строился этот мавзолей в одном из отдаленных уголков округи Бухары. Но, по всей видимости, необходимо учитывать, что в год строительства мавзолея Араб-Ата соправительницей государя была его мать и построен он был через год после смерти отца государя и мужа правительницы. Немаловажную роль при этом могло сыграть и расположение вблизи святого, почитаемого населением места - Тим--Ата[41], культ вокруг которого, возможно, существовал и в X в.

Наши археологические изыскания также показывают, что мавзолей Саманидов не мог явиться ни единственным, ни уникальным, а высказывания авторов о том, что "бухарский памятник являет абсолютно зрелое творение зодчества"[42] и должен был иметь предшественников, указывают, что он не мог быть и первым[43].

Строительство уникальных сооружений в X в. носит вполне закономерный характер и тесно связано с экономической и политической ситуацией того времени. Ведь мавзолей Саманидов и достижения в архитектуре и строительстве - лишь одна из граней того феномена, который некоторые исследователи X в. называют "мусульманским ренессансом".

В Средней Азии этот процесс связан с централизаторской и административно-хозяйственной политикой Саманидов, их экономической и политической независимостью от арабского халифата, ростом караванной торговли, что привело к бурному и всестороннему развитию даже самых отдаленных районов государства.

Общий подъем экономики дал толчок развитию науки и техники, архитектуры и искусства. Если раньше высокая культура яв-

---

41 П у г а ч е н к о в а Г.А. Мавзолей Араб-Ата. - Ташкент, 1963, с.11.

42 П у г а ч е н к о в а Г.А. Указ.работа, с.105; З а с ы п к и н Б.Н. Архитектура Средней Азии. - М., 1948, с.38; Р е м п е л ь Л.И. Мавзолей Исмаила Саманида, с.1.

43 Мавзолеи очень близки по внешним размерам, а это свидетельствует о сложении определенных стандартов, наличие которых говорит о довольно высоком уровне и длительном развитии архитектурных традиций в этом направлении.

лялась достоянием преимущественно верхних слоев, то теперь подъем экономики всколыхнул огромные глубинные массы. Именно с этого периода, по археологическим данным, чувствуется значительное повышение уровня грамотности, именно в этот период Средняя Азия подарила миру своих замечательных ученых и мыслителей. Столица государства Бухара, по словам Саалиби, при Саманидах была "обителью славы, Ка'бой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи"[44].

Для нас важна известная в тот период огромная созидательная деятельность Саманидов по сооружению административных зданий, дворцов, мечетей и загородных садов. Как отмечала Г.А.Пугаченкова, мавзолей Саманидов должен был иметь предшественников и не только в виде дворцов, мечетей, но и в виде аналогичных построек. Ведь возведение погребальных сооружений над мертвыми в Средней Азии было глубоко традиционным, и разрешение на возведение мавзолеев должно было восприниматься с восторгом.

Как бы то ни было, но отсутствие конкретной даты строительства мавзолея Саманидов и разноречивость по этому поводу имеющихся данных требуют, как отмечала Г.А.Пугаченкова, археологического вскрытия в интерьере мавзолея.

Обнаружение в этом районе остатков архитектурных сооружений времени Саманидов и неизвестных ранее мавзолеев, наводящее на мысль о наличии здесь аналогичных построек, настоятельно указывает на необходимость дальнейшего и широкого археологического изучения данной территории.

---

[44] Бартольд В.В. Собр.соч. Т.I, с.54.

Б.Д.Кочнев, Л.Ю.Шпенева

НОВЫЙ КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ XУ ВЕКА

Медное обращение XУ-XУI вв. - один из наиболее изученных разделов средневековой нумизматики Средней Азии. Заслуга в этом по праву принадлежит прежде всего Е.А.Давидович, которая при воссоздании общей картины обращения в сфере меди тщательно исследовала и опубликовала большое количество кладов. Однако, поскольку именно для этой эпохи характерно чрезвычайное обилие кладов медных монет, материал еще далеко не исчерпан и не может быть исчерпан. Другое дело, что едва ли тут можно ожидать чего-то принципиально нового. И тем не менее каждый новый клад - это новый источник, публикация которого важна и желательна. Описание одного из таких источников и составляет предмет настоящей статьи.

Публикуемый клад найден в I975 г. в старой части г.Самарканда, на ул.Чаррага, при прокладке коммуникаций на глубине около 3 м. Он находился в керамической неполивной копилке в виде сделанного на гончарном круге крупного замкнутого сосуда с узкой щелью - прорезью, при земляных работах он был разбит. Первоначальное число содержавшихся в сосуде монет неизвестно, но, судя по всему, клад почти или совсем не разошелся по рукам, бульдозерист же, обнаруживший его, передал в Институт археологии АН УзССР 56I монету.

Подавляющее их большинство /525 экз. / - хорошо известные и не раз публиковавшиеся пореформенные монеты Улугбека с датой 832 / I428-29 г. Из них почти все чеканены в Бухаре, 8 экз. - в Термезе, 2 - в Андижане и лишь I - в Самарканде, хотя сам клад самаркандского происхождения. Одна такая бухарская монета плохой сохранности, судя по следам первоначального оформления, перечеканена из дореформенной монеты Улугбека 823/I420 г. Девять кружков имеют более поздние даты, чем основной состав клада, они выбиты в Кашгаре /858/I454 г./, Орду /86I/I456-57г./, Бухаре /863/I458-59 г./. Единственная монета Герата не сохранила даты, как и остальные I8 с неустановленным местом выпуска. Таким образом, ранняя монета датируется 823/I420 г., поздняя -

863/1458-59 г., но, как будет показано далее, последняя, отнюдь, не определяет времени выпадения клада.

Более трети его /224 экз., или почти 40%/ - монеты надчеканенные, причем каждая из них не более одного раза. Надчеканы трех типов: в шестигранном картуше /1 экз./, в чечевицеобразном /4 экз./, в квадратном /219 экз./. Последние произведены в Андижане, Бухаре, Карши, Самарканде, Термезе, Хисаре, Шахрухии, но преобладают самаркандские надчеканы. Надписи их однородны / دانگی ضرب и наименование монетного двора /, легенды чечевицеобразных надчеканов несколько иные / نیمدانگی سمرقند /, надпись в шестигранном картуше не читается. Все три типа надчеканов хорошо известны в литературе, но не датированы, лишь один балхский надчекан в шестигранном картуше произведен в 859/1454-55 г., однако он скорее всего только по форме совпадает со среднеазиатскими надчеканами и не может служить основанием для датировки последних. Все же самый факт надчеканивания дает возможность хотя бы примерно ориентироваться во времени, почему считаем необходимым коротко охарактеризовать основные особенности среднеазиатского денежного обращения в сфере меди в XУ в.

Как показала Е.А.Давидович, в 832/1428-29 г. Улугбек провел важную денежную реформу. С момента ее декретирования все прежние монеты были запрещены или понижены в курсе, полноправным же средством обращения стали монеты нового единого образца, выпускавшиеся на первых порах на многих монетных дворах, представленных и в публикуемом кладе. Затем были закрыты все монетные дворы, кроме бухарского, который продолжал чеканить монеты того же типа около трех десятилетий, причем не менялось не только оформление, но даже дата /832 г.х./. Типовая неизменность пореформенных монет обеспечивала стабильность их курса на протяжении длительного времени в пределах всех среднеазиатских владений Тимуридов[1]. Уже после смерти Улугбека, во второй поло-

---

[1] Давидович Е. А. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. В сб.: Из истории эпохи Улугбека.— Ташкент, 1965, с.274 и сл.

вине XУ в. /но когда именно - не установлено/ началось надчеканивание монет, ознаменовавшее качественно новый этап в монетной политике, резкое усиление эксплуатации монетной регалии и частые курсовые перегруппировки: каждое новое надчеканивание означало для монет, не подвергавшихся этой операции, изменение курса; он был ниже, чем у монет с контрмарками[2].

Надчеканы на медных монетах XУ в. очень многообразны: выявлены I3 их типов. Е.А.Давидович проделала огромную работу по установлению их относительной и абсолютной хронологии, однако точно датированные контрмарки выявлены пока для конца XУ в. /898-90I / I492-96 гг./. Все три типа надчеканов, представленные в публикуемом кладе, отнесены ею к первой группе второго разряда[3]. Надчеканы типа I /квадратный картуш/, по-видимому, произведены после 859/I454-55 г., поскольку на одной из монет с балхской контрмаркой этого года имеется еще квадратный надчекан. Судя по монете Орду 86I/I456-57 г. с шестиугольным надчеканом /тип 2/,он нанесен после этой даты[4]. Оба типа Е.А.Давидович считает ранними, относя верхнюю хронологическую границу их к началу последнего десятилетия XУ в. /898/I492-93 г. или чуть раньше/[5]. Следовательно, оба этих типа надчеканов укладываются в третий этап денежного обращения XУ в. по периодизации Е.А.Давидович[6]. Для контрмарок в чечевицеобразном картуше пока

---

2 Давидович Е. А. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XУ-XУП вв. и роль надчеканов. - Изв.АН ТаджССР, I953, вып.3, с.6I-72.

3 Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XУ в. НЭ, т.У.- М., I965, с.230 и сл.

4 Давидович Е. А. Материалы..., с.236.

5 Давидович Е. А. Денежное хозяйство на территории Южного Таджикистана и Узбекистана во втором десятилетии XУI в. /Материалы для характеристики общего и особенного в денежном обращении разных областей Средней Азии/. Нумизматический сборник, ч.5, вып.I. /Труды ГИМ, вып.49/.-М., I977, с.34-35.

6 Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XУ в. В сб.: Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество.-Душанбе, I965, с.37-44.

не предложен верхний временной рубеж, однако он, вероятно, такой же, как и двух других типов той же группы того же разряда. Во-первых, все три типа сближаются по содержанию надписей, во-вторых, в нашем кладе, собранном, видимо, полностью, определенно нет ни монет, ни надчеканов последней четверти XУ в. Стало быть, имеются достаточные основания относить публикуемый клад целиком к третьему этапу и считать, что он был сокрыт между 863/I458-59 и 898/I492-93 г.

Клады, близкие нашему хронологически, известны. Один из них найден близ г.Душанбе /надчеканы типов I и 2 /[7], второй - в Колхозабадском районе Таджикской ССР / надчеканы типа I/[8], третий - в Ленинабадской области / надчеканы типа I/[9], четвертый - в Самарканде, близ Сиаба /надчеканы типа I/[10], пятый -

---

[7] Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана.-М., 1979, с.280-284.

[8] Там же, с.285-295.

[9] Там же, с.296.

[10] Федоров М. Н. Клад монет Улугбека из Самарканда. - ОНУ, 1969, № 8-9, с.98-99. Данная публикация, сама по себе небесполезная, вызывает ряд недоуменных вопросов. Непонятно, например, почему все монеты клада в заглавии статьи приписаны Улугбеку, хотя в составе клада есть кружки, чеканенные в 854/I450-5I г., т.е. после гибели Улугбека. Еще более удивительно, что на основании последней даты время сокрытия клада отнесено к середине I45I г. Такая точность немыслима для какого бы то ни было среднеазиатского клада вообще / по крайней мере - пока/, для XУ же века в особенности, тем более что в кладе М.Н.Федорова есть много квадратных надчеканов, для которых к моменту публикации его статьи не были определены хронологические границы. Соответственно сделанные на основании столь "точной" даты клада выводы об интенсивности надчеканивания пореформенных монет Улугбека едва ли могут быть признаны сколько-нибудь убедительными. Между тем одно лишь внимательное ознакомление М.Н.Федорова с цитируемой им же самим статьей Е.А.Давидович /"Материалы..."/ уберегло бы его от подобных/ по меньшей мере курьезных/ заключений.

в Самаркандском районе / надчеканы типа I и 2/ ? /[II], шестой - в г.Оше /надчеканы типа 3 /[I2]. Тем не менее наш клад, хотя он и не уникален, своеобразен уже тем, что в нем, в отличие от перечисленных, представлены все три типа надчеканов первой группы второго разряда.

Не уникален он и по составу монетных дворов, из коих нет ни одного, которого не было бы в каком-либо из среднеазиатских кладов. Правда, есть довольно редкие для Центрального Мавераннахра монеты, например выбитые в Кашгаре и Герате, но они единичны, аналогичные же им представлены, допустим, в Ошском кладе[I3]. Все монетные дворы, названные в надписях надчеканов, тоже известны по другим кладам.

Однако имеются и редкие, а насколько позволяют судить опубликованные данные, даже уникальные монеты. Любопытна одна из них, к сожалению плохо сохранившаяся. Судя по обрывкам легенд, на обеих сторонах была проставлена дата, но сохранность не позволяет определить, биты ли обе стороны одним штемпелем - по ошибке; на одной из сторон уцелели остатки квадратного картуша, не отмеченного на прочих монетах клада. Уникальны две однотипные, но битые разными парами штемпелей монеты Бухары 863/I458-59 г. Оформление л.ст. с наименованием города у них такое же, как у серии 832/I428-29 г., дата же иная: ... وستين ثلاث سنة التاريخ في Как подметила Е.А.Давидович, монеты Хутталана 852/I448-49 и Орду 86I/I456-57 г. в типовом отношении следуют серии 832/I428-29 г., только на монетах Орду исчезает круг.лег.л.ст./ضرب فلوس عدلية как и на некоторых бухарских монетах той же серии.

II Клад не издан, хранится в МИУз.

I2 Клад не издан, найден в I967 г. По размерам невелик: в Ошский областной историко-краеведческий музей из него поступило 25 экз. /КП 3234/2/; все они относятся к типу 823/I420 г. и надчеканены чечевицеобразными контрмарками.

I3 М а с с о н М. Е. Клад медных монет из Оша. ЭВ. ХШ.-М., I960, с.II0-I24. Правда, публикатор датирует монеты Кашгара 850 г.х., но Е.А.Давидович /"Материалы...", с.278/ убедительно отнесла их к 858 г.х., каковой даты придерживаемся и мы, хотя единицы в дате на кашгарской монете публикуемого клада не сохранились.

Следовательно, полагает Е.А.Давидович, частное изменение было декретировано централизованно между 852/I448-49 и 86I/I456-57гг., а сама бухарская серия с датой 832 г.х. выпускалась до смерти Улугбека /853/I449/ или даже некоторое время спустя[I4]. Сохранность бухарских монет 863 /I458-59 г. не позволяет говорить об отсутствии круг.лег.л.ст., но скорее всего ее действительно не было. Даже если это так, остается несомненным, что и в 863/I458-59 г. бухарские монеты в типовом отношении следуют серии с датой 832 г.х.

Фиксируют ли монеты 863 г.х. время прекращения выпуска серии? Казалось бы, иного мнения быть не может. Обратим, однако, внимание на исключительную редкость бухарских монет 863/I458-59 г., которая особенно очевидна на фоне чрезвычайного обилия медных монет XУ в. Эмиссия монет 863 г.х. была, по всей вероятности, очень незначительной и не получила продолжения: бухарские монеты с точной датой чеканки появляются только в конце IX в.х. Можно поэтому допустить, что и после 863/I458-59 г. чеканка этой серии/ видимо, в "укороченном" варианте - без круг.лег. л.ст. /продолжалась, настолько прочно утвердился в обращении тип монет 832/I428-29 г.

На ту же мысль невольно наводят и некоторые другие наблюдения. Е.А.Давидович уже давно подметила, что среди монет серии 832 г.х. имеется много экземпляров с небрежными или сильно искаженными надписями. Она допускает, что при чрезвычайной интенсивности производства к нему могли привлекать и неопытных мастеров, но считает более вероятным, что это продукция фальшивомонетчиков[I5]. Вполне вероятно, имело место и то, и другое. Следует, однако, учитывать еще одну возможность. Насколько можно судить по тем кладам, с которыми нам довелось ознакомиться по натуре или публикациям, во всех или почти во всех имеется немалое число монет серии 832 г.х. с искаженными легендами. Много их и в публикуемом кладе. Правда, они демонстрируют разную степень искажения: меньшую, как правило, слов "год" и "восемьсот", большую - всех или почти всех слов на обеих сторонах /иногда до

I4 Давидович Е. А., Материалы..., с.289.

I5 Там же, с.229.

неузнаваемости/ и даже оформления л.ст.; в отдельных случаях слово "Бухара" передано зеркально; некоторые экземпляры вполне заслуживают названия "варварских". Последнее определение заставляет вспомнить так называемые "варварские подражания", которые /независимо от того, где и когда они выпускались/ часто далеки от исходного прототипа ввиду удаленности от него во времени или пространстве, почему многие важные некогда детали исходных изображений или надписей для них в значительной степени безразличны. Конечно, монеты серии 832 г.х. с искажениями к числу "варварских подражаний" относить ни в коем случае не приходится, однако кое-что общее тут все же имеется. Коль скоро пространная надпись об.ст. большей части монет с датой 832 г.х. не определяла действительного времени их выпуска, то она, по-видимому, и не должна была убеждать кого бы то ни было, будто отражает реальность, а следовательно, и не предназначалась для осмысленного чтения. А если это так, то в общем-то безразлично, начертана ли она правильно или нет: важнее было следовать прототипу в главном /основные черты оформления, способ размещения надписей/, а не в деталях, в число которых со временем попадает и содержание легенд; это особенно понятно в условиях интенсивного производства. Если же, как мы предполагаем, монеты серии 832 г.х. подчиняются некоторым закономерностям, присущим "варварским подражаниям", то, вероятно, чем больше искажений на монете, тем дальше она от исходного прототипа во времени.

Конечно, высказанные соображения не более чем рабочая гипотеза, требующая дальнейшей тщательной проверки. Если она в будущем подтвердится, то выделить из всей массы медных монет с датой 832 г.х. нелегальные фальсификаты окажется невозможным. Сам факт деятельности фальшивомонетчиков в XУ в. не подлежит сомнению, в чем убеждает и публикуемый клад. По крайней мере на двух его монетах имеются надчеканы в квадратном картуше с искаженными надписями: в одном случае все же можно догадаться, что имитируется надчекан Самарканда, в другом вместо легенды видим лишь бессистемно разбросанные черточки и закорючки. В надписи надчеканов вкладывался определенный смысл, указывается даже номинал:

Таблица I

Состав клада

№ пп	Монетный двор	Год хиджры	Число монет	В том числе	
				без надчеканов	с надчеканами
I	Бухара	832	475	302	I73
2	"	863	2	2	-
3	Андижан	832	2	I	I
4	Герат		I	I	-
5	Кашгар	858	I	I	-
6	Самарканд	832	I	I	-
7	Термез	832	8	4	4
8	Орду	86I	6	5	I
9	Стерто	832	4I	-	4I
I0	"		24	24	-
	Всего		86I	34I	220

Таблица 2

Место производства и количество надчеканов в кладе

Место производства	Год хиджры	Место наложения надчекана								№ типа
		Андижан	Бухара	Каршы	Самарканд	Хисар	Шахрухия	Термез	стерто	
Бухара	832	7	I3	9	72	I2	6	3	49	
Андижан	832	-	-	-	-	-	-	-	I	I
Термез	832	-	-	I	2	-	-	-	I	
Стерто	832	I	2	-	30	3	3	-	-	
Орду	86I	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Бухара	832	-	-	-	2	-	-	-	-	3
Стерто	832	-	-	-	2	-	-	-	-	

Таблица 3

Опись монет клада

№ пп	Монеты: место производства	Монеты: год хиджры	Надчеканы: место производства	Надчеканы: тип по табл.	Вес	Примечание
I	Бухара	832	-	-	4,6	Надпись на об.ст. искажена
2	"	"	-	-	6,6	Надпись искажена
3	"	"	-	-	4,I	Надпись небрежная
4	"	"	-	-	4,I	"
5	"	"	-	-	3,9	"
6	"	"	-	-	4,5	Надпись на об.ст. небрежная
7	"	"	-	-	4,4	"
8	"	"	-	-	6,4	"
9	"	"	-	-	3,7	"
IO	"	"	-	-	5,6	"
II	"	"	-	-	5,2	"
I2	"	"	-	-	4,9	"
I3	"	"	-	-	4,3	
I4	"	"	-	-	4	Надпись на об.ст.сильно искажена
I5	"	"	-	-	5	"
I6	"	"	-	-	4	Надпись на об.ст. небрежная
I7	"	"	-	-	4	"
I8	"	"	-	-	4,4	Надпись на об.ст.сильно искажена
I9	"	"	-	-	3,5	"
20	"	"	-	-	3,4	
2I	"	"	-	-	3,6	Надпись очень небрежная
22	"	"	-	-	5,3	"
23	"	"	-	-	3,6	"
24	"	"	-	-	6,2	"
25	"	"	-	-	3,6	"
26	"	"	-	-	3,7	"
27	"	"	-	-	3,7	"

28	Бухара	832	–	–	3,9	Надпись очень небреж-ная
29	"	"	–	–	4,3	"
30	"	"	–	–	4,5	"
31	"	"	–	–	4,4	"
32	"	"	–	–	6,05	Надпись на об.ст. искажена
33	"	"	–	–	4,8	"
34	"	"	–	–	4,1	"
35	"	"	–	–	5,6	"
36	"	"	–	–	4,2	"
37	"	"	–	–	3,3	"
38	"	"	–	–	3,7	"
39	"	"	–	–	4,7	"
40	"	"	–	–	4,6	"
41	"	"	–	–	4,2	"
42	"	"	–	–	6,4	"
43	"	"	–	–	5,6	"
44	"	"	–	–	4	Надпись небрежная
45	"	"	–	–	4,5	"
46	"	"	–	–	3,4	"
47	"	"	–	–	4,1	"
48	"	"	–	–	4,9	"
49	"	"	–	–	3,5	"
50	"	"	–	–	4	"
51	"	"	–	–	3,9	"
52	"	"	–	–	5,1	Надпись очень небреж-ная
53	"	"	–	–	4,1	"
54	"	"	–	–	3,5	"
55	"	"	–	–	3,9	"
56	"	"	–	–	5,4	"
57	"	"	–	–	4,4	"
58	"	"	–	–	3,8	"
59	"	"	–	–	4	"
60	"	"	–	–	4,4	"
61	"	"	–	–	3,8	"
62	"	"	–	–	4,3	"
63	"	"	–	–	3,7	"

Продолжение .табл.3

64	Бухара	832	-	-	4,9	Надпись очень небрежная
65	"	"	-	-	4,6	"
66	"	"	-	-	4,6	"
67	"	"	-	-	4,9	"
68	"	"	-	-	4,2	"
69	"	"	-	-	4,7	"
70	"	"	-	-	3,8	"
7I	"	"	-	-	4,I	"
72	"	"	-	-	4,3	"
73	"	"	-	-	4	"
74	"	"	-	-	3,7	"
75	"	"	-	-	3,9	"
76	"	"	-	-	4,3	"
77	"	"	-	-	5,3	"
78	"	"	-	-	4,2	"
79	"	"	-	-	4,5	"
80	"	"	-	-	4,7	"
8I	"	"	-	-	4,4	"
82	"	"	-	-	4	"
83	"	"	-	-	3,5	"
84	"	"	-	-	4,2	"
85	"	"	-	-	3,6	"
86	"	"	-	-	3,6	"
87	"	"	-	-	3,7	"
88	"	"	-	-	3,7	"
89	"	"	-	-	4,8	"
90	"	"	-	-	3,8	"
9I	"	"	-	-	4,8	"
92	"	"	-	-	3,4	"
93	"	"	-	-	4,5	"
94	"	"	-	-	5,8	"
95	"	"	-	-	3,6	"
96	"	"	-	-	3,I	"
97	"	"	-	-	5,4	"
98	"	"	-	-	4,4	"
99	"	"	-	-	4,9	"
I00	"	"	-	-	5,2	"

Продолжение табл.3

I0I	Бухара	832	-	-	3,9	Надпись на об.ст. сильно искажена
I02	"	"	-	-	4	Надпись очень небрежная
I03	"	"	-	-	4,2	"
I04	"	"	-	-	3,9	"
I05	"	"	-	-	4,55	"
I06	"	"	-	-	3,7	"
I07	"	"	-	-	5,4	"
I08	"	"	-	-	3,7	"
I09	"	"	-	-	3,7	Надпись на об.ст. сильно искажена
II0	"	"	-	-	3,7	"
III	"	"	-	-	4	"
II2	"	"	-	-	4	Надпись очень небрежная
II3	"	"	-	-	4,9	Надпись на л.и об.ст. очень сильно искажена
II4	"	"	-	-	5,2	Надпись очень небрежная
II5	"	"	-	-	3,5	Надпись на л.и об.ст. сильно искажена
II6	"	"	-	-		"
II7	"	"	-	-	4,3	Л.и об.ст.выполнены очень небрежно
II8	"	"	-	-	3,8	"
II9	"	"	-	-	4,I	"
I20	"	"	-	-	4,4	"
I2I	"	"	-	-	3,6	"
I22	"	"	-	-	4,05	"
I23	"	"	-	-	3,9	"
I24	"	"	-	-	4,5	"
I25	"	"	-	-	4,3	"
I26	"	"	-	-	3,7	"
I27	"	"	-	-	3,7	"
I28	"	"	-	-	4,6	"
I29	"	"	-	-	5,4	"
I30	"	"	-	-	3,9	"
I3I	"	"	-	-	3,I	"
I32	"	"	-	-	4,5	"
I33	"	"	-	-	7,3	"
I34	"	"	-	-	4,2.	"

Продолжение табл.3

I35	Бухара	832	–	–	3,4	Л. и об.ст.выполнены очень небрежно
I36	"	"	–	–	4,8	"
I37	"	"	–	–	5,I	"
I38	"	"	–	–	5	"
I39	"	"	–	–	3,9	"
I40	"	"	–	–	4	"
I4I	"	"	–	–	4,3	"
I42	"	"	–	–	4,3	"
I43	"	"	–	–	5,I	"
I44	"	"	–	–	5,8	"
I45	"	"	–	–	6,3	"
I46	"	"	–	–	4,6	Надпись очень небрежная
I47	"	"	–	–	5	"
I48	"	"	–	–	3,3	"
I49	"	"	–	–	3,7	"
I50	"	"	–	–	6,I	"
I5I	"	"	–	–	3,7	"
I52	"	"	–	–	4,3	Надпись на л. и об.ст. очень небрежная
I53	"	"	–	–	5,2	"
I54	"	"	–	–	3,8	"
I55	"	"	–	–	3,8	"
I56	"	"	–	–	5,8	"
I57	"	"	–	–	4,4	"
I58	"	"	–	–	5,7	"
I59	"	"	–	–	4,4	"
I60	"	"	–	–	3,9	"
I6I	"	"	–	–	6,2	"
I62	"	"	–	–	5,6	"
I63	"	"	–	–	4	"
I64	"	"	–	–	4,6	"
I65	"	"	–	–	5,I	"
I66	"	"	–	–	3,9	"
I67	"	"	–	–	4,3	"
I68	"	"	–	–	4,9	"

Продолжение табл.3

I69	Бухара	832	-	-	4,I	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
I70	"	"	-	-	6	"
I7I	"	"	-	-	4,4	"
I72	"	"	-	-	3,6	"
I73	"	"	-	-	5,3	"
I74	"	"	-	-	3,8	
I75	"	"	-	-	3,4	"
I76	"	"	-	-	5,I	"
I77	"	"	-	-	4,I	"
I78	"	"	-	-	7,6	"
I79	"	"	-	-	7,3	"
I80	"	"	-	-	4,2	"
I8I	"	"	-	-	5,2	"
I82	"	"	-	-	5,3	"
I83	"	"	-	-	4	"
I84	"	"	-	-	5,5	Надпись на об.ст.очень небрежная
I85	"	"	-	-	5,3	"
I86	"	"	-	-	4	
I87	"	"	-	-	5	
I88	"	"	-	-	6	
I89	"	"	-	-	4,3	
I90	"	"	-	-	5,2	
I9I	"	"	-	-	4,3	
I92	"	"	-	-	3,5	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
I93	"	"	-	-	5	
I94	"	"	-	-	6,7	
I95	"	"	-	-	6,4	
I96	"	"	-	-	3,8	
I97	"	"	-	-	4,2	
I98	"	"	-	-	5,3	
I99	"	"	-	-	4,9	
200	"	"	-	-	5,I	
20I	"	"	-	-	5,9	
202	"	"	-	-	4,2	
203	"	"	-	-	4,9	

Продолжение табл.3

204	Бухара	832	-	-	4,I	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
205	"	"	-	-	6,I	
206	"	"	-	-	4,7	
207	"	"	-	-	6	
208	"	"	-	-	5,7	
209	"	"	-	-	5,6	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
2I0	"	"	-	-	6,4	
2II	"	"	-	-	5,9	
2I2	"	"	-	-	4,6	
2I3	"	"	-	-	7,4	
2I4	"	"	-	-	4,5	
2I5	"	"	-	-	7,7	
2I6	"	"	-	-	7,2	Надпись на об.ст. очень небрежная
2I7	"	"	-	-	6,4	
2I8	"	"	-	-	5,2	Надпись на об.ст. очень небрежная
2I9	"	"	-	-	6,7	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
220	"	"	-	-	5,4	"
22I	"	"	-	-	2,9	"
222	"	"	-	-	6,6	"
223	"	"	-	-	4	"
224	" "	"	-	-	4,6	"
225	"	"	-	-	7,6	"
226	"	"	-	-	3,9	Надпись на об.ст.очень небрежная, середина пробита
227	"	"	-	-	6,3	
228	"	"	-	-	4,3	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
229	"	"	-	-	3,8	"
230	"	"	-	-	4,6	"
23I	"	"	-	-	6,4	"
232	"	"	-	-	6,3	"
233	"	"	-	-	4,6	"
234	"	"	-	-	5,6	"

Продолжение табл.3

235	Бухара	832	–	–	5,7	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
236	"	"	–	–	5,6	"
237	"	"	–	–	5,5	"
238	"	"	–	–	6,7	"
239	"	"	–	–	4	
240	"	"	–	–	4,3	
24I	"	"	–	–	4,3	
242	"	"	–	–	5,6	
243	"	"	–	–	4,5	С краю пробита
244	"	"	–	–	6,8.	
245	"	"	–	–	6,5	
246	"	"	–	–	4,7	
247	"	"	–	–	4,5	
248	"	"	–	–	6,4	
249	"	"	–	–	5	
250	"	"	–	–	4	
25I	"	"	–	–	3,8	
252	"	"	–	–	5,8	
253	"	"	–	–	5,3	
254	"	"	–	–	4,8	
255	"	"	–	–	7,4	
256	"	"	–	–	4,4	
257	"	"	–	–	6	
258	"	"	–	–	5,I	
259	"	"	–	–	5,6	
260	"	"	–	–	4,2	
26I	"	"	–	–	5,8	
262	"	"	–	–	4,4	Надпись на л. и об.ст. небрежная
263	"	"	–	–	3,8	"
264	"	"	–	–	4,6	"
265	"	"	–	–	5,4	
266	"	"	–	–	5,I	
267	"	"	–	–	6,2	
268	"	"	–	–	5,7	
269	"	"	–	–	4,9	
270	"	"	–	–	5,8	

Продолжение табл.3

271	Бухара	832	-	-	4,6	Надпись на л.и об.ст. небрежная
272	"	"	-	-	4,6	
273	"	"	-	-	5,9	
274	"	"	-	-	4	
275	"	"	-	-	4,3	
276	"	"	-	-	5,6	
277	"	"	-	-	4,3	
278	"	"	-	-	6,4	
279	"	"	-	-	6,9	
280	"	"	-	-	4,3	
281	"	"	-	-	3,6	
282	"	"	-	-	4,5	Надпись на л.ст. в картуше очень небрежная на об.ст.двойной удар
283	"	"	-	-	5,6	На л.и об.ст.двойной удар
284	"	"	-	-		
285	"	"	-	-	4,7	Надпись на л.и об.ст. очень небрежная
286	"	"	-	-	4,2	"
287	"	"	-	-	3,8	Надписи на л.и об.ст. „варварские“
288	"	"	-	-	3,3	"
289	"	"	-	-	4,1	
290	"	"	-	-	4,2	
291	"	"	-	-	4,5	
292	"	"	-	-	4,3	
293	"	"	-	-	4,1	
294	"	"	-	-	4,5	
295	"	"	-	-	3,5	
296	"	"	-	-	4,1	
297	"	"	-	-	4,1	
298	"	"	-	-	4,2	Надписи на л. и об.ст. „варварские“ и такой же „варварский“ и надчекан
299	"	"	Самарканд	I	4	"
300	"	"	"	-	4,2	Надпись в картуше л.ст. зеркально перевернута

Продолжение табл.3

301	Бухара	832	Самарканд	-	4,2	Надпись в картуше л.ст. зеркально перевернута
302	"	"	-	-	4,5	"
303	"	"	-	-	4	"
304	Андижан	832	-	I	7,5	
305	"	"	-	-	7,2	
306	Бухара	863	-	-	6,8	
307	"	"	-	-	5,5	
308	Герат	-	-	-	3,04	
309	Кашгер	852	-	I	6,I	
3I0	Самарканд	832	-	-	5,4	
3II	Термез	832	-	-	7,7	
3I2	"	"	-	-	5,5	
3I3	"	"	-	-	7,4	
3I4	"	"	-	-	7,4	
3I5	"	"	-	I	7,4	
3I6	"	"	Самарканд	I	7,3	
3I7	"	"	Карши	I	7,I	
3I8	"	"	Самарканд	I	4,3	Надписи на л. и об.ст. „варварские", такой же надчекан
3I9	Орду	86I	-	-	4,4	
320	"	"	-	-	4,55	
32I	"	"	-	-	4,5	
322	"	"	-	-	4,6	
323	"	"	-	-	4,6	
324	"	"	-	2	3,5	
325		"	Самарканд	3	4,3	На л.и об.ст.дата. В центре пробита.
326	Стерто	832	"	3	4,3	
327	Бухара	832	"	3	2,9	
328	"	"	"	3	2,8	
329	"	"	"	I	4,2	
330	"	"	"	I	6,4	
33I	"	"	"	I	4,8	
332	"	"	"	I	5,7	
333	"	"	"	I	6,6	
334	"	"	"	I	6,2	

Продолжение табл.3

335	Бухара	832	Самарканд	I	5,4	На л.и об.ст.дата. В центре пробита
336	"	"	"	-	5,3	
337	"	"	"	I	5,5	
338	"	"	"	I	4,7	
339	"	"	"	I	5,9	
340	"	"	"	I	6,I	
34I	"	"	"	I	4,4	
342	"	"	"	I	5,3	
343	"	"	"	I	6,2	
344	"	"	"	I	5,5	
345	"	"	"	I	4,6	
346	"	"	"	I	5	
347	"	"	"	I.	4,2	
348	"	"	"	I	5,5	
349	"	"	"	I	3,5	
350	"	"	"		5,5	
35I	"	"	"	"	6,9	
352	"	"	"	"	5,5	
353	"	"	"	"	6	
354	"	"	"	"	4,I	
355	"	"	"	"	6,8	
356	"	"	"	"	4,7	
357	"	"	"	"	5,5	
358	"	"	"	"	5,9	
359	"	"	"	"	6,I	
360	"	"	"	"	4,5	
36I	"	"	"	"	6,I	
362	"	"	"	"	6,4	
363	"	"	"	"	4,3	
364	"	"	"	"	3,8	
365	"	"	"	"	6,9	
366	"	"	"	"	4,4	
367	"	"	"	I	5,9	
368	"	"	"	"	5,5	
369	"	"	"	"	6,3	
370	"	"	"	"	5,3	
37I	"	"	"	"	5,6	

Продолжение табл.3

372	Бухара	832	Самарканд	I	5,9	На л. и об. ст. дата.
373	"	"	"	I	4,2	В центре пробита
374	"	"	"	"	5,4	
375	"	"	"	"	6,25	
376	"	"	"	"	4,I	
377	"	"	"	"	5,I	
378	"	"	"	"	3,6	
379	"	"	"	"	4,3	
380	"	"	"	"	6,9	
38I	"	"	"	"	5	
382	"	"	"	"	3,4	В середине пробита, но не насквозь
383	"	"	"	"	4,4	
384	"	"	"	"	4,4	
385	"	"	"	"	4,2	
386	"	"	"	"	4,4	
387	"	"	"	"	4,2	
388	"	"	"	"	4,5	
389	"	"	"	"	3,8	
390	"	"	"	"	3,6	
39I	"	"	"	"	4,I	
392	"	"	"	"	5,2	
393	"	"	"	"	6,2	
394	"	"	"	"	3,9	
395	"	"	"	"	3,6	
396	"	"	"	"	5	
397	"	"	"	"	5,3	
398	"	"	"	"	5,3	
399	"	"	"	"	4,2	
400	"	"	"	"	4	
40I	Стёрто	"	"	"	7,4	
402	"	"	"	"	6,9	
403	"	"	"	I	5,05	
404	"	"	"	"	5,7	
405	"	"	"	"	7,6	
406	"	"	"	"	4,I5	
407	"	"	"	"	5,6	

Продолжение табл.3

408	Стерто	832	Самарканд	I	6,2	
409	"	"	"	"	2	
4I0	"	"	"	"	2,I5	
4II	"	"	"	"	6,I	
4I2	"	"	"	"	5,25	
4I3	"	"	"	"	6,3	
4I4	"	"	"	"	6	
4I5	"	"	"	"	5,9	
4I6	"	"	"	"	4,2	
4I7	"	"	"	"	4,4	
4I8	"	"	"	"	5,2	
4I9	"	"	"	"	4,6	
420	"	"	"	"	4	
42I	"	"	"	"	3,7	Монета "варварская"
422	"	"	"	"	3,9	
423	"	"	"	"	7	
424	"	"	"	"	6,4	
425	"	"	"	"	4	
426	"	"	"	"	4,2	
427	"	"	"	"	3,9	
428	"	"	"	"	3,9	
429	"	"	"	"	4,I	
430	"	"	"	"	5,9	
43I	"	"	"	"	5,9	
432	Бухара	"	Бухара	"	5,3	
433	"	"	"	"	6,5	
434	"	"	"	"	7,7	
435	"	"	"	"	5,3	
436	"	"	"	"	4,6	
437	"	"	"	"	6,4	
438	"	"	"	"	4,7	
439	"	"	"	"	4,6	
440	"	"	"	"	3,6	
44I	"	"	"	"	6,3	
442	"	"	"	"	5,6	
443	"	"	"	"	4,I	
444	Стерто	"	"	"	6,4	

Продолжение табл.3

445	Стерто	832	Бухара	I	5	Монета "варварская"
446	Бухара	"	Хисар	I	7,2	
447	"	"	"	"	4,5	
448	"	"	"	"	4	
449	"	"	"	"	5,I	
450	"	"	"	"	6,9	
45I	"	"	"	"	4,05	
452	"	"	"	"	5,2	
453	"	"	"	"	4,5	
454	"	"	"	"	6	
455	"	"	"	"	4,6	
456	"	"	"	"	4,55	
457	"	"	"	"	5,5	
458	Стёрто	"	"	"	5,3	
459	"	"	"	"	6	Надчекан очень небреж-ный
460	"	"	"	"	5	
46I	Бухара	"	Шахрухия	I	3,7	
462	"	"	"	"	5,6	
463	"	"	"	"	4,8	
464	"	"	"	"	5,I	
465	"	"	"	"	4,5	Монета "варварская"
466	"	"	"	"	4,5	Надпись в картуше л. ст. зеркально перевер-нута
467	Стерто	"	"	"	4,5	
468	"	"	"	"	5,3	
469	"	"	"	"	4,9	
470	Бухара	"	Андижан	"	6,6	
47I	"	"	"	"	5	
472	"	"	"	"	5,6	
473	"	"	"	"	4,5	
474	"	"	"	"	5	
475	"	"	"	"	5,5	
476	"	"	"	"	6	
477	Стерто	"	"	"	4,8	
478	Бухара	"	Карши	"	6,I	
479	"	"	"	"	5,I	

Продолжение табл.3

480	Бухара	832	Карши	I	7	Надпись в картуше л.ст. зеркально перевернута
48I	"	"	"	"	6,I	
482	"	"	"	"	4,8	
483	"	"	"	"	6,6	
484	"	"	"	"	7,6	
485	"	"	"	"	4	
486	"	"	"	"	4,2	
487	"	"	Термез	"	4,5	
488	"	"	"	"	4,I	
489	Термез	"	"	"	7,5	
490	Бухара	"	Не читается	"	4,I	
49I	"	"	"	"	4,6	
492	"	"	"	"	4	
493	"	"	"	"	4,2	
494	"	"	"	"	5	
495	"	"	"	"	4,6	
496	"	"	"	"	3,9	
497	"	"	"	"	5,8	
498	"	"	"	"	4,3	
499	"	"	"	"	5,8	
500	"	"	"	"	5,8	
50I	"	"	"	"	5,9	
502	"	"	"	"	6	
503	"	"	"	"	3,6	
504	"	"	"	"	4,8	
505	"	"	"	"	4,5	
506	"	"	"	"	5,2	
507	"	"	"	"	5,5	
508	"	"	"	"	4	
509	"	"	"	"	5,6	
5I0	"	"	"	"	4,7	
5II	"	"	"	"	5,3	
5I2	"	"	"	"	6,4	
5I3	"	"	"	"	4,2	
5I4	"	"	"	"	4,8	
5I5	"	"	Бухара	"	4	

Продолжение табл.3

516	Бухара	832	Карши	I	5,I
517	"	"	Не читается	"	5,8
518	"	"	"	"	7,5
519	"	"	"	"	4
520	"	"	"	"	5,3
521	"	"	"	"	5
522	Стерто	"	"	"	4
523	Бухарá	"	"	"	5,5
524	"	"	"	"	5,4
525	"	"	"	"	4,9
526	"	"	"	"	4
527	"	"	"	"	4,7
528	"	"	"	"	6,6
529	"	"	"	"	4,7
530	"	"	"	"	4,4
53I	"	"	"	"	5,9
532	"	"	"	"	3,6
533	"	"	"	"	3,6
534	"	"	"	"	5,5
535	"	"	"	"	6,2
536	"	"	"	"	4,9
537	"	"	"	"	4,4
538	"	"	"	"	5,I
539	Стерто	"	"	"	4,3
540	"	"	"	"	3,2
54I	"	-	-	"	4,2
542	"	-	-	"	4,I
543	"	-	-	"	3,7
544	"	-	-	"	7,I
545	"	-	-	"	3,9
546	"	-	-	"	4,I
547	"	-	Не читается	"	5,I
548	"	-	"	"	4,2
549	"	-	"	"	5,3
550	"	-	"	"	3,5
55I	"	"	-	"	4,8
552	"	"	-	"	3,5
553	"	"	-	"	4,3

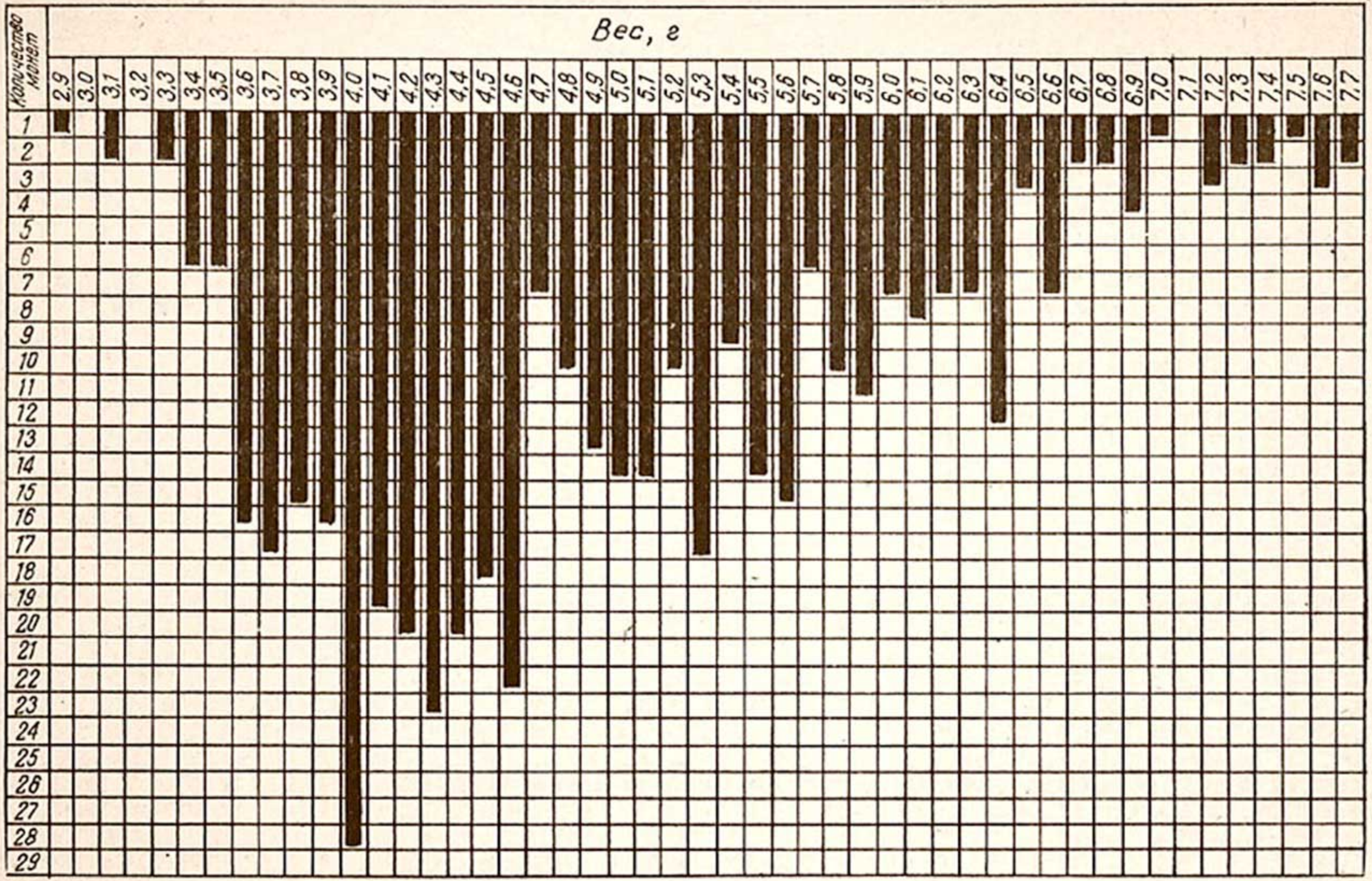


Рис.1. Вес монет Бухары 832 г.х. с надчаканами и без надчеканов.

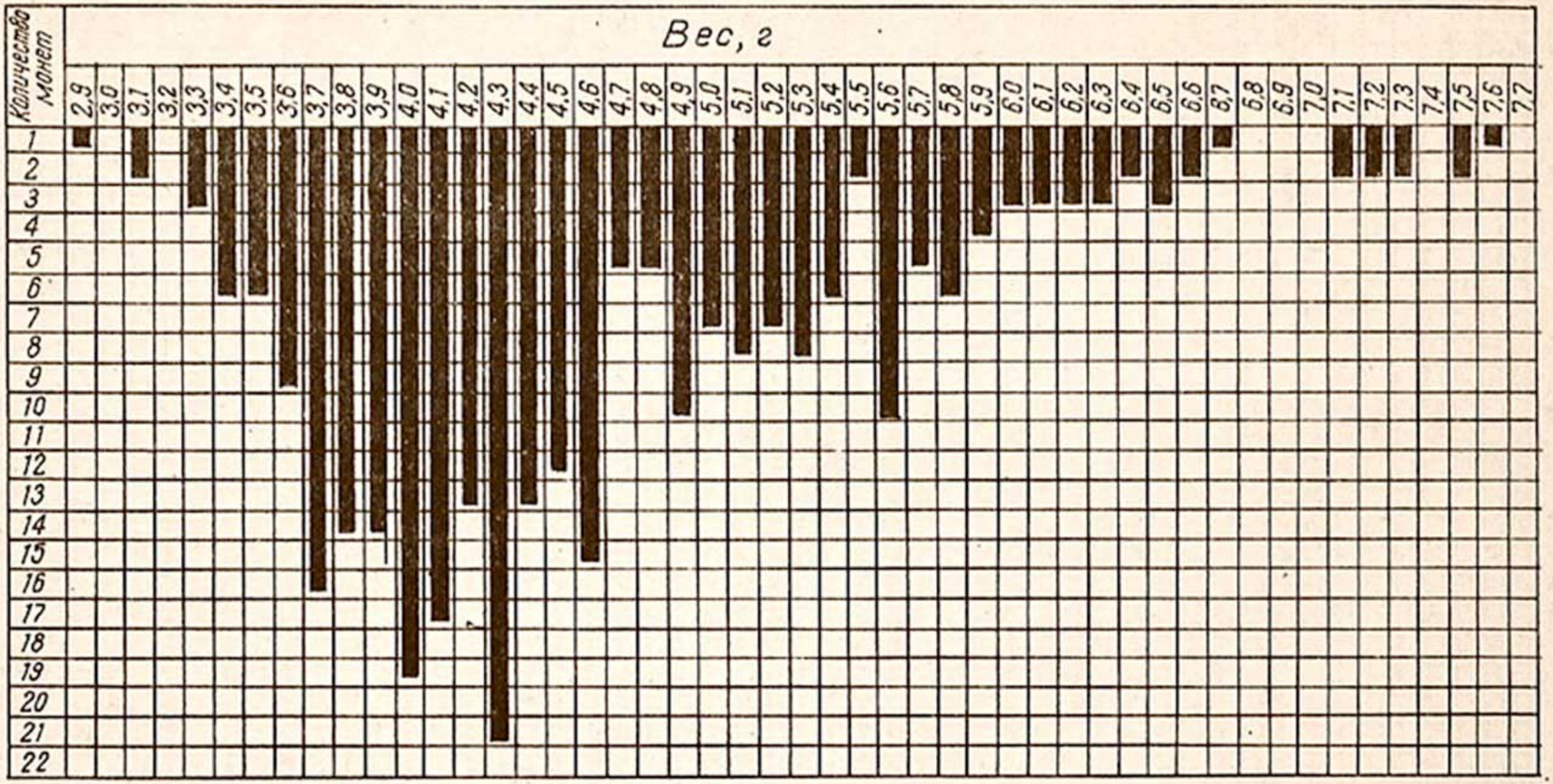


Рис.2. Вес монет Бухары 832 г.х. без надчекана.

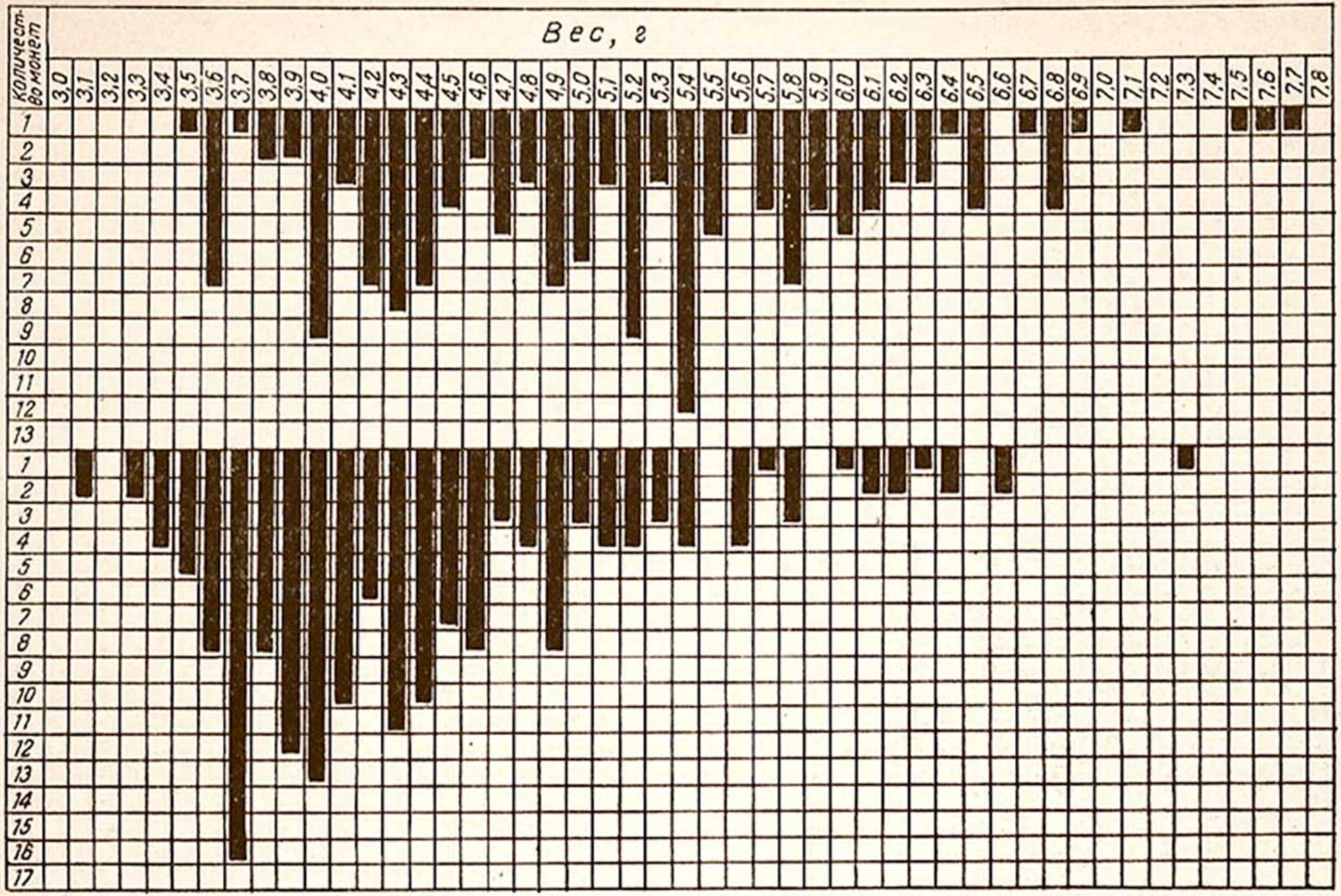


Рис.3. Вверху: вес монет Бухары 832 г.х. со всеми надчеканами; внизу: то же с небрежными надписями.

Продолжение табл.3

554	Стерто	832	Не читается	I	7,I
555	"	"	-	"	6,4
556	"	"	-	"	3,4
557	"	"	-	"	3,7
558	"	"	Не читается	"	3,7
559	Не читается		"	"	3,5
560	"	"	"	"	5,2
56I	"	"	"	"	4,2

В надчеканах типа I - "данги", типа 3 - "нимданги". Когда же надпись контрмарки превращается в абракадабру, то мы вправе заподозрить здесь руку неумелого фальшивомонетчика.

Рассмотрение весовой стороны нашего клада как будто не дает чего-то принципиально нового. Изучению подвергнута наиболее массовая группа монет - бухарская серия с датой 832 г.х. На графике веса монет с надчеканами нет хорошо выраженных вершин треугольников, для монет же без надчеканов уверенно можно говорить лишь об одной вершине - 4,3 г, что в общем подтверждает наблюдения Е.А.Давидович, которая, впрочем, выделяет и другие, более высоковесные стандарты[16]. График веса всех бухарских монет с датой 832 г.х. /с надчеканами и без/ дает несколько иную картину: вершина треугольника приходится на 4,0 г. Для монет с искаженными надписями /с надчеканами и без/ вершина опускается еще ниже - 3,7 г , но есть и менее выраженные вершины /4,0; 4,Щ г /. Поскольку по другим кладам эта группа в весовом отношении еще почти не изучена, трудно сказать, насколько объективны эти цифры для группы в целом. Все же напомним, что деградация веса, идущая параллельно деградации типа, вообще характерна для так называемых "варварских подражаний".

Заключая наши частные замечания /быть может, в чем-то спорные/ по поводу издаваемого клада, отсылаем читателя к прилагаемым таблицам и описи, содержащим объективную информацию, к которой можно будет обращаться и при дальнейших исследованиях денежного обращения Средней Азии XУ в.

---

[16] Давидович Е. А. Материалы..., с.240-241.

Г.И.Богомолов

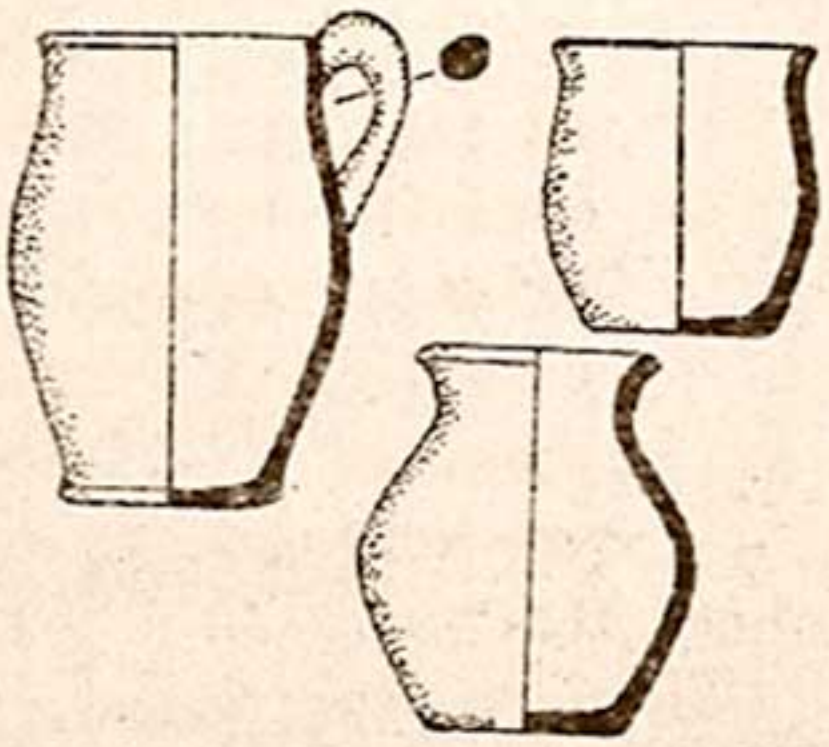
К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ИЗ ДОМУСУЛЬМАНСКИХ ОБРЯДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Накопленные в результате археологических работ материалы и факты требуют постоянного их осмысления, правильной историчес-кой интерпретации. Для этого наиболее часто привлекают данные этнографии. Но подходить к использованию готовой этнографической модели следует крайне осторожно, особенно при попытках, например, реконструкции древних верований и магических обрядов.

В частности, это касается обряда с горшками, закопанными горлом вниз. Факты установки сосудов вверх дном известны во многих районах мира, хотя ясно, что относительно однозначное объяснение причин установки горшков вверх дном дать невозможно.

Этот обряд в древности был широко распространен на территории СССР, в том числе в Средней Азии.

В 1980 г. во время работ на территории городища Ишкурган, в райцентре Паркент, под платформой УІ-УП вв. в останце естественного холма была обнаружена грунтовая яма овальной формы диаметром 40 см и глубиной чуть более 30 см. В яме располагались три сосуда, которые стояли вверх дном. Все сосуды лепные и содержали остатки какой-то пищи.



Сосуды с городища Ишкурган, которые стояли в яме вверх дном и содержали остатки какой-то пищи.

Один из кувшинов с широким горлом и округлой ручкой, слегка возвышающейся над устьем, высота 18 см, диаметр горловины 11 см. Черепок в изломе желтоватого цвета. Сосуд не ангобирован, с

внешней стороны следы затирки; сильно закопчен, возможно, первоначально использовался для подогрева воды.

Два других горшочка красновато-коричневого цвета с примесью гравия также со следами затирки и сильной закопченостью. Все эти сосуды можно отнести к первым векам до н.э. Они находят аналогии среди позднесарматского керамического материала и, вероятно, генетически связаны с раннекаунчинской керамикой, которую, по мнению М.И.Филанович, также можно отнести ко II–I вв. до н.э.

Обряд, в котором использовались эти кухонные горшки, явно архаичен. Поэтому в поисках аналогий мы обратились к находкам предшествующих периодов.

Наблюдения над археологическим материалом позволяют отметить, что обычай устанавливать сосуды вверх дном существовал в большом хронологическом диапазоне (от II тыс. до н.э. и по сер.I тыс. н.э.), но в то же время все эти сосуды можно разделить на 2 группы, первую составляют сосуды, употреблявшиеся в качестве погребальной урны (обычно только крупные). М.А.Итина связывает его с обрядом близнячества, опираясь на африканские этнографические параллели[I].

Вторая группа – горшки, которые употреблялись в качестве жертвенника. В этом обряде могли использоваться и крупные и мелкие кухонные горшки, но преимущественно последние.

Безусловно, обе группы сосудов не взаимосвязаны и должны рассматриваться как атрибуты различных обрядов, в связи с чем на сосудах с захоронениями останавливаться не будем, так как это тема отдельного исследования. Находки второй группы сосудов были сделаны в Хорезме в зоне северной и южной Акчадарьинской и Присарыкамышской дельт (исследователи относят их ко второй половине II тыс. – первой половине I тыс. до н.э.). Так, на стоянке Камышлы I найден крупный сосуд (начала II тыс. до н.э.),

---

I По мнению М.А.Итиной, горшок ставили горлом вниз, чтобы задержать душу умершего, оградить от живущих, не дать ей проникнуть в их среду. См.: И т и н а М.А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий. Этнография и археология Средней Азии. – М., 1980, с.17.

закопанный на берегу русла горлом вниз[2], еще один – на стоянке Ангка 2 (последняя четверть II тыс. до н.э.)[3]. Небольшие горшки высотой I5–I8 см были закопаны аналогичным образом на поселениях амирабадской культуры Кават 2 и Уйкала[4].

Этим перечень находок не заканчивается, подобный случай зафиксирован на городище Калалы-Гыр 2 (Присарыкамышская дельта), IX в. до н.э.[5] Известны и отдельные находки отрядами Хорезмской экспедиции горшков, установленных вверх дном[6], на берегу рек. Отсутствие подобных находок в других районах Средней Азии, по-видимому, можно объяснить лучшей сохранностью памятников Хорезма и пока большей изученностью региона.

Попытаемся выделить то общее, что объединяет все находки. Это прежде всего их несомненная связь с водной стихией, так как почти все они найдены либо отдельно, либо на поселениях, но на берегу реки или сая. Второе – сам, инвентарь, использовавшийся в ритуальном действии, имел прежде всего кухонно-бытовое назначение. Не является ли это прямым указанием на наличие связи между горшком и очагом, между обрядом и культом предков? Более того, вполне возможна еще одна линия: очаг и горшок как предметы, связанные с женским трудом, не отражали ли почитание женского божества – хозяйки домашнего очага, а в конечном счете женского божества – плодородия?

К сожалению, к настоящему времени пережитки домусульманских верований, связанных с идеей плодородия, дают пеструю картину, по которой можно судить об элементах представлений и обрядов, находящих выражение и в производственно-хозяйственной деятельности, и в области интимных отношений семьи.

---

[2] Кн.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. – М., I960, с.84, рис.4I.

[3] И т и н а М.А. Новые стоянки Тазабагъябской культуры (работы I956 г.). МХЭ, I959, вып.I, с. 6I, рис. 7.

[4] Я г о д и н В.Н. Поселение амирабадской культуры Кават 2. МХЭ, I963, вып. 6, с. I38.

[5] Я г о д и н В.Н. Там же, с. I38.

[6] И т и н а М.А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий, с.I6.

Попробуем снять первый пласт в феномене с горшками, который представляет собой, на наш взгляд, приношение духам - предкам, игравших важную роль в религиозном прошлом народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Сибири и базировавшихся на вере в то, что духи умерших предков могут во всем покровительствовать живым сородичам, но требуют почитаний и жертвоприношений.

Фраваши Авесты, арвахи современных народов Средней Азии, священны и способны на действия как живой человек. Так, Чокан Валиханов отмечал, что казахи обращаются к ним в трудную минуту и всякую удачу приписывают покровительству арвахов[7].

Этнографы - религиоведы, наблюдая культ предков или его следы (пережитки) среди многих народов мира, считают его стадиальным явлением, древнейшей формой представления о созидающей божественной силе[8].

В свою очередь,он тесно переплетается с культом почитания огня. Например, многие народы Средней Азии еще сохранили представление, что именно домашний очаг - место обитания духов - предков. Лишиться их покровительства означало разрушить семью. В связи с этим запрещалось чем-нибудь гасить огонь в очаге: он должен был угаснуть сам.

Согласно традиционным представлениям, которые сохранялись до недавнего времени, духи умерших родных посещают свой дом (или дом своих близких) в течение 30 лет после смерти. Так, в Хиве считалось, что посещение духов умерших происходит накануне больших мусульманских праздников[9]. Духов надо подкормить. Проводилась генеральная уборка, открывались ворота и двери, дабы духи могли беспрепятственно пройти в дом, жарили в масле богурсак, который считается основной пищей духов (вернее исходящий от него запах жареного). В данном случае это отражение более позд-

---

[7] Валиханов Ч.Ч. Статьи, переписка. - Алма-Ата, 1947, с.18.

[8] Шулембаев К.Ш. Маги, боги и действительность. - Алма-Ата, 1975, с.38.

[9] Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969, с.117, 185-186. Об этом же говорит Муродов О. в одном из разделов своей книги: Древние образцы мифологии у таджиков долины Зеравшана. - Душанбе, 1979.

го понятия. Само же понятие "кормления" относится к более раннему времени, когда часть пищи оставляли на могиле, чтобы ее склевали птицы, которые олицетворяли души умерших.

В этой связи хотелось бы отметить зафиксированный среди киргизов орнаментальный мотив под названием "Умай", имеющей вид птицы или ее крыльев и воспринимавшейся как ее изображение.

В то же время ряд исследователей видят в образе Умай - женское божество, покровительницу очага, хранительницу потомства, покровительницу детей[10], т.е. налицо культ обожествленного женского предка (Богини-прародительницы, которую символизировали птицы).

Возможно, что рассматриваемый нами обряд - это отголосок обычая кормления. А так как духи предков обитают в очаге, то символом его (или символом, направленным к ним) являются горшки, в которых готовили пищу на этом очаге, т.е. они говорили, откуда и кому сделано приношение. Хотелось бы отметить еще одну деталь - ведь мир духов ирреален. Значит, и достигнуть его можно ирреальным путем (способом).

Для этого горшки укладывались в ямку вверх дном. Там, где перевернутый - это потусторонний, спрятанный в земле мир предков. Можно было бы сослаться на интересное наблюдение Б.А.Рыбакова, который указывал на распространение среди фатьяновцев изображения "подземного солнца" на днищах ритуальных и погребальных сосудов, предназначенных сопровождать умершего в подземный мир мертвых[11], т.е. если перевернуть этот горшок вверх дном, солнце будет наверху (в зените подземного мира), а сосуд и его содержимое окажутся в подземном мире предков.

Кроме того, известно другое суждение: перевернутая или разбитая чаша - это символ смерти (перехода сородича в другой мир).

Но ответив на вопрос, кому делали приношение, мы не ответили на другой, почему, с какой целью оно делалось.

---

[10] Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья. Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. - Томск, 1981, с.234.

[11] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 1981, с. 234.

Интересную параллель можно провести с наблюдениями Абу Райхана Беруни празднования персами дней Фервердаджана. В конце месяца Абан-Мах (февраль) и в течение пяти дней, следовавших за ним и дополнявших год (андаргах), когда "души умерших посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах", люди "ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки - на крыши домов"[12]. Конец Фервердаджана знаменовал приход весны, и тогда "время было подобно мертвецу воскресающему, а люди поклонялись солнцу и веселились"[13].

Схожие представления сохранились у современных зороастрийцев Йезда и Кермана. Последние за несколько дней до начала шестого гаханбара наполняли керамические сосуды пшеницей, чечевицей, ячменем и ставили их в теплое место. (Позже туда наливалась вода, смешанная с золой). Потом проросшие семена с сосудами переносились в нишу в доме, где происходило богослужение в честь умерших предков. Вечером в последний день праздника каждый зороастриец зажигал огонь в честь фравашей. Тут же выставлялись керамические сосуды с водой, цветами, веточками тамариска и других растений, ставилась лорка - особая ритуальная пища и питье. Все это означало поминание душ умерших предков[14].

Известные хроники "Бейши" и "Суйшу" дают описание обряда, практиковавшегося в государстве Ши (Ташкентский оазис) в IУ-УП вв. Это был обряд поклонения останкам умерших, церемония которого проходила весной и осенью (здесь явно прослеживается связь с земледельческим культом)[15].

---

[12] Абу Рейхан Беруни. Памятники минувших поколений. (Аль-Асар аль Бакия). Избранные произведения, т. I,-Ташкент, 1957, с. 236.

[13] Там же.

[14] См.: Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. - М., 1982, с. 70-71. Лорка - ритуальная еда, состоящая из семи сортов орехов и фруктов, в том числе миндаля, инжира, винограда и гранатов.

[15] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. П. - М.-Л., 1960, с.282.

Сравним эти наблюдения с культом фравашей Авесты: "...у каждого человека есть свои фраваши. Они появляются большими армиями в ночь перед Новым годом вблизи своего дома". "Кто воссланит нас?", "Кто совершит нам жертву?" "И того, кто приносит им жертву с едой и одеждами в руках и молитвой ... того фраваши ... благословляют: да будет в этом доме обилие скота и множество людей"[16]. Эти жертвоприношения должны были умилостивить хтонические силы, дабы обеспечить плодородие. Связанн они и с теми представлениями, что умершие в эти дни нуждаются в поддержке живых, но они в свою очередь могли им гарантировать помощь хтонических божеств[17].

Последнее указывает на то, что культ фравашей мог быть связан с почитанием умирающего и воскресающего божества растительности.

С.П.Толстов предполагал, что таким культом мог быть культ Сиявуша, где каким-то сложным образом переплетается традиция осмысления умерших в виде местных хтонических божеств: с одной стороны это фраваши, с другой - они слизались с образом Сиявуша[18]. Подтверждает эту мысль одно любопытное этнографическое наблюдение. Так, каракалпаки считают, что кости людей, как и зерна, в нужное время вырастают из земли, как побеги молодой травы[19], т.е. люди, умирая, сливаются с природой, но в будущем они должны обязательно воскреснуть, как и божество природы. Приобщаясь таким образом к божеству, они могли повлиять на прирост скота, дать обильный урожай. Но, чтобы заручиться их поддержкой, их надо было умилостивить. Для этого и делалось это жертвоприношение. Древние жители обращались за помощью к хтоническим божествам через посредство предков (фравашей), чтобы первые способствовали обильному урожаю. А так как залогом урожая была вода, то хтоническое божество должно одновременно олицетворять и бо-

---

16 SBE. Т. XXIII, p. 192, 198.

17 Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. ТХАЭЭ, т.УI. - М., 1971, с.115.

18 Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948, с. 202-205.

19 Ягодин В.Н., Ходжаев Т.К. Некрополь древнего Миздакхана. - Ташкент, 1970, с. 142.

жество плодородия, и божество воды. Таким божеством была, например, богиня зороастрийского пантеона - Анахита, которая часто изображалась с цветком или гранатом, чье обилие зерен считалось священным символом плодовитости. В то же время именно Анахита изображалась в носовой части баркасов, которые плавали в Хорезм по Амударье, как божество водной стихии.

Кроме того, как богиня плодородия она, видимо, была связана с загробным миром. Любопытная параллель обнаруживается в греческой мифологии, где Персефона была одновременно и царицей загробного царства и богиней плодородия; славянская Макошь была одновременно богиней плодородия, воды, покровительницей женских работ и девичьей судьбы[20].

Возможно, именно эта связь лежит в основе женских фигур, помещаемых на оссуариях, которые могли представлять собой Анахиту, тем более что под фигурами иногда изображался плод граната, символ плодородия Анахиты, и,кроме того, видимо, символ будущего возрождения. Возможно, находки этих горшков на берегу водоемов не случайность, напротив, они указывают на их принадлежность к женскому культу богини плодородия и водной стихии.

В аграрных культах, получивших широкое распространение у многих народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии, и в обрядах,связанных с ними, отчетливо сохранились следы почитания матери-земли (Великой богини). Совершались они всеми жителями деревни в определенных местах: в лесу, роще, овраге.

На наш взгляд, это важное звено в генетической линии развития образа Великой Богини (Богини-матери), умирающей и воскресающей природы. Ведь образ Анахиты (или другой Великой богини) древнего Востока ассоциируется с водной стихией. Именно вода играла важнейшую роль в хозяйстве народов Средней Азии; от того, хватит ее или нет, зависело увядание или возрождение растительности. Примером тесной связи умирающих и воскресающих божеств с водной стихией являются многочисленные верования и мифы народов Востока[21], в частности культ самаркандского Шахи-Зинда ("Ши-

---

[20] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян, с.300-302.
[21] Фрезер Д. Золотая ветвь, вып. Ш. - М., 1928, с.40,78.

вой царь"), который, согласно легендам, уходит в воду колодца, в связи с чем находившийся вблизи арык Оби-Мангад становится объектом почитания[22].

Этнографы давно обратили внимание на тот факт, что у некоторых народов мира, которые не достигли развитой стадии олицетворения божеств (когда еще не разработан пантеон божеств), функции покровителей плодородия и успеха во всех делах выполняли духи предков[23].

Это наталкивает на мысль, что в нашем случае мы тоже сталкиваемся с элементами культа плодородия через посредство предков, когда духи-предки должны были испросить удачу в делах и обильный урожай у хтонических божеств (или же сами осмысливались как хтонические божества). Для того чтобы умилостивить их, была приготовлена какая-то ритуальная пища. Вполне вероятно, что это было кушанье типа "сумаляк", кашица из семи разных сортов зерна, варка которого - пережиток обряда почитания умирающего и воскресающего божества растительности (плодородия) у современных народов Средней Азии. Обычай варки сумаляка тесно связан с Навруэом и являлся чисто женским обрядом, призванным ирреальным путем увеличить урожай. Основная цель обряда - достижение плодородия и благополучия. Участники обряда приобщались к сакральной плодотворной силе, заложенной в сумаляке, путем его поедания.

В заключение подведем некоторые итоги.

I. Обряд с кухонными крупными и мелкими бытовыми горшками, поставленными горлом вниз, связан, на наш взгляд, с культом почитания хтонических божеств. Содержимое их - это жертвоприношение, просьба обильного урожая и удачи в делах. Но так как вполне вероятно, что на ранних стадиях божество плодородия еще не персонафицировалось, то его олицетворяли духи-покровители, духи-предков. Символом духов-предков выступает домашний очаг и кухонная утварь, что, видимо, свидетельствует о выделении первоначально женских духов-предков, замененных позже общей (более абстрактной) богиней домашнего очага, плодородия, богатства, благодати - Матерью-прародительницей.

---

[22] С н е с а р е в Г.П. Реликты домусульманских верований, с.185-186.

[23] Ш а р а в с к а я В.Н. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. - М., 1964, с. 84-85.

В дальнейшем этот обряд становится объектом чисто женского культа и находит некоторые параллели среди ритуальных обрядов плодородия, справлявшихся среди женского населения Средней Азии.

2. Ритуальное кушанье (сумаляк или какое-нибудь другое) должно было умилостивить арвахов (духи предков). Но мир, в котором они проживают, ирреален, а значит, и жертвоприношение должно было попасть туда ирреальным путем. Именно для этого горшки переворачивали.

3. Вполне вероятно, что находки II–I тыс. до н.э. в Хорезме свидетельствуют о развитии и бытовании этого обряда, который, видимо, слагался в зоне контакта оседло-земледельческих и кочевых культур. А фиксация аналогичных находок в Паркенте и датировка их первыми веками до нашей эры говорит о том, что перед нами не сам обряд в чистом виде, а его последние отголоски, которые к нашему времени стерлись или ассимилировались другими схожими ритуальными действиями.

Содержание

М. Р. Касымов, М. Х. Годин. Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980-1982 гг.) 3
У. И. Исламов, Т. Оманжулов. Пещерная стоянка Сель-Унгур (древнепалеолитический памятник в Ферганской долине) 18
М. Хужаназаров. Новые наскальные рисунки Бургансая 28
М. Д. Джуракулов, Н. А. Аванесова. Новые исследования по Сазаганскому поселению. 32
М. Мейтарчиян. Амулет эпохи бронзы с поселения Джаркутан 41
Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Матбабаев. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950-1982 гг.) 46
С. К. Кабанов. Терракоты из раскопа на Афрасиабе. . . 72
Э. В. Ртвеладзе. Астилогана - Астогана. 81
А. А. Грицина. К семантике знаков на керамике Каунчинской культуры. 84
А. Р. Мухамеджанов, Д. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов. Новые данные к истории городища Пайкенд(по материалам раскопок 1981 г.) 95
А. Р. Батиров, Т. Ширинов. Костяные изделия из археологических памятников Узбекистана. 108
Р. Х. Сулейманов. Результаты предварительного изучения городища Ромитан 118
А. Р. Мухамеджанов, Г. Л. Семенов. Исследование городских стен Пайкенда(результаты работ 1981 г. на шахристане II) 130
Ю. Ф. Буряков, О. М. Ростовцев. Археологические исследования Рабинджана 153
Т. Дж. Аннаев. Раскопки на Талитагора и некоторые вопросы водоснабжения Древнего Термеза и его округи. . . 169
М. Х. Исамиддинов, Т. Кучкаров, М. Х. Хасанов. Археологическое исследование зоны затопления Чартакского водохранилища 179

Б.Д. К о ч н е в. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 6 (раннее средневековье, Саманиды, Караханиды) 185
А.А. А н а р б а е в. О времени возведения III крепостной стены Афрасиаба. 206
З.И. У с м а н о в а. Расписная керамика из Ахсикета .. 214
Д.К.М и р з а а х м е д о в. К изучению исторической топографии Бухары района мавзолея Саманидов 221
Б.Д. К о ч н е в, Л.Ю. Ш п е н е в а. Новый клад медных монет XУ в. 238
Г.И. Б о г о м о л о в. К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии. 266

История материальной культуры
Узбекистана
Вып. I9

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор А.Астахов
ИБ № 2746

Подписано в печать 31.07.84 г. Р - 03488
Формат бумаги 60х90. Бум. для множ.аппаратов
Печать плоская. Усл.п.л. 17,75. Уч.-изд.л. 15,3
Тираж 618 экз. Цена 2 р. 40 к. Заказ 1266

Издательство "Фан" УзССР, 700047, Ташкент, ул.Гоголя, 70
Картфабрика Узгипрозема, Ташкент, ул.Мукими, 176.

Цена 2р. 40к.